

Рейнгардт Клаус

Поворот под Москвой

Рейнгардт Клаус

Поворот под Москвой.

Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 года.

Перевод с нем. Г.М. Иваницкого

{1}Так обозначены ссылки на примечания. Примечания после текста.

Аннотация издательства: Книга западногерманского историка посвящена анализу Московской битвы 1941-1942 годов. Она написана на основе обширного документального материала из военного архива ФРГ. В книге показан провал гитлеровских планов "молниеносной войны" против СССР, крах гитлеровской стратегии в битве, развеявшей миф о непобедимости немецко-фашистского вермахта, оказавшей громадное воздействие на ход всей второй мировой войны.

С о д е р ж а н и е

Предисловие

Введение

Часть первая. Военная, экономическая и политическая обстановка летом 1941 года

1. Цели Гитлера и мероприятия по проведению русской кампании
2. Ход восточной кампании до середины июля 1941 года
3. Мероприятия Гитлера по реализации плана на период после "Барбароссы"
4. Мероприятия Советского Союза в связи с нападением Германии
5. Первые трудности в осуществлении планов Гитлера

Часть вторая. Сентябрь - октябрь 1941 года

Раздел I. Операция "Тайфун"

1. Подготовка немецких войск
2. Положение русских войск западнее Москвы
3. Ход операции
4. Ошибочная оценка Гитлером возможностей России

Раздел II. Сентябрь - октябрь 1941 года

1. Нехватка рабочей силы и сырья для германской военной промышленности
2. Провал расширенной программы строительства ВВС
3. Провал программы строительства сухопутных войск
4. Нехватка горючего

Часть третья. Ноябрь 1941 года

Раздел I. Планы операций до середины ноября 1941 года

1. Обстановка на Восточном фронте
2. Соображения о возобновлении наступления
3. Разногласия между ОКХ и командованием групп армий
4. Совещание в Орше 13 ноября 1941 года

Раздел II Возобновление немецкого наступления во второй половине ноября

1. Подготовка немецких войск
2. Подготовка русских войск
3. Начало и провал наступления

Раздел III. Военная, экономическая и политическая обстановка в ноябре -декабре 1941 года

1. Обстановка на Восточном фронте
2. Выводы Гитлера в связи с провалом операции "Барбаросса"
3. Вступление США в войну
4. Растущие трудности в военной промышленности

Часть четвертая. Декабрь 1941 -январь 1942 года

Раздел I. Контрнаступление русских войск. Декабрь 1941 -январь 1942 года

1. Подготовка русских войск
2. Промахи немецкой разведки
3. Ход боевых действий
4. "Генеральное наступление Красной Армии" в январе 1942 года

Раздел II. Последствия военного и психологического характера

1. Состояние Восточной армии в конце января 1942 года
2. Выводы Гитлера

Раздел III. Перестройка германской военной промышленности весной 1942 года

1. Положение с вооружением в декабре 1941 года
2. Приказ Гитлера о производстве вооружения в 1942 году
3. Назначение Шпеера имперским министром вооружений
4. Состояние военной промышленности в России

Заключение

Приложения

Примечания

Предисловие

Предлагаемая читателю книга западногерманского историка, сотрудника военно-исторического исследовательского управления бундесвера Клауса Рейнгардта "Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 года" представляет интерес по ряду причин. Во-первых, она посвящена анализу Московской битвы в 1941-1942 годах, оказавшей громадное воздействие на ход всей второй мировой войны. В этой битве Советская Армия развеяла миф о непобедимости немецко-фашистского вермахта, сорвала гитлеровскую стратегию "молниеносной войны". Битва показала, что гитлеровским полчищам не по силам сокрушить Советский Союз, что Советские Вооруженные Силы являются непреодолимой преградой на пути германского империализма к мировому господству. "Если бы Советский Союз не смог удержать свой фронт, подчеркивал бывший государственный секретарь США Э. Стеттиниус,- у немцев создалась бы возможность захвата Великобритании. Они могли бы также захватить Африку, и в этом случае им удалось бы создать свой плацдарм в Латинской Америке" {1}.

Во-вторых, книга содержит богатый и частично малоизвестный документальный материал, почерпнутый автором прежде всего из фондов военного архива ФРГ, хранящихся там документов группы армий "Центр", армий, корпусов и дивизий, которые участвовали в наступлении на Москву. Вместе с тем следует сразу отметить, что не все данные, приведенные в книге, достоверны, объективно отражают действительность. На них лежит печать агрессивного, отравленного ядом фашистской идеологии мышления гитлеровского генералитета.

В-третьих, важной особенностью книги является то, что в ней предпринята попытка с более рациональных позиций и более обстоятельно, чем это делали ранее другие западногерманские авторы, рассмотреть причины краха под Москвой фашистских планов "молниеносной войны" против СССР. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что автор широко использует советские документальные публикации, книги, мемуары советских военачальников. Однако общее содержание и характер изложения материала не оставляют сомнения в том, что автор стремится использовать исторический опыт для обучения офицерского состава бундесвера.

Книга начинается с признания того, что ко времени подписания Гитлером директивы ОКВ № 35 от 6 сентября 1941 года на наступление группы армий "Центр" на Москву Советская Армия уже сорвала расчеты немецко-фашистского командования разгромить СССР в ходе трех-четырёхмесячной кампании и тем самым поставила под угрозу провала всю программу последующих завоеваний гитлеровского рейха. К. Рейнгардт усматривает причину такого положения в недостатках подготовки агрессии против СССР. Его мысль в конечном счете сводится к тому, что эта подготовка, мол, велась Германией недостаточно серьезно и осмотрительно. Автор стремится убедить читателя, что Гитлер якобы вопреки мнению военного руководства вермахта решил добиваться внешнеполитических целей путем ведения "молниеносных войн", разгрома и покорения намеченных им государств поодиночке, прежде чем они успеют развернуть весь свой экономический потенциал. Поэтому он будто бы сознательно отклонил требования генерального штаба осуществить более "глубокую" военно-экономическую подготовку к войне, отказался "создать развитую военную промышленность и направить все силы народа на военные цели". Так, уже с первых страниц книги обнаруживается приверженность автора к избитой версии западногерманской историографии, служащей тому, чтобы обелить немецко-фашистский генералитет, представить его не активным проводником авантюристической политики и стратегии германского империализма, а лишь жертвой тирании Гитлера. Однако хорошо известно, что стратегия блицкрига явилась творением таких немецких военных теоретиков и практиков, как Эрфурт, Гудериан, Риттер фон Лееб, немецкого генерального штаба в целом{2}.

Надуманной выглядит и попытка автора представить дело таким образом, что принятие гитлеровцами на вооружение стратегии блицкрига привело якобы к сокращению масштабов военных приготовлений фашистской Германии. В действительности, как известно, ставка на блицкриг в немецко-фашистской доктрине органически сочеталась с идеей "тотальной войны", предусматривавшей милитаризацию всех сфер жизни немецкого народа, подчинения экономики, политики, идеологии интересам подготовки и ведения войн самыми варварскими методами. Только с 1933 по 1939 год военные расходы Германии возросли в 22 раза и в 4 - 5 раз превышали военные ассигнования США{3}. С 1 сентября 1940 года по 1 сентября 1941 года на подготовку дальнейшего ведения войны было ассигновано 70% государственных расходов. За годы, предшествовавшие второй мировой войне, фашистский вермахт был превращен в самую мощную капиталистическую военную машину, которая в 1939-1941 годах раздавила Польшу, Францию и многие другие государства Европы.

В результате грабежа покоренных народов перед нападением на СССР военно-экономические ресурсы фашистской Германии возросли почти в три раза. Ее военная продукция увеличилась на 75% по сравнению с началом войны{4}. Кроме того, на службу войны была поставлена экономика ряда нейтральных стран. Эти факты, однако, не нашли отражения в книге Рейнгардта, так как они не согласуются с его стремлением умалить военные возможности фашистско-милитаристского блока, масштабы его военных приготовлений против СССР. Особенно наглядно эта тенденция обнаруживается в том, что автор, претендующий на серьезное исследование, уклоняется от показа всей мощи группировки немецко-фашистских войск и войск сателлитов Германии, развернутой для нападения на СССР. Приведенные им отрывочные данные о количестве некоторых видов вооружения, использованных в июне 1941 года вермахтом

на Востоке, явно занижены. Так, в книге утверждается, что для нападения на Советский Союз было выделено всего 2500 самолетов. На самом же деле, как показано в фундаментальном труде историков ГДР "Германия во второй мировой войне", против СССР было использовано 4900 немецких самолетов{5}. В книге отсутствует анализ соотношения сил на советско-германском фронте в июне 1941 года, не показан ни численный, ни качественный состав немецко-фашистских войск.

При уменьшении серьезности и масштабов военных приготовлений и искажению целей военно-политических планов стран фашистско-милитаристского блока против СССР служат рассуждения автора о том, что наступление гитлеровских войск в июне 1941 года на Востоке было предпринято якобы с целью сломить волю Англии к сопротивлению. Он утверждает, что подготовка к войне против СССР была начата Германией из-за предположения, что "Россия является континентальной шпагой Великобритании". Этот не блещущий новизной тезис буржуазной историографии весьма характерен для общего замысла книги, в которой германо-советская война рассматривается лишь как один из этапов гитлеровского "импровизированного плана" войны за завоевание мирового господства. Однако документы свидетельствуют о несостоятельности этого тезиса. После поражения Франции главной целью гитлеровских стратегов была не борьба против Англии, а непосредственная подготовка нападения на СССР. Они отнюдь не считали Англию серьезным противником и планировали ограничиться против нее "демонстрацией силы", чтобы заставить ее прекратить сопротивление и тем самым полностью развязать себе руки на Востоке{6}. Правда, автор вскользь упоминает, что для Гитлера поход на Восток был "решающей кампанией" по "расово-идеологическим" мотивам. Однако эту мысль он не развивает и не возвращается к ней после, словно не замечая, что она опрокидывает все его рассуждения относительно "импровизированного плана" войны против СССР.

Излагая свою концепцию об ответственности Гитлера за провал агрессии на Востоке, Рейнгардт заявляет, что при планировании войны против СССР замыслу немецких генералов достичь быстрой военной победы якобы мешала точка зрения фюрера, полагавшего, что следует прежде всего "ослабить Россию в решающей степени в военно-экономическом отношении, захватив экономический и сырьевой потенциал Советского Союза". Поэтому, мол, в плане войны против СССР (план "Барбаросса") захвату Москвы отводилось лишь второе место, а на первом был захват Донецкого бассейна, кавказской нефти, а также Ленинграда в целях обеспечения безопасности морских путей в Балтийском море для вывоза шведской руды и финского никеля. В действительности же в плане "Барбаросса" главными стратегическими объектами были определены Ленинград, Москва, Центральный промышленный район и Донецкий бассейн. Особое внимание уделялось захвату Москвы, которая, как пишет генерал Гудериан, "была своего рода ключом ко всей советской системе. Как город, где находилось правительство, как важный индустриальный район, как крупный центр с резиденциями иностранных правительств, этот столичный город еще больше, чем Париж во Франции, был важен для немцев в том отношении, что овладение им имело решающее значение в военном, экономическом и политическом отношениях"{7}.

Захват Москвы и других стратегически важных объектов в решающей степени зависел от поставленной перед вермахтом задачи в ходе наступления воспрепятствовать "отходу боеспособных сил противника и уничтожения их западнее линии Днепр, Двина"{8}. Срыв этого замысла Советской Армией в первые недели войны, ее героическое сопротивление были главной причиной краха плана "Барбаросса". Что же касается московского направления, то действовавшая здесь сильнейшая немецко-фашистская группировка - группа армий "Центр" - была обескровлена ударами советских войск. Только сухопутные войска вермахта к концу июля потеряли 213 тыс. человек и половину танков, участвовавших в наступлении. Советская Армия вынудила Гитлера впервые после начала второй мировой войны подписать 30 июля 1941 года приказ о переходе группы армий "Центр" к обороне на западном стратегическом направлении, чтобы восполнить потери в живой силе и технике{9}.

Рейнгардт много внимания уделил поискам убедительных доводов для ответа на вопрос, почему гитлеровские генералы не понимали опасности войны против СССР. В его трактовке закоренелые милитаристы предстают в виде этаких наивных, опьяненных предыдущими легкими победами, послушных исполнителей воли Гитлера. Стремясь как-то оправдать их "легкомыслие", он пишет, что якобы "весь мир считал военную машину Гитлера непобедимой и поэтому не верил, что Германия, напав на Советский Союз,

может потерпеть поражение", что в такой атмосфере якобы и руководящие офицеры вермахта "не видели никакой опасности в наступательных планах Гитлера на Востоке".

Тем не менее в книге имеются попытки все же выяснить, какие причины вызвали столь неоправданный оптимизм гитлеровцев в отношении перспектив войны на Востоке. К их числу отнесены недостатки в организации стратегической разведки вермахта, не сумевшей добыть достоверных сведений о Советских Вооруженных Силах, о советской военной экономике, нежелание немецкого командования верить тем данным об СССР, которые противоречили его стереотипным представлениям, укоренившимся под воздействием нацистской пропаганды, его недооценка умения советских командиров "осуществлять квалифицированное руководство войсками". Автор указывает также и на политический просчет - "недооценку советской системы". Он, однако, предпочитает не раскрывать этого положения, ограничившись лишь констатацией факта, что "надежды немцев на быстрый развал советской системы не оправдались". Ему, вероятно, также недоступно понимание источников прочности советского государства, высокого патриотизма советских людей, готовых на любые жертвы во имя свободы и независимости социалистической Родины.

Жизнь решительно опровергла иллюзии руководителей фашистской Германии, считавших социально-политический строй СССР непрочным, а Советское многонациональное государство - политически слабым. Провалились и их расчеты на внешнеполитическую изоляцию СССР.

Благодаря дальновидной внешней политике партии, ее программе, выразившей надежды и чаяния свободолюбивых народов мира, Советский Союз в самом начале войны приобрел союзников. Все демократические силы поднялись на борьбу с гитлеризмом. Была создана антифашистская коалиция государств и народов, основную роль в которой играл Советский Союз.

Описывая развитие вооруженной борьбы на советско-германском фронте до начала Московской битвы, автор уделяет много внимания мероприятиям советского руководства, направленным на срыв блицкрига. Он вынужден признать их целесообразность и эффективность. Например, в книге указывается, что упорная оборона Советской Армии обеспечила возможность СССР перебазировать летом и осенью 1941 года предприятия оборонного значения из западных областей в восточные. Это "было совершенно неожиданным для немцев и в решающей степени повлияло на то, что германская военная промышленность не смогла выполнить своей задачи", так как она в соответствии с планами должна была производить значительную часть продукции непосредственно в захваченных районах. Не ожидало гитлеровское руководство и быстрого формирования после начала войны крупных стратегических резервов в СССР, которые позволили советскому командованию создать новые объединения, прежде всего на западном направлении, и в ходе Смоленского сражения вынудить группу армий "Центр" перейти к обороне.

Далее в книге отмечается, что советское командование в отличие от немецкого более трезво оценивало перспективы вооруженной борьбы и уже в конце июля проявило заботу о подготовке к ведению войны в зимних условиях. Конечно, приведенные в книге отдельные факты дальновидных действий советского руководства не раскрывают всего многообразия деятельности Коммунистической партии и Советского правительства по превращению нашей страны в единый боевой лагерь, деятельности советского народа под лозунгом "Все для фронта, все для победы". Тем не менее даже они ярко свидетельствуют, хочет того автор или нет, о преимуществах социалистической общественной системы над буржуазной, о прочности советского строя. В конце августа, говорится в книге, Гитлер и его генералы вынуждены были признать, что они просчитались в своих планах в отношении России. Неудачные попытки сломить сопротивление советских войск заставили немецкое командование искать новых путей к достижению успеха, вносить коррективы в первоначальный план операции "Барбаросса". В лихорадочных поисках они пришли к выводу, что ключ к достижению победы - "поставить все на козырную карту, название которой Москва".

Рейнгардт рассматривает следующие этапы битвы за Москву: наступление группы армий "Центр" в октябре и ноябре 1941 года, ее оборонительные действия в период контрнаступления советских войск под Москвой (декабрь 1941 года) и общее наступление Советской Армии, начавшееся в январе 1942 года.

Рассматривая положение в группе армий "Центр" к началу операции "Тайфун" (кодовое наименование наступления немецко-фашистских войск на Москву), автор сосредоточивает свое внимание на выявлении недостатков в ее обеспечении. Тем не менее он не в состоянии скрыть того факта, что для захвата Москвы гитлеровцы выделили громадные силы. Численность личного состава группы армий "Центр" в начале октября 1941 года составляла 1 929 406 солдат и офицеров, входивших в состав 78 дивизий. Ее поддерживал 2-й воздушный флот, имевший 1378 самолетов. Об артиллерии и танках автор умалчивает. Поэтому исходя из его данных нельзя составить точное представление о соотношении сил на московском направлении. Тем не менее совершенно очевидно, что по количеству личного состава немецкая группировка превосходила советскую, насчитывавшую тогда 1 млн. 250 тыс. человек. Документы подтверждают, что немецко-фашистские войска превосходили советские в живой силе в 1,4, артиллерии - в 1,8, танках - в 1,7, самолетах - в 2 раза. На направлениях, где сосредоточивались основные ударные группировки врага, его численное превосходство оказалось еще более значительным{10}.

Наступление фашистских войск на Москву возобновилось 30 сентября 1941 года. Однако, как признает автор, им не удалось достичь поставленной цели. К концу октября, истощенные усиливающимся сопротивлением противника, они застряли у созданной советским командованием Можайской линии обороны.

Рейнгардт в целом дает трезвую оценку поражению вермахта под Москвой. В частности, он подчеркивает, что планы Гитлера, а вместе с тем шансы на успешное ведение войны Германией провалились уже в октябре 1941 года. Следует отметить, что он избегает широко пропагандируемой в буржуазной историографии точки зрения, согласно которой немецкая группировка была вынуждена прекратить наступление из-за необыкновенно сильной и длительной распутицы. Приведенные в книге данные немецкой метеорологической службы свидетельствуют, что осенью 1941 года в Московской области осадков было значительно меньше, чем обычно, и период распутицы был коротким. Раннее похолодание в ноябре позволило войскам и боевой технике беспрепятственно двигаться не только по шоссе и проселочным дорогам, но и по местности в стороне от них. Автор справедливо отмечает, что и советские войска в не меньшей степени страдали от распутицы и, следовательно, ссылки на нее как на причину срыва наступления не имеют под собой основания.

В числе действительных причин срыва немецко-фашистского наступления на Москву в октябре 1941 года автором отмечены следующие:

- упорная борьба советских войск, которые, даже попав в окружение под Вязьмой, длительное время сковывали немецкие танковые силы;
- недооценка командованием группы армий "Центр" мощи и глубины созданной советскими войсками Можайской линии обороны;
- искусное применение советским командованием небольших сил для создания на наиболее опасных участках противотанковых очагов обороны, вынуждавших противника прорывать все новые и новые позиции, проведение быстрых контратак против растянутых флангов противника при активной поддержке советской авиации, действовавшей даже тогда, когда немецкие самолеты не могли летать из-за погодных условий;
- высокий моральный дух советских воинов, защищавших столицу.

Последнее отнесено автором к "решающему фактору" срыва немецкого наступления. Однако рассуждая об "усилении воли к борьбе и повышении морального духа советских войск", он обнаруживает полную неспособность понять истоки их мужества. Они, как известно, рождены преданностью и глубокой верой в справедливость войны, правильным руководством обороной Коммунистической партией, Советским правительством и Верховным Главнокомандованием, готовностью отдать жизнь за то, чтобы не допустить фашистов на священную землю столицы, неистребимой волей отстаивать свободу социалистического государства, впервые в истории выразившего волю рабочих и крестьян. Рейнгардт же видит движущую силу стойкости наших солдат в борьбе с захватчиками лишь в "строгих приказах и политических лозунгах", в "страхе перед немецким пленом". Конечно, меры командиров по пресечению отдельных случаев трусости и малодушия имели определенное значение. Однако истоки массового

героизма советских воинов были заложены в глубоком их социалистическом патриотизме.

Автор книги осуждает жестокое обращение с советскими военнопленными, признает, что в немецких лагерях их ожидали мучения, голод, расстрелы. Однако делается это отнюдь не по соображениям гуманности или для разоблачения звериной природы фашизма, а для того, чтобы выявить "негативные последствия" уничтожения военнопленных для военных действий немецкой армии. По мнению автора, лучшее обращение с военнопленными ослабило бы ненависть советских солдат к гитлеровцам, облегчило бы немецко-фашистскому вермахту достижение поставленных перед ним задач.

Перед тем как перейти к разбору немецко-фашистских планов возобновления операции "Тайфун" в ноябре, Рейнгардт считает необходимым отметить, что уже к тому времени благодаря прежде всего "быстрой и правильной реакции" советского командования план молниеносного захвата Москвы, Ленинграда и Кавказа провалился. Автор, однако, не пишет о тех огромных потерях, которые понесли немецко-фашистские войска под Москвой и на всем советско-германском фронте. А они были действительно велики. В ходе стратегической обороны Советских Вооруженных Сил потери фашистской Германии почти в три раза превышали общие потери во всех военных кампаниях на Западе: в Польше, Западной и Северо-Западной Европе и на Балканах. Только сухопутные войска вермахта с июня по ноябрь 1941 года потеряли на советско-германском фронте убитыми, ранеными и пропавшими без вести свыше 750 тыс. человек. Потери немецкой авиации с 22 июня по 10 ноября составили здесь

5180 самолетов. В течение пяти с половиной месяцев Советская Армия разгромила 26 вражеских дивизий и 13 бригад. Свой резерв (24 дивизии) главное командование германских сухопутных сил полностью израсходовало еще до 1 октября. Враг вынужден был перебросить с запада для замены разгромленных войск 21 дивизию и 15 бригад, авиационные, зенитно-артиллерийские и другие соединения и части {11}.

В своей книге Рейнгардт пытается указать на "ряд веских причин", которые говорили против продолжения наступления на Востоке. Во-первых, он считает, что немецкое командование не проявило заботы об обеспечении своих войск зимним обмундированием и снаряжением и это снизило их боеспособность. И если Рейнгардт отмечает, что гитлеровская армия оказалась неподготовленной к действиям в зимних условиях, то это лишний раз свидетельствует о недалекости ее командования и авантюризме его расчетов покончить с Советским Союзом до наступления зимы.

Во-вторых, говорится в книге, серьезным аргументом против возобновления наступательной операции явилась сильно возросшая во второй половине октября активность партизанских отрядов в Калининской, Брянской и Орловской областях, которые вели активную борьбу против оккупантов, разрушая железные и шоссейные дороги, линии связи, нападая на автомашины и т. д.. Однако Рейнгардт ограничивается упоминанием только деятельности партизанских формирований и не показывает других форм массовой борьбы на временно оккупированной фашистами территории. Чтобы сорвать грабительские планы врага, советские люди под различными предлогами отказывались выходить на работу, уклонялись от регистрации на биржах труда, скрывали свои профессии. Они приводили в негодность или надежно скрывали оставшееся оборудование промышленных предприятий и сырье. Колхозники прятали запасы хлеба и фуража, угоняли и укрывали скот в лесах, выводили из строя сельскохозяйственную технику. Народная борьба в тылу врага все более развертывалась, советские патриоты наносили врагу ощутимые удары, оказывали Советской Армии немалую помощь в срыве планов гитлеровского командования. {12}

Рейнгардт пытается показать также, что в течение октября первоначальные запасы для обеспечения операции "Тайфун" были израсходованы и группа армий "Центр" испытывала поэтому трудности в снабжении войск. Все это правильно, но автор умалчивает о тех мероприятиях, которые проводились в Германии по обеспечению вермахта оружием и боеприпасами. Документы свидетельствуют, что, несмотря на большие потери, фашистская Германия располагала огромным военным потенциалом и имела возможность восполнять утраченные потери.

Среди других аргументов против продолжения наступления на Москву Рейнгардт приводит растянutosть и скованность флангов немецких войск, постоянные контрудары

Советской Армии по группе армий "Центр". Далее он показывает, что немецкое командование оказалось неспособным трезво оценить обстановку, не прислушивалось к донесениям разведки об усилении противника, игнорировало недостатки в снабжении войск и переоценивало их наступательные возможности. Под давлением этих фактов автор признает, что не только Гитлер, но и командующий группой армий "Центр" генерал-фельдмаршал Бок, движимый тщеславием, виновен в принятии неверного решения о продолжении наступательных действий.

В процессе выработки решения на дальнейшее ведение войны, как справедливо говорится в книге, возникали разногласия между Гитлером и его советниками из ОКВ и ОКХ. Однако автор не пишет, что эти разногласия носили кратковременный, преходящий характер. Они возникали лишь в определении последовательности проведения операции осенью 1941 года и не затрагивали авантюристической сущности плана "Барбаросса" в целом.

Возобновившееся 15 ноября наступление группы армий "Центр" захлебнулось в первых числах декабря. Анализируя его ход, автор вынужден признать превосходство советского командования в управлении войсками. Он рисует довольно яркую картину, как под влиянием провала наступления разразились скандалы в командовании вермахта, пошатнулась его вера в победу. Бок в конце ноября признал, что идея захвата Москвы оказалась миражом.

В книге разоблачается фашистская версия о том, что главной причиной окончательного краха операции "Тайфун" были "необычайно сильные морозы". В отличие от многих авторов, писавших о том, что в поражении немецко-фашистских войск виновен "генерал Зима", Рейнгардт утверждает, что "немецкая армия на Восточном фронте была остановлена не морозами, а еще до них, вследствие того катастрофического положения, в котором оказались ее соединения, лишенные материального обеспечения и, что самое главное, встречавшие неослабевающее сопротивление русских войск на участках фронта всех трех групп армий".

Большое место в книге отведено разбору контрнаступления советских войск под Москвой. Базируясь на данных, почерпнутых из советских публикаций, автор в общих чертах освещает большую работу советского командования по его планированию и подготовке. Он показал, что группа армий "Центр" не сумела своевременно обнаружить сосредоточения крупных сил Советской Армии, полагая, что "русские не могут больше сформировать значительные новые войсковые объединения" и "начать... большое контрнаступление".

В книге отмечается, что "момент для проведения контрнаступления был выбран русскими очень удачно" - в то время, когда немецкая группировка еще не успела занять позиции для обороны, имела незащищенные фланги и т. д. В ней подробно описывается успешное контрнаступление советских войск в декабре 1941 года и анализируется приказ Гитлера от 16 декабря, который требовал "с фанатическим упорством оборонять занимаемые позиции" и держаться любой ценой. По мнению автора, этот приказ "способствовал спасению Восточного фронта", но негативной его стороной, говорится в книге, было то, что он лишал командование войсками на фронте инициативы. Впрочем, автор здесь же отмечает, что "решение Гитлера полностью совпадало с решением фронтового командования".

Заслуживает внимания стремление автора объективно описать паническое бегство немецко-фашистских войск под ударами Советской Армии зимой 1941/42 года, показать начавшийся у немецких солдат "кризис доверия" к командованию. Контрудары русских дивизий в ноябре 1941 года, отмечается в книге, вызвали настоящую панику среди немецких солдат. Командования 2-й танковой армии и 4-й полевой армии вынуждены были признать, что войска утратили обычную выдержку и уверенность в победе.

В отличие от ранее изданных в ФРГ книг в работе Рейнгардта нет утверждений о двадцатикратном превосходстве советских войск, которое якобы позволило отбросить гитлеровцев от Москвы {13}. Тем не менее автор не избежал соблазна создать у читателей впечатление, что все же "численное превосходство было на стороне русских". Эта мысль проходит через все описание контрнаступления и последующего общего наступления советских войск. Кроме того, назойливо повторяется версия об отсутствии у немецких армий резервов, о недостатке у них сил для обороны.

Научное исследование соотношения сил сторон перед началом контрнаступления советских войск под Москвой, по существу, подменено в книге общими рассуждениями о том, что "немецкие соединения как с точки зрения вооружения, так и в психологическом отношении были на пределе своих сил и достаточно было только появления новых соединений противника, чтобы фронт дрогнул". В действительности же, хотя советские войска и были подкреплены резервами, немецкая сторона сохраняла свое превосходство в живой силе в 1,5 раза, в артиллерии в 1,4 раза и танках в 1,6 раза. В книге умалчивается об этом факте, что свидетельствует о стремлении автора приуменьшить успех советских войск, уровень их военного искусства. О том же свидетельствует его заявление об отсутствии единого централизованного руководства советскими войсками, что якобы не позволяло им использовать в полной мере свои преимущества. Неверно и его утверждение, что к концу января 1942 года "русское контрнаступление так же выдохлось, как и немецкое наступление 5 декабря 1941 года". В действительности же наступательные действия советских войск продолжались и были прекращены по решению Ставки только 20 апреля 1942 года. В результате наступательных операций в январе-апреле 1942 года войска советских Северо-Западного, Калининского и Западного фронтов отбросили противника на витебском направлении на 250 км, на гжатском и юхновском - на 80 - 100 км. Они освободили Московскую и Тульскую области, многие районы Калининской и Смоленской областей. Сотни тысяч советских граждан были вызволены из фашистской неволи. Из строя было выведено 16 дивизий и одна бригада противника. Потери группы армий "Центр" с 1 января по 30 марта 1942 года в живой силе составили 333 тыс. человек. Глубоким охватом с двух сторон советские войска поставили ее в крайне невыгодное оперативное положение. Полного разгрома она смогла избежать только в результате переброски 12 дивизий и двух охранных бригад из Западной Европы{14}.

Наряду с разбором вооруженной борьбы большое место в книге уделяется вопросам экономики фашистской Германии. В ней приводится немало фактов о том, как громадные потери вооружения вермахтом на Востоке, которые не могла быстро восполнить немецкая промышленность, привели в ноябре 1941 года к срыву планов гитлеровцев осуществить программу производства танков, самолетов и подводных лодок для ведения новых "молниеносных войн" за завоевание мирового господства.

Вместе с тем создается впечатление, что автор умышленно стремится в как можно более мрачных тонах представить развитие немецкой экономики, чтобы тем самым в какой-то степени найти здесь оправдание поражению вермахта на советско-германском фронте. Нельзя, например, согласиться с утверждением автора, что уже в октябре 1941 года "германская военная промышленность достигла такой стадии, что не могла удовлетворять нужды фронта", а зимой 1941/42 года она была "на грани краха". Факты свидетельствуют, что со второй половины 1941 года в Германии наблюдался рост выпуска ряда важных видов боевой техники, особенно танков. Не снижалось и производство боевых самолетов, особенно бомбардировщиков новых типов. В течение декабря 1941 года - апреля 1942 года немецко-фашистское руководство предприняло ряд мер по приспособлению экономики страны к потребностям затяжной войны против СССР. Это позволило Германии за первые четыре месяца 1942 года добиться дальнейшего роста производства вооружения и создать условия для его форсирования в дальнейшем{15}.

Неубедительно утверждение автора о том, что в конце октября 1941 года отрицательное воздействие на ведение вооруженной борьбы вермахта оказывал недостаток нефтепродуктов. Автор пытается нарисовать едва ли не катастрофическую картину. Он пишет, что "затянувшаяся кампания на Востоке наряду с уже приведенными трудностями в военном производстве и большими потерями на фронте в конце октября поставила вермахт и военную экономику перед тяжелой проблемой в области снабжения нефтепродуктами" и что "отрицательный топливный баланс потребовал к концу октября обстоятельно подумать о возможностях проведения операций сухопутными войсками, военно-воздушными силами и военно-морским флотом".

В то же время официальные данные, опубликованные в Западной Германии, свидетельствуют, что в течение 1941 года Германия значительно пополнила запасы всех видов жидкого топлива, обеспечив вермахт и военное хозяйство горючим. Добыча нефти в стране и на присоединенных территориях в указанном году составила 1584 тыс. т, а вместе со странами-сателлитами - 8,6 млн. т, то есть среднемесячная добыча составила 717 тыс. т. А если учесть, что производство синтетического топлива в Германии в 1941

году составило 4,1 млн. т{16}, то становится очевидной несостоятельность всех доводов о нехватке горючего в вермахте.

Хотя Рейнгардт и использовал советские книги, тем не менее он не избежал односторонности в подборе выгодных ему фактов для освещения противоборства Германии и СССР в 1941-1942 годах. Особенно это бросается в глаза, когда читаешь разделы о военно-экономическом положении СССР. Этот вопрос раскрыт сухо и поверхностно, не показаны трудности, стоявшие тогда перед советским народом в перестройке всей экономики на военный лад, и героизм советских людей по их преодолению. "Нельзя не восхищаться подвигом советских рабочих, инженеров, командиров производства, железнодорожников, отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, - которые обеспечили эвакуацию на восток многих сотен крупных предприятий и более чем 10 миллионов человек"{17}. Своими героическими усилиями советский народ сорвал расчеты гитлеровцев на дезорганизацию советской военной экономики.

Вместо показа титанической работы советского тыла автор заостряет внимание на том, что якобы экономическое положение СССР значительно облегчалось поставками вооружения, транспорта и сырья по программе ленд-лиза из США и Англии. В связи с этим в книге немецко-фашистское руководство обвиняется в том, что оно "неполно" оценивало советскую экономику, "забывало" о том, что советские войска "в результате этих поставок по ленд-лизу могли восполнить часть своих потерь в технике". Более того, автор одной из причин неспособности Германии противостоять СССР в военно-экономическом отношении считает помощь США с "их огромным военным потенциалом". Эти утверждения подкрепляются сфальсифицированными данными о поставках в СССР по программе ленд-лиза. В книге указано, например, что в рамках первого протокола США и Англия поставили СССР до июня 1942 года 4650 танков, 3100 самолетов и т. д. На самом деле всего за 1941 и 1942 годы, вместе взятые, СССР получил только 1854 самолета и 2842 танка{18}.

Следует также заметить, что поставки по программе ленд-лиза не могли практически оказать какой-либо помощи Советской Армии в срыве блицкрига гитлеровцев. Их осуществление началось лишь в октябре 1941 года. До конца года СССР, неся все бремя войны против фашистского блока, получил всего 0,1% американской помощи. Причем взятые обязательства США не выполняли. До начала 1942 года они направили в СССР 204 самолета вместо 600, предусмотренных протоколом, танков - 182 вместо 750. С большой задержкой осуществлялись поставки и из Англии. С октября по декабрь 1941 года США направили 669 самолетов вместо 800, предусмотренных протоколом, и 487 танков вместо 1000{19}. Таким образом, реальный вклад США и Англии в борьбу советского народа в период Московской битвы был мизерным. Бывший президент США Г. Гувер, никогда не питавший симпатий к СССР, и тот признавал, что советский народ "остановил немцев еще до того, как получил военные материалы по ленд-лизу{20}. Документы свидетельствуют, что основные потребности фронта в вооружении и боевой технике удовлетворялись за счет народного хозяйства СССР. Благодаря преимуществу социализма перестройка народного хозяйства СССР на военный лад была осуществлена в исключительно короткий срок - к середине 1942 года. В ходе ее в основном было создано слаженное военное хозяйство страны. Уже в марте 1942 года выпуск военной продукции в восточных районах страны достиг уровня производства к началу Великой Отечественной войны на всей территории Советского Союза. Благодаря беспримерному трудовому подвигу советского народа, руководству Коммунистической партии страна была превращена в единый боевой лагерь, сила которого состояла в нерушимом единстве партии и народа, в неразрывной связи фронта и тыла, армии и народа. Ни одно капиталистическое государство не могло бы справиться со столь сложной по характеру и столь грандиозной по объему задачей.

Рейнгардт признает большое влияние результатов Московской битвы на ход и исход второй мировой войны. Анализируя последствия поражения группы армий "Центр" зимой 1941/42 года, он приходит к выводу, что в результате провала операции "Тайфун" гитлеровская Германия была поставлена в такое положение, которое уже не позволяло ей достичь поставленных целей в войне, потерпела крах стратегия третьего рейха, направленная на завоевание мирового господства.

Таким образом, книга Рейнгардта, несмотря на наличие в ней многих домыслов, дает в основном верную оценку итогам Московской битвы. Следует, однако, иметь в виду, что

элементы объективного анализа в книге обусловлены отнюдь не симпатиями автора к СССР. Основной ее замысел состоит в том, чтобы выяснить, как и почему фашистский вермахт, покоривший почти всю Европу, вдруг потерпел сокрушительное, позорное поражение на советско-германском фронте. Выискивая ответы на эти вопросы, автор из-за своей классовой ограниченности и идеалистического склада мышления не пытается выявить объективные закономерности провала гитлеровской агрессии. Причину срыва операции "Тайфун" он сводит в основном к субъективным поступкам, просчетам и ошибкам гитлеровского руководства в области стратегического планирования, организации материально-технического обеспечения и руководства боевыми действиями вермахта. Его книга поэтому пронизана идеей об "упущенных шансах" гитлеровцев в войне против СССР. Такой подход к анализу проблемы свидетельствует о том, что Рейнгардт не осуждает в принципе саму агрессию фашистской Германии, а лишь пытается на примере ее краха обосновать необходимость более тщательных и всесторонних приготовлений к войнам будущего.

Доктор исторических наук

генерал-майор А. И. Бабин

Введение

Когда весной 1942 года восточная армия Германии оправилась от всех ударов кризиса и последствий катастрофического для нее зимнего сражения под Москвой, когда Германии удалось, перестроив свою промышленность, значительно увеличить военное производство, казалось, что германский рейх проиграл только одно сражение, но еще в состоянии успешно продолжать войну. Лишь после поражения под Сталинградом зимой 1942/43 года начался поворот в войне{21}. Критический анализ, проведенный на основании большого количества документов, свидетельствует, что такое представление можно назвать несостоятельным.

В предлагаемой читателю книге показано, что планы Гитлера - и вместе с ними шансы на успешное ведение войны Германией - потерпели провал уже в октябре и, самое позднее, в декабре 1941 года, с началом контрнаступления русских войск под Москвой. Стратегия блицкрига, целью которой являлось достижение быстрой победы над Советским Союзом в ходе одной кампании, до наступления зимы, после поражения группы армий "Центр" под Москвой была развеяна в прах. Германия уже не могла восполнять все возрастающий недостаток в людских ресурсах, что все больше и больше ограничивало ее военный и военно-экономический потенциал. Также несостоятельными оказались надежды Германии на то, что можно не только покрыть нехватку сырья в стране путем быстрого захвата и использования природных богатств России, но и получить превосходство в обеспеченности стратегическим сырьем над англосакскими державами. Таким образом, весной 1942 года Гитлер попал в такое положение, которое больше не позволяло достичь поставленных им напряженных целей. Наступление на Сталинград и Кавказ летом и осенью 1942 года было лишь последней отчаянной попыткой вернуть инициативу.

О битве под Москвой в западных странах опубликован целый ряд работ, которые, за небольшим исключением, описывают боевые действия группы армий "Центр" до начала декабря 1941 года, не говоря ничего о русском контрнаступлении. Оценка этих работ затрудняется тем, что они, как и другие мемуары и монографии участников этой операции, построены прежде всего на личных воспоминаниях, а не на документах. Совершенно отсутствуют работы, которые бы показывали битву под Москвой не как отдельное событие, а в связи с операциями других групп армий и дальнейшими планами Гитлера. Поэтому перед автором стояла задача на основании документов федерального военного архива во Фрейбурге показать весь ход операции "Тайфун", начатой группой армий "Центр" 2 октября 1941 года{22}, и довести ее до консолидации немецкого фронта после завершения русского наступления в конце января 1942 года. Автору хотелось при этом показать трудности, которые испытывало командование группы армий "Центр" в связи с наличием постоянных противоречий между планами Гитлера и главнокомандования сухопутных сил (ОКХ), а также раскрыть мотивы принимаемых важнейших решений. Речь пойдет не только о целях и планах Гитлера, но и об его главных советниках, высших военных руководителях, которые оказали влияние на осуществление его планов. Большое внимание будет уделено тому, какое значение имели потери в личном составе и материальных средствах на дальнейшее ведение

кампании. из материалов этой книги, которая освещает как оперативно-стратегические, так и военно-экономические аспекты войны, логически возникают следующие вопросы: какие цели ставил перед собой Гитлер в период с сентября 1941 года по март 1942 года и какое влияние на их достижение оказали трудности военно-экономического характера? Когда осознал Гитлер неосуществимость своих планов вследствие поражения под Москвой и больших потерь в восточной кампании, а также под давлением неразрешимых трудностей в военной промышленности? Таким образом, автор стремился показать военное и военно-экономическое развитие Германии в этот период и его непосредственное воздействие на планы Гитлера по завоеванию мирового господства.

В данной книге использован целый ряд подтверждаемых документами материалов о состоянии военной промышленности Германии в 1941-1942 годах.

Исследование ставило целью выяснить, как сильно повлияла нехватка людей и сырья, которая особенно сильно сказалась в военной промышленности, на стратегические планы Гитлера, могли ли вообще быть устранены трудности в германской военной промышленности и какое влияние они оказали на достижение политических и военных целей германского рейха. Так как имеющиеся в Германии работы на эту тему в большинстве случаев не освещали мероприятий советского командования и говорили о них только попутно, представлялось необходимым использовать многочисленную советскую литературу о битве под Москвой {23}. При исследовании замысла и стратегических планов советского командования у автора возникли некоторые трудности, связанные с нехваткой документальных источников. Были использованы только некоторые сборники документов, приказов бывших командующих фронтами и армиями и очень небольшое число документов Ставки Верховного Главнокомандования {24}.

Часть первая.

Военная, экономическая и политическая обстановка летом 1941 года

1. Цели Гитлера и мероприятия по проведению русской кампании

"Импровизированный план" войны Гитлера

Когда Гитлер 6 сентября 1941 года подписал директиву ОКВ No 35 о наступлении на Москву, выполнение его "импровизированного плана" войны, принятого осенью 1940 года {25}, уже существенно запаздывало. Хотя немецкие войска все еще успешно наступали на Востоке, а количество трофеев и пленных постоянно возрастало, нельзя было предвидеть конца восточной кампании и в связи со сложившейся обстановкой нельзя было и думать об отводе соединений с Восточного фронта {26}. Изменение сроков запланированных военных операций ставило под сомнение не только весь "импровизированный план" войны, но и осуществление всей программы Гитлера.

Замысел Гитлера состоял в том, чтобы в ходе трех-четырёхмесячной кампании покончить с Советским Союзом {27}. Эта "молниеносная кампания" должна была в такой степени обеспечить великогерманский рейх необходимой территорией, а также сырьем, чтобы Германия как "устойчивая от блокады, сплоченная территориально и экономически независимая от ввоза стратегического сырья континентально-европейская империя" была в состоянии уверенно выдержать длительную войну против англосакских держав, и прежде всего против США. Этот первый шаг должен был создать экономическую, а также политическую основу для осуществления второго этапа гитлеровской "мировой молниеносной войны", который предусматривал широкие операции против стран Ближнего Востока, продвижение немецких войск вплоть до Афганистана и в страны Африки, а также захват Азорских островов.

В этой второй фазе Германия должна была принудить Англию к миру, а США - при тесном сотрудничестве с Японией - побудить к сохранению своего нейтралитета {28}.

В рамках реализации этих планов Гитлер надеялся поднять Германию до уровня мировой державы, которая могла бы вести войну с любым из еще оставшихся государств.

Этот замысел Гитлера, рассчитанный на агрессию и войну, имел свою ахиллесову пяту в экономическом потенциале Германии, который был слишком мал для ведения продолжительной войны с одной или несколькими мировыми державами. Гитлер,

понимая это, видел решение этой проблемы в "молниеносной войне". Предусматривался разгром каждого из противников по отдельности в "молниеносных", подобных дуэлям, кампаниях, прежде чем они сумеют полностью развернуть свой военный потенциал и использовать его против Германии. Для этого было необходимо широкое вооружение, т. е. наличие относительно современного и эффективного, готового к немедленному использованию вооружения, внезапное введение в действие которого позволило бы войскам очень быстро разгромить противника. В период между отдельными кампаниями должны были создаваться новые материальные резервы, которые бы соответствовали требованиям следующей военной кампании. Гитлер надеялся таким образом избежать войны на два фронта и изнурительной экономической войны. Концепции широкого вооружения противостояла концепция "глубокого" вооружения, сторонником которой было прежде всего управление военной экономики и вооружений штаба верховного главнокомандования (ОКВ). Разногласия этого управления с Гитлером нашли отражение в записках начальника управления военной экономики и вооружений генерала пехоты Георга Томаса от 12 декабря 1939 года, где он писал, что вина за недостаточную подготовку германского рейха к войне лежит исключительно на политическом руководстве. Концепция "глубокого" вооружения исходила из того, что Германия способна выдержать длительную войну и для этого ей следует расширять внутреннюю сырьевую базу, увеличивать число предприятий по производству вооружений, запасных частей, создавать обширные резервы сырья и вооружения.

Гитлер отклонил концепцию "глубокого" вооружения, считая, что "скоростное" решение проблемы вооружений не вызовет экономических трудностей и все зависит от желания решить эту проблему. Он считал также, что "глубокое" вооружение несомненно потребовало бы больших жертв от населения в пользу войны. Гитлер надеялся посредством быстрого создания "необходимых объектов" решительно перестроить экономику на выпуск требуемых видов вооружения, не ограничивая при этом сколько-нибудь чувствительно производства невоенной продукции для населения. Одну из главных трудностей германской военной экономики - нехватку сырья - он пытался устранить в рамках четырехлетнего плана, который был призван подготовить немецкую экономику к войне. Дополнительные запасы сырья предполагалось захватить в предстоящих кампаниях.

Таким образом, положение с сырьем в Германии к моменту нападения на Россию не давало Гитлеру никаких оснований для беспокойства и выглядело даже благоприятнее, чем в 1939 году, в начале войны. Кроме того, расход военных материалов и боеприпасов в предыдущих "молниеносных кампаниях" был меньше, чем ожидалось. Этим самым, казалось, опровергалось самой практикой утверждение начальника управления военной экономики и вооружений генерала пехоты Георга Томаса о том, что Германия может выиграть войну, только создав развитую военную промышленность и направив все силы народа на военные цели.

Планирование операции "Барбаросса". Основополагающая идея гитлеровского "импровизированного плана" войны заключалась прежде всего в достижении господства над Европой, а добиться этого можно было, только одержав победу над Советским Союзом. Эти соображения основывались на предположении, что Россия является "континентальной шпагой" Великобритании. План исходил из того, что разгром СССР должен заставить Великобританию пойти на мир. Тем самым Германия смогла бы избежать длительной войны на два фронта. Поэтому война на Востоке была для Гитлера той решающей кампанией, к которой он стремился с ранних лет своей политической деятельности и которую он хотел вести в рамках расово-идеологической войны на уничтожение. Так как, по его мнению, весной 1941 года великогерманский рейх достиг высшего уровня в организации управления войсками, в военном деле и вооружении, а Россия, совершенно очевидно, находилась на низком уровне развития военного дела, считалось необходимым использовать этот шанс и своевременно нанести удар.

Подготовка к кампании против Советского Союза началась еще во время заключительной фазы военных действий во Франции в июле 1940 года. В последующие месяцы был подготовлен и отработан генеральным штабом главнокомандования сухопутных войск целый ряд планов кампании, с изложением которых Гитлер выступил 5 декабря 1940 года{29}.

Уже на этом подготовительном этапе появились серьезные противоречия между Гитлером и главнокомандованием сухопутных сил относительно очередности решения

задач в русской кампании. ОКХ исходило из того, что необходимо как можно раньше навязать противнику сражение, чтобы предотвратить его отход в глубь страны. Для этой цели должны были использоваться три группы армий, которым указывалось одно общее направление главного удара, а именно район севернее Припятских болот. Там ожидалось встретить основные силы Красной Армии, сосредоточившиеся для обороны Москвы. На юге же войскам Красной Армии было легче уклониться от боя, а Москву как военный, экономический, политический центр, а также как узел дорог русские сдать не могли. ОКХ думало при этом не о достижении экономических выгод, а прежде всего о быстром решении военных задач, и только об этом.

Этот план противоречил взглядам Гитлера, который видел важнейшую цель в том, чтобы ослабить Россию в решающей степени в военно-экономическом отношении, захватив экономический и сырьевой потенциал Советского Союза. Так как основные источники снабжения России находились в окраинных районах, замысел Гитлера предусматривал два направления главного удара на обоих флангах. На юге следовало захватить Украину и богатую сельскохозяйственную Донскую область, угольные шахты и промышленные предприятия Донецкого бассейна, а также кавказскую нефть. На севере захват Ленинграда отрезал бы СССР от моря и обеспечил бы немцам морские пути в Балтийском море для вывоза шведской руды и финского никеля. Кроме того, при таком варианте использования сил достигался быстрейший контакт на сухопутном театре военных действий с союзником по войне - Финляндией. Эти различные точки зрения и впоследствии проходили красной нитью в противоречиях между ОКХ и Гитлером по вопросам дальнейшего использования сил вплоть до начала наступления на Москву в октябре 1941 года.

18 декабря 1940 года выдвигавшиеся Гитлером принципы ведения русской кампании были изложены в директиве No 21 "Операция "Барбаросса", которая должна была составить основу плана первых операций.

В соответствии с этой директивой вермахт должен был после окончания войны с Великобританией готовиться к "разгрому Советской России в ходе одной быстрой кампании" {30}. Для этого предполагалось использовать все наличные соединения сухопутных войск, за исключением сил, необходимых для предупреждения любой неожиданности на территории оккупированных областей Европы. Военно-воздушным силам предписывалось в зависимости от обстоятельств высвободить для поддержки сухопутных войск во время войны на Востоке столько сил, сколько необходимо, чтобы обеспечить быстрое развитие операций и максимальное прикрытие районов Восточной Германии от авиации противника. Основной задачей военно-морского флота во время этой кампании оставались действия против Англии.

Цель операции, которую намечалось начать 15 мая 1941 года, должна была состоять в том, чтобы разгромить находящиеся в западных районах России войска Красной Армии в ходе стремительного наступления до выхода на рубеж Днепр - Западная Двина. Предусматривалось широкое использование ударных танковых группировок, чтобы воспрепятствовать отходу боеспособных русских соединений в глубь советской территории. В результате стремительного преследования отступающего противника предполагалось продвинуться на такую глубину, чтобы русская авиация уже не могла бы больше наносить удары по германскому рейху. В конечном счете наступающие войска должны были выйти к Волге, чтобы в случае необходимости можно было силами авиации подавить последний остающийся у СССР индустриальный район на Урале. Сухопутные войска, действующие в направлении района севернее Припятских болот, должны были иметь в своем составе группы армий "Север" и "Центр". При этом группе армий "Центр" ставилась задача силами ударных танковых и моторизованных соединений, наступающих из района восточнее и севернее Варшавы, разгромить войска противника в Белоруссии и на первом этапе операции овладеть высотами восточнее Смоленска как ключевыми позициями для последующего удара на Москву. Тем самым нужно было создать предпосылки для того, чтобы с этого рубежа продвинуться значительными силами в северном направлении и во взаимодействии с группой армий "Север", которая наступала из Восточной Пруссии через Балтику на Ленинград, разгромить находящиеся в этом районе силы Красной Армии. Только после овладения Ленинградом и Кронштадтом предусматривалось проведение наступательной операции по захвату важнейшего узла дорог и военного центра - Москвы. Лишь внезапный и быстрый крах русской обороны мог стать предпосылкой для достижения таких целей. Группа армий "Юг" должна была продвигаться от Люблина в общем направлении на Киев, чтобы крупными силами

танковых соединений стремительно выйти на фланги и в тыл русских войск на Украине и достичь Днепра. Преследуя отступающего противника, войска должны были захватить на юге чрезвычайно важный в военно-экономическом отношении Донецкий бассейн, а в центре - овладеть Москвой.

В этой директиве была утрачена главная идея - идея разгрома прежде всего военной силы противника {31}, а наступлению на Москву отводилось лишь второе место. Подготовка операции "Барбаросса" проходила в атмосфере такого оптимизма и такой уверенности в победе, каких сегодня нельзя даже понять. Встает вопрос: по каким причинам германское руководство столь оптимистично оценивало обстановку в России? Оценкой противника ведал отдел "Иностранные армии Востока" в генеральном штабе сухопутных сил, но он не располагал достаточной информацией, чтобы соответствующим образом оценить обстановку. Отдел получал разведывательные донесения, которые поступали с фронта через отдел 1С в генеральный штаб сухопутных сил. Немецкая воздушная разведка ограничивалась прифронтовой полосой или районами, находящимися в относительной близости от линии фронта, так как германские ВВС почти не располагали самолетами для дальней разведки. В первые месяцы войны воздушная разведка глубинных районов русской территории почти не велась, так как в феврале 1941 года было дано указание вести воздушную разведку только до линии Ростов, Москва, Вологда, Мурманск. Все это привело к тому, что почти полностью отсутствовали данные о подготовке резервов, подвозе подкреплений и снабжении войск в глубоком тылу противника, о новом строительстве и о промышленном производстве СССР. Когда немецкое руководство получало информацию о России из других источников, не соответствовавшую его собственным представлениям, то эта информация игнорировалась или признавалась неправдоподобной.

Кроме того, Гитлер не доверял разведке и упрекал ее в неспособности к работе. При этом он не видел, что становился пленником и жертвой собственной пропаганды и "культурно-идеологического представления" о мире. Убеждение о неспособности русских вести войну, которое он вдальблывал своим офицерам, привело к тому, что перед началом войны в среде немецких офицеров превалировала недооценка Красной Армии, ее боевого духа и вооружения.

Мнение о том, что Россию победить даже легче, чем Францию, что восточная кампания не несет с собой большого риска, было господствующим. В беседе с Йодлем и Кейтелем 28 июня 1940 года Гитлер сказал: "Теперь мы показали, на что способны. Поверьте мне, Кейтель, война против России была бы в противоположность войне с Францией похожа только на игру в куличики". Основанием для подобных утверждений служило представление о том, что русский офицерский корпус будет не в состоянии осуществлять квалифицированное руководство войсками. Вместе с тем не были приняты во внимание предостережения германского военного атташе в России генерал-майора кавалерии Эрнста Августа Кестринга, который вначале также придерживался этого мнения, но со временем пришел к другому заключению, о котором он информировал ОКХ и Гитлера. Военное руководство усматривало подтверждение своих взглядов в трудностях, которые испытывала Красная Армия в зимней войне с Финляндией. При этом не учитывалось, что в этой войне участвовали только войска Ленинградского военного округа русских и что в Монголии Красная Армия добилась больших побед, в успешно проведенном сражении разгромив 6-ю японскую армию. Отмечая эту победу русских, Кестринг снова предостерег Гитлера, но к нему не прислушались. Германское руководство придерживалось своего собственного мнения, сложившегося у него во время встречи с Красной Армией в польском походе {32}. Эта оценка Красной Армии не была положительной и совпадала с мнением, которое сложилось о русском солдате и его командирах в первую мировую войну.

Одним из примеров того представления о Красной Армии, которое было распространено среди германских военных руководителей, являются заметки начальника штаба 4-й армии полковника Гюнтера Блюментрита, подготовленные им для совещания в оперативном отделе штаба сухопутных войск 9 мая 1941 года. "История всех войн с участием русских показывает, - говорится в этих заметках, - что русский боец стоек, невосприимчив к плохой погоде, очень нетребователен, не боится ни крови, ни потерь. Поэтому все сражения от Фридриха Великого до мировой войны были кровопролитными. Несмотря на эти качества войск, русская империя почти никогда не добивалась победы! Командиры низшего звена действуют шаблонно, не проявляя самостоятельности и достаточной гибкости {33}.

В этом мы далеко превосходим русских. Наши младшие офицеры действуют смело, не страшась ответственности. Русское высшее командование уступает нашему, так как мыслит формально, не проявляет уверенности в себе. Оставшихся сегодня высших военачальников, за небольшим исключением, следует еще меньше бояться, чем бывших, хорошо подготовленных русских генералов царской армии.

В настоящее время, - пишет Блюментрит, - мы располагаем значительно большим численным превосходством. Наши войска превосходят русских по боевому опыту, обученности и вооружению, наша система управления, организация и подготовка войск самые правильные. Нам предстоят упорные бои в течение 8-14 дней, а затем успех не заставит себя ждать и мы победим. Нам будут сопутствовать слава и ореол непобедимости, идущие повсюду впереди нашего вермахта и особенно парализующие действующие на русских достижения в бою, вызвало недооценку Советской Армии{34}.

С этой недооценкой противника была также связана переоценка собственных успехов на основе опыта первых кампаний и кампании на Балканах. Весь мир считал военную машину Гитлера непобедимой{35} и поэтому не верил, что Германия, напав на Советский Союз, может потерпеть поражение. Из этого видно, что руководящие офицеры сухопутных войск и военно-воздушных сил не видели никакой опасности в наступательных планах Гитлера на Востоке, а в новой войне - никакого риска. И хотя начальник генерального штаба сухопутных сил генерал-полковник Франц Гальдер и главнокомандующий сухопутными силами генерал-фельдмаршал Вальтер фон Браухич не были убеждены в необходимости войны против России в данный период времени, а считали, что, прежде чем Германия выступит против другого противника, должна быть окончательно повержена Англия, но и они все же верили, что восточная кампания может победно завершиться в короткий срок.

Это утверждение было основано на целом ряде статистических данных. В первоначальных планах войны с Советским Союзом Браухич исходил из того, что для победы над 50-70 русскими дивизиями{36} достаточно 80 - 100 немецких дивизий. Начальник штаба 18-й армии генерал-майор Эрих Маркс положил в основу своего расчета в проекте операции "Ост" 5 августа 1940 года предложение, что 147 советским дивизиям и бригадам будет противостоять 147 немецких дивизий. Во время обсуждения плана операции 5 декабря 1940 года германское командование считало возможным обойтись 130 - 140 дивизиями, чтобы разгромить противника такой же численности.

В последующее время это общее количество дивизий почти не претерпело изменений. 22 июня против России выступила 141 немецкая дивизия{37}. К концу июня число дивизий выросло до 153{38}. К этим силам добавлялись войска союзников Германии, которые были заблаговременно учтены в планах кампании и появление которых не являлось непосредственной реакцией на получение данных об увеличении числа русских соединений. Переоценка собственных сил германским командованием становится совершенно ясной, если учесть, что отдел "Иностранные армии Востока" 15 января сообщал уже не о 147, а о 155 соединениях русских. Гальдер 2 февраля 1941 года говорил об увеличении этого числа до 178. 4 апреля он констатировал, что "численность русской армии сильно возросла по сравнению с тем, что предполагалось ранее".

Наконец, 22 июня он заявил, что противник имеет 213 дивизий. (Фактически к этому времени в распоряжении русского командования имелось 303 дивизии, из которых 81 проходила формирование.) Этому увеличению численности советских войск на 63 дивизии с августа 1940 года до июня 1941 года и пониманию того, что СССР не только располагает в общей сложности 221 дивизией и бригадой, но что это общее количество и дальше может увеличиваться, немецкое командование не придавало значения и не предприняло никаких контрмер по усилению Восточной армии{39}. Мнение о том, что можно быстро разбить Красную Армию, не изменилось и после получения сведений о ее численном росте. Расчет строился на том, что имеющиеся силы в состоянии победить почти равную по численности русскую армию, хотя силы последней возросли в среднем на 43%. Последствия этой, ошибки стали ясны Гальдеру только 11 августа 1941 года, когда он узнал, что Красная Армия насчитывает уже 360 дивизий и бригад, а ОКХ не имело возможности соответственно усилить свои войска. Геринг не видел больших трудностей в новой войне, признавая главным образом проблему организации необходимого снабжения войск{40}. Только главнокомандующий военно-морскими силами гроссадмирал Эрих Редер выразил протест против проведения русской кампании, но тоже не потому, что боялся поражения на Востоке, а в связи с тем, что эта

война не соответствовала оперативным намерениям ВМС и вела к уменьшению роли флота в системе трех видов вооруженных сил вермахта. Ведь основные усилия были бы сосредоточены уже не на Западе против Англии, а на Востоке против России, что совершенно однозначно выдвигало на первый план сухопутные войска и военно-воздушные силы.

Рассматривая в целом указанные выше причины недооценки противника и переоценки собственных сил, можно отметить, что не последнюю роль в этом сыграли первоначальные победы на Востоке, преувеличение достигнутых успехов в боевых донесениях и сводках. Хотя командование войсками на фронте уже месяц спустя после начала кампании поняло, что прежняя оценка Красной Армии неверна, до высших инстанций это доходило очень медленно. Так, Гальдер начал осознавать, что он неправильно оценил противника, только 11 августа 1941 года. Но и в дальнейшем он продолжал склоняться к недооценке сил и возможностей русских. Несмотря на все трудности и неудачи, германским командованием владело чувство превосходства над Красной Армией, что снова и снова приводило к неправильным оценкам и вытекающим из них неверным действиям.

Вскоре после окончания войны во Франции Гитлер пришел к мнению о необходимости перестроить производство вооружения в соответствии с требованиями кампании против Советского Союза. Это прежде всего означало необходимость увеличить производство вооружения для сухопутных войск. В результате этой перестройки общий объем военной продукции, правда, не возрастал, изменялись лишь главные направления этого производства. Когда началась война против СССР, Германия, по существовавшему в то время убеждению, была достаточно вооружена, чтобы добиться быстрой победы. Значительными были и резервы, чтобы можно было довести кампанию до конца без дополнительных усилий. В июле 1941 года Гитлер издал приказ, согласно которому для ведения всей восточной кампании должны были использоваться только участвующие в боевых действиях танковые соединения и пополнение танками должно было осуществляться только в небольших размерах при крайней необходимости и непосредственно с его санкции. В "Донесении о выполнении плана в области производства вооружения для вермахта в период с 1 сентября 1940 по 1 апреля 1941 года" управление военной экономики и вооружений пришло к выводу, что "предусмотренные программы по производству оружия для видов вооруженных сил вермахта, несмотря на большие трудности, в целом выполнены в срок". Это позволило считать, что русская кампания будет обеспечена в материальном отношении и ей не угрожает нехватка вооружения.

2. Ход восточной кампании до середины июля 1941 года

Казалось, что оптимисты действительно были правы. Группа армий "Юг", которая имела задачу вывести из строя силы русских западнее Днепра в Галиции и на Украине и возможно скорее захватить переправы через Днепр, встретила уже в приграничных сражениях неожиданно упорное сопротивление противника, который начал отступать в широком масштабе только 3 июля{43}. После двенадцатидневных боев соединения левого крыла группы армий вышли в район западнее Случь. Соединения, действовавшие в центре оперативного построения группы армий, достигли верховьев Днестра, южное крыло все еще оставалось у Прута. И хотя противник также понес большие потери, войскам группы армий "Юг" не удалось окружить его и воспрепятствовать отходу. Группа армий не смогла добиться свободы оперативного маневра. Ценою больших потерь в результате последующих боев были захвачены города Бердичев и Житомир, и войска получили задачу захватить Умань, но сильные дожди на время приостановили их продвижение. 18 июля в ходе возобновившегося наступления в районе Винницы был создан плацдарм на восточном берегу Буга и появилась надежда уничтожить отступающего противника.

Группа армий "Север"{44} имела задачу разгромить противника на Балтике и в возможно короткие сроки захватить балтийские порты, чтобы завершить эту операцию взятием Ленинграда и Кронштадта. Русские пограничные позиции были прорваны здесь быстрее, чем на юге. 26 июня был взят Дюнабург, а 29 Рига{45}. До 10 июля удалось достичь рубежа Опочка, Плескау и занять Эстонию, а также выйти к рубежу Дорпат, Пернау. Группе армий "Север" также не удалось окружить и уничтожить находившиеся в Прибалтике силы противника.

Относительный неуспех на флангах в какой-то мере компенсировался удачными операциями войск группы армий "Центр" {46}, перед которой стояла задача разгромить группировку противника в Белоруссии, обойти подвижными соединениями Минск с юга и севера и в возможно короткие сроки достичь Смоленска. Дальнейшая задача состояла в том, чтобы крупными силами подвижных соединений повернуть на север и, уничтожив противника в Прибалтике, во взаимодействии с группой армий "Север" захватить Ленинград.

Поскольку наступление группы армий "Центр" было неожиданным для Красной Армии, операции протекали почти по плану. Переправы через Буг были захвачены неповрежденными, и это создало предпосылку для быстрого нанесения дальнейших ударов. Уже 24 июня танковые колонны достигли Слонима и Вильнюса. Удалось окружить значительные силы противника в районе Белостока (29 июня кольцо окружения замкнулось). До 1 июля противник предпринимал попытки вырваться из окружения, а затем бои в этом районе прекратились.

Подвижные соединения были быстро переброшены, чтобы принять участие в операции на окружение группировки под Минском. В общей сложности в операциях под Белостоком и Минском было взято 330 000 пленных, более 3000 орудий и 3332 танка {47} (примерно такое же количество танков имела Германия, начиная войну на Востоке). После переправы через Днепр передовым соединениям группы армий "Центр" 16 июля удалось достичь Смоленска и тем самым, как казалось, успешно завершить выполнение поставленной задачи. Поэтому неудивительно, что от немецкой армии ожидалось еще большие успехи и Гитлер считал, что он может перейти уже к реализации второго этапа своей программы.

3. Мероприятия Гитлера по реализации плана на период после "Барбароссы"

Стремительные успехи на Восточном фронте, достигнутые до начала июля 1941 года, побудили Гитлера конкретизировать свои планы на период после "Барбароссы".

Уже 4 июля 1941 года начались первые совещания в ОКХ. Эти планы войны на период после "Барбароссы" предусматривали после окончания восточной кампании возобновить в полной мере "осаду Англии", используя военно-морские и военно-воздушные силы для подготовки высадки в Англии. Наряду с этим предусматривалось запереть Средиземное море для западных держав путем захвата Гибралтара. Главным направлением в действиях сухопутных войск все же оставалось продолжение борьбы с британскими позициями в Средиземном море и на Ближнем Востоке посредством концентрированных наступательных операций, которые предусматривалось осуществить из Ливии через Египет, из Болгарии через Турцию на Суэц и при благоприятных обстоятельствах из Закавказья против Ирака (при случае - Ирана). Так как Гитлер считал разгром Советского Союза и окончание первого этапа "импровизированного плана" войны делом ближайшего будущего, он мог уже приостановить производство вооружения для восточной кампании и, намереваясь перейти к осуществлению операций второго этапа, энергично взялся за военно-техническое обеспечение кампаний плана на период после "Барбароссы". В приказе от 14 июля 1941 года он требовал существенно сократить общую численность сухопутных войск, правда значительно увеличив долю танковых соединений. Приказ требовал сосредоточить усилия военной промышленности прежде всего на производстве самолетов и продолжить выполнение программы строительства подводных лодок. Выполнение этих новых программ производства вооружений должно было завершиться к весне 1942 года. В рамках перевооружения сухопутных войск Гитлер планировал первоначально увеличить до 1 мая 1942 года число имеющихся танковых и мотопехотных дивизий соответственно на 36 и 18 {48}. В соответствии с этим производство танков должно было возрасти в среднем в месяц с 227 в 1941 году до 900. Программа строительства военно-воздушных сил предусматривала увеличение производства самолетов в два раза - с 1200 до 2400 штук в месяц при конечной цели до 3000 машин ежемесячно. В связи с нехваткой сырья и рабочей силы для полного выполнения этих программ было необходимо неуклонно урезать или ограничивать выполнение всех ранее принятых программ, и прежде всего программ производства орудий и боеприпасов. Высвобождающаяся рабочая сила, сырье и предприятия должны были использоваться для решения главных задач, прежде всего для осуществления развернутой программы строительства ВВС. Гитлер выдвигал новые требования по увеличению всеми средствами добычи угля, а также легких металлов, производства горючего и синтетического топлива.

Так как увеличение производства оружия должно было быть достигнуто при том же количестве рабочей силы и неизменном положении с сырьем, Гитлер был вынужден приостановить выполнение текущих программ для сухопутных войск, чтобы создать материальные предпосылки для военных операций на период после "Барбароссы". Несмотря на огромные ресурсы Европы, которые находились в распоряжении Гитлера летом 1941 года и которые он не мог за короткий период времени полностью использовать, германская военная промышленность была не в состоянии дальше производить в том же объеме вооружение для ведения русской кампании и одновременно осуществлять обширное производство для реализации второго этапа программы Гитлера. Причины крылись прежде всего в нехватке рабочей силы и сырья, которая и впоследствии оказывала все возрастающее влияние на военный и экономический потенциал Германии.

К началу русской кампании уже не хватало немецкой рабочей силы, так как значительная часть трудоспособного мужского населения была призвана на военную службу. Из 39,17 миллиона мужчин в 1941 году 12,24 миллиона человек были заняты в промышленности и 7,66 миллиона находились в вооруженных силах{49}. Тем самым 68,5% мужского населения Германии было задействовано, и трудно было рассчитывать на большее. Более полное использование труда женщин, которые могли бы создать резервы рабочей силы, Гитлер отклонял по идеологическим соображениям.

Государственный секретарь имперского министерства труда Зируп определял недостаток рабочей силы по состоянию на июнь в 1 млн. рабочих, хотя к этому времени в германской промышленности и сельском хозяйстве было уже занято около 3 млн. иностранцев из 27 стран. Но и этого не хватало, чтобы покрыть недостаток рабочей силы. Подобным было в 1941 году и положение с сырьем, которого хватало только для выполнения самых важных задач. В связи с уменьшением добычи угля производство железа и стали в июле по сравнению с предыдущим месяцем упало на 350 тыс. т, что привело и к сокращению поставок железа и стали для нужд вермахта.

Значительно сократились запасы тяжелых металлов, прежде всего меди и свинца. Наряду с тем что потребность в мягких металлах возрастала, их запасы и производство сокращались.

Специалисты управления военной экономики и вооружений понимали тогда, что в течение года следовало ожидать дальнейшего сокращения поступлений различного сырья, если в России не будут захвачены обширные запасы и не удастся использовать русские производственные мощности.

В своей победной эйфории в начале и середине июля Гитлер, казалось, был уже близок к тому, чтобы осуществить оба этапа своей программы. Он теперь уже не хотел занимать только оборонительную позицию в военном конфликте с США, но думал о том, чтобы по окончании восточной кампании вместе с Японией разгромить Соединенные Штаты Америки и навсегда устранить этого конкурента. Так Гитлер рассчитывал добиться осуществления своих планов завоевания мирового господства.

4. Мероприятия Советского Союза в связи с нападением Германии

Обстановку в Советском Союзе летом 1941 года нельзя никак было назвать благоприятной, но не была она и катастрофической, как это представляло себе германское руководство. Несмотря на внезапность нападения Германии, советское высшее руководство быстро овладело положением и приняло контрмеры, важнейшими из которых была сразу же начатая организованная эвакуация русской промышленности из европейской части СССР на восток. Под руководством специально созданного совета по эвакуации удалось перевести на восток 1360 крупных, главным образом оборонных, предприятий, большей частью вместе с рабочими, а также ряд небольших предприятий. Из общего числа эвакуированных крупных предприятий 455 были переведены на Урал, 250 - в Среднюю Азию и Казахстан, 210 - в Западную Сибирь{50}. Это перебазирование оборонной промышленности было совершенно неожиданным для немцев и в решающей степени повлияло на то, что германская военная промышленность не смогла выполнить свои задачи, - ведь значительная часть продукции должна была производиться по новым планам непосредственно в захваченных районах. Так, по расширенной программе производства самолетов по меньшей мере одна треть должна была производиться на хорошо оборудованных фирмах, находившихся на русской территории. Проведением мероприятий по эвакуации следует объяснять первоначальное упорное сопротивление

Красной Армии. Русские несли большие потери, испытывали трудности переброски резервов к фронту, но должны были определенное время удерживать позиции, чтобы осуществлять свою программу эвакуации промышленности{51}. Одновременно русские разрушили все промышленные предприятия, и прежде всего шахты и рудники, чтобы они не попали в руки врага. Выполнение этого решения также потребовало времени и вызвало соответствующие потери на фронте. В то же время германская военная промышленность не могла, как это ожидалось, сразу же использовать советские сырьевые ресурсы.

В связи с мероприятиями по эвакуации производство вооружения в СССР временами сильно снижалось. Если взять индекс производства в июне за 100, то, по советским данным, в декабре производство стали составляло - 36, добыча угля - 35, добыча нефти - 66{52}. Расширение производства танков, самолетов и орудий, предусмотренное и форсируемое в соответствии с третьим пятилетним планом, и неспособность немецкой армии овладеть важным центром русской военной промышленности - городом Ленинградом - позволили увеличить производство танков со 100% во втором квартале 1941 года до 160,8% в четвертом квартале того же года, орудий - до 279 %, и только по самолетам имело место снижение производства на 10,6%{53}. После введения в строй перебазируемых на восток промышленных предприятий количество выпускаемой в первом квартале 1942 года боевой техники даже увеличилось: танков - на 342,9%, самолетов - на 102,5%, орудий - на 396%{54}. Правда, не была компенсирована потеря большей части предприятий по производству боеприпасов, что начиная с осени привело к существенному ограничению боевой мощи советских войск{55}. Производство боеприпасов в третьем квартале 1941 года повысилось по сравнению с первым кварталом на 187%. Затем снизилось в четвертом квартале до 165%, а в первом квартале 1942 года даже до 120%{56}. Одновременно с проведением мероприятий по эвакуации и по выведению из строя оставляемых промышленных предприятий 23 июля 1941 года Сталин издал приказ о мобилизации русской промышленности и ее "повороте" только на производство военной продукции{57}.

В противоположность германскому руководству советское руководство главный упор делало на производство военной продукции в ходе самой войны, причем строительство многочисленных новых предприятий стало вообще возможным только в конце 1941 - весной 1942 годов.

Сразу же после начала войны Советский Союз начал формирование новых резервных соединений, появление которых было для немецкого командования неожиданным. К началу кампании ОКХ предполагало встретить в европейской части России 213 дивизий, из которых по состоянию на 8 июля 1941 года только 46 мотострелковых и 9 танковых дивизий рассматривались как полностью боеготовые. Сформирование большего числа соединений считалось невозможным{58}. В середине августа эти излишне оптимистические расчеты стали уже более трезвыми. Гальдер в своем дневнике 11 августа писал: "Мы считали, что противник будет иметь около 200 дивизий к началу войны. Теперь мы насчитываем уже 360. Конечно, эти дивизии не так вооружены и оснащены, как наши, и во много раз слабее их использование в тактическом отношении. Но они есть. И если десяток из них будет разбит, то русские восполнят их новым десятком"{59}.

Путем быстрого ввода в бой этих новых дивизий русским удавалось почти компенсировать большие потери на фронте и создавать все новые дополнительные рубежи обороны против наступающих немецких группировок. Прежде всего им удалось путем постоянных контрударов вынудить группу армий "Центр" перейти к обороне под Смоленском, оставление которого Сталин рассматривал как очень важную потерю{60}.

5. Первые трудности в осуществлении планов Гитлера

4 июля 1941 года Гитлер самоуверенно заявил: "Я все время стараюсь поставить себя в положение противника. Фактически войну он уже проиграл". Десять дней спустя в беседе с японским послом в Берлине Хироси Осима фюрер предсказывал, что не его, а Сталина на этот раз ждет судьба Наполеона. При этом Гитлер восхищенно называл своих военачальников "личностями исторического масштаба", а офицерский корпус "исключительным в своем роде". Однако к концу июля, в ходе дальнейшего развития событий на Восточном фронте, от этой уверенности не осталось и следа.

Несмотря на успешные боевые действия, на окружение противника в районе Белостока

и Минска и последующее наступление на Смоленск, несмотря на первые успехи группы армий "Север" на ленинградском направлении и группы армий "Юг" на Украине, во второй половине июля стало очевидно, что обе группы армий, действующие на флангах, не смогут справиться с противостоящими им силами противника в намеченные сроки и поэтому будут вынуждены для выполнения поставленных задач использовать часть соединений группы армий "Центр". Гитлер, принимая решение, куда повернуть соединения группы армий "Центр" - на север или на юг, назвал его самым трудным решением этой войны. Уверенность Гитлера в отношении дальнейшего хода кампании согласно плану нашла отражение в ряде директив в конце июля начале августа.

19 июля в директиве ОКВ No 33 Гитлер требовал повернуть пехотные и танковые части и соединения на юг для оказания поддержки группе армий "Юг" и одновременно вести также наступление подвижными частями и соединениями в северо-восточном направлении для поддержки группы армий "Север", а силами пехотных соединений группы армий "Центр" продолжать наступление на Москву. 23 июля в дополнение к этой директиве он отдал даже приказ об окончательной передаче 2-й танковой группы в подчинение группы армий "Юг" и о временном подчинении 3-й танковой группы группе армий "Север". 30 июля Гитлер был вынужден в новой директиве ОКВ No 34 отменить на время свое решение, изложенное в дополнение к директиве ОКВ No 33. 3-ю танковую группу не разрешалось вводить в бой, группе армий "Центр" было приказано приостановить наступление, 2-я и 3-я танковые группы должны были получить пополнение. Эта директива также была дополнена новым указанием от 12 августа, в котором группе армий "Центр" предписывалось вести наступательные операции на флангах, обеспечивая тесное взаимодействие с соседними группами армий, чтобы отразить угрозу контрударов противника.

Эти директивы свидетельствовали о расхождении мнений в оценке обстановки, о разногласиях Гитлера со своими военными советниками, а также о том, что оставалось неясным, как продолжать кампанию, поскольку не удалось, как предполагалось по плану, разгромить противника западнее рубежа Днепр, Западная Двина. В своих учебных разработках генерал Маркс еще осенью 1940 года исходил из того, что кампания должна закончиться западнее рубежа Днепр, Западная Двина. Во время военных игр, проходивших под руководством генерал-лейтенанта Фридриха Паулуса, бывшего в то время главным квартирмейстером сухопутных войск, участники их тоже пришли к убеждению, что Красная Армия должна быть разгромлена западнее этого рубежа, ибо в противном случае германские вооруженные силы оказались бы слишком слабыми, чтобы на широких русских просторах одержать победу над Советским Союзом. Но это была такая задача, которую Гитлер не смог решить, планируя операции в конце января 1941 года. Все первоначальные планы кампании против России исходили из того, чтобы не допустить отхода Красной Армии в глубь территории Советского Союза. На случай же, если этого сделать не удастся, планы не были подготовлены, так как главнокомандование сухопутных сил, переоценив свои возможности, не учло вероятности такого развития обстановки. В конце июля Гитлер понял, что его мечты 15 августа занять Москву, а 1 октября закончить войну с Россией оказались несбыточными: противник не посчитался с его планами. В эти дни Гитлер все больше задумывается над фактором времени, который стал определяющим моментом в развертывании всех последующих операций. Убедительную картину нарисовал начальник штаба ОКВ генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель в беседе с генерал-фельдмаршалом фон Боком при посещении 25 июля ставки группы армий "Центр" в Борисове. "Надежда Гитлера на то, что Япония использует момент для сведения счетов - с Россией, кажется, не оправдалась. Во всяком случае, на выступление ее в скором времени рассчитывать не приходится. Но в интересах немцев необходимо как можно быстрее нанести России сокрушительный удар, так как иначе завоевать ее невозможно". Оценивая сложившуюся обстановку, фюрер озабоченно задает себе вопрос: "Сколько времени у меня еще есть, чтобы покончить с Россией, и сколько времени мне еще потребуется?"

Кейтель прибыл в штаб группы армий "Центр", чтобы информировать Бока о политической обстановке, а главным образом о новом указании Гитлера "перейти от крупных операций на окружение к тактическим действиям ограниченного масштаба с целью полного уничтожения окруженного противника". Эти соображения Гитлера свидетельствовали о том, что он, признавая недостатки прежних планов, ищет новые пути для достижения своих целей и что его уверенность в завершении военной кампании в короткий срок поколебалась.

Гитлер был поражен данными о численности Красной Армии, ее оснащенности и вооружении настолько, что это явилось еще одной из причин его неуверенности и колебаний.

14 июля Гитлер в беседе с Осимой говорил о многочисленных неожиданностях, которые Германии пришлось пережить. 21 июля в беседе со словацким маршалом Кватерником он сказал, что русские произвели такое большое количество самолетов и танков, что если бы его заранее проинформировали, то он, фюрер, не поверил бы этому и решил, что это, по-видимому, дезинформация. В беседе с Гудерианом, который действительно предупреждал его о хорошо налаженном производстве танков у русских, Гитлер 4 августа 1941 года заявил^{61}, что если бы он знал, что цифры, названные Гудерианом, соответствуют действительности, то принять решение о нападении на СССР ему было бы значительно труднее^{62}.

Хотя главными целями дальнейших наступательных операций Гитлер считал захват Ленинграда как "цитадели большевизма", а также овладение Украиной и Донецким бассейном по соображениям военно-экономического характера, он все же долгое время не мог прийти к решению, каким образом следует добиваться достижения этих целей.

Только в результате того, что сложилась тяжелая обстановка на фронте групп армий "Север" и "Юг", а также под влиянием сильных контратак русских восточнее Смоленска, Гитлер решился отдать приказ о приостановке наступления группы армий "Центр" и о переходе ее к обороне, а также об уничтожении сил противника на флангах Восточного фронта. Конечно, главной причиной, обусловившей переход немецких войск к обороне восточнее Смоленска, явились не возникшие трудности материально-технического обеспечения войск группы армий "Центр", а контратаки русских.

Бок писал: "Я вынужден ввести в бой теперь все мои боеспособные дивизии из резерва группы армий... Мне нужен каждый человек на передовой... Несмотря на огромные потери... противник ежедневно на нескольких участках атакует так, что до сих пор было невозможно произвести перегруппировку сил, подтянуть резервы. Если в ближайшее время русским не будет где-либо нанесен сокрушительный удар, то задачу по их полному разгрому будет трудно выполнить до наступления зимы".

Хотя в конце августа Гитлер еще верил, что Германия одержит победу над Советским Союзом до конца октября, все же к этому времени у фюрера появляются мысли о возможности более длительной войны на Восточном фронте, выходящей за рамки зимы 1941/42 года. В памятной записке ОКВ от 27 августа 1941 года о стратегическом положении в конце лета того же года эти сомнения проявились еще четче: "Разгром России является ближайшей и решающей целью войны, которая должна быть достигнута при использовании всех сил, которые возможно оттянуть с других фронтов. Поскольку в 1941 году полностью осуществить это не удастся, в 1942 году продолжение восточной кампании должно стать задачей номер один... Только после того как России будет нанесено военное поражение, должны быть развернуты в полную силу боевые действия в Атлантике и в Средиземном море против Англии, если возможно, с помощью Франции и Испании. Даже если еще в этом году России будет нанесен сокрушительный удар, вряд ли до весны 1942 года удастся высвободить сухопутные войска и военно-воздушные силы для решающих операций в Средиземном море, в Атлантике и на Пиренейском полуострове".

Из этого анализа обстановки видно, что первоначальное намерение еще осенью 1941 предпринять операции против англичан на Ближнем Востоке и оттянуть войска с русского фронта оказалось неосуществимым.

В директиве No 32 и в проектах планов от 4 июля 1941 года предусмотрены три охватывающие операции против Ближнего Востока на период после "Барбароссы". Из всех этих планов теперь в силе остался только план наступательной операции через Кавказ в направлении на Иран.

Намеченную на осень реорганизацию и перевооружение сухопутных сил пришлось отложить на неопределенный срок, операции, запланированные на период после "Барбароссы", также отодвигались, так как после предполагаемого окончания восточной кампании армии потребовалось бы время для пополнения людьми и техникой. Таким образом, Гитлер расписывался в том, что его план "молниеносной войны" провалился. В поисках виновников он выступил с резкой критикой в адрес ОКХ по поводу дальнейшего

ведения операций и вел себя по отношению к нему вызывающе и даже оскорбительно. Насколько обидными были упреки Гитлера, свидетельствует сделанное Гальдером Браухичу предложение подать рапорт об отставке. Браухич, однако, отклонил это предложение. Гитлер и военное руководство вынуждены были в конце августа признать, что они просчитались в своих планах относительно России. Да и среди населения стали раздаваться унылые голоса по поводу того, что война затянулась слишком надолго и что армия понесла огромные потери.

Потери в людях на Восточном фронте составили к концу августа в общей сложности 585 122 человека - это примерно в три раза больше, чем потери за всю кампанию во Франции.

За это же время немецкие войска потеряли 1478 танков и штурмовых орудий, то есть примерно 43% от наличного состава танков и штурмовых орудий к началу войны с Россией.

В донесении службы безопасности от 4 августа 1941 года говорилось: "Часто высказываются мнения, что кампания развивается не так, как это можно было ожидать на основании сводок, опубликованных в начале операции... Теперь складывается впечатление, что русские располагают громадным количеством вооружения и техники и что сопротивление их усиливается".

В донесении от 4 сентября 1941 года отмечалось, что "многие граждане рейха высказывают недовольство тем, что военные действия на Восточном фронте слишком затянулись. Все чаще можно слышать высказывания о том, что наступление на Востоке развивается очень медленно".

Чтобы устранить эти настроения и вернуть у населения веру в режим, нужно было быстрее закончить войну в России, и закончить ее победой.

Военно-экономические вопросы. В августе пришлось сделать вывод, что намеченные 14 июля 1941 года планы выпуска вооружения и боевой техники также не выполнены в полном объеме. Планируемый выпуск продукции для вновь формируемых танковых и моторизованных дивизий был уже 8 августа сокращен на 16%. Из запланированных первоначально 36 танковых дивизий трехполкового состава теперь должно было быть сформировано только 30 дивизий двухполкового состава, из 18 моторизованных дивизий - только 15 дивизий двухполкового состава.

На расширенных совещаниях в управлении военной экономики и вооружений ОКВ, продолжавшихся с 14 по 16 августа 1941 года, было принято решение в связи с недостатком рабочей силы и сырья сократить программу по выпуску танков с 900 до 650 штук в месяц. Кроме того, было принято решение наряду с частичным сокращением производства для нужд сухопутных войск ограничить выпуск зенитных установок, полностью прекратить производство, связанное с подготовкой к десантной операции "Зеелёве" ("Морской лев")^{63}, а обширную программу производства для ВВС согласовать с имеющимися возможностями.

Имперский министр по делам вооружения и боеприпасов Фриц Тодт, принимавший участие в совещании, констатировал, что план производства танков и расширенная программа выпуска вооружения для ВВС возникли в тот период, когда надеялись с окончанием войны на Восточном фронте высвободить из армии для нужд хозяйства 1 млн. человек. Теперь положение изменилось. Если даже цифра в 1 млн. человек была на 100% завышена, то все же очевидным становилось, что главным препятствием на пути осуществления планов производства вооружения был в первую очередь недостаток рабочей силы. Начальник штаба ОКХ в своей докладной записке о возможностях реорганизации сухопутных сил осенью 1941 года, ссылаясь на необходимость оказания эффективной помощи хозяйству людьми по окончании операций осенью 1941 года, пришел к выводу, что после окончания операций на Восточном фронте из состава вооруженных сил может быть выделено для нужд промышленности максимум 500 тыс. человек, из которых 200 тыс. составят уволенные из армии участники мировой войны и 300 тыс. - специалисты, крайне необходимые в промышленности. Все планы военной промышленности исходили из того, что после окончания восточной кампании в ходе реорганизации сухопутных войск большая часть рабочих-специалистов будет направлена на предприятия. При этом предполагалось расформировать 49 пехотных дивизий, в результате чего для военной промышленности высвободилось бы около 500 тыс. человек.

Первоначально намечалось расформировать даже 60 пехотных дивизий, но к августу эта цифра уменьшилась до 49. В июле потребности в рабочей силе составили 1,5 млн. человек, и, таким образом, их можно было удовлетворить только на одну треть, а в специалистах - даже только на одну пятую. Напряженная обстановка на фронте дала понять руководству соответствующих ведомств, что об использовании высвобождающихся солдат в военной промышленности в ближайшее время не может быть и речи. Поэтому существующее противоречие между растущим спросом и имеющимися резервами рабочей силы для военной промышленности продолжало углубляться. Из 9,9 млн. непризванных военнообязанных, относящихся к контингентам 1897 - 1923 годов, после призыва на действительную службу, выделения лиц, подлежащих броне, а также непригодных для военной службы, к началу августа оставалось всего 72 тыс. человек. Это означало, что нельзя ни восполнить потери в личном составе, ни удовлетворить потребность в увеличении численности войск на фронте, поскольку оказался превышенным годовой естественный прирост контингента военнообязанных (350 тыс. человек). Решить эту задачу можно было, только оголив другие области хозяйства или призвав на действительную службу людей более молодых возрастов. Но возможности для этого были ограничены, и главным образом потому, что увеличивалась потребность в рабочих для военной промышленности. Хотя гражданские отрасли промышленности и могли путем различного рода внутренних перемещений высвободить для военного производства ежемесячно около 30 тыс. человек, все же этого было недостаточно.

Выход из сложившейся ситуации, найденный немецким руководством, был весьма прост: использовать в военной промышленности около 500 тыс. французских военнопленных, занятых до этого в сельском хозяйстве Германии. Их место в сельском хозяйстве могли занять русские военнопленные. Первые попытки главного командования вермахта и имперского министерства труда провести этот план в жизнь относятся к середине июля, хотя тогда уже стало ясно, что использование русских военнопленных для работ на территории Германии в соответствии с ранее отданными высшими инстанциями директивами невозможно.

В августе обстановка немного прояснилась, после того как верховное главнокомандование вермахта, а главным образом Геринг, как генеральный уполномоченный по выполнению четырехлетнего плана, потребовали замены французских военнопленных русскими. 2 августа верховное главнокомандование вермахта обратилось с просьбой об использовании русских военнопленных в Германии. Эта мера рассматривалась как "вынужденное зло". Однако Герингу удалось заполучить для военной промышленности, и в первую очередь для осуществления программы производства самолетов, 100 тыс. французских и только 120 тыс. русских военнопленных, так как использование большего количества русских на территории империи Гитлер категорически запретил. Таким образом, помощь военной промышленности была оказана, но не в той мере, как требовалось. В связи с тем что большинство французских военнопленных нуждались в подготовке для работы в военной промышленности, коэффициент их полезной деятельности был пока низким. К тому же этого количества военнопленных было совершенно недостаточно. Только для выполнения самых срочных и самых важных военных заказов требовалось: военно-морскому флоту - 30 тыс. человек, сухопутным войскам - 51 тыс. человек, военно-воздушным силам до конца 1941 года - 316 тыс. человек, для осуществления программы Крауха (горючее, алюминий, искусственный каучук) 133 700 человек, то есть всего 530 700 человек. Единственная возможность решения проблемы рабочей силы - а в августе это стало совершенно очевидно состояла в том, чтобы в будущем использовать людские ресурсы русских.

Участники совещания в управлении военной экономики и вооружений 16 августа 1941 года пришли к выводу, что даже самые важные производственные программы следует сократить ввиду недостатка сырья. Командующий армией резерва генерал-полковник Фромм потребовал, чтобы руководство вермахта "спустилось наконец из заоблачных высот на грешную землю". Реальные условия диктовали либо резкое сокращение производственных программ, либо захват новых сырьевых баз. Недостающие запасы сырья необходимо было пополнить из богатых недр европейской части Советского Союза, а это и было одной из главных причин, которая побудила Гитлера напасть на СССР. В своих заметках о военно-хозяйственном значении операции на Востоке начальник управления военной экономики и вооружений указывал, что для Германии наступит облегчение с сырьем в том случае, если удастся решительными действиями

воспрепятствовать противнику в ликвидации запасов сырья, захватить в целости и сохранности нефтеносные районы Кавказа и решить транспортную проблему.

Для эксплуатации русской промышленности и природных богатств планировалось создание особой организации, и вопрос об этом предварительно обсуждался еще в ноябре 1940 года. Первоначально эта организация была передана в подчинение генерал-лейтенанта Шуберта и получила название "рабочего штаба России". 19 марта 1941 года она была переименована в "экономический штаб особого назначения Ольденбург" и подчинена непосредственно Герингу. Организация должна была заниматься вопросами не только военной, но и всей экономики в целом, то есть поставить промышленность и сырьевые ресурсы СССР на службу интересам Германии.

Руководство управления военной экономики и вооружений придерживалось мнения, что Германия должна не только использовать сырьевые ресурсы России для продолжения войны, но и в дальнейшем восстановить русскую промышленность и сельское хозяйство. Геринг же, напротив, был сторонником безудержного разграбления Советского Союза и делал все возможное, чтобы это осуществить. В июне 1941 года организация была переименована в "военно-экономический штаб Ост". Она имела в своем подчинении в тыловых районах групп армий "экономические инспекции", в каждой группе армии по одной, в охранных дивизиях по одной или несколько "экономических команд" и в каждой армии по одной "экономической группе". Все эти "экономические" организации находились в распоряжении соответствующих командных инстанций вермахта и выполняли задачи по снабжению войск.

Но главное назначение их состояло в том, чтобы делать все необходимое для быстрого и максимально эффективного использования оккупированных районов в интересах Германии, то есть в разграблении богатств Советского Союза. 25 августа 1941 года Гитлер в беседе с Муссолини отметил, что экономическая оккупация и эксплуатация Советского Союза успешно начались. Он даже утверждал, что захваченная добыча значительно больше той, на которую рассчитывала немецкая армия. Однако Гитлер утаил тот факт, что захваченные источники сырья ввиду сильных разрушений и повреждений добывающих предприятий могут быть использованы для немецкой военной промышленности лишь в ограниченных размерах и что ввиду недостатка транспорта переброска сельскохозяйственной продукции из Советского Союза не может быть полностью обеспечена. Тем не менее в этой области, так же как и в области сырья, оставалась надежда, что в дальнейшем удастся преодолеть все нарастающие, становящиеся теперь очевидными трудности, если дело будет лучше организовано и если немецкие войска будут успешно продвигаться вперед на Восток.

Вопрос о сырье сыграл решающую роль в том, почему Гитлер, разойдясь во мнениях с ОКХ в отношении дальнейшего плана операций, в конце августа решил главный удар нанести на юге, а не на фронте группы армий "Центр". Фюрер считал, что уничтожение или захват жизненно важных сырьевых баз имеет гораздо большее значение, чем захват или разрушение промышленных предприятий по переработке сырья.

Необходимость овладения Донецким бассейном и обеспечения прикрытия румынских нефтеносных районов побудила Гитлера к тому, чтобы, используя оперативно выгодную исходную позицию на внутренних флангах групп армий "Юг" и "Центр", начать наступление с целью уничтожить русские армии в районе Киева и открыть путь к советским базам сырья. К этому времени добыча угля в Германии составляла около 18 млн. т в месяц (июнь 1941 г.), железной руды 5,5 млн. т в год, нефти - 4,8 млн. т в год{64}.

После успешного проведения первого этапа операции по окружению Киева Гитлер решил, что уже почти выполнены обе главные задачи кампании овладеть Крымом и промышленным каменноугольным районом Донецка и перерезать русские пути подвоза нефти с Кавказа, а также на севере отрезать Ленинград и соединиться с финнами. Однако немецкое военное командование к началу сентября понимало, что "русский колосс" не только не сокрушен, но и сосредоточил большую часть сил под Москвой, которые необходимо уничтожить, если хочешь добиться окончательной победы над Россией. Красная Армия к началу сентября сосредоточила под Москвой на хорошо оборудованных позициях около 40% личного состава сухопутных сил и артиллерии, 35% танков, 35% ВВС{65}. Так как русское командование считало, что решающим направлением будет западное, оно стянуло туда также большое количество людских

резервов и техники.

Политическая обстановка. Внешнеполитическое положение Германии было таково, что ей как воздух была нужна скорейшая победа над Советским Союзом. В своих планах на период после "Барбароссы" немецкое командование рассчитывало на поддержку, а может быть, даже на вступление в войну Турции, Испании и вишистской Франции на стороне "Великой германской империи". Уже в марте 1941 года германский посол в Турции Франц фон Папен сообщал, что Турция выступит на стороне стран оси только в том случае, если для них сложатся благоприятные условия. Подобной позиции придерживалась и Испания. Надежды на то, чтобы договориться с вишистской Францией, главным образом по вопросу о ее североафриканских владениях, в начале сентября потерпели крушение, так как Франция поняла, что в результате ослабления Германии в войне с Россией она сможет в недалеком будущем снова выдвинуться в разряд великих держав. Но это были надежды, которые могли осуществиться только тогда, когда победа над Россией стала бы очевидной, а названные выше страны рискнули бы в связи с этим вступить в войну. К тому же после оккупации США Исландии Гитлер опасался, и не без оснований, что в войну вступят США и тогда он сможет вести войну только в том случае, если экономический потенциал России окажется в его руках. Страх перед вступлением США в войну в тот момент, когда еще не закончилась кампания в России, заставил Гитлера сделать все возможное, чтобы не дать Америке никакого повода для объявления войны Германии. Он надеялся, что после победы над Россией США не решатся выступить против Германии и сохранят нейтралитет, тем более что американские силы будут скованы в Тихом океане партнером по оси - Японией.

В беседе с главнокомандующим ВМС гроссадмиралом Эрихом Редером Гитлер снова подчеркнул свое решение делать все возможное, чтобы не дать Соединенным Штатам повода для вступления их в войну в ближайшее время. Просьба о разрешении немецким подводным лодкам нападать на американские корабли была Гитлером категорически отклонена.

Выступление Японии в Юго-Восточной Азии и ее сдержанную позицию по отношению к Советскому Союзу Гитлер в противоположность Иоахиму фон Риббентропу одобрял, так как это оттягивало часть английских сил из Европы и Северной Африки и удерживало США от вступления в войну.

Риббентроп, который расходился с Гитлером во мнениях по внешнеполитическим проблемам, стремился с самого начала русской кампании склонить Японию как можно быстрее начать боевые действия против Советского Союза. Все его попытки, однако, терпели провал, наталкиваясь на пресловутые "эгоистические соображения" и на реалистическую оценку обстановки японцами.

Нападение Японии на Россию Гитлер считал невозможным. Впрочем, ответ на вопрос, выгодно ли такое нападение для Германии, он ставил в зависимость от складывающейся военной обстановки. Во всяком случае, в начале сентября он верил в то, что сможет один, без помощи Японии, поставить Россию на колени. Партнеры по оси, однако, к этому времени уже не были так уверены в победоносном исходе немецкой кампании против Советского Союза. Итальянский генштаб и Муссолини начиная со второй половины июля считали, что Германия переоценила свои силы и что России удастся продержаться до зимы. Японцы, находясь под впечатлением силы русского сопротивления под Смоленском и памятуя уроки боев с Красной Армией на Халхин-Голе{66}, приняли решение искать политического урегулирования отношений с Советским Союзом. Еще в 1941 году они не скрывали своих сомнений в победоносном исходе для Германии восточной кампании.

Гитлер, зашедший в начале сентября в тупик, видел единственный выход из сложившейся ситуации в том, чтобы сосредоточить все свои усилия на Восточном фронте с целью обеспечить себе стратегический перевес еще в 1941 году и создать выгодные условия для развития операций в период после "Барбароссы" в 1942 году. Но для этого Гитлеру нужно было окончательно разгромить Красную Армию и добиться свободы действий в оперативном отношении на европейской территории России, что было возможно только, если русские войска будут разбиты под Москвой. Поэтому, с точки зрения Гитлера, было логично прислушаться к аргументам ОКХ, которые он до сего времени отвергал как несостоятельные, и поставить все на козырную карту, название которой "Москва", чтобы таким образом закончить войну на Востоке.

Победоносный исход наступления осенью 1941 года должен был способствовать разрешению все нарастающих трудностей в военной, экономической и политической областях.

Часть вторая.

Сентябрь -октябрь 1941 года

Раздел I.

Операция "Тайфун"

Оптимизм Гитлера в оценке обстановки на фронте в первые дни сентября 1941 года основывался на том, что ему казалось возможным в соответствии с планом осуществить окружение Ленинграда силами группы армий "Север", в то время как под Киевом крупная операция по окружению противника развивалась успешно. Значительная часть сил Красной Армии была втянута в боевые действия и очень быстро окружена {67}. Впереди снова была победа всемирно-исторического значения, которая давала повод надеяться так же победно закончить наступление на Москву, во время зимней паузы перегруппировать войска и предоставить им передышку.

1. Подготовка немецких войск

Предписанная директивой No 35 от 6 сентября 1941 года "решающая операция против группы армий Тимошенко, ведущей бои западнее Москвы" {68}, должна была привести к победному исходу всей кампании. "Она (группа армий) должна быть решительно уничтожена до наступления зимы. Для этого необходимо сосредоточить все силы сухопутных войск и военно-воздушных сил, имеющиеся на флангах, и бросить их своевременно в наступление..."

Наряду с проведением и завершением операции под Киевом и дальнейшим продвижением группы армий "Юг" в направлении Донецкого бассейна и Крыма директива предусматривала: "Операцию против группы армий Тимошенко подготовить таким образом, чтобы по возможности быстрее (конец сентября) перейти в наступление и уничтожить противника, находящегося в районе восточнее Смоленска, посредством двойного охвата, осуществляемого в общем направлении на Вязьму, при наличии мощных танковых сил, сосредоточенных на флангах... После того как основная масса войск группы Тимошенко будет разгромлена в этой решающей операции на окружение и уничтожение, группа армий "Центр" должна начать преследование противника..."

Замысел операции {69}. Оперативный замысел на наступление в направлении Москвы, который Бок в конце августа уже "похоронил", основывался на подготовке крупной операции на окружение противника, находящегося в районе восточнее Смоленска. Путем сосредоточения крупных группировок на флангах, где было решено наносить главные удары силами подвижных соединений, предполагалось прорвать оборону противника и, замкнув оба кольца под Вязьмой, окружить его. С самого начала относительно замысла операции возникли противоречия между Бокком и ОКХ. Если Бок хотел осуществить более глубокий охват с флангов, то ОКХ требовало замкнуть клещи под Вязьмой, то есть непосредственно в районе боевых позиций противника. Уже во время переговоров 2 сентября, а также и в дальнейших требованиях, выдвигаемых к ОКХ, Бок просил нацелить танковые войска на Гжатск.

Еще 17 сентября он писал Гальдеру: "Когда я думаю о слишком узкой полосе наступления, которое мне приказано осуществить, то никаких мыслей не возникает. Но мне кажется, что вопрос следует поставить так: кто должен диктовать свои правила - я или противник? Если время завершения окружения танками ставить в зависимость от того, задержится или нет пехота на передовых позициях, то диктовать будет противник! Должны ли танки, если они успешно продвигаются вперед, возвращаться обратно, если пехота где-либо остановится, или они должны продвигаться дальше и тем самым завершить своими силами окружение? Или было бы лучше использовать скорость и ударную силу танков, нацелить их в глубину (Вязьма - Гжатск), чтобы перерезать пути снабжения противника, разгромить его резервы и средства управления и только потом повернуть на запад и замкнуть кольцо окружения, которое мы планируем?"

В конечном счете все произошло так, как предписывалось в директиве ОКВ No 35, хотя

Боку было обещано, что "все двери будут оставлены открытыми". Так как подготовка к наступлению продолжалась почти весь сентябрь, группа армий "Центр" и подчиненные ей командные инстанции имели достаточно времени, чтобы в деталях спланировать новую операцию и выверить правильность замысла в принципе. Бок принял решение не только наступать на двух главных направлениях, как ранее планировалось, но и дополнительно образовать третье направление за счет сил 2-й танковой группы, высвободившихся под Киевом, с целью глубокого продвижения

на восток, чтобы стали яснее перспективы дальнейшего преследования в направлении Москвы после завершения боев против окруженной группировки.

Проблема взаимодействия, перегруппировки и смены танковых и пехотных соединений, не раз возникавшая прежде, решалась Боксом путем подчинения танковых соединений и частей полевым армиям или отдельным пехотным соединениям, хотя это и приводило к значительным трениям в ходе операции. Только 2-я танковая группа получила на усиление два пехотных корпуса и подчинялась непосредственно командованию группы армий.

24 сентября 1941 года состоялось последнее оперативное совещание всех командующих танковых и пехотных армий с участием Браухича и Гальдера, а 26 сентября был издан приказ на наступление. Об этом совещании пишет Гудериан, который тогда настоял, чтобы его соединения выступили 30 сентября, "так как в районе будущих действий 2-й танковой группы не было дорог с твердым покрытием и я хотел использовать тот небольшой промежуток времени, пока стояла хорошая погода, чтобы до наступления распутицы достигнуть по меньшей мере хороших дорог в районе Орла, установить рокадные пути между Орлом и Брянском и создать тем самым необходимые условия для обеспечения снабжения" {70}.

В приказе предусматривалось, что 4-я армия силами приданной ей 4-й танковой группы должна нанести удар по противнику по обеим сторонам шоссе Рославль - Москва, чтобы затем, "наступая крупными силами по шоссе Смоленск - Москва, замкнуть кольцо окружения у Вязьмы".

Наступление этой группировки планировалось дополнить действиями 3-й танковой группы {71}, приданной 9-й армии. Позиции противника намечалось прорвать на участке автострада - Белый, продвигаясь в направлении на Холм. Подвижные соединения должны были выйти к Вязьме восточнее верховьев Днепра и соединиться там с частями 4-й танковой группы. Обеспечение открытого фланга возлагалось на 9-ю армию. Развертываемые между двумя танковыми группами соединения 4-й и 9-й армий должны были сковать противника в районе Ельня, автострада и в дальнейшем в случае успеха действий перейти в решительное наступление. Тем самым Бок надеялся сковать силы противника на центральном участке, не допустить их отхода и обеспечить полное окружение противника. На южном крыле 2-я армия получила задачу прорвать позиции русских на Десне и наступать в направлении Сухиничи, Мещовск, обходя Брянск с северо-запада, в то время как наступающая из района Глухова 2-я танковая группа должна была выйти на рубеж Орел, Брянск, чтобы во взаимодействии с войсками 2-й армии окружить и разгромить противника в районе Брянска. Для обеспечения фланга группы армий "Центр" на юге 6-я армия группы армий "Юг" должна была продвигаться в направлении на Обоянь. И хотя в последнюю неделю сентября еще не было завершено сосредоточение всех сил, Бок настаивал на скорейшем начале наступления, чтобы использовать благоприятные погодные условия. Начало наступления было назначено на 28 сентября 1941 года, и оставалось только надеяться, что планы операции и оценка обстановки были правильными и что "последнее решающее сражение кампании" будет выиграно. ОКХ в своих планах исходило из того, что операция "Тайфун", а с ней и вся кампания, завершится до середины ноября и после этого можно будет приступить к перегруппировке и доукомплектованию войск.

Подготовка личного состава и материальной части. В директиве ОКВ No 35 на проведение новой операции, которая 19 сентября 1941 года получила кодовое название "Тайфун", подчеркивалось, что она должна непременно пройти удачно, в самое короткое время, до начала осенней распутицы и зимы, и завершиться победой. О том, какое значение Гитлер придавал фактору времени, говорит его требование к Гальдеру начать наступление в течение 8 - 10 дней. Эти требования Гальдер называл невозможными. Основанием для этого был тот факт, что 2-я армия и 2-я танковая группа были

повернуты на юг и участвовали в боях за Киев, а поэтому не могло быть и речи о наступлении южного фланга группы армий "Центр" на Москву. Остающиеся силы группы армий после продолжительных оборонительных боев восточнее Смоленска не могли наступать на укрепившегося противника без проведения перегруппировки и пополнения запасов материальных средств. Для того чтобы все-таки начать наступление в намеченный срок, Гитлер приказал передать группам армий "Север" и "Юг" 2-ю и 5-ю танковые дивизии, предусмотренные для действий по плану на период после "Барбароссы" {72}. Переброска соединений из соседней группы армий на расстояние до 600 км, вывод 2-й армии и 2-й танковой группы из боев за Киев и их развертывание в новом районе потребовали больше времени, чем предполагалось. 16 сентября Бок писал в своем дневнике: "Кессельринг ужаснулся, что подготовка к наступлению длится так долго. Я был того же мнения. И действительно, ни одна из всех танковых дивизий, переданных мне из группы армий "Север", еще не прибыла..."

Несмотря на все принятые меры, в сентябре 1941 года не представлялось возможным в такой степени пополнить группу армий "Центр", чтобы покрыть потери, понесенные ею в ходе кампании {73}. В то время как "разбитая" Красная Армия создавала резервы {74}, боеспособные резервы ОКХ были уже израсходованы. Начиная с середины сентября восполнять потери было уже нечем. С начала кампании и до начала октября группа армий "Центр" получила пополнение около 151 тыс. человек. Общие потери группы армий составили 219 114 человек и не могли быть больше восполнены. Из имеющихся первоначально в резерве ОКХ 24 дивизий в конце августа на фронт была переброшена 21 дивизия, в том числе 8 в группу армий "Центр". К началу операции "Тайфун" 3 последние резервные дивизии ОКХ были также направлены на фронт, так что в распоряжении командования резервов больше не оставалось. Еще более важным было то обстоятельство, что потери материальной части танковых дивизий восполнялись недостаточно, так как Гитлер оставлял выпускаемые промышленностью танки для операций на период после "Барбароссы", считая, что наступление на Москву может быть успешно завершено наличными силами. 13 июля Гитлер отдал приказ о формировании новой танковой армии для выполнения плана на период после "Барбароссы", имея в виду использование на Востоке только наличных танковых сил. Несмотря на необходимость создания ударной группировки в группе армий "Центр", Гитлер не хотел передавать на Восточный фронт танки, предусмотренные для использования в более позднее время, и тем самым ограничивать материальные возможности на период после "Барбароссы". В середине июля, когда начальник оперативного отдела штаба сухопутных сил генерал-майор Вальтер Буле определил потери в танках на Восточном фронте в количестве 50%, Гитлер разрешил использовать дополнительно только 70 танков Т-III и 15 танков Т-IV, а также некоторое количество чехословацких трофейных танков. Гитлер создавал оплот для осенней кампании на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Вследствие этого в начале октября во 2-й танковой группе насчитывалось лишь 50% штатной численности танков, в 3-й танковой группе - от 70 до 80%, только в 4-й танковой группе - 100%. Но приведенные данные не отражали действительного положения, так как в них не учитывалось реальное число танков, готовых к использованию в бою. 19 сентября 1941 года Гальдер в своем дневнике отметил, что в соединениях 2-й танковой группы было следующее число готовых к использованию в бою танков: в 3-й танковой дивизии - 20%, в 17-й танковой дивизии - 21%, в 4-й танковой дивизии - 29%, в 18-й танковой дивизии - 31%.

После боев под Киевом вследствие повреждений, полученных в бою и из-за тяжелых дорожных условий, фактическая боеспособность танковых дивизий еще более снизилась. Танковые соединения 3-й танковой группы в результате боев за Великие Луки и Торопец в конце августа имели к началу наступления на Москву только 30% готовых к использованию в бою танков. Фактически число готовых к использованию в бою танков в соединениях 4-й танковой группы в конце сентября составляло: в 20-й танковой дивизии - 34%, в 11-й танковой дивизии - 72%, в 10-й танковой дивизии - 88%, во 2-й танковой дивизии 94%, в 5-й танковой дивизии - 100%. Всего к началу операции Гальдер рассчитывал иметь во всех трех танковых группах около 60% готовых к использованию в бою танков {75}.

Большие потери в танках в общем укладывались в рамки больших потерь в технике на Восточном фронте, но они объяснялись также недостатками немецкой ремонтно-восстановительной службы, работа которой не отвечала предъявляемым к ней требованиям. Так как группы армий располагали лишь складами запасных частей и не имели достаточного количества ремонтных подразделений, приходилось отправлять

поврежденные танки в Германию для ремонта в заводских условиях. Поскольку потери в танках в ходе боев, а также вследствие непредусмотренного износа в связи с температурными и погодными условиями были значительно выше, чем ожидалось, центральная ремонтно-восстановительная служба не успевала наращивать свои мощности. К тому же сказывалась нехватка запасных частей, которая усугублялась наличием различных марок танков - французских, чехословацких, да и немецкие танки были неодинаковы. Централизация ремонта танков приводила также к тому, что их доставка с фронта и отправка обратно на фронт уменьшала и без того небольшую пропускную способность железных дорог. Кроме того, фронт лишался танков на длительное время. Предприятия немецкой танковой промышленности были в более значительной степени, чем планировалось, загружены ремонтными работами и не могли выполнить задачи по выпуску новых танков. Только в 1942 году был осуществлен переход к децентрализованной системе ремонта танков в полевых условиях.

Столь же неудовлетворительным было положение с автомобильной техникой, особенно во 2-й армии. 13 сентября в донесении штаба 2-й армии указывалось, что "состояние автомобильной техники в армии ставит под вопрос маневренность дивизий и снабжение войск. Потери машин с каждым днем возрастают и не могут быть возмещены даже приблизительно за счет трофейной техники. Грузоподъемность имеющейся в армии автомобильной техники сократилась с 2900 до 1500 т, и в связи с сильной изношенностью материальной части следует считаться с дальнейшим ее снижением".

В группе армий "Центр" к началу операции, по подсчетам Гальдера, не хватало 22% автомашин и 30% тягачей, от которых зависела маневренность и боеготовность большей части артиллерии.

В начале октября стало совершенно очевидно, что, несмотря на все старания, боевая мощь и маневренность наступающих соединений не могут быть использованы в полной мере, так как для этого недостает необходимых людских ресурсов и материальных средств. Накопление материальных запасов должно было продолжаться весь сентябрь и, как надеялось немецкое командование, привести к восполнению существующего недостатка. Хотя на участке до Смоленска и Торопца удалось перешить русскую железнодорожную колею на немецкую и тем самым обеспечить относительно быструю доставку материальных средств, хотя тыловые службы создали достаточные запасы в прифронтовых складах в Гомеле, Рославле, Смоленске и Витебске, всего этого, как показал ход операции, оказалось недостаточно. При определении необходимого количества материальных средств командование исходило из высоких темпов наступления, следовательно, из такой обстановки, которая не соответствовала в последующем действительному положению дел. В боевом донесении 41-го танкового корпуса говорилось: "Если в действительности считать, что сражение может быстро закончиться разгромом противника, то можно было бы надеяться, что хватит наличных материальных средств. Но когда эти надежды не оправдались и первоначальные запасы были быстро израсходованы, трудности дальнейшего материального обеспечения сыграли катастрофическую роль".

Сказалась также ограниченная пропускная способность железных дорог, о чем немецкое командование подумало слишком поздно. Чтобы обеспечить создание необходимых запасов горюче-смазочных материалов для операции "Тайфун", Восточная армия должна была в течение всего сентября получать ежедневно 27 составов с горючим, а в октябре даже 29. В действительности же ОКВ смогло в сентябре обеспечивать поступление требуемого количества в течение 13 дней, в остальные же дни сентября и в октябре поступало только по 22 состава, а в ноябре по 3 состава с горючим в день, в то время как дневная потребность в ноябре составляла 20 составов. На практике же поставка этого количества ГСМ не была обеспечена.

И хотя генерал-квартирмейстер сухопутных войск Вагнер 29 сентября 1941 года заявил, что обеспечение операции "Тайфун" удовлетворяет потребности войск, уже перед началом наступления специальным приказом были установлены ограничения в использовании горючего и боеприпасов. Численность личного состава группы армий "Центр" в начале октября составляла 1 929 406 человек{76}. Группа армий состояла из трех армий и трех танковых групп, насчитывавших в общей сложности 78 дивизий, в том числе 46 пехотных, 14 танковых, 8 моторизованных, 1 кавалерийскую, 6 охранных дивизий и 1 кавалерийскую бригаду СС. В резерв были выделены 1 танковая дивизия, 1 пехотный полк и 1 моторизованная бригада. Авиационное обеспечение осуществлял 2-й

воздушный флот под командованием генерал-фельдмаршала Альберта Кессельринга. В его состав входили 2-й и 3-й авиакорпуса и зенитный корпус. Эти огромные силы, по убеждению германского командования, несмотря на все недостатки, были способны разгромить противника западнее Москвы в самые короткие сроки.

Оценка сил противника. В оценке сил противника значительно расходились данные отдела "Иностранные армии Востока" при ОКХ, считавшего, что группе армий "Центр" противостоят 54 дивизии противника, и данные штаба группы армий, который полагал, что противник имеет 80 дивизий плюс 10 резервных{77}. Это расхождение являлось следствием того, что ОКХ при определении боевой численности противника приняло разбитые русские дивизии за 1/3 или 1/2 их первоначальной численности, в то время как штаб группы армий придерживался того мнения, что все соединения противника, имеющие в своем составе по несколько полков, должны рассматриваться как дивизии полного состава. Несмотря на это различие в оценке обстановки, и ОКХ и штаб группы армий считали, что противостоящего противника можно разгромить в короткие сроки и открыть себе без каких-либо больших трудностей дорогу на Москву. Это подтверждается также и дневниками Бока и Гальдера, где ни в коей мере не идет речь о возможности срыва операции, а только выражается сомнение в методах ее проведения.

2. Положение русских войск западнее Москвы

Так как русское Верховное Командование хорошо понимало значение Москвы и не имело намерения добровольно оставлять противнику столицу России, западнее города своевременно началось создание оборонительных рубежей и были проведены соответствующие мобилизационные мероприятия по обороне города. В начале июля для строительства глубоко эшелонированных оборонительных сооружений в районах Смоленска, Вязьмы и Брянска было мобилизовано около 52 тыс. москвичей{78}. По решению Центрального Комитета партии от 4 июля 1941 года город должен был сформировать 12 дивизий народного ополчения, которые намечалось использовать для строительства оборонительных сооружений западнее Москвы и в качестве резервных соединений непосредственно за линией фронта{79}. Численность и вооружение этих дивизий были недостаточными. Первая дивизия народного ополчения насчитывала 7908 человек и имела на вооружении 2 тыс. винтовок, 30 пулеметов, 11 орудий и минометов и 15 танков. 7-я дивизия при численности 7614 человек была вооружена 3963 винтовками, 201 пулеметом, 33 орудиями и имела 61 автомашину{80}. Все остальные дивизии, сформированные районами Москвы, получали вооружение только на фронте, и то в далеко не достаточном количестве. В середине июля эти войска были включены в Резервный фронт и начиная с середины следующего месяца частично принимали участие в боях под Ельней{81}. Государственный Комитет Обороны 16 июля 1941 года принял решение о создании дополнительно к оборонительному рубежу под Вязьмой такого же рубежа под Можайском, протяженностью более 150 км и глубиной от 60 до 80 км{82}. На этих строительных работах было занято 85 - 100 тыс. москвичей, три четверти из них составляли женщины{83}.

Наряду с этим была усилена противовоздушная оборона Москвы, действия которой перечеркнули желание Гитлера с помощью авиации сровнять Москву с землей. Всего противовоздушная оборона Москвы в августе 1941 года насчитывала 1144 зенитных орудия, 602 самолета, 1042 зенитных пулемета, 1042 прожектора и 124 баллона заграждения{84}. И действительно, противовоздушная оборона Москвы была такой сильной и хорошо организованной, что немецкие летчики считали налеты на русскую столицу более опасным и рискованным делом, нежели налеты на Лондон{85}.

Опасаясь немецкого наступления в направлении Москвы после поражения русских войск в районе Могилев, Гомель, ГКО создал Брянский фронт, который имел задачу прикрыть Московский стратегический район с юго-запада{86}. Уже во время сражения за Смоленск в тылу Западного фронта, который вел боевые действия против группы армий "Центр", был сформирован Резервный фронт, получивший задачу воспрепятствовать возможному прорыву немецких сил на вторую линию обороны{87}. Этими мерами была обеспечена оборона Москвы к началу сентября, так как Сталин ожидал к этому времени немецкого наступления на Москву и сконцентрировал там все свои наличные силы{88}. Остается спорным вопрос, было ли немецкое наступление в конце августа успешным, если русские к такого рода наступлению были подготовлены и располагали на флангах наступающей группы армий "Центр" крупными силами.

В противоположность немцам советское командование считало, что, после того как удалось остановить наступающие немецкие войска под Смоленском, появилась возможность подготовиться к новым сражениям. Уже в конце июля началось осуществление первых подготовительных мероприятий по созданию на востоке страны соответствующих запасов зимнего обмундирования и снаряжения{89}. Эти приготовления к ведению войны в зимнее время не остались для немецкой стороны незамеченными. Советское руководство в своих планах исходило из того, что необходимо затормозить немецкое наступление, нанести немецким войскам большой урон, снизить темп наступления и выиграть время для создания резервов и необходимых материальных средств{90}, которые позволили бы перейти в последующем в контрнаступление{91}. Советский Союз к этому времени уже не опасался краха своей системы и тотального поражения{92}. Все сильнее становилась надежда, что при напряжении всех своих сил и при поддержке англосакских держав удастся продолжать оказывать сопротивление противнику и тем самым привести к срыву гитлеровские планы. К началу операции "Тайфун" по восточному берегу р. Десна заняли позиции войска Брянского фронта под командованием генерал-полковника А. И. Еременко. Брянский фронт состоял из оперативной группы А. Н. Ермакова, 50-й армии (командующий генерал Петров), 13-й армии (командующий генерал Городнянский) и 3-й армий (командующий генерал Я. Т. Крейзер){93}. Фронт оборонялся в полосе от Ельни до озера Селигер{94}. В качестве второго эшелона в тылу Западного фронта находился Резервный фронт под командованием маршала С. М. Буденного. Соединения этого фронта занимали рубеж Спас-Деменск, Осташков{95}. Всего русские войска насчитывали 83 стрелковые, 2 мотострелковые, 1 танковую, 9 кавалерийских дивизий и 13 танковых бригад. Кроме того, 12 дивизий и 6 танковых бригад находились в резерве. Немецкому наступлению противостояли 1252 591 человек, 849 танков, 5637 орудий и 4961 миномет, 62 651 автомашина и трактор, 936 самолетов, в том числе 545 истребителей{96}.

По численности личного состава советская стрелковая дивизия была меньше немецкой пехотной дивизии. На 1 октября 1941 года средняя численность стрелковой дивизии составляла: на Западном фронте - 8000 человек, на Резервном фронте - 10 500 человек, на Брянском фронте - 6600 человек{97}. Главные силы занимали оборону вдоль шоссе Варшава Смоленск и в районе Брянска, так как там ожидался главный удар немцев. Хорошо оборудованные оборонительные позиции, занимаемые русскими дивизиями, а также подготовленные в глубине оборонительные рубежи между Вязмой и Гжатском и под Можайском, которые предполагалось занять в случае прорыва немецких войск и тем самым предотвратить дальнейшее наступление на Москву, давали командованию группы армий "Центр" довольно ясное представление о том, что почти 350-километровый путь до Москвы будет нелегким. И несмотря на это, Бок, упоывая на свои способности и предыдущие успехи, надеялся достичь конечной цели операции в кратчайшие сроки.

Несмотря на интенсивную подготовку к обороне Москвы, Ставка русских не рассчитывала, что новое немецкое наступление начнется еще осенью 1941 года. Она ожидала, что с наступлением осенней распутицы и после боев под Киевом немцы не начнут новых больших операций{98}. Только 26 сентября 1941 года командование Западного фронта доложило в Ставку, что, по данным разведки, установившей перегруппировку и переброску немецких войск, возможно новое немецкое наступление с 1 октября 1941 года, и просило пополнить войска фронта и скоординировать оборонительные мероприятия в районе западнее Москвы. Одновременно был отдан приказ войскам фронта подготовиться к отражению немецкого наступления. Ставка прореагировала на это донесение изданием директивы от 27 сентября 1941 года, в которой указывалось на необходимость перехода к жесткой и упорной обороне, создания фронтовых и армейских резервов, ведения активной разведки, совершенствования оборонительных сооружений, усиления инженерных работ. Но эти документы не успели дойти в передовые части до начала немецкого наступления, и удар был для русских внезапным. Они не разгадали направления главного удара немецких войск, и поэтому резервы фронтов находились не там, где это было нужно. Следствием этого была слабость Красной Армии в местах прорыва и неподготовленность артиллерии к обороне против немецких танков и пехоты. Жуков упрекал командование Западного фронта за допущенные ошибки, считая его ответственным за последствия{99}, так как советское Верховное Главнокомандование своевременно предупреждало об этом командование фронта{100}. Недостаточная подготовленность обороны обусловила ограниченность плана наступательных действий, предпринятых Сталиным вследствие неправильной

оценки обстановки. 29 сентября Сталин отдал приказ Резервному фронту наступать на Глухов и отбить его у противника. Оперативная группа генерала Ермакова натолкнулась на готовый к наступлению 24-й танковый корпус и понесла при этом значительные потери. Эти неправильные действия русского командования на южном крыле фронта облегчили затем прорыв и быстрое продвижение на восток войск генерал-полковника Гейнца Гудериана (2-я танковая группа).

3. Ход операции

Бои под Брянском. Группа армий "Центр" начала операцию "Тайфун" в срок, установленный планом. Ясным и солнечным осенним днем 30 сентября войска 2-й танковой группы прорвали позиции Брянского фронта, разгромили не успевшие занять оборону части оперативной группы генерала Ермакова, отразили контратаки 13-й армии и группы Ермакова, предпринятые по приказу Сталина с целью одновременно с юга и севера отрезать прорвавшиеся части немецкого 24-го танкового корпуса{101}, и заняли 3 октября город Орел. В связи с ошибками, допущенными местным командованием, город не был подготовлен к обороне. В результате действий немецкой авиации была нарушена система управления войсками. Еременко вообще не имел связи с подчиненными ему армиями и не мог правильно использовать резервы, располагавшиеся под Брянском. Объяснялось это тем, что 2-я танковая армия своим левым флангом предприняла наступление на Брянск и тем самым сковала находившиеся там силы русских. Однако немецким танковым соединениям, охватывавшим большой индустриальный город с востока, не оказала помощи другая группировка, которая должна была бы состоять из войск 2-й армии. Эта армия, начавшая наступление с ходу после почти двухмесячных непрерывных боев, натолкнулась на неожиданно сильное сопротивление 3-й и 50-й армий русских. Только прорыв соединений 4-й танковой группы в полосе обороны 43-й армии Резервного фронта позволил соединениям 2-й армии вклиниться в оборону русских на стыке между 43-й и 50-й советскими армиями и тем самым своим правым флангом выйти в тыл Брянскому фронту. 5 октября передовые немецкие части заняли Жиздру, 6 октября войскам Еременко были отрезаны пути отхода и снабжения, все три его армии были окружены, а остатки частей группы Ермакова оттеснены к югу. В тот же день пал Брянск. 6 октября Ставка русских одобрила предложение Еременко повернуть фронт и прорываться на восток. 7 октября был издан соответствующий приказ армиям. Немецкое командование, стремясь ускорить ход операции, уже думало не только об окружении, но и о быстром прорыве на восток, чтобы окончательно отрезать русским пути отхода. Этим целям служил приказ Бока Гудериану захватить Мценск, а если возможно, и Волхов и вести разведку в направлении Тулы.

Но советское командование разгадало опасность прорыва под Орлом через Тулу на Москву. Ставка оперативно предприняла контрмеры на этом направлении, но вначале наступление немцев "на Брянском фронте как-то всерьез еще не принималось, хотя оно и было опасным"{102}. Советское командование пыталось с помощью авиации быстро перебросить в Мценск свежие силы. Несмотря на превосходство противника в воздухе, русским удалось в течение трех дней перебросить из района Ярославля 5500 человек с необходимым вооружением и снаряжением. Из свежих сил был сформирован 1-й гвардейский стрелковый корпус{103}, задачей которого было остановить наступление немцев. Соединениям Гудериана противостояла прежде всего 4-я танковая бригада полковника М. Е. Катукова, имевшая на вооружении танки Т-34, которые значительно превосходили немецкие танки. Немецкой 4-й танковой дивизии пришлось пройти через тяжелые испытания. С помощью быстро предпринятых контрмер русским удалось приостановить продвижение основных сил 24-го танкового корпуса и нанести ему такие большие потери, что Гудериан писал по этому поводу: "Тяжелые бои постепенно оказали свое воздействие на наших офицеров и солдат... И это было не физическое, а душевное потрясение, которое нельзя было не заметить. И то, что наши лучшие офицеры в результате последних боев были так сильно подавлены, было поразительным"{104}.

Вместо быстрого продвижения пришлось вести тяжелые бои, которые позволили советскому командованию дожидаться спасительной распутицы и так задержать немецкое наступление, что передовые наступающие части подошли к Туле только в конце октября{105}. Тем самым были решающим образом парализованы маневренные действия южного крыла группы армий "Центр", что в последующем очень чувствительно сказалось на действиях всей немецкой армии{106}.

Дальнейшие трудности принесли бои непосредственно в брянском котле, который оттянул на себя до конца октября основные силы 2-й общевойсковой и 2-й танковой армий. По немецким данным, бои в этом котле официально закончились 19 октября{107}. В действительности они продолжались до 23 октября, то есть до прорыва из окружения 3-й и 50-й советских армий{108}. Приказ командования группы армий "Центр" от 4 октября, предписывавший 2-й армии не принимать участия в боях за Брянск, а продвигаться вперед, не мог быть выполнен, так как последующие дни показали, что у 2-й танковой армии нет достаточных сил, чтобы самостоятельно завершить бои против окруженной группировки. Поэтому 2-й общевойсковой армии был отдан новый приказ: продвигаясь на восток своим левым флангом, принять участие частью сил в окружении противника под Брянском. В связи с попытками войск Брянского фронта осуществить прорыв из окружения нельзя было и думать об использовании войск 2-й танковой армии для усиления соединений, наступавших на Мценск. Растянувшийся фронт наступления армии Гудериана, который первоначально стоил Боку стольких забот, больше не доставлял беспокойства немецкому командованию, так как русские не сумели организовать взаимодействия между Юго-Западным и Брянским фронтами. 13-й армейский корпус 2-й армии смог быстро продвигаться на восток. Кроме того, 9 октября удалось достигнуть соединения 2-й армии и наступавшей с северо-востока 2-й танковой армии. Окруженная брянская группировка противника была разделена на две части - северную, в районе Брянск, Жиздра, и южную, в районе Трубчевска. Командование группы армий в тот же день издало приказ, согласно которому 2-й армии ставилась задача разгромить северную часть окруженной группировки, а 2-й танковой армии - южную часть. 12 октября северо-восточнее Брянска было окончательно замкнуто кольцо окружения вокруг северной части группировки противника. Однако значительным силам советских войск еще 8 октября удалось прорваться и, несмотря на большие потери (был ранен и командующий фронтом Еременко), 12, 13 и 14 октября выйти из окружения. При этом 3-я армия русских сначала пыталась прорвать немецкие позиции на участке Навля, 13-я армия под Хомутовкой, а 50-я армия у Ресеты. Так как попытки прорыва 50-й армии были неудачными, то она, понеся большие потери, повернула на северо-восток в направлении Белёва, чтобы прорваться там. Бок был обеспокоен тяжелыми боями в районе окружения и торопил с продвижением обеих немецких армий. 12 октября он писал в своем дневнике: "Гудериан не продвигается вперед; он, как и Вейхс, застрял в брянском котле". Однако вскоре Бок узнал, что, несмотря на начавшуюся перегруппировку 2-й полевой и 2-й танковой армий, движение вперед на северо-восток в результате упорного сопротивления противника стало возможным только после окончания боев в районе брянского котла. Советские войска, которые 22 и 23 октября прорвали немецкие позиции и в соответствии с приказом Еременко вышли на рубеж Белев, Фатеж, своим сопротивлением в решающей степени парализовали наступление южного крыла группы армий "Центр" и не позволили организовать быстрого преследование. Бои в брянском котле не принесли немцам желаемого успеха.

Бои под Вязьмой. 2 октября в "последнее большое и решающее сражение этого года" вступили все остальные войска группы "Центр", от которых Гитлер потребовал, чтобы они "последним мощным ударом... разгромили противника еще до наступления зимы". Хорошая погода благоприятствовала массированному использованию авиации, оказавшей особенно активную поддержку 4-й и 9-й армиям, действовавшим на направлении главного удара. В боевых действиях участвовало 1387 самолетов. Прорыв 3-й танковой группы в полосе обороны 24-й и 43-й русских армий был удачным. Ошибочное представление советского командования о нецелесообразности проведения оборонительных мероприятий в этом районе, который находился между Западным и Брянским фронтами и был в ведении Резервного фронта, привело к катастрофическим последствиям для советских войск. Когда обе армии в результате удара немецких войск начали отход, южный фланг Западного фронта и северный фланг Брянского фронта оказались открытыми. 5 октября Буденный докладывал по этому поводу: "Положение на левом фланге Резервного фронта создалось чрезвычайно серьезное. Образовавшийся прорыв вдоль Московского шоссе закрыть нечем"{109}.

К тому же командование Красной Армии первоначально думало, что имеет место наступление с ограниченными целями и что все не так трагично. Дивизии первого эшелона, которые вели оборонительные бои с наступающим противником, не знали, что им делать, так как русское командование на какое-то время было парализовано. Уже на второй день наступления южное крыло немецких войск достигло Кирова, форсировало р. Оку и 5 октября вышло передовыми частями к Юхнову. Подвижные части немцев

обошли левый фланг Западного фронта и вышли в его тыл. 5 октября танковый клин 4-й танковой группы повернул на север и через два дня достиг Вязьмы. В результате нарушения связи и командиры соединений, и высшее советское командование до этого дня не имели ясного представления об обстановке на фронте. К. Ф. Телегин, бывший тогда членом Военного совета Московского военного округа, рисует образную картину той обстановки, которая сложилась в связи с наступлением немецких войск: "До 5 октября все внимание ЦК партии, Главкомандования и Военного совета округа сосредоточивается на резко осложнившимся положении под Тулой. 4 октября работники Политуправления принесли перевод речи Гитлера по радио. Фюрер заявил, что на Восточном фронте началось последнее решающее наступление и что "Красная Армия разбита и уже восстановить своих сил не сможет". О каком "решающем наступлении" и "разгроме" Красной Армии шла речь, было непонятно. С Западного и Резервного фронтов таких данных в Генеральный штаб не поступало... Но все же ночь на 5 октября прошла в тревожных заботах. Связь по телефону с Западным фронтом была прервана, и наш офицер, связи ничего не сообщал... Но вот в 12-м часу дня летчики 120-го истребительного полка, вылетавшие на барражирование, доложили, что по шоссе со стороны Спас-Деменска на Юхнов движется колонна танков и мотопехоты длиной до 25 км и перед ней наших войск они не обнаружили"{110}.

Телегин приказал перепроверить это донесение средствами авиаразведки. В этот раз русские истребители были даже обстреляны, но Телегин снова не поверил. Верховное Командование просто не могло себе представить, что немцы могли прорваться на глубину 100 - 120 км. Лучшие летчики были посланы в разведку в третий раз. Они доложили, что немцы за это время уже заняли Юхнов. Только после этого русское Верховное Командование признало положение серьезным и Сталин приказал привести в полную боевую готовность Московский оборонительный район. Военный совет получил приказ занять всеми имеющимися в его распоряжении войсками позиции под Можайском и "во что бы то ни стало задержать прорвавшегося противника перед можайским рубежом на пять - семь дней, пока не подойдут резервы Ставки"{111}.

На северном крыле немецких войск 3-я танковая группа начала наступление 2 октября и прорвала русский фронт на стыке между 19-й и 30-й армиями, наступая в направлении на Холм и частично в направлении на Белый. День спустя Холм оказался в руках немцев, кроме того, восточнее города, на восточном берегу Днепра, удалось создать два плацдарма, с которых на следующий день должно было начаться наступление в направлении на Белый. Это наступление, однако, сорвалось из-за плохого снабжения 3-й танковой группы. В связи с тяжелыми дорожными условиями 4 октября 3-я танковая группа оказалась почти без горючего, и наступление танковых дивизий захлебнулось. Предложение командования 2-го воздушного флота доставить 3-й танковой группе горючее было отклонено, так как танкисты считали, что смогут организовать подвоз собственными силами. Однако, когда транспортные колонны окончательно застряли на непроходимых дорогах, вечером 4 октября командование танковой группы все же было вынуждено обратиться за помощью к авиации. Таким образом, было потеряно более суток, и соединения 3-й танковой группы получили возможность вести бои только во второй половине дня 5 октября. Этим тотчас же воспользовались русские. Конев, 4 октября доложивший Сталину об угрозе окружения{112}, 5 октября получил приказ Ставки отойти на заранее подготовленный рубеж обороны Вязьма, Ржев{113}. Одновременно ему были переданы 31-я и 32-я армии Резервного фронта, чтобы обеспечить единое управление войсками в районе Вязьмы. Вначале русские войска упорно оборонялись, но затем начали отход на восток, стремясь избежать окружения. 3 октября в журнале боевых действий группы армий "Центр" было записано: "Общее впечатление об этих боях, основанное на данных авиаразведки, было такое, что противник полон решимости обороняться и со стороны высшего русского командования нет каких-либо других приказов".

Только 7 октября 10-я танковая дивизия 3-й танковой группы соединилась с 7-й танковой дивизией 4-й танковой группы. Кольцо окружения восточнее Вязьмы было замкнуто. Однако, как докладывала немецкая воздушная разведка, "значительные силы противника избежали окружения и большие колонны русских войск движутся в направлении Москвы". Русским снова, несмотря на большие потери, удалось своевременно вывести крупные силы из-под угрозы окружения. При этом, выходя из окружения, русские наносили очень большие потери немцам. Как доносил командир 7-й танковой дивизии, 11 и 12 октября дивизия потеряла 1000 человек, один батальон был буквально уничтожен.

Между двумя танковыми клиньями, которые имели задачу создать внешнее кольцо окружения, продвигались навстречу друг другу 2-я и 4-я армии в направлении на Сухиничи и Юхнов, а севернее наступали своим левым флангом 4-я и 9-я армии с задачей замкнуть кольцо окружения с запада и северо-запада. Главной же целью было как можно скорее высвободить танки, чтобы они могли участвовать в дальнейшем наступлении на Москву. В полосе наступления 9-й армии противник оказал такое упорное сопротивление, что левофланговые соединения только ценой больших потерь смогли продвинуться вперед. Эти трудности усугублялись суточной остановкой 3-й танковой группы, в результате которой давление на окруженных с севера не было столь сильным, как ожидалось.

Начало преследования и первые контрмеры русских. 7 октября, когда окружение было наконец завершено, главнокомандование сухопутных сил и командование группы армий пришли к выводу, что в распоряжении противника нет больше значительных сил, с помощью которых он мог бы противостоять дальнейшему продвижению группы армий "Центр" на Москву, и поэтому можно сразу же начать преследование противника в направлении Москвы. Немецкое командование было настроено оптимистически и думало, "что можно и несколько рискнуть" и что в этот раз все будет выглядеть иначе, чем под Минском и Смоленском, когда противнику удалось своевременно возвести новые оборонительные рубежи и затормозить продвижение немецких войск. Бок хотел сразу же высвободить как можно больше сил и с ходу подключить их к проведению новой операции. И хотя в кольце окружения бои были в полном разгаре и было еще неясно, какие силы противника окружены, Бок считал, что у него теперь достаточно сил, чтобы решить обе задачи - покончить с окруженным противником и одновременно начать преследование силами имеющихся у него соединений. Так как казалось, что противник не обладает сколько-нибудь серьезными резервами, мнения различных инстанций немецкого командования сходились на том, что эти шансы нужно сейчас же использовать и быстрее пробиваться к Москве.

7 октября 1941 года на совещании в штабе группы армий "Центр", в котором приняли участие Браухич и начальник оперативного отдела штаба сухопутных войск полковник генерального штаба Адольф Хойзингер, отмечалось, что отданные армиям приказы свидетельствовали о том, насколько благоприятно оценивалась существующая обстановка. Исходя из достигнутых успехов и того факта, что захвачено большое количество трофеев и пленных, и находясь под общим впечатлением планов Гитлера в этой операции, командование оценивало обстановку односторонне, с учетом только позитивных факторов. По мнению Браухича и Бока, 2-я танковая армия должна была возможно скорее выдвинуться в направлении Тулы и захватить переправы через Оку, чтобы затем продвигаться к Кашире и Серпухову. При этом Браухич обратил внимание присутствующих на пожелания Гитлера, который предлагал Гудериану овладеть Курском, а затем силами 2-й танковой группы нанести удар на юге. Принятие окончательного решения о постановке этой задачи ожидалось только в последующие дни. 2-й армии был отдан приказ разгромить противника в северной части кольца окружения под Брянском. Задача 4-й армии состояла в том, чтобы силами пехотных соединений и по возможности большим числом подвижных частей продвигаться до рубежа Калуга, Боровск и во взаимодействии с 9-й армией замкнуть кольцо окружения под Вязьмой. 9-я армия получила задачу вместе с частями 3-й танковой группы выйти на рубеж Гжатск, Сычевка, чтобы, во-первых, обеспечить окружение группировки под Вязьмой с севера и, во-вторых, сосредоточиться для наступления в направлении на Калинин или Ржев. Эти соображения были изложены в "Приказе на продолжение операции в направлении Москвы" от 7 октября 1941 года. В основе этой идеи - повернуть танковые войска на север,- высказанной новым командующим 3-й танковой группой генералом танковых войск Хансом Георгом Рейнгардтом, лежал план разгрома противника силами северного крыла 9-й армии совместно с южным крылом 16-й армии группы армий "Север" в районе Белый, Осташков и нарушения сообщения между Москвой и Ленинградом. И хотя Бок выступал против этого замысла операции, через день 3-я танковая группа получила приказ фюрера наступать на север. Этим сил не хватило для боя в решающий момент под Москвой, когда новые русские оборонительные рубежи не были еще укреплены, а резервы русских большей частью находились еще на подходе. Основываясь на имеющейся оценке противника, ОКВ и ОКХ все же считали возможным осуществить этот широко задуманный план. Оценка противника штабом группы армий "Центр", как это видно из записей от 8 октября, была очень оптимистической: "Сегодня сложилось такое впечатление, что в распоряжении противника нет крупных сил, которые он мог бы противопоставить дальнейшему

продвижению группы армий на Москву... Для непосредственной обороны Москвы, по показаниям военнопленных, русские располагают дивизиями народного ополчения, которые, однако, частично уже введены в бой, а также находятся в числе окруженных войск".

Но в приказах о высвобождении всех сил для стремительного преследования противника в направлении русской столицы не учитывались два фактора, которые должны были вскоре затормозить дальнейшее наступление, а именно начало периода распутицы и усиливающееся сопротивление русских. Начиная с 6 октября на южном участке группы войск, а с 7 и 8 октября на остальных ее участках пошли осенние дожди, в результате чего дороги, особенно проселочные, стали труднопроходимы, что ощутимо замедлило наступление. В журнале боевых действий группы армий "Центр" отмечалось 10 октября: "Передвижение танковых частей из-за плохого состояния дорог и плохой погоды в настоящее время невозможно. По этим же причинам имеются затруднения в обеспечении танков горючим".

8 октября были также существенно ограничены действия поддерживающей авиации, так как опасность обледенения, плохая видимость и снежная метель, с одной стороны, и плохое состояние взлетно-посадочных полос - с другой, не позволяли поддерживать на прежнем уровне авиационное обеспечение операции. Части 2-го воздушного флота провели 6 октября 1030 самолето-вылетов, 8 октября - 559, а 9 октября - 269. В связи с этим темпы преследования резко упали, хотя немецкие дивизии все же продвигались вперед и захватывали новые районы. Самые же тяжелые последствия периода распутицы проявились позже, во второй половине октября.

Однако сильнее распутицы сказывалось стремление противника, используя местные и климатические условия, все сильнее тормозить немецкое наступление, наносить все более значительные потери немцам, выиграть время для того, чтобы построить в тылу новые оборонительные рубежи, подтянуть резервы и подготовить свои войска к новым боям. Немецкое командование, будучи уверенным в своей победе, приказало стремительно преследовать противника, считая, что для этого будет достаточно 57-го танкового корпуса и двух пехотных корпусов. 41-й танковый корпус, уже изготовившийся к "прыжку" на Москву, был нацелен на Калинин. Советское же командование днем раньше предприняло решающие контрмеры.

5 октября Ставка поняла, что в связи с немецким наступлением приказ Западному фронту занять рубеж Ржев, Вязьма практически уже опоздал и что следовало создавать дальше на востоке новый рубеж обороны, который должен был проходить по уже частично оборудованной Можайской линии. Туда предполагалось бросить все наличные резервы и направить все войска, избежавшие окружения. В качестве первой меры четырем стрелковым дивизиям Западного фронта было приказано занять позиции на Можайской линии обороны и создать там необходимый заслон. Кроме того, Сталин срочно вызвал Г. К. Жукова из Ленинграда в Москву, чтобы направить его в качестве представителя Ставки на Западный фронт{114}. Такое решение казалось Сталину необходимым, так как он почти не получал сведений об обстановке на фронте, хотя нуждался в точных данных для принятия соответствующих мер. Так как Сталин был недоволен командованием Западного фронта, то он направил к Коневу комиссию Государственного Комитета Обороны, в которую наряду с другими входили Молотов, Микоян, Маленков, Ворошилов и Василевский. Комиссия должна была разобраться по существу вопроса и спасти, что еще можно было спасти. Она нашла положение дел на фронте крайне неудовлетворительным. Так, штаб Резервного фронта, например, не имел представления, где находится командующий фронтом Маршал Советского Союза С. М. Буденный. Не было связи с Западным и Брянским фронтами. В Медыни, одном из важных городов, прикрывавших подступы к Москве, из всех защитников города Жуков обнаружил только трех милиционеров{115}. Получив информацию Жукова о положении дел и беспокоясь о тяжелом положении на Западном фронте, Сталин действовал очень быстро. Он сместил Конева и назначил вместо него Жукова. Несмотря на недовольство прежним командованием Западного фронта, Сталин по настоянию Жукова оставил Конева заместителем командующего фронтом, а Соколовского начальником штаба фронта{116}. Одновременно он тотчас же направил все имеющиеся резервы в район Можайска. К 10 октября на Можайской линии обороны находились четыре стрелковые дивизии, курсанты различных военных училищ, три запасных стрелковых полка и пять пулеметных батальонов{117}. В тот же день дополнительно были доставлены пять вновь созданных пулеметных батальонов, десять противотанковых полков и пять танковых

бригад. Примечательно, что, чтобы поднять моральный дух войск на фронте, Сталин назвал десять противотанковых батальонов, которые имелись в распоряжении Верховного Командования, десятью "противотанковыми полками" {118}. Но этих сил было недостаточно, чтобы снять угрозу немецкого прорыва. В то время, когда начальник пресс-бюро германского рейха Отто Дитрих провозгласил по приказу Гитлера, что с Советским Союзом "в военном отношении покончено", а "Фолькише беобахтер" утверждала, что "армия Сталина стерта с лица земли", русские, с надеждой ожидавшие периода распутицы, организовали отпор наступающему врагу.

Войска, действовавшие в районе Можайска, были объединены в 5-ю армию, а войска, оборонявшиеся в районе Орла, - в 26-ю армию. Были объединены Западный и Резервный фронты в один - Западный - фронт. К этому времени относится переброска войск с Дальнего Востока и из Средней Азии, прибытие которых ожидалось в середине октября. На запад была перебросена 316-я стрелковая дивизия, сформированная в июле в Алма-Ате. В октябре она прибыла в Волоколамск. В тот же день немецкая разведка установила прибытие 312-й стрелковой дивизии из Казахстана, 313-й из Туркестана и 178-й из Сибири. В последующие дни на фронт прибыли другие соединения с Дальнего Востока. Штабы 16, 31, 33 и 49-й армий были передислоцированы на восток с задачей провести формирование новых армий из резерва. До 13 октября удалось сформировать 16-ю армию под командованием Рокоссовского в районе Волоколамска {119}, 5-ю армию в районе Можайска, новую 43-ю армию под командованием Голубева в районе Малоярославца, новую 49-ю армию под командованием Захаркина в районе Калуги и новую 33-ю армию под командованием Ефремова в районе Наро-Фоминска. Все эти соединения были объединены в новый Западный фронт под командованием Жукова, который имел задачу всеми имеющимися в его распоряжении силами остановить наступление немецких войск. Для повышения маневренности своих войск Жуков собрал все средства транспорта, имевшиеся в Москве, для отправки их на фронт. Советское Верховное Главнокомандование смогло передать Западному фронту из резервов Ставки восемь танковых и две механизированные бригады, а также несколько стрелковых соединений, а Брянскому фронту - две танковые бригады и один усиленный танковый батальон. Таким образом, к середине октября на усиление обороны Москвы прибыло 12 стрелковых дивизий, 16 танковых бригад и 40 артиллерийских полков и другие части {120}. Авиация была также пополнена новыми формированиями и двумя дивизиями дальней бомбардировочной авиации. Все это позволило к тому времени, когда передовые части немцев достигли Можайской линии обороны и завязали бои, создать на главных магистралях, ведущих к Москве, плотный оборонительный заслон, о котором ничего не знала немецкая разведка. Разведывательный отдел штаба группы армий "Центр" констатировал 14 октября: "Противник в настоящее время не в состоянии противопоставить наступающим на Москву силы, способные оказать длительное сопротивление западнее и юго-западнее Москвы. Все, что осталось от противника после сражения, оттеснено на север или юг".

И хотя командование Западного фронта не сумело установить связь с частями, окруженными под Вязьмой, а попытки прорваться из окружения вследствие слабо организованного взаимодействия стоили больших потерь, русским все же удалось сковать на длительное время немецкие танковые силы и тем самым исключить возможность их участия в немедленном преследовании в направлении Москвы {121}. Начиная с 11 октября немецкие танки были вынуждены, продвигаясь вперед, прорывать все новые оборонительные рубежи, преодолевать очень упорное сопротивление противника.

Растущие трудности при преследовании. Несмотря на то что 11 октября была взята Медынь, а 12 октября Калуга, хотя были созданы первые бреши в Можайской линии обороны, все же продолжающиеся упорные бои в кольце окружения свидетельствовали о том, что высвобождение сил, обеспечивших окружение, потребует более длительного времени, чем предполагалось. Попытки противника вырваться из кольца окружения в районе Вязьмы 10 - 12 октября сковали предназначенные для преследования 40-й и 46-й танковые корпуса и задержали их смену. Лишь 14 октября удалось перегруппировать главные силы действовавших под Вязьмой соединений 4-й и 9-й армий для преследования, которое началось 15 октября. Передовые отряды оказались слишком слабыми, чтобы в первом натиске сломить усиливавшееся сопротивление противника. Они могли продвигаться вперед, только неся очень большие потери. 15 октября командующий 4-й армией генерал-фельдмаршал Гюнтер фон Клюге, оценивая обстановку, констатировал, что "психологически на Восточном фронте сложилось

критическое положение, ибо, с одной стороны, войска оказались в морозную погоду без зимнего обмундирования и теплых квартир, а с другой непроходимая местность и упорство, с которым противник обороняется, прикрывая свои коммуникации и районы расквартирования, чрезвычайно затрудняют продвижение вперед наших, пока еще слабых, передовых отрядов".

В донесении штаба 57-го танкового корпуса, который вел наступление в районе Медыни и Можайска, сообщалось, что "последние бои за овладение русскими позициями были самыми ожесточенными за весь период кампании в России, так как противник оказывает яростное сопротивление, укрепившись в бетонных долговременных сооружениях, построенных еще в мирное время. Потери в танках с начала операции до середины октября сильно возросли. Так, 6-я танковая дивизия, располагавшая на 10 октября свыше 200 танками, 16 октября имела в своем распоряжении всего лишь 60 готовых к использованию в бою танков. 20-я танковая дивизия, одной из первых начавшая преследование противника в направлении на Москву, из 283 танков, которыми она располагала на 28 сентября, безвозвратно потеряла к 16 октября 43 танка. Потрепанная в боях в районе Мценска 4-я танковая дивизия имела к этому времени всего лишь 38 танков. В общей сложности к 16 октября 2-я танковая армия насчитывала 271 танк, 3-я танковая группа - 259 танков и 4-я танковая группа - 710 танков. Речь, конечно, идет об имеющихся в наличии танках, а готовых к использованию в бою было гораздо меньше. Если группа армий "Центр" пока еще имела в своем распоряжении свыше 1240 танков, то группа армий "Юг" на участке фронта 1-й танковой армии потеряла за период с 26 сентября по 15 октября 1941 года 144 танка. На 15 октября в 1-й танковой армии насчитывалось лишь 165 танков.

Но тяжелые потери несли не только танковые соединения. Пехотные части также вынуждены были дорогой ценой расплачиваться за свои успехи в наступлении. Потери группы армий "Центр" за период с 1 октября по 17 октября составляли 50 тыс. человек. Эти цифры свидетельствуют о том, насколько ожесточенными были бои. Трудности, вызванные тяжелыми потерями в людях и технике и недостатком пополнения, еще более осложнились распутицей и нарушением подвоза. Распутица не сразу дала о себе знать в ходе боевых действий. Только с середины октября стали чувствоваться ее губительные последствия на всем фронте группы армий "Центр", как раз именно в тот момент, когда начались бои на оборонительной линии под Можайском и когда для наступающих дивизий требовалось большое количество боеприпасов и горючего. Немецкое командование знало о тех трудностях, которые могли возникнуть в период распутицы{122}. Но оно полагало, что в расчет это принимать не следует, так как битву за Москву намечалось выиграть до наступления распутицы, то есть до середины октября. Консультироваться по этому вопросу со специалистами немецкое руководство не считало нужным. Заключение метеорологов, находившихся в распоряжении ОКХ, не запрашивалось. Таким образом, все шло как в русской поговорке: "Осенью от ложки воды ведро грязи". Не приняв соответствующих мер и не подготовившись должным образом к распутице, ОКХ осенью 1941 года утверждало, что немцев постигло невероятное стихийное бедствие и что "распутица оказалась небывало сильной и затянулась на необычайно долгое время"{123}.

Таким образом, немецкое командование свою вину готово было переложить на некую высшую силу, от него не зависящую. Позднее Гитлер утверждал: "С наступлением дождей мы лишний раз убедились, что это было счастье, что немецкие армии в октябре не продвинулись далеко в глубь России".

Но факты говорят, что количество атмосферных осадков в октябре и ноябре 1941 года было ниже обычной нормы. Весь период распутицы был, следовательно, суше, чем обычно. Даже если средняя температура воздуха в октябре и ноябре 1941 года была ниже, чем в прежние годы, то это тоже не повлияло ни на продолжительность периода распутицы, ни на ее интенсивность, скорей наоборот. Относительно рано наступившие в 1941 году морозы позволили уже в начале ноября использовать шоссейные и проселочные дороги, а также и местность в стороне от них{124}. Таким образом, сопоставляя данные о температуре и количестве осадков, можно констатировать, что распутица осенью 1941 года была слабее и менее продолжительна, чем в другие годы.

Русские, разумеется, сумели воспользоваться дождливой погодой и в своих планах обороны предусмотрели роль климатических условий. Жуков, например, рассчитывал, что немецкое наступление может развиваться только по главным шоссейным

магистралам. Поэтому он сосредоточил те небольшие силы, которыми он располагал 15 октября, на дорогах, ведущих к Москве, в районе Волоколамска, Истры, Можайска, Малоярославца, Подольска и Калуги{125}, в то время как Брянский фронт сконцентрировал оставшиеся в его распоряжении войска на направлении главного удара немцев, вдоль шоссе на дороге Орел Тула.

17 октября штаб 2-й танковой армии доносил, что "по обе стороны от Мценска противник сохранил прежнее количество сил... Занимая свои оборудованные полевые позиции и бункеры с броневыми колпаками, он оказывает ожесточенное сопротивление. Основные силы 2-й армии приостановили наступление, ожидая подхода частей обслуживания".

В донесениях дивизии 2-й армии указывалось, что с 7 октября полностью прекратилось регулярное снабжение соединений, что дивизии растянулись на 240 км и более и вынуждены перейти на снабжение за счет местных ресурсов, ввиду чего их главные силы не способны ни к маршу, ни к боевому использованию.

Такое же положение наблюдалось и в 4-й армии, которая к тому же вследствие контратак противника, поддерживаемых танками и авиацией (несмотря на плохую погоду, она активизировала свои действия), была вынуждена на некоторых участках своего правого фланга перейти к обороне.

На участке фронта 9-й армии и 3-й танковой группы трудности со снабжением были настолько велики, что продвижение их соединений значительно задержалось. Главной линией коммуникаций для подвоза предметов снабжения на северном крыле группы армий являлось шоссе Вязьма - Москва, которое временами было непригодно для использования вследствие различного рода повреждений от обстрела, бомбардировок, взрывов мин замедленного действия. Кроме того, шоссе было перегружено, а вне полотна шоссе двигаться было нельзя. Трудности подвоза выросли в настоящий кризис. В журнале боевых действий штаба 9-й армии по этому поводу отмечалось: "Главная причина возникновения и углубления кризиса заключается в том, что ремонт шоссе требует значительно больше сил и времени, чем это предполагалось. Несостоятельность первоначальных предположений в первую очередь показали разрушения, причиненные русскими минами замедленного действия. Такие мины, разрываясь, образуют воронку в 10 м глубиной и 30 м диаметром. Взрыватели установлены с такой точностью, что ежедневно происходит по несколько взрывов, и поэтому приходится каждый день строить заново объездные пути. Этими широко задуманными диверсионными актами, которым не видно конца, противник хотя и не сможет сорвать наше наступление под Вязьмой, но затруднит и оттянет развитие нами достигнутого успеха, а ведь зима приближается".

В районе Калинина русские, подтянув резервы, непрерывно атаковали немецкие передовые отряды. В целях координации боевых действий на этом участке фронта Ставка русских 19 октября создала Калининский фронт под командованием Конева{126}.

Чтобы в какой-то мере решить проблему снабжений 9-й армии, ОКХ предприняло попытку построить железную дорогу от Вязьмы до Сычевки, однако это требовало времени и не устраняло трудностей в тот момент, когда все решала быстрота действий. Ввиду недостатка подвижного состава на участке фронта группы армий "Центр" строительство железной дороги также не спасло. 19 октября для ремонта шоссе на участке фронта была выделена целиком вся 5-я пехотная дивизия. В этот день на всем участке фронта группы армий положение со снабжением настолько ухудшилось, что наступление фактически пришлось приостановить, происходили лишь бои местного значения.

В журнале боевых действий штаба группы армий "Центр" 19 октября было записано: "В ночь с 18 на 19 октября на всем участке фронта группы армий прошли дожди. Состояние дорог настолько ухудшилось, что наступил тяжелый кризис в снабжении войск продовольствием, боеприпасами и особенно горючим. Состояние дорог, условия погоды и местности в значительной мере задержали ход боевых операций. Главную заботу во всех соединениях составляет подвоз материально-технических средств и продовольствия".

Бок в своем дневнике вынужден был признать, что преследование не имело того успеха, на который он рассчитывал. "В общей сложности все это (достигнутые частные успехи)

можно оценить только как ничто. Расчленение боевых порядков группы армий и ужасная погода привели к тому, что мы сидим на месте. А русские выигрывают время, для того чтобы пополнить свои разгромленные дивизии и укрепить оборону, тем более что под Москвой в их руках масса железных и шоссейных дорог. Это очень скверно!"

Русские хотя и выиграли время, но их дивизии тоже страдали от распутицы и бездорожья. Генерал А. В. Хрулев, бывший в то время начальником тыла Красной Армии, считает катастрофическое положение с дорогами в период распутицы одной из главных причин, "почему весь Калининский фронт постигла "роковая неудача" и почему нарушился подвоз предметов снабжения. Из всех армий летели тогда к начальнику тыла телеграммы с жалобами на нарушение всей системы снабжения. Ввиду нехватки самолетов нельзя было осуществлять снабжение войск по воздуху и поэтому предлагалось прибегнуть к единственно оставшемуся средству - доставлять грузы гужевым транспортом. На это предложение начальника тыла Сталин саркастически заметил, что Хрулев, по-видимому, забыл, что живет в век техники. Тем не менее в короткий срок вся система снабжения у русских была перестроена в расчете на использование гужевого транспорта, что позволило быстро ликвидировать кризисное положение со снабжением войск.

Цели немецкого командования в отношении Москвы. После окружения советских войск под Вязьмой и начала преследования немецкое командование считало битву за Москву в основном выигранной. Оно полагало, что дело теперь только за тем, чтобы разбить оставшиеся силы Красной Армии и сломить сопротивление немногочисленных, еще продолжающих обороняться войск Жукова западнее Москвы. ОКХ намеревалось снять с советско-германского фронта и перебросить на запад штаб корпуса, четыре пехотные и одну кавалерийскую дивизии с целью их реформирования для использования в операциях по плану на период после "Барбароссы". Речь шла о 8-м армейском корпусе, в состав которого входили 8, 28, 5 и 15-я пехотные дивизии, и о 1-й кавалерийской дивизии. На основе этих дивизий предполагалось сформировать 5, 8 и 28-ю легкие дивизии и 24-ю танковую дивизию.

11 октября ОКХ сообщило командованию группы армий, как оно представляет себе дальнейшее использование 9-й армии и 3-й танковой группы после захвата Калинина. Указанные объединения должны были продвигаться в направлении на Торжок и далее на Вышний Волочек и Осташков с задачей лишить противника возможности отойти далее на восток, не дать ему ускользнуть от ударов фланговых соединений группы армий "Центр" и "Север". В связи с этим все северное крыло группы армий "Центр" не должно было участвовать в прямом наступлении на Москву. Окружение самой Москвы предполагалось осуществить силами 2-й танковой армии, 4-й армии и 4-й танковой группы. 12 октября Гитлер предписал "капитуляции Москвы не принимать, столицу советскую окружить и подвергнуть изнуряющему артиллерийскому обстрелу и воздушным налетам".

Он должен был признать, что первоначальный план "затопить Москву и ее окрестности, чтобы там, где до сих пор стояла Москва... образовалось огромное озеро, которое навсегда скрыло бы от глаз цивилизованного мира метрополию русского народа" {127},

оказался неосуществимым. Планы дальнейших операций исходили из приказа Гитлера повернуть левое крыло группы армий "Центр" на север, а силами 2-й армии наступать на юг через Курск на Воронеж, чтобы предотвратить угрозу удара противника в стык групп армий "Центр" и "Юг". В то время как 2-я танковая армия должна была обойти Москву с юга и замкнуть кольцо окружения восточнее города, 4-я танковая группа должна была осуществить тот же маневр с севера, предусматривая при этом фланговые удары по Рыбинску и Ярославлю. 4-я армия должна была продвинуться вдоль по линии Московской окружной железной дороги, где проходили три оборонительных участка русских. Бок пытался одновременно с маневром 9-й армии нанести удары силами 3-й танковой группы и 2-й армии, так как он опасался, как это было после Смоленска, что силы группы армий окажутся распыленными и тем самым появится риск их ослабления на главном направлении. Но все его попытки успеха не имели.

К тому времени, когда трудности в снабжении фронта впервые достигли своей высшей точки {128} и тень их тяжелых последствий уже нависла над войсками, Гальдер объявил о новых больших планах, которые должны были привести к дальнейшему распылению сил группы армий "Центр". После разгрома противостоящих группе армий "Север" сил

противника предполагалось занять такие позиции, которые прикрывали бы войска с северо-востока и с севера. Таким образом, всякое давление на них противника из глубины страны в течение зимних месяцев было бы исключено и потребовалось бы меньше сил для решения этой задачи. Цель заключалась в том, чтобы при условии занятия Рыбинска выйти на рубеж Вологда, Озерный край, к границе тундры, и перерезать единственную железную дорогу, ведущую от Белого моря в центральные районы России. Получилось так, что 4-я армия должна была собственными силами выйти в тыл Москвы, к востоку от Волги. На возражение генерал-майора Ганса фон Грейфенберга о "катастрофическом положении дорог в районе действий группы армий" Гальдер ответил замечанием, что он просит о том, чтобы "все было сделано в отношении обеспечения снабжения и была осуществлена должная подготовка к задуманному "долгому пути". ОКХ в это время находилось полностью под впечатлением победных донесений о боях с окруженным противником и надеялось, что в таком духе дела будут идти и дальше. Это проявлялось в безграничном и восторженном признании Гальдером единственного в своем роде сражения под Вязьмой, а поэтому он и слышать не хотел о трудностях, имеющихся в войсках.

Положение 9-й армии, которую предусматривалось использовать для наступления в северном направлении, в это время было далеко не лучшим. Войска армии, обходя своими пехотными корпусами Калинин с обеих сторон, пытались соединиться с передовыми частями 3-й танковой группы, но непрерывно подвергались внезапным ударам русских дивизий. Начиная с 17 октября советские войска при поддержке танков и авиации ежедневно атаковали немцев в районе Калинина. Поэтому 23 октября Бок приказал приостановить наступление через Калинин и сначала разгромить противника в треугольнике Волжское водохранилище - Калинин - Волга. Основанием для этого решения было то, что русские сосредоточили юго-восточнее Калинина крупные силы, которые представляли угрозу флангам 9-й армии и 3-й танковой группы. Гитлер считал, что вместо временно приостановленного наступления 9-й армии следует нанести удар в направлении Рыбинска и Ярославля силами 3-й и 4-й танковых групп, а 9-я армия должна занять оборону западнее Калинина. Бок тотчас же выступил против этого маневра своих танковых сил и обосновывал невозможность его осуществления прежде всего трудностями в снабжении и плохим состоянием дорог. Тем не менее 28 октября Гитлер приказал осуществить этот план, имея конечной целью выход к Волге, чтобы блокировать противника между Волгой и Ладожским озером, перерезать железные дороги, идущие с востока через Ярославль и Рыбинск на Бологое, а также через Вологду на Тихвин, лишив русских возможности осуществлять снабжение войск, и тем самым нанести им решающее поражение. Несмотря на возражения командования группы армий "Центр", считавшего, что осуществление такого плана вызовет огромные трудности и скажется на дальнейшем развитии наступления на Москву, Гитлер сохранил в силе свою директиву. Таким образом, помимо войск северного крыла группы армий в наступлении на русскую столицу не могла участвовать еще и основная масса сил 4-й танковой группы.

Возражая против новых планов использования войск северного крыла группы армий, Бок выступал и против решения использовать танковые соединения 2-й танковой армии для наступления на Воронеж, а не на Тулу. Гитлер считал 4-ю армию достаточно сильной, чтобы силами правофланговых соединений выполнить задачи, предусмотренные ранее для 2-й танковой армии. Несоответствие между оценкой обстановки, которую давал Гитлер, и действительным положением дел на фронте проявилось наиболее ярко в том, что Клюге был вынужден подтянуть свои последние резервы и отдать приказ 13, 12, 20 и 57-му армейским корпусам перейти на южном участке фронта к обороне. По мнению Бока, единственный шанс продолжить наступление силами правофланговых соединений 4-й армии заключался в том, что армия Гудериана начнет наступление через Тулу на северо-восток. Этот удар должен был вынудить противника, противостоящего 4-й армии, снять свои силы с этого участка фронта и бросить их против 2-й танковой армии. Таким образом Бок надеялся облегчить дальнейшее наступление 4-й армии. Поворот же 2-й танковой армии на юг не только делал невозможным выполнение этих планов, но и создавал дополнительно "широкую брешь на... всем фронте группы армий", закрыть которую было нечем. Бок всеми средствами боролся против этого приказа. Он даже объяснял Гальдеру, что медлит с отдачей войскам приказа Гитлера о приостановлении наступления 2-й танковой армии в направлении на Тулу, пока не будет окончательно решен вопрос о постановке ей дальнейшей задачи. В этом случае в конечном счете ему сопутствовал успех и 28 октября Гитлер объявил, что он "согласен, чтобы не терять времени, продолжать

наступление 2-й танковой армии на прежнем направлении". Следствием этого было то, что только 2-я армия была нацелена на Воронеж, в то время как войскам Гудериана было приказано наступать в направлении на Москву "между Рязанью и Каширой через Оку". Большие цели, которые провозглашались еще в эти дни в ставке фюрера, на практике, несмотря на все приказы и директивы, были невыполнимы, так как положение со снабжением и состояние немецких войск делали невозможным дальнейшее наступление. Бок отдал приказ, в котором говорилось, что если пока нельзя дальше наступать, то нужно хотя бы делать все возможное для подготовки наступления и как можно быстрее преодолеть трудности со снабжением войск, чтобы с наступлением хорошей погоды (мороза) сразу же возобновить продвижение. Тем самым Бок признал, что последняя попытка в быстротечном сражении разбить оставшиеся части Красной Армии и до наступления зимы захватить Москву, провалилась. Более того, войска его группы армий имели открытые фланги, не были готовы к действиям в зимних условиях и им противостоял противник, получивший подкрепление. Боку было ясно - чтобы разгромить противника, нужно начинать новое наступление, но он не имел возможности восполнить огромные потери, понесенные его войсками. 31 октября Бок писал в своем дневнике: "Наши потери становятся очень ощутимыми. В соединениях группы армий более чем двадцатью батальонами командуют обер-лейтенанты".

Потери офицерского состава группы армий "Центр" составляли ежедневно в среднем 45 человек (около 40% всех потерь офицерского состава на Восточном фронте), и особенно велики они были в пехоте, где выбывших из строя офицеров приходилось заменять офицерами других родов войск.

Оборонительные мероприятия русских. Советское командование сознавало, что в середине октября над Москвой нависла серьезная опасность. В эти дни все наличные резервы Ставки были брошены в бой или подтягивались к фронту. Формирование новых соединений и переброска дивизий с Востока были еще не завершены. Когда перед Можайской линией обороны появились передовые отряды немецких танковых соединений и русские не имели равноценных сил против них, Жуков рекомендовал Сталину эвакуировать Москву. Уже 13 октября секретарь Центрального Комитета и Московского городского комитета партии А. С. Щербаков официально заявил, что Москва находится в опасности и что необходимо мобилизовать новые силы на оборону города. Наряду с продолжающимся лихорадочным строительством оборонительных сооружений вокруг и внутри города был проведен призыв еще 12 тыс. человек, которые должны были занять эти позиции {129}. Они входили в истребительные батальоны, которые 17 октября были использованы для прикрытия дорог, ведущих в Москву. Так как Сталин не был окончательно убежден в эффективности этих мер, 16 октября началась эвакуация большинства правительственных, военных и партийных учреждений, а также дипломатического корпуса из Москвы в Куйбышев. Эти мероприятия оказывали деморализующее воздействие на население города, возникла паника. Даже то, что в Москве оставались Сталин и его ближайшие сподвижники, не оказывало успокаивающего воздействия на москвичей {130}, и, таким образом, 19 октября в городе и окрестностях было объявлено осадное положение, провозглашено действие законов военного времени. В постановлении говорилось: "Лица, нарушающие общественный порядок, должны немедленно привлекаться к ответственности и передаваться военному трибуналу для вынесения приговора. Провокаторы, шпионы и другие агенты врага, призывающие к нарушению порядка, должны расстреливаться на месте" {131}.

Эти обстоятельства, а также первые бои на Можайской линии обороны, в результате которых русские части были вынуждены отступить {132}, убедили немецкое командование в том, что русская армия, испытывая недостаток сил на большом по протяженности фронте, сосредоточила только в немногих пунктах сильные группировки с целью прикрыть от разгрома основные силы и создать основу для дальнейшего ведения борьбы, что она не будет располагать крупными боеспособными резервами до наступления зимы. Поэтому немецкое командование считало, что можно продолжать наступление имеющимися силами, прорвать неглубокие оборонительные линии русских и быстро окружить Москву. В такой оценке обстановки, реально определенной лишь тяжелое положение Красной Армии, не были учтены три важных фактора. Во-первых, Можайская линия обороны, имевшая глубоко эшелонированные (на 100 км) оборудованные позиции с многочисленными природными и противотанковыми препятствиями, позволяла русским осуществлять медленный организованный отход на восток с боями, нанося немцам все новые потери. На пути наступления немцев протекали реки Лама, Москва, Колоча, Лужа, Пара, Ока, Протва, Уна, Плава и Суходрев.

К позициям Можайской линии обороны подходили хорошие железные и шоссейные дороги, позволявшие осуществлять переброску войск туда, где они были особо необходимы, и быстрый подвоз пополнений. Кстати, эти дороги начиная с середины октября почти не подвергались налетам немецкой авиации. Действия 2-го воздушного флота были направлены преимущественно против противника, располагавшегося непосредственно перед немецкими боевыми порядками, с целью поддержки наступления своих войск. Железнодорожная распределительная сеть под Москвой, разрушение которой было бы особо важно для нарушения системы снабжения русских войск, не подверглась сколько-нибудь сильному воздействию авиации. В течение всего октября немецкая авиация осуществила только 17 ночных беспокоящих налетов и 6 дневных налетов на Москву, самым крупным из которых (59 самолетов) был налет 28 октября. Но при этом немецкой авиации не удалось нанести большого урона городу{133}.

Вторым фактором был новый метод ведения боевых действий, примененный Жуковым. Он был необходим как для боевого использования небольших, часто с этой целью созданных частей, так и в связи с тем, что бои проходили вблизи русской столицы. Отступление с Можайской линии обороны и оставление большей территории было далее невозможно, если Сталин хотел удержать Москву{134}. Красная Армия практически сражалась на последнем рубеже. Поэтому Жуков делал все, чтобы использовать свои небольшие силы по возможности более эффективно, создавая с этой целью в армиях на наиболее опасных участках глубоко эшелонированные противотанковые и артиллерийские очаги обороны, вынуждавшие наступающего противника прорывать все новые и новые позиции. Кроме того, танки теперь использовались не только для поддержки пехоты, но и сосредоточенно для борьбы с немецкими танками. Для укрепления обороны Сталин немедленно направил все имевшиеся в его распоряжении противотанковые подразделения на фронт для использования их на главных направлениях. В осуществлении этого нового метода ведения боевых действий, обеспечивавшего широкие возможности маневра и сочетавшего огневое воздействие с быстрыми контратаками на флангах наступающего противника, все большую поддержку оказывала русская авиация. Советские летчики, действуя со стационарных аэродромов под Москвой, все чаще вступали в бой и наносили немецким войскам ощутимые потери. В период с 10 по 31 октября советская авиация совершила около 10 тыс. самолетовылетов в распоряжение войск группы армий "Центр"{135}, действуя даже тогда, когда немецкая авиация из-за погодных условий не могла летать.

Третий, решающий фактор заключался в характере боевых действий. С приближением фронта к Москве повысился моральный дух красноармейцев. В своем приказе войскам Западного фронта Жуков указывал: "В этот момент все, от рядового красноармейца до старших командиров, должны смело и непреклонно сражаться за Родину, за Москву! Проявление трусости и паники в этих условиях равносильно предательству. В связи с этим приказываю: 1. Трусов и паникеров, оставляющих поле боя, покидающих без приказа занимаемые позиции и бросающих оружие и снаряжение, расстреливать на месте. 2. Ответственность за выполнение этого приказа возложить на военные суды и прокуратуру... Ни шагу назад! Вперед за Родину!"

Хотя этот приказ и аналогичные распоряжения не потеряли своей силы и во второй половине октября, следовало в целом констатировать усиление воли к борьбе и повышение морального духа советских солдат. Примером для других войск служили соединения, прибывшие с Дальнего Востока. Особенно советская пропаганда выделяла боевые подвиги 316-й стрелковой дивизии под командованием генерала И. В. Панфилова и 78-й стрелковой дивизии под командованием генерала А. П. Белобородова, входивших в 16-ю армию Рокоссовского. Обе дивизии за проявленное мужество были переименованы соответственно в 8-ю и 9-ю гвардейские стрелковые дивизии{136}.

Не только строгие приказы и политические лозунги, выдвигаемые политработниками, приводили к повышению моральных качеств воинов, но и страх перед немецким пленом{137}. О судьбах русских военнопленных очень скоро стало известно советским солдатам. Бок, во время поездки на фронт убедившись в тех тяжелых условиях, в которых находились русские военнопленные, записал в своем дневнике, что мучения, голод, расстрелы солдат - все это было в действительности. "Ужасным было впечатление от десятков тысяч русских военнопленных, которые почти без охраны двигались к Смоленску. Бледные и изможденные, эти несчастные люди еле держались на ногах. Многие погибли в пути. Я говорил об этом с командованием армий, но вряд ли это поможет".

Свою роль сыграл и "приказ о комиссарах". Советские политработники понимали, что в случае пленения они неизбежно будут убиты, и побуждали своих солдат к сопротивлению из последних сил, так что те, будучи поставлены перед альтернативой - сдаваться немцам в плен или продолжать борьбу, - склонялись к последнему. И хотя некоторые немецкие командиры требовали отменить этот приказ из-за его негативных последствий для действий немецкой армии, Гитлер не пошел навстречу этим пожеланиям, так как это противоречило его идеологии. Не только командующие на фронте, но и пропагандистские организации пытались устранить очевидные недостатки, так как они понимали, что русские солдаты едва ли верили немецким передачам и листовкам. В одном из донесений отдела пропаганды вермахта при командовании тылового района группы армий "Центр" приводилось по этому поводу знаменательное высказывание: "Создание благоприятного настроения у населения затрудняет... наше обращение с военнопленными. Снова и снова имеют место случаи, когда попросту расстреливают пленных, которые вследствие изнеможения не могут продолжать двигаться... Известия об этих случаях, когда пленные расстреливаются в населенных пунктах, моментально распространяются на весь район".

Но немецкое командование не проявляло большого желания улучшить положение советских военнопленных и привлечь кого-нибудь к ответственности за массовые расстрелы этих людей, которые добровольно сдались немцам. Напротив, Йодль в своей резолюции на вышеприведенном донесении указывал: "Нужно вести контрпропаганду, а именно нужно было указать, что в этом случае речь идет о военнопленных, которые отказываются идти дальше не потому, что они больше не могут, а потому, что не хотят. Во всех подобных донесениях меня удивляет, что констатируется лишь, в результате каких наших неправильных действий вражеская контрпропаганда получает выгодные для себя аргументы. Было бы правильнее докладывать о том, какие контрпропагандистские меры следует предпринять".

Органы немецкой службы безопасности, проводя политику террора в отношении гражданского населения и массовые расстрелы, лишь усиливали ненависть русских к немецким оккупантам. Положение русского населения ухудшала также директива о подавлении партизанского движения от 25 октября, которая рекомендовала вермахту воспитывать у населения уважение к немцам и тем самым добиться его доверия. Но следствием этой директивы было не доверие, а еще более глубокая ненависть к немцам и страх перед ними. Тяжелое продовольственное положение гражданского населения в оккупированных районах убеждало красноармейцев, что немецкие солдаты пришли не как "освободители", а как поработители и что следует бороться против них всеми имеющимися средствами. При этом не только простые солдаты, но и прежде всего советская интеллигенция глубоко ненавидела немецких захватчиков. В 1941 году А. Сурков написал рассказ, в котором говорится о том, как красноармеец дает присягу. Солдат клянется: "Я - русский, солдат Красной Армии. Моя страна дала мне в руки винтовку. Она послала меня на борьбу против черных полчищ Гитлера, которые вторглись на мою землю... За мной сто девяносто три миллиона советских людей, и гитлеровское порабощение тяжелее, чем смерть... Я видел тысячи убитых женщин и детей, лежащих на шоссе и железных дорогах. Их убили немецкие кровопийцы... Слезы женщин и детей жгут мое сердце. Убийца Гитлер и его орды заплатят своей волчьей кровью за эти слезы; ненависть мстителя не знает жалости".

Ненависть и стойкость, которых требовали командиры от бойцов Красной Армии, подкреплялись требовательностью партии, которая внимательно следила за тем, чтобы все соединения удерживали свои участки на фронте. Если какая-либо часть отступала без приказа, то она немедленно подвергалась порицанию и перед ней выдвигалось требование в будущем проявить более высокие боевые качества.

Но не только моральные качества русских воинов оказывали решающее воздействие на характер действий Красной Армии, но и прежде всего своевременная переброска резервных соединений и войск из восточных областей страны. В то время как немецкий генеральный штаб считал, что советские резервы в основном уже использованы и у Сталина нет больше сил, чтобы занять новый рубеж обороны, русское командование уже в конце сентября начало переброску дивизий и кадрованных соединений из восточных областей СССР на запад, чтобы восполнить потери, понесенные в боях за Киев. Эти войска прибыли как раз вовремя, в середине октября, чтобы вступить в бой за Москву. Донесения советского разведчика Рихарда Зорге, в которых с начала июля он докладывал руководителям СССР о позиции японского правительства, решившего не

выступать против Советского Союза на Дальнем Востоке, а также настоятельная необходимость бросить против немцев все силы, чтобы отстоять Москву, явились основанием для дальнейшей переброски войск. Известия, получаемые от Зорге, были для русского командования ценным подтверждением правильности принимаемых им мер, но не являлись решающими аргументами для этой крупной переброски войск. Политики из Кремля, основываясь на изменившемся положении в мире, когда все более вероятной становилась конфронтация между Японией и США, перебросили часть войск с Дальнего Востока в Европу вовсе не под влиянием донесений Зорге. И все же следует считать установленным, что известие о том, будто со стороны Японии Дальнему Востоку не грозит непосредственная опасность, дало возможность русским перебросить на запад больше сил, чем первоначально планировалось. Железнодорожная сеть Советского Союза позволяла за период от двенадцати до пятнадцати дней перебросить в европейскую часть СССР восемь полностью снаряженных дивизий, в том числе одну танковую. Таких темпов немцы вначале не ожидали.

Для перевозки одной стрелковой дивизии было необходимо от 20 до 40 составов, которые бы шли по обоим колеям с высокой скоростью. Целые "пачки" по 15 - 20 составов, идущие близко друг за другом только в ночное время, полностью выпадали из поля зрения немецкой авиаразведки. Для обеспечения скорейшей переброски войск русские останавливали на несколько дней все другие составы, включая составы с военными грузами, и таким образом дивизии прямо в эшелонах доставлялись непосредственно к линии фронта. Это позволило до конца октября перебросить в район западнее Москвы с Дальнего Востока, из Средней Азии и Сибири по меньшей мере 13 стрелковых дивизий и 5 танковых бригад и в значительной мере стабилизировать фронт. Кроме этого прямого пополнения для фронта одновременно были доставлены дивизии, предназначенные для вновь формирующихся армий в тылу{138}. Эти войска, занимаясь боевой подготовкой, имели задачу создать в районах формирования глубоко эшелонированные оборонительные рубежи и сразу же занять их. В случае прорыва немцев под Москвой и выхода их к Волге они могли бы продолжать вести боевые действия. Это подтверждает, что если бы Москва и пала, то Сталин не считал бы войну проигранной, как на это надеялось немецкое командование, а был бы готов сражаться дальше в глубине территории страны. Так как русское командование на предыдущем опыте убедилось, что ввод в бой резервов небольшими долями нерационален и приводит только к большим потерям, Ставка начала создавать из резервов ударный кулак, намереваясь ввести эти силы в бой сосредоточенно, на главных направлениях.

Тот факт, что русские, прикрывали образовавшиеся на фронте западнее Москвы бреши силами рабочих отрядов, а не регулярными войсками, только усилил представление немцев о том, что русские выдохлись и что война на Востоке может быть закончена в недалеком будущем. В беседе с Чиано 25 октября 1941 года Гитлер утверждал, "что, как свидетельствуют события последних четырех месяцев, судьба войны, собственно говоря, решена и что у противника нет никакой возможности помешать этому... При этих обстоятельствах война в ближайшее время снова будет перенесена на Запад..."

В действительности же обстановка на фронте складывалась для вермахта далеко не так благоприятно.

В конце октября русский фронт настолько укрепился{139}, что командование Западного фронта считало, что сможет остановить новое наступление немцев. Приказ Жукова от 30 октября о переходе к обороне был симптоматичным в том отношении, что он показывал, как Жуков, используя новые методы, предполагает вести боевые действия и выигрывает при этом время. Прежде всего все шоссе и прочие дороги, ведущие к районам обороны, были заминированы и сильно разрушены на протяжении 100 км. Все танкоопасные направления между дорогами были заминированы с целью воспретить возможность обходного маневра. Посредством строительства баррикад, рвов и других препятствий предполагалось замедлить наступление немецких пехотных частей, в случае необходимости обороняющиеся должны были даже затопить участки местности, лежащие перед их передним краем{140}. Было приказано создать целый ряд "противотанковых районов" (Калугино, Дракино, Лопасня, Стремиллово, Каменка, Кресты, Истра, Наро-Фоминск, Петровское, Акулово, Кубинка, Дорохово, Серпухов, Звенигород, Михайловское, Локотня, Ануфриево, Ново-Петровское, Теряева Слобода), в которых на главных направлениях сосредоточивались все наличные противотанковые средства противотанковые и зенитные орудия, танки и орудия поддержки пехоты. Кроме этих районов дополнительно силами армий и дивизий были созданы "противотанковые

районы" на стыках соединений{141}. Особое внимание командиры на местах уделяли тому, чтобы боевые порядки находящихся в их распоряжении войск эшелонировались в глубину и чтобы во всех звеньях, от полка и выше, были выделены достаточные резервы, которые можно было ввести в бой в решающий момент. Для обеспечения надежного управления войсками линии связи, а также командные пункты были хорошо укрыты под землей. На стыках частей и соединений командиры использовали хорошо подготовленных офицеров связи. Жуков снова и снова указывал на необходимость организации взаимодействия между пехотой и артиллерией, танками и авиацией и возлагал ответственность за это на командиров частей и соединений. Так как командование Западного фронта в обозримом будущем не ожидало крупного немецкого наступления{142}, оно полагало, что можно будет в сравнительно спокойной обстановке закончить проведение необходимых оборонительных мероприятий и подготовиться к отражению немецкого наступления.

4. Ошибочная оценка Гитлером возможностей России

Из донесений об обстановке на фронте Гитлер не сделал никаких выводов. И хотя во второй половине октября темп немецкого наступления значительно снизился, а в конце месяца оно почти совсем затормозилось{143}, и хотя немецкое население все более сдержанно и недоверчиво относилось к сводкам о достигнутых немецкими войсками успехах, Гитлер, упоенный крупными победами под Вязьмой и Брянском и большими трофеями, продолжал и в это время верить, что война фактически уже выиграна. В беседе с итальянским министром иностранных дел графом Чиано 25 октября 1941 года он не мог сказать ничего точного о сроках взятия Москвы, но утверждал, что в военном отношении (с точки зрения людских и материальных ресурсов) Россия уже разгромлена и что, вероятно, зимой ее постигнет судьба Наполеона. В мыслях Гитлер в это время был уже на Кавказе и даже в Индии, считал, что русская кампания в целом была уже закончена, так как Россия не сможет больше оправиться от понесенных потерь и "находится при последнем издыхании". Характерным было и то, что он не учитывал тех источников сырья, которые Сталин еще мог использовать. По мнению Гитлера, Россия была способна удовлетворить свои потребности в нефти только на 10%, а марганца и молибдена не могла получать совсем. Он не хотел и слушать специалистов, которые были иного мнения. Видимо, исходя из точки зрения Гитлера, Кей-гель собственноручно написал на докладной записке Томаса о возможностях материальной помощи России со стороны англосакских держав о том, что "фюрер лично ознакомился с этими известными цифрами и сомневается в их правильности".

В своем докладе Томас делал вывод, что на основании первого протокола от 1 октября 1941 года, заключенного между СССР, США и Великобританией в Москве, "потери важнейших западных промышленных областей России, приведшие к снижению производства самолетов и танков, могут быть в значительной степени восполнены".

Западные державы обязались поставлять Советскому Союзу до 30 июня 1942 года ежемесячно 400 самолетов, 500 танков, большое количество грузовых автомобилей и т. д. Эти поставки могли, по заключению Томаса, в довольно значительной степени покрыть "потребности России в средствах связи, прокате, легированной стали, молибдене, меди... автомобильных скатах и авиационном бензине". В период с октября 1941 по май 1942 года западные державы могли поставить СССР около 4700 самолетов, 2600 танков, 600 легких зенитных орудий, 400 тяжелых зенитных орудий и около 600 противотанковых орудий. Фактически союзники поставили Советскому Союзу с 1 октября 1941 по 30 июня 1942 года 4650 танков, 3101 самолет, 6500 джипов, 3700 грузовых автомобилей, 56 000 т химикатов и взрывчатых веществ, 167 000 т нефтепродуктов, прежде всего авиационного бензина, 30 000 т машинного оборудования, 424 525 т металлов, 305 037 т продовольствия. Общий объем поставок составил 1 420 255 т.

Томас пришел также к выводу, что "для оказания помощи России не существует трудностей транспортного порядка. Проблема тоннажа представляется разрешимой. Пропускная способность портов, принимающих грузы, и железных дорог достаточна для приема большого количества поставляемого военного оборудования и других важных грузов. Осуществление помощи России является в меньшей степени транспортной проблемой, чем проблемой, связанной с желанием англосакских держав ее реализовать".

Недооценивая экономическую помощь западных держав, Гитлер не верил в правильность прогнозов Томаса. По его мнению, Советский Союз "так много потерял материальных ценностей, что союзники не смогут восполнить их и в течение пяти лет, даже если не оставят ничего себе из всей произведенной продукции".

Он пришел к заключению, что выбор американцами Архангельска как порта разгрузки, обладающего небольшой пропускной способностью, является доказательством того, что в действительности США не хотят ничего поставлять СССР. Гитлер считал, что если поставки все-таки будут осуществляться через этот порт, то немцам это несколько не угрожает, так как в ближайшие "несколько недель" железная дорога, идущая от Архангельска в глубь страны, будет перерезана немецкими войсками. Хотя Гитлер в течение последних месяцев 1941 года и двух первых месяцев 1942 года оставался при своем мнении о возможностях поставок, русские смогли до лета оснастить значительную часть своей армии полученной из США и Англии техникой и тем самым восполнить немалую долю материальных потерь.

К началу операции "Тайфун" управление военной экономики и вооружений ОКВ представило Гитлеру и его руководящим военным советникам справку, в которой давалась оценка "предполагаемого положения военной промышленности России по мере осуществления операции и продвижения на восток". В этой работе авторы исходили из четырех возможных вариантов продвижения немецких войск и делали из этого выводы в отношении состояния советской военной промышленности. Во всех этих четырех вариантах за основу был взят тот факт, что русские уже потеряли ряд промышленных областей и районов размещения запасов сырья и что будут захвачены Харьковская, Курская, Тульская и Московская области.

По варианту "А", который предусматривал оккупацию немцами территории России до линии Крым, Днепр, Харьков, Тула, Ленинград и Кандалякша, Томас пришел к следующему выводу: "Потеря почти 2/3 производства железа и алюминия не позволит, вероятно, повысить или даже полностью использовать оставшиеся производственные мощности. Восполнение материального оснащения вооруженных сил до уровня, достигнутого к началу войны, во время зимнего затишья на фронте больше невозможно, как и покрытие срочной потребности в военных материалах для продолжения оборонительных военных действий следующей весной. Но решающего ослабления военно-промышленного потенциала России еще не наступило".

Томас считал, что наступление в направлении Москвы и захват русской столицы ни в коем случае не будут означать нужного немцам экономического краха Советского Союза. Эта оценка не нашла поддержки не только у Гитлера, но и у Йодля, на докладной записке у этого абзаца был поставлен красными чернилами большой знак вопроса.

По варианту "В", который помимо захвата территорий, предусмотренных в варианте "А", учитывал также захват Майкопа и Донецкого бассейна, а также района Ростова, Советский Союз лишился 61% своей добычи угля. По этому варианту Томас пришел к заключению, "что промышленное производство (СССР. Прим. переводчика.) почти во всех областях снизится наполовину. Тем самым военная промышленность России будет так сильно ослаблена, что до лета 1942 года собственными силами она будет не в состоянии обеспечить создание предпосылок для успешного продолжения боевых действий западнее Урала".

По варианту "С", который предусматривал потерю русскими промышленного района Горького и вместе с ним "почти полную потерю производства грузовых и легковых автомобилей", не предполагалось "существенного ухудшения общего положения в военной промышленности в сравнении с вариантом "В".

Только дальнейшая потеря территории вплоть до Волги, которая предусматривалась вариантом "Д", означала бы "значительное ослабление военной промышленности, что, однако, не обязательно должно привести к полному краху, которого можно ожидать лишь после потери Советским Союзом индустриального района Урала".

Таким образом, становится ясно, что намерение Гитлера добиться экономического краха России путем захвата ее европейских областей было несостоятельным. При этом следует иметь в виду, что представленный Томасом в начале октября документ оценивал экономическое положение России неполно, так как не учитывались поставки из США и Англии. В конце октября Геринг, подробно излагая свою точку зрения по документам

управления военной экономики и вооружений, пришел к убеждению, "что высказанные мнения в своей основе слишком переоценивают положение России и что захват Донецкого бассейна сыграл бы решающую роль, например, для работы промышленности Урала... А если учесть колоссальные транспортные трудности, то не следовало бы так высоко оценивать развитие производства в восточноевропейских районах России и Сибири".

Положительно отзываясь об успешных мероприятиях по эвакуации советской промышленности, Геринг не верил, что возможно эффективное восстановление предприятий и возобновление производства на основе перебазированной промышленности на востоке. По его мнению, русские испытывали непреодолимые трудности, и прежде всего в области транспорта.

Хотя еще не были достигнуты цели, предусмотренные вариантом "А", и хотя группа армий "Центр" испытывала огромные трудности со снабжением в районе Можайской линии обороны, Гитлер был убежден, что и в военно-экономическом отношении Россия уже потерпела поражение и что исход кампании в России окончательно предрешен. Он не считал себя "опрометчивым пророком", когда писал Муссолини, что, какие бы меры Сталин ни принимал, большевистский режим уже разгромлен. Эти высказывания Гитлера не были неким хвастовством перед Муссолини и Чиано, они выражали его действительное убеждение. Об этом свидетельствует и замысел Гитлера снять с фронта большую часть войск группы армий "Центр" и поддерживающий ее 2-й воздушный флот и перебросить их в район Средиземного моря, чтобы преодолеть возникшие там трудности.

В связи с этим возникает вопрос: как мог Гитлер, несмотря на неблагоприятные доклады с фронта, прийти к оптимистической и в данном случае неверной оценке сложившегося положения? Что побуждало его выдвигать обширные замыслы и настаивать на их осуществлении, хотя командование войск, которых это касалось, давало ему совершенно ясно понять нереальность этих планов. Главная причина заключалась, безусловно, в неверной оценке обстановки в России. Гитлер и его советники были убеждены в том, что Красной Армии приходится еще хуже, чем их собственным войскам, и что, несмотря на имеющиеся трудности, можно настаивать на продолжении наступления на Москву и добиться поставленной цели.

Раздел II .

Сентябрь -октябрь 1941 года

1. Нехватка рабочей силы и сырья для германской военной промышленности

В то время, когда Гитлер сообщал Чиано, что Советский Союз в военно-промышленном отношении уже положен на лопатки и больше не сможет оправиться от понесенных потерь, германская военная промышленность достигла такой стадии, что не могла уже удовлетворять нужды фронта и обеспечивать выполнение новой программы производства вооружений для второго этапа войны. В конце октября специалистам германской военной промышленности стало понятно: экономические трудности настолько возросли, что без решительного изменения всей системы, то есть без отказа от идеи "молниеносной войны" и перестройки промышленности по принципу "глубокого" вооружения, уже невозможно превзойти противника в промышленном отношении.

Еще в сентябре, когда подготовка к операции "Тайфун" шла полным ходом, появились симптомы того, что при установившейся практике решения проблемы рабочей силы дело дальше не пойдет. От военной промышленности снова и снова поступали сигналы, что "все прежние трудности в производстве зависят не от наличия сырья, а только от рабочей силы".

К уже известным проблемам рынка рабочей силы добавилась в качестве нового затруднения необходимость призыва в армию контингента 1922 года рождения, что вело к изъятию из военной промышленности определенного количества молодых специалистов. Этот контингент насчитывал примерно 270 тыс. человек и должен был составить основу резервной армии для покрытия огромных потерь в дивизиях на фронте.

Дополнительные трудности проявлялись и в том, что в армию были дополнительно призваны лица старших возрастов, а также часть рабочих, ранее пользовавшихся

отсрочкой от призыва.

Облегчить положение с рабочей силой за счет увеличения числа иностранных рабочих по различным причинам было больше невозможно. Все труднее стало получать итальянских рабочих, так как они не хотели работать в районах, где существовала угроза воздушного нападения. Вследствие воздействия контрпропаганды англичан, французских коммунистов и сторонников де Голля вряд ли можно было ожидать существенного увеличения числа французских рабочих. Утечка иностранной рабочей силы объяснялась во многом недостаточным социальным обеспечением предприятий. Жалобы на плохое снабжение немецких и иностранных рабочих принимали все больший размах. Чтобы облегчить положение, было запланировано заменить 100 тыс. французских военнопленных русскими военнопленными. Для ликвидации образовавшегося недостатка в рабочей силе дополнительно предлагалось завербовать на добровольной основе русских горняков с Украины и металлистов из Прибалтийских государств. Кроме того, управление военной экономики и вооружений могло использовать в военной промышленности 23 тыс. военнослужащих штрафных подразделений вермахта. Несмотря на все эти меры, осуществление которых усложнялось инстанциями среднего звена, не желавшими заниматься этими вопросами в полной мере, в конце сентября положение достигло критической точки. Приходилось решать, как использовать имеющиеся людские резервы - для удовлетворения потребностей войск или для нужд военной промышленности {144}.

Несмотря на это, и в октябре продолжался призыв в армию из числа рабочих военной промышленности, так как большие потери в сухопутных войсках требовали срочных мер для покрытия некомплекта личного состава {145}, а мероприятия командования вермахта по высвобождению личного состава, и прежде всего по его перераспределению в сухопутных войсках, привели к очень небольшим результатам. Удалось путем замены солдат старших возрастов и не полностью пригодных для боевого использования пополнить боевые войска 250 тыс. человек. За счет резервной армии путем проведения "акции прочесывания" было отправлено на Восточный фронт дополнительно 25 тыс. человек, и непосредственно на фронте часть личного состава рабочих команд была заменена русскими военнопленными. Это позволило русским внедрить в вермахт своих агентов и получать информацию о намерениях немцев. Указанные меры повысили боевые возможности войск вермахта, но не ликвидировали значительный некомплект в личном составе. Дальнейшие попытки получить дополнительное количество рабочей силы проявились в мероприятиях, направленных на усиление использования труда женщин в экономике, и в создании в Париже специальной вербовочной организации (ранее проводилась индивидуальная вербовка французских рабочих). Но все эти планы не обещали продолжительного успеха. Последняя по-настоящему действенная возможность как-то решить проблему нехватки рабочей силы заключалась в усилении использования русских военнопленных {146}.

До конца октября Гитлер воздерживался от массового использования советских военнопленных в немецкой промышленности, так как он считал, что Советский Союз уже побежден и война на Востоке в ближайшее время закончится, а вместе с этим большая часть солдат будет уволена из армии и сможет возвратиться в военную промышленность. Как об этом говорится в "Донесении о положении в военной промышленности за октябрь 1941 года", только в конце октября был объявлен приказ фюрера, предусматривавший "массовое использование труда русских на территории германского рейха и определявший соответствующие нормы питания с расчетом получить удовлетворительные показатели в работе".

Руководствуясь указанием Гитлера, Кейтель 31 октября отдал приказ использовать в "обширных масштабах" советских пленных в германской военной промышленности, так как "нехватка в рабочей силе... может привести к опасным затруднениям для германской военной промышленности в будущем".

7 ноября при обсуждении четырехлетнего плана под председательством Геринга были выработаны директивы по использованию советских военнопленных и рабочих из числа гражданского населения. В соответствии с этими директивами русские должны были использоваться прежде всего в угледобывающей промышленности, на транспорте и на военных предприятиях. При этом следовало стремиться комплектовать русскими по возможности целые предприятия. На транспорте предусматривалось их использование прежде всего на паровозо- и вагоностроительных заводах и на соответствующих

ремонтных предприятиях. От всех инстанций требовалось добиваться "самого полного использования русской рабочей силы". Недоверчивость Гитлера и его страх перед тем, что русские военнопленные "заразят" немецких рабочих, оставались в силе и нашли свое выражение в указании не разрешать "никакого контакта с немецким населением, и прежде всего никакого выражения солидарности". Указание комплектовать целые шахты и предприятия только русскими, с тем чтобы предотвратить контакты с немцами, безусловно, следует понимать как меру, вызванную упомянутыми опасениями Гитлера. Германия надеялась разрешить за счет советских военнопленных огромную проблему нехватки рабочей силы и тем самым преодолеть главную проблему в своей военной промышленности. Особенно широко русские должны были использоваться в производстве танков, орудий, а в случае необходимости и на авиационных моторостроительных заводах.

В то время как на первый взгляд положение с рабочей силой на важнейших участках снова стало выглядеть благополучно, к началу ноября более явно проявилась вторая главная проблема германской военной промышленности - нехватка сырья, ставшая непреодолимым препятствием в осуществлении намеченных планов. Так как из Советского Союза вопреки планам сырье для германской военной промышленности не удалось получать в запланированном количестве, немецкое руководство вынуждено было признаться, "что в связи с нехваткой сырья совершенно невозможно выполнить в намеченном объеме требования по наиболее важным пунктам программы".

Вместе с этим не оправдались также и надежды, которые военная промышленность возлагала на операцию "Тайфун". Геринг писал 6 сентября 1941 года: "Военная обстановка требует, чтобы обнаруженные на вновь занятых восточных территориях месторождения сырья как можно скорее ставились на службу германской военной промышленности".

Кроме того, трудности в этой области усугублялись тем, что все три вида вооруженных сил Германии, несмотря на установленные Гитлером 14 июля 1941 года приоритеты, стремились "по возможности полностью загрузить выделенные для них мощности, чтобы в любой новой ситуации быть на высоте". Поэтому Гитлер счел необходимым в подробном приказе от середины сентября определить порядок удовлетворения нужд сухопутных войск, военно-воздушных сил и военно-морского флота. Его директива предусматривала следующие мероприятия: "1. Строгая централизация размещения заказов в рамках каждого вида вооруженных сил и использование выделенных производственных мощностей для удовлетворения самых насущных нужд.

2. Перераспределение (по распоряжению ОКВ) промышленных мощностей между видами вооруженных сил, если размещение заказов в соответствии с п. 1 не может быть обеспечено.

3. Тщательное планирование и согласование поставок видам вооруженных сил с возможностями промышленности. Заявки видов вооруженных сил на поставки и развертывание производства в адрес соответствующих ведомств должны подаваться через штаб верховного главнокомандования вермахта. Последний вместе с имперским министром по делам вооружения и боеприпасов контролирует возможности осуществления этих заявок военной промышленностью и по моему указанию решает, в каком виде и объеме они могут быть удовлетворены. Начальник штаба верховного главнокомандования уполномочен сокращать производство второстепенных видов продукции".

Этим приказом удалось, хотя и косвенно, повлиять на существовавший до сих пор порядок размещения заказов. До этого управление военной экономики и вооружений распределяло сырье по заявкам видов вооруженных сил, исходя из общего количества сырья, предназначенного вермахту, но не занималось размещением заказов, что входило в обязанности соответствующих управлений видов вооруженных сил. Последние сами вели переговоры с предприятиями, находящимися в их распоряжении, и передавали различным фирмам заказы на вооружение. Новый порядок возлагал на управление военной экономики и вооружений обязанности некоего "контрольного органа", который мог сделать первую корректировку в программах видов вооруженных сил. Кейтель сразу дал понять, что он будет ограниченно пользоваться полномочиями, предоставленными ему Гитлером. "Верховное главнокомандование не намерено вмешиваться в существующие заявки видов вооруженных сил, так как они, как и прежде, несут

ответственность за осуществление определенных фюрером программ".

ОКВ пришло к убеждению, что оснащение войск в целом должно быть упрощено. Кроме того, стало известно, что вследствие "напряженного положения с сырьем для производства горючего и резины" должно быть существенно ограничено использование автомобилей. Видам вооруженных сил в соответствии с приказом Гитлера от 11 сентября 1941 года вменялось в обязанность представить до 28 октября точные сведения о потребностях в автомашинах, рабочей силе, угле, электроэнергии и газе. В дополнение к этому приказу им были установлены ориентировочные квоты сырья и указано на необходимость строжайшей экономии. Эти указания вытекали из первых выводов, сделанных в связи с нехваткой сырья. ОКВ считало возможным реализацию основных программ Гитлера путем точного расчета нужд видов вооруженных сил. Сегодня хорошо видно, сколько времени ушло пока немецкое командование поняло, что потребности вермахта превысили возможности германской промышленности, и приняло решительные меры. И хотя в ходе совещания у начальника штаба ОКВ 16 августа 1941 года выяснилось, что приказ Гитлера о перестройке промышленности невыполним, немецкое командование продолжало считать, что сможет устранить очевидные затруднения в военной промышленности путем издания различных директив.

При этом все же следует иметь в виду, что все планы производства вооружений были основаны на убеждении, что восточная кампания закончится самое позднее к концу октября и тем самым станет возможным использование сырья России. Тем более кажется невероятным, что виды вооруженных сил только в начале ноября были вынуждены на основании требований ОКВ уточнить свои программы и установить, сколько потребуется сырья, производственных мощностей и рабочей силы для осуществления этих планов. Только с помощью этих расчетов стало вообще возможно проверить, реальны ли в общем объеме намеченные Гитлером программы, как прежние, так и модифицированные. Эти расчеты показали, что недостаток сырья явился более существенным препятствием, чем нехватка рабочей силы, для реализации программ военного производства в объеме, намеченном для второго этапа войны по плану Гитлера.

2. Провал расширенной программы строительства ВВС

Вопреки всем планам, летом и осенью 1941 года ВВС не удалось получить запланированного количества самолетов. Среднемесячное производство истребителей, самолетов-разведчиков, бомбардировщиков, учебных и транспортных самолетов составило только 1150 машин{147}. Расширенная программа строительства самолетов, известная под названием "Эльх-программа", предусматривала производство около 2400 машин ежемесячно, но, как показали данные на середину августа, была невыполнима. Для производства самолетов не хватало 120 тыс. специалистов, а также такого сырья, как магний, алюминий, железо и сталь{148}.

20 августа были установлены плановые квоты поставок истребителей, бомбардировщиков и самолетов-разведчиков на период с августа 1941 года по апрель 1942 года. Намечался рост среднемесячного производства, а общее количество самолетов должно было составить 5569. Вследствие нехватки сырья уже в конце октября плановая цифра на первые месяцы 1942 года была снижена. И все же командование ВВС добивалось увеличения производства самолетов, для чего в 1942 году в авиационную промышленность предлагалось передать дополнительно от 600 тыс. до 1 млн. рабочих. Гитлер утвердил эту программу, не зная при этом, откуда можно было взять этих рабочих, необходимое сырье и производственные мощности, если победа над Россией еще не была достигнута. Он по-прежнему был убежден, что для осуществления второго этапа его программы необходимы мощные военно-воздушные силы и для этого нужно установить абсолютный приоритет для авиационной промышленности.

В ходе беседы генерала Томаса с генерал-фельдмаршалом Эрхардом Мильхом 22 октября по вопросам осуществления "программы Геринга", которая определяла задачи авиационной промышленности до 1944 года, были обсуждены прогнозы на производство самолетов на последующие месяцы. Мильх не видел особых трудностей в осуществлении этой программы, если не считать некоторой нехватки алюминия и хрома. Он надеялся путем рационализации производства на американский манер и путем улучшения работы заводов обеспечить повышение уровня производства при том же количестве рабочей силы, сырья и тех же производственных мощностях. Мильх считал, что промышленность должна покончить со старыми методами производства, и указывал, что на 75%

предприятий работа ведется допотопными способами, а главное, отсутствует конкуренция. Специалисты военно-воздушных сил считали, что при соответствующей перестройке промышленности имеется возможность увеличить производство на 25%. Мильх же утверждал, что рост может составить 40%. Правда, он, как и Томас, видел политические, экономические и социальные трудности осуществления новой концепции авиационного производства, но считал, что они могут быть в будущем быстро преодолены. И все-таки перестройка не могла проводиться быстро, а значит, не могло быстро повышаться и само производство.

В этой беседе с Томасом Мильх не стал проводить детальный анализ положения с сырьем, а строил только какие-то глобальные прогнозы. Вместе с тем в программе распределения сырья на 1942 год планировалось увеличение поставок ВВС алюминия при одновременном сокращении поставок меди, свинца, цинка и хрома. В документе под названием "Предпосылки для осуществления программы Геринга" от 10 ноября 1941 года командование ВВС признало, что в настоящих условиях, если не будет определенного увеличения квоты сырья и рабочей силы, программу во всех ее звеньях, в том числе и в области производства зенитных орудий и боеприпасов, придется сократить. Генерал-фельдмаршал Мильх детально указал в этом документе на причины, приведшие к негативным выводам. "Уже сегодня нельзя не видеть, что дополнительная потребность в специальных станках для производства коленчатых валов не может быть удовлетворена, а это не дает возможности увеличить поставку самолетов по программе на 1942 год".

Но не только увеличение поставок самолетов было невозможно, ставилась под сомнение возможность выполнения программы в целом. Основанием для этих сомнений являлась нехватка сырья. Для выполнения программы Геринга в первые месяцы 1942 года следовало исходить из ежемесячной потребности в 18 тыс. т алюминия (то есть 52% всего производимого алюминия), а в конце 1942 года даже в 22700 т (то есть 54%). Этого количества могло хватить только на производство самолетов, но не для выполнения всей программы строительства ВВС. В связи с нехваткой алюминия ОКВ уменьшило объем поставок на четвертый квартал 1941 года, а поэтому возник вопрос, можно ли вообще за счет сокращения поставок сухопутным войскам и военно-морскому флоту выделить для ВВС такое количество алюминия, которого хватило бы на самолеты. Так как в первом квартале 1942 года предполагалось сократить поставки меди на 30% по сравнению с ранее предусмотренным количеством, медь стала также дефицитным сырьем. Но сильнее всего ощущалась нехватка хрома. В связи с этим потребности сталелитейных заводов, выполнявших заказы по программе ВВС, могли быть удовлетворены только на 90%. Но это означало, что поддержание производства самолетов даже на прежнем уровне невозможно.

Что касается расширенной программы строительства ВВС в целом, то и ее выполнение было сомнительно без увеличения квот сырья, выделяемого авиационной промышленностью, и пополнения предприятий рабочей силой. Количество сырья, которым мог располагать германский рейх, становилось впоследствии не больше, а меньше, так как накопленные резервы были израсходованы, а получение новых запасов было невозможно.

При рассмотрении возможностей выполнить программу Геринга совершенно не были учтены данные о потерях ВВС на фронте, хотя в ноябре понадобилось все произведенные авиационной промышленностью самолеты направить на Восточный фронт для частичного восполнения больших потерь. Создать резерв самолетов для программы на период после "Барбароссы" было уже невозможно.

Военно-воздушные силы Германии начали кампанию на Востоке, имея 2500 самолетов{149}. Сохранялась надежда, что авиационные соединения должны будут оставаться на Восточном фронте только короткое время. Предполагалось, что они быстро покончат с русской авиацией, а затем их можно будет перебросить снова на Запад для действий против Англии. Эта идея боевого использования военно-воздушных сил нашла свое отражение в директиве No 21 "План "Барбаросса" от 18 декабря 1940 года. В ней говорилось: "Задача военно-воздушных сил - высвободить такие силы для поддержки сухопутных войск при проведении восточной кампании, чтобы можно было рассчитывать на быстрое завершение наземных операций... Однако такое сосредоточение усилий ВВС на Востоке должно быть ограничено требованием, чтобы все театры военных действий и районы размещения нашей военной промышленности были

надежно прикрыты от налетов авиации противника и чтобы наступательные действия против Англии, особенно против ее морских коммуникаций, отнюдь не ослабевали" {150}.

Но боевые действия в России вынуждали усиливать применение авиации, в связи с чем быстро росли и потери. К тому времени, когда Мильх констатировал, что программа Геринга неосуществима, потери немецких ВВС составили уже 5180 боевых самолетов, в том числе 2966 машин, уничтоженных на аэродромах и сбитых в бою. В период с 22 июня по 10 ноября 1941 года для восполнения этих потерь на фронт было поставлено 5124 самолета. Резерв ВВС составляли на 10 ноября только 40 самолетов-разведчиков, а других типов самолетов не было совсем. Это касалось прежде всего истребителей, потери в которых на Восточном фронте до 31 октября составили 1527 машин, в то время как в период с июля по октябрь было произведено всего 1079 истребителей. Из этого совершенно ясно, что создание резерва самолетов для последующих операций было невозможно. Текущего производства не хватало даже на покрытие потерь в самолетах на фронте. Поэтому можно, подводя итоги, констатировать, что в конце октября осуществление одного из главных военных факторов, обеспечивавших проведение операций по плану на период после "Барбароссы", а именно строительство сверхмощных военно-воздушных сил, было больше невозможно.

3. Провал программы строительства сухопутных войск

Не только военно-воздушные силы, но и управление вооружений сухопутных войск в начале ноября вынуждено было признать, что при существующем положении программы, предписанные Гитлером, не могли быть выполнены. В памятной записке ОКХ от 25 октября были изложены прогнозы производства вооружений на основе указаний ОКБ. При этом в первую очередь принимались во внимание программы, определенные Гитлером как первоочередные и касавшиеся производства танков, тяжелых противотанковых орудий, зенитных средств, снаряжения и оснащения для действий в тропических условиях, а также боеприпасов. При планировании и распределении сырья преимущество отдавалось прежде всего производству танков, тяжелых противотанковых и зенитных орудий. Считалось, что все сырье из имеющихся в распоряжении вермахта запасов будет предоставлено, сухопутным войскам на 1942 год и использовано исключительно для обеспечения вышеназванных особо важных нужд. Однако оказалось, что потребности в железе и стали могут быть покрыты только на 30%, вследствие чего программа производства танков может быть выполнена только на 68%, тяжелых противотанковых орудий - на 73%, боеприпасов для них - на 75%, производства оснащения для действий в тропических условиях только на 10%. Выполнение программ по производству зенитных орудий и боеприпасов для других видов оружия вообще было невозможно. Наличные запасы стали не могли быть полностью использованы из-за отсутствия легирующих металлов - хрома, молибдена и никеля, которые требовались для производства танков, противотанковых орудий и боеприпасов. Так как потребность в вольфраме как легирующем металле удовлетворялась только на 10,6%, планы производства бронетанковой техники могли быть выполнены лишь на 49%. Потребности в меди были обеспечены только на 10%. В связи с этой нехваткой сырья программы производства оружия и боевой техники для сухопутных войск выполнялись по танкам только на 19%, по тяжелым противотанковым орудиям на 41% и по боеприпасам для них - на 81%, в то время как на все другие виды вооружения сырья не хватало вообще {151}. Нехватка алюминия составила 73%, потребности в техническом каучуке могли быть покрыты только на 16,5%.

Таким образом, положение с производством вооружения для сухопутных войск свидетельствовало также о том, что планы операций на период после "Барбароссы" в военно-техническом отношении к началу ноября были сорваны вследствие нехватки сырья. Сырье предполагалось большей частью захватить в России, но об этом в связи с тяжелым положением на фронте нечего было и думать. Когда Геринг еще 8 ноября 1941 года требовал "...использовать в экономическом отношении в качестве колоний вновь занятые восточные территории, применяя колониальные методы",

эти планы и полное использование сырья даже в случае быстрого продвижения немцев к районам русских месторождений сырья было совершенно невозможно осуществить в кратчайшие сроки вследствие больших разрушений, произведенных русскими, и особенно вследствие недостатков в работе немецкой транспортной системы.

Осенью 1941 года Германия испытывала большую нехватку подвижного состава. Если ежедневная потребность составляла 240 тыс. вагонов, то фактически в октябре имелось 142 тыс. вагонов, которых едва хватало для обеспечения самых необходимых перевозок. Учитывая существовавшие в Германии трудности с продовольствием, на территории Советского Союза предполагалось заготовить дополнительно значительное количество зерна и мяса для обеспечения рейха. Поэтому транспорт должен был использоваться для доставки русского урожая в Германию.

Главную причину тяжелого положения на транспорте следовало искать в том, что Германия вступила в войну с недостаточным количеством паровозов и вагонов. Это положение существенно не улучшилось и к началу кампании в России. Так, к началу войны, то есть к 1939 году, количество паровозов и вагонов было меньше, чем в 1914 году. Производство новых паровозов за период с 1940 по 1941 год увеличилось только в очень незначительной степени (с 1688 до 1918 паровозов), производство вагонов увеличилось почти вдвое (с 28 200 в 1940 году до 44 845 в 1941 году). Парк пригодных для эксплуатации паровозов, включая 1850 французских, насчитывал на 10 августа 1941 года только 23 400. Так как этого количества не хватало для выполнения поставленных задач, начиная с кампании на Востоке мощность локомотивов была увеличена на 11,2%, что привело в дальнейшем к более быстрому выходу их из строя. В связи с этим снова сократился объем железнодорожных перевозок в Германии. Не оправдались расчеты на захват железнодорожного имущества в ходе войны. По октябрь 1941 года в СССР было захвачено только около 1000 паровозов, из них 500 пригодных к эксплуатации, и около 21 тыс. товарных вагонов, пригодных для широкой колеи. Эти обстоятельства вынуждали к тому, чтобы перешивать значительно большее количество русских железнодорожных путей на немецкую колею, нежели планировалось первоначально. Уменьшение числа паровозов создавало чрезвычайно серьезную опасность для экономики страны, которая вела войну. Опасность становилась тем больше, чем больше паровозов прочно оседало в России и не могло соответствующим образом поддерживаться в нужном состоянии. С вагонным парком дела обстояли подобным же образом. Вместе с тем в октябре на оккупированных территориях для обеспечения потребностей фронта было необходимо 2500 паровозов и 200 тыс. товарных вагонов. В связи с непредвиденной обстановкой под Москвой в последние дни октября на железнодорожный транспорт легли новые нагрузки помимо вывоза с Востока урожая и другого захваченного имущества. Можно было предполагать, что эти трудности в зимний период возрастут и будут усугубляться текучестью персонала "полевой железнодорожной службы" на Востоке. Эти факторы наряду с увеличением железнодорожной сети и удлинившимся временем оборачиваемости подвижного состава грозили в последующие недели существенно снизить пропускную способность немецкого железнодорожного транспорта. Но пути преодоления этих трудностей не были найдены - в короткое время не представлялось возможности восполнить нехватку подвижного состава и обслуживающего персонала железных дорог.

Военно-экономические программы строительства военно-воздушных сил и сухопутных войск исходили из потребностей, связанных с осуществлением плана операций на период после "Барбароссы", но не учитывали текущие потребности Восточного фронта. Теперь войскам в соответствии с приказом Гитлера приходилось рассчитывать только на имеющиеся у них запасы и резервы.

В оценке положения с боеприпасами от 1 ноября 1941 года управление вооружений сухопутных войск пришло к выводу, что "1 ноября готовые к выдаче наличные запасы... по большинству видов боеприпасов покрывают только текущие потребности".

Основанием для этого был тот факт, что начиная с октября все производимые боеприпасы отправлены на фронт и создание их резерва было невозможно. Созданные же ранее резервы большей частью были израсходованы. Начиная с ноября возникли трудности со снабжением некоторыми видами боеприпасов и было установлено, что, только "увеличив производство большинства видов боеприпасов, можно обеспечить создание необходимых запасов". Но развертывание производства боеприпасов в больших масштабах потребовало бы дополнительного количества рабочей силы, сырья, взрывчатых веществ и пороха, а во всем этом ощущался острый недостаток.

Еще хуже к этому времени складывалось положение с танками{152}. Восточная армия, начавшая кампанию на Востоке с 3580 танками и штурмовыми орудиями, потеряла к 10 ноября 1941 года 2090 машин{153}, получив с начала кампании в качестве пополнения

только 601 танк и штурмовое орудие{154}. До начала ноября выбыло из строя еще некоторое количество танков. В связи с этим по состоянию на 10 ноября потери в этой технике на Востоке составили 1697 машин, причем танковые соединения группы армий "Центр", располагавшие более чем тремя танковыми группами и армиями из четырех, имевшихся в вермахте, пострадали особенно сильно. По данным тогдашнего начальника штаба 2-й танковой группы фон Либенштейна, группа потеряла в боях за Брянск и во время прорыва под Мценском 242 танка, в боях за Тулу - 34 танка, всего, таким образом, ее потери составили 276 танков. В "Докладе об оценке боевых возможностей Восточной армии" ОКХ пришлось к выводу, что боевая численность танковых полков вследствие больших материальных потерь упала в среднем почти на 65 - 75% и поэтому фактически боевая мощь танковой дивизии составила только немногим более 35% ее полностью укомплектованного боевого состава.

Катастрофических размеров достигли также потери в автомашинах, в связи с чем была существенно ограничена маневренность и скорость передвижения соединений сухопутных войск. Потери на 10 ноября 1941 года составили 25 777 грузовых автомашин, 19 242 легковых автомобиля, 30 432 мотоцикла, 1729 тракторов и тягачей, 4410 машин других типов. Из почти 500 тыс. автомашин, тракторов и мотоциклов, которыми располагала Восточная армия к началу кампании, к 15 ноября 1941 года оставались на ходу только 15%, или около 75 тыс. К почти 80 тыс. автомашин, потерянных безвозвратно, добавлялись 40% машин автопарка, нуждавшихся в капитальном ремонте на производственной базе Германии. Еще 15% нуждались в небольшом ремонте и только после этого могли использоваться. В связи с этим ОКХ констатировало, что восстановление всей автобронетанковой техники подвижных соединений до весны 1942 года на имеющихся в восточных районах ремонтных мощностях существенно ограничено и эти соединения не будут способны участвовать весной в больших маневренных операциях. Таким образом, для крупных операций могли быть использованы только подвижные соединения, укомплектованные на Западе и на территории Германии. Прежний уровень моторизации сухопутных войск, и без того недостаточный, как показывали потери, восстановить больше было нельзя. Кроме того, маневренность соединений, участвующих в боевых действиях, прежде всего пехоты и артиллерии, вследствие потерь в конском составе, которые составили к 10 ноября 102 910 убитых и 33 314 больных лошадей, была еще больше ограничена. В "Докладе об оценке боевых возможностей Восточной армии" на основе данных о проверке боеготовности пехотных и моторизованных дивизий ОКХ пришлось к выводу, что в связи с потерями в личном составе и вследствие ограничения маневренности боевая мощь пехотных дивизий равнялась только 65% их первоначальных возможностей, а боевая мощь мотопехотной дивизии - 60%. Но из этих подсчетов высшее командование не делало выводов, а, ставя задачи перед этими соединениями, исходило из их стопроцентных боевых возможностей. Следствием этого явилась различная на различных командных уровнях, но всегда неверная оценка обстановки. Такие противоречивые представления о реальном положении и возможностях немецких войск на фронте привели к потере уверенности фронтовых командиров в своих способностях и правильности руководства со стороны вышестоящих инстанций, то есть были созданы условия, которые в последующие недели сказались еще более заметно.

4. Нехватка горючего{155}

Затянувшаяся кампания на Востоке наряду с уже приведенными трудностями в военном производстве и большими потерями на фронте в конце октября поставила вермахт и военную экономику перед тяжелой проблемой в области снабжения нефтепродуктами. Стало невозможно поддерживать уровень снабжения горючим войск и промышленности в требуемом объеме. Немецкие и румынские запасы истощились. Это означало, что потребность в нефти могла быть покрыта только за счет текущего производства и добычи ее в Германии и Румынии. Так как этого не хватало для покрытия имеющихся нужд, уменьшение расхода нефти становилось вынужденной необходимостью. Поставки нефти Румынией в Германию, которые возросли с 201 тыс. т в июне до 375 тыс. т в сентябре, были возможны только благодаря вывозу богатых румынских запасов нефти, которые к концу сентября были исчерпаны. Впоследствии поставки нефти сократились с 375 тыс. т в сентябре до 253 тыс. т в октябре, 223 тыс. т в ноябре, 123 тыс. т в декабре, 111 тыс. т в январе 1942 года и 73 тыс. т в феврале{156}. Только в дальнейшем они снова стали понемногу увеличиваться. Уже 19 сентября немецкий посланник в Бухаресте докладывал: "1 октября все запасы сырой нефти на румынских очистительных заводах исчерпаны... Начиная с этого момента работа этих предприятий зависит от

добычи".

Количество нефти, распределяемой между видами вооруженных сил и гражданскими ведомствами, в конце октября было сокращено. Одновременно прозвучал призыв, к дальнейшей экономии на следующие месяцы. Последствия этих мер сказались на промышленности, напряженное положение которой тем самым еще больше усложнилось. Но и сделать ничего было нельзя, так как поставки румынской нефти вследствие повышения расхода топлива и снижения добычи были меньше, чем ожидали немцы. Предполагалось, что добыча нефти в Румынии составит в сентябре 510 тыс. т, в период с октября по декабрь - 530 тыс. т ежемесячно, с января по март - по 540 тыс. т в месяц. Таковы были высшие возможности румынских нефтяных промыслов. Немецкое руководство надеялось, что из этого количества 400 тыс. т ежемесячно могло бы выделяться Германии, что одновременно соответствовало бы максимальным возможностям германского транспорта.

Хотя сразу же начались переговоры с Румынией с целью попытаться оказать на нее давление и добиться снижения ее внутреннего потребления, нельзя было ожидать быстрого улучшения положения с нефтью, так как Румыния потребовала существенных контрмер. Но еще более характерными были прогнозы генерала Томаса о том, что начиная с октября запасы будут исчерпаны и нельзя будет ликвидировать существенный дефицит в нефтяном балансе Германии и удовлетворить нужды более длительной, чем это планировалось, кампании на Востоке. Единственным приемлемым путем решения проблемы для Германии была возможность поставить на службу германскому рейху добычу нефти в России. Поэтому Томас утверждал: "Решающее значение имеет быстрый захват и использование кавказских нефтяных промыслов, по крайней мере районов Майкопа и Грозного{157}. Следует иметь в виду, что для восстановления сильно разрушенных производственных мощностей потребуется около месяца и еще один месяц на перевозку нефти в Германию. Самое позднее к концу второго месяца операции мы должны овладеть этими промыслами и транспортными средствами (танкерами в Черном море, железными дорогами с широкой колеёй на участке Одесса - Перемышль, чтобы можно было использовать русские железнодорожные цистерны{158}). Если этого сделать не удастся, то нехватка горючего губительно скажется на нашей экономике и ходе операций после 1 сентября".

Когда в августе стало ясно, что русская кампания займет больше времени, чем планировалось, Томас снова проанализировал положение дел с нефтью и отметил: "Установленные потребности в нефти не могут быть удовлетворены даже при использовании всех производственных возможностей. Вследствие этого не остается никакой другой возможности, как подогнать потребление к возможностям их удовлетворения путем сокращения потребления".

Таким образом, стало ясно, что запасы нефти, которые еще имеются в Европе, в ближайшие месяцы будут исчерпаны, а текущее производство не будет удовлетворять потребности. Томас считал необходимым провести сокращение поставок нефти во всех сферах, не связанных непосредственно с проведением операций на фронте. Это коснулось особенно потребностей Италии{159}, гражданских отраслей промышленности, потребностей войск вермахта, дислоцированных в Германии, и поставок нефти всем остальным европейским странам, которые зависели от Германии.

Количество нефти, получаемой германской экономикой, в мае 1941 года в интересах обеспечения потребностей военных действий на Востоке настолько сократилось (на 10% от ранее определенного лимита), что министр экономики Функ в частном письме вынужден был обратить внимание Йодля на недостаток бензина. Функ подчеркнул, что даже войска вермахта, дислоцирующиеся в Германии, получают на 18% меньше бензина, чем в мирное время. Далее Функ пояснил, что лимиты для промышленности значительно сокращены и следует ожидать сокращения производства. Сокращения поставок нефтематериалов не коснулись действующей армии и сначала не повлияли на боеспособность войск. Правда, генерал-квартирмейстер сухопутных войск генерал Эдуард Вагнер на совещании 30 августа 1941 года заявил, что проведенные операции привели к большой нехватке горючего в группах армий "Юг" и "Центр" и что пополнение запасов горючего в короткие сроки невозможно вследствие тяжелого положения с железнодорожным транспортом. Одновременно он утверждал, что требуемое на 1941 год количество горючего для завершения начатых операций может быть поставлено в войска при условии, если будет проведено дальнейшее сокращение поставок

промышленности войскам вермахта, находящимся в Германии, и оккупированным районам. Вагнер пришел в конечном счете к выводу, что к январю 1942 года запасы горючего будут полностью израсходованы и что поэтому следует захватить новые территории, где есть горючее.

Начиная с октября положение с горючим непрерывно ухудшалось. Расход горючего на фронте был необычайно высок. В докладе о перспективах снабжения горючим в четвертом квартале (доклад составлен 7 октября) Томас указывал, что авиационного горючего хватит до конца декабря, а на 1 января в наличии останется лишь 31 тыс. т авиационного бензина, запасы автомобильного горючего (299 тыс. т) будут израсходованы к середине ноября и их нельзя будет пополнить. Далее отмечалось, что нехватка горючего составит в конце ноября 32 тыс. т, в конце декабря уже 97 тыс. т. Столь же тяжелым было положение с дизельным топливом, которого на 1 октября имелось 243 тыс. т, к концу ноября уже не хватало 25 тыс. т, а к концу декабря - 50 тыс. т. Запасы нефти, используемой в качестве топлива, на 1 октября составляли 149 тыс. т, а к 1 января 1942 года должны были сократиться на 21 тыс. т. При подсчетах исходили из того, что в Италию будет поставлено в октябре только 60 тыс. т, в ноябре и декабре по 55 тыс. т топливных нефтепродуктов. Томас считал, что так как итальянцы во всех переговорах претендовали на получение не менее 100 тыс. т нефти, то при выделении им 55 тыс. т они заявят о неспособности участвовать в войне. Запасы и производство топливных нефтепродуктов не могли покрыть потребностей Италии в полном объеме, и Германия должна была отдать ей все 100% своей топливной нефти. Но это привело бы к свертыванию гражданской промышленности и действий военно-морского флота. Отрицательный топливный баланс потребовал к концу октября обстоятельно подумать о возможностях проведения операций сухопутными войсками, военно-воздушными силами и военно-морским флотом. На совещании у генерал-квартирмейстера сухопутных войск выяснилось, что прежние расчеты количества горючего, необходимого для сухопутных войск, не соответствовали действительности, так как в связи с тяжелыми погодными условиями и труднопроходимой местностью фактический расход горючего был значительно выше, чем предполагалось. Расчетного количества горючего на практике хватало не на 100 км, а только на 35 - 40.

Подвоз горючего лимитировался тяжелым положением на транспорте. Только с учетом ранее установленных норм расхода войскам на Востоке требовалось 20 составов с горючим в день. Поскольку такое количество составов не могло быть выделено, маневренность соединений сильно страдала. Из-за трудностей на железнодорожном транспорте на фронт не было доставлено из числа обещанных только в сентябре 120 составов с горючим, в октябре - 70. Правда, в середине ноября, когда запасы горючего в рейхе были исчерпаны, на фронт были доставлены еще около 140 составов с горючим. Однако генерал-квартирмейстер признал, что, после того как эти собранные резервы будут израсходованы, оперативные возможности войск будут значительно ограничены. Поскольку в связи с общей обстановкой на фронте о быстром захвате и начале эксплуатации нефтяных районов Майкопа и Грозного нельзя было и думать, ОКВ вынуждено было ввести режим экономии и для войск на фронте.

Часть третья.

Ноябрь 1941 года

Раздел I.

Планы операции до середины ноября 1941 года

1. Обстановка на Восточном фронте

Надежды немецкого командования в "последней великой и решающей битве 1941 года" в рамках операции "Тайфун" разбить Красную Армию и тем самым завершить кампанию на Восточном фронте, чтобы перейти ко второму этапу программы Гитлера и обеспечить себе для этого выгодные исходные позиции до вступления в войну Соединенных Штатов Америки, оказались в начале ноября практически несбыточными, хотя в верхах это не признавалось. По единодушному мнению командиров соединений группы армий "Центр", проведение дальнейших наступательных операций в глубь территории противника было возможно только после сравнительно продолжительной, двух-трехнедельной, оперативной передышки и после того как начнутся заморозки. Это позволило бы обеспечить подвоз боеприпасов и продовольствия и подтянуть отставшие

соединения, особенно артиллерию, застрявшую в пути. Решающий фактор времени обернулся против немецкого командования и свел на нет далеко идущие планы Гитлера. Недооценка возможностей русской армии и в то же время переоценка своих собственных сил, недостаточное внимание к особенностям климата и условиям местности на Восточном фронте, а также непродуманность в организации снабжения, вытекавшая из неверных представлений о возможном развитии операций, - все это, вместе взятое, сыграло отрицательную роль. Огромные трудности со снабжением, недостаточное количество средств моторизации и слабая подвижность немецких войск, вызванные ненужной экономией материальных средств для оснащения армии (это было предусмотрено в плане операций на период после "Барбароссы"), а также отсутствие пополнения личного состава не позволили развить первоначальные успехи. Ошибки оперативного и тактического характера, допущенные немецким руководством, а самое главное, быстрая и правильная реакция советского командования в принятии необходимых контрмер, несмотря на то что оно было застигнуто врасплох и допустило известные промахи в первые дни войны, окончательно сорвали планы молниеносного немецкого наступления на Москву.

Когда наступательные операции на фронте группы армий "Центр" временно приостановились, обстановка на участках фронта соседних групп армий была не намного лучше, чем у Бока.

Группа армий "Север", овладев 8 сентября Шлиссельбургом, отрезала Ленинград от его коммуникаций и в последующие недели продолжала силами 18-й армии сжимать кольцо вокруг бывшей столицы России, "цитадели большевизма". Эта операция отвлекла значительную часть сил группы армий "Север", сделав их дальнейшее наступление пока невозможным. Что касается боевого использования остальных соединений группы армий "Север", то Гитлер планировал подвижными соединениями 16-й армии наступать в направлении на Тихвин и пробиваться к Волхову. Цель этого наступления состояла в том, чтобы отрезать противнику путь отхода на восток, совместно с соединениями, наступающими западнее Волхова, окружить и уничтожить его, а также по возможности установить связь с финской армией на линии шоссе Тихвин - Лодейное Поле. Командованию финской армии была передана просьба пробиваться навстречу немецким войскам из района нижнего течения реки Свирь. Немецкое командование надеялось в ходе этой операции не только разделаться с русскими войсками южнее Ладожского озера, ускорив тем самым падение Ленинграда, но и ликвидировать фронт на Карельском перешейке, что очень устроило бы финское командование {160}. Кроме того, предполагалось создать предпосылки для дальнейшего удара во взаимодействии с соединениями 3-й и 4-й танковых групп через Тихвин на Вологду. При этом войскам 16-й армии южнее озера Ильмень была поставлена задача вести наступление в направлении на Вышний Волочек и Валдай, чтобы совместно с 9-й армией и 3-й танковой группой разгромить противника перед северным флангом группы армий "Центр" и перед южным флангом группы армий "Север". 16 октября 1941 года наступление 16-й армии успешно началось. Удалось быстро форсировать реку Волхов. Однако вскоре этот успех был поставлен под сомнение вследствие ожесточенного сопротивления противника. Во время беседы в своей ставке с командующим группы армий "Север" генерал-фельдмаршалом Вильгельмом Риттером фон Леебом 26 октября Гитлер высказал предположение, что вряд ли "удастся сейчас овладеть Тихвином, так как противник оказался слишком сильным, а дороги находятся в скверном состоянии". Лееб на это возразил, что "в настоящий момент наступление развивается хорошо" и что предлагаемый Гитлером "отход за Волхов будет почти равнозначен поражению".

Эта беседа убедительно свидетельствует о том, что не один Гитлер имел честолюбивые намерения. Командующие группами армий, которые хотели похвастаться успехами и не желали признать поражения, также высказывались за продолжение наступления на Восток. Позицию, подобную той, которую занимал Лееб, в аналогичной ситуации в середине ноября разделял Бок. К этому же времени относятся надежды Гитлера нанести удар через Рыбинск в направлении Вологды силами только 3-й и 4-й танковых групп. Воспользовавшись той оптимистической оценкой обстановки, которую дал Лееб, Гитлер переложил на него ответственность за принятие решения о том, продолжать ли наступление на Тихвин, и о том, что следует предпринять в случае его неудачного исхода. В последние дни октября положение на участке фронта 16-й армий заметно ухудшилось. В связи с тем что 9-я армия и 3-я танковая группа были не в состоянии нанести удар в северном направлении, а противник упорно оборонялся, 31 октября пришлось приостановить наступление южного крыла 16-й армии: 2-й и 10-й армейские

корпуса были вынуждены перейти к обороне. 39-му танковому корпусу, наступавшему на тихвинском направлении, удалось 8 ноября овладеть этим важным узловым пунктом. Командующий 16-й армией генерал-полковник Эрнст Буш даже надеялся установить контакт с финнами, а также разгромить противника на обе стороны от Волхова. 9 ноября он сообщал по этому поводу Леебу: "Боевые действия идут полным ходом и в скором времени успешно завершатся. Армия уверена, что сможет выполнить поставленную перед ней задачу".

Однако командование 39-го танкового корпуса вынуждено было признать, что корпус понес тяжелые потери, что русская 4-я армия под командованием генерала К. А. Мерецкова ведет ожесточенные бои за Тихвин и "не исключено, что армия (16-я) будет вынуждена сдать Тихвин" {161}. Становился очевидным тот факт, что с переброской крупных сил противника в район Тихвина дальнейшее наступление на Восток приостановится и что поэтому группа армий "Север" будет вынуждена в полном составе перейти к обороне {162}.

Подобная же ситуация сложилась и на фронте группы армий "Юг", командующий которой генерал-фельдмаршал Герд фон Рундштедт, учитывая сильное сопротивление советских войск и нарушение снабжения на всем участке фронта группы армий, отдал 27 октября по собственной инициативе приказ: "Достигнув Дона в районе между устьем и местом впадения Донца, на участках фронта 17-й и 6-й армий операции временно приостановить".

Этот приказ прежде всего означал прекращение наступления главных сил группы армий "Юг", которая, овладев Харьковом, в первые дни ноября силами соединений 6-й армии вышла к верховью Донца, а силами соединений 17-й армии пробилась к Донцу, в то время 1-я танковая армия подошла к р. Миус. Продолжала продвижение только 11-я армия. 28 октября она прорвалась в Крым и начала преследование противника в направлении на Севастополь. 28 октября Рундштедт доложил ОКХ о прорыве фронта противника силами 11-й армии и просил сообщить об этом Гитлеру.

Таким образом, наступательные операции немецкой армии на всем протяжении Восточного фронта, за исключением Крыма, в начале ноября были приостановлены. Поскольку ранее планировалось разгромить русскую армию до начала зимы, то сейчас, когда наступление захлебнулось, когда было неясно, как добиться этой цели, немецкое командование задумалось над тем, как вести дальнейшие операции на советско-германском фронте.

2. Соображения о возобновлении наступления

При трезвой оценке обстановки ряд веских причин говорил против продолжения наступления на Востоке. Прежде всего следовало принять во внимание приближавшуюся зиму. Морозы наступили относительно рано. На участке группы армий "Центр" морозная погода наступила 5 ноября и такая погода со снегопадом удерживалась до 7 ноября. 8 и 9 ноября снова наступила оттепель. Окончательно холодная погода установилась с 10 ноября, и уже 11 ноября вечером температура была минус 10 градусов по Цельсию. По имевшимся тогда данным о русской зиме, следовало считаться с тем, что снежный покров ляжет в районе Москвы с 20 ноября. Из этого можно было сделать вывод, что русская зима была не за горами и что следовало принять своевременные меры, чтобы подготовить не защищенные от холодов и снега войска. Хотя командование группы армий "Центр" напрягло все силы, чтобы обеспечить действия войск зимой, оно считалось с соображением начать при определенных обстоятельствах подготовку к "зимовке", отказавшись от некоторых далеко идущих планов военных операций. 3 ноября штаб 2-й армии предложил прежде всего занять исходные зимние позиции, с которых позднее могли быть осуществлены небольшие по масштабам наступательные действия.

Хотя начиная с середины октября неоднократно шел снег, у солдат Восточной армии и к началу ноября не было зимнего обмундирования и снаряжения. План операции "Барбаросса" исходил из того, что восточная кампания должна закончиться самое позднее осенью. На предостережения обер-квартирмейстера штаба сухопутных войск генерала Паулюса о возможных трудностях в снабжении на Восточном фронте Гитлер возразил: "Я не хочу больше слышать этой болтовни о трудностях снабжения наших войск зимой... Никакой зимней кампании не будет. Сухопутные войска должны нанести русским еще только несколько мощных ударов... И тогда мы увидим, что русский колосс

стоит на глиняных ногах. Поэтому я категорически запрещаю говорить мне о зимней кампании" {163}.

Планировалось, что большая часть дивизий Восточной армии будет расформирована или возвращена на родину и перевооружена. После окончания боевых действий в СССР должно было остаться только 58 дивизий {164}, для которых планировалось иметь зимнее снаряжение. Но и эти соединения, по тогдашним представлениям, не все должны были обеспечиваться зимним обмундированием, так как было предусмотрено, что часть из них будет располагаться в стационарных условиях. Во время совещания 29 июля у генерал-квартирмейстера сухопутных войск вопрос об обеспечении войск на зиму был решен именно в этом плане, и 3 августа была начата подготовка, но речь шла о зимнем, снаряжении и обмундировании только для 58 дивизий, несущих оккупационную службу. Вследствие возникших в ходе операций транспортных трудностей доставка даже небольшого количества зимнего снаряжения и обмундирования задерживалась, так как транспорт предоставлялся в первую очередь для перевозки боеприпасов, горючего и продовольствия. Поэтому, когда установилась холодная погода, зимнего снаряжения на фронте почти не было. Быстрая доставка уже имевшихся к этому времени запасов была невозможна из-за катастрофического положения на железнодорожном транспорте. Ведь даже для доставки зимнего обмундирования 58 дивизиям, несущим оккупационную службу, потребовалось бы 225 эшелонов. Немецкие солдаты встречали наступающую зиму неподготовленными, в изношенном летнем обмундировании. В донесении штаба 9-й танковой дивизии от 2 ноября 1941 года отмечалось: "Особенно скверно дело с обувью, 30% которой непригодно для носки, а 50% требует ремонта, почти нет носков, не хватает белья, смена которого не проводилась 3 - 4 недели. Совершенно отсутствует какое-либо зимнее обмундирование".

Немецкое командование пыталось с помощью целенаправленной пропаганды скрыть от населения факт недостатка зимнего снаряжения в войсках. Геббельс в связи с этим сообщил прессе: "Необходимое для войск зимнее обмундирование (шубы, шинели для водителей, теплое нижнее белье и т. д.) подготовлено уже в течение лета. Оно находится на конечных железнодорожных станциях для отправки в войска. Частично начата его отправка. Она затруднена из-за положения на транспорте, а поэтому неизбежна определенная задержка. В связи с этим в печати нецелесообразно, хотя это было бы желательно для успокоения населения, вести речь о зимнем снаряжении для войск..."

Помимо нехватки зимнего снаряжения войска испытывали недостаток опыта в обращении с оружием и снаряжением в зимних условиях, а также опыта ведения боевых действий в это время года. ОКХ пыталось организовать обучение войск Восточной армии, создав несколько краткосрочных курсов. Для этого в штабы групп армий были направлены преподаватели высокогорной военной школы в Фульпмесе. Так, в распоряжение штаба группы армий "Центр" начиная с 21 октября было направлено шесть групп преподавателей во главе с начальником высокогорной школы в Фульпмесе. Но эти мероприятия явно запоздали и были недостаточно действенны. В группе армий "Центр" при штабе 2-й армии были организованы учебные сборы "Юг", а при штабе 4-й армии учебные сборы "Север". Занятия были рассчитаны только на 12 дней, и подготовку прошли всего 120 человек в каждом из сборов. Цель работы этих учебных сборов состояла в подготовке руководителей и инструкторов для создаваемых в каждом полку на зимний период истребительных лыжных и санных команд, в обучении личного состава правилам ухода за оружием в зимних условиях, в пропаганде мер по борьбе с обморожением, а также норм гигиены и правил размещения войск в зимних условиях.

Быстрое сокращение численности личного состава и материальных запасов в соединениях Восточной армии все отчетливее показывало ослабление ее боеспособности. Потери в личном составе Восточной армии насчитывали на 6 ноября 1941 года 686 108 человек, то есть 20,17% общей численности личного состава соединений Восточной армии, насчитывавшей 3,4 млн. человек {165}. ОКХ оценивало боевые возможности соединений Восточной армии следующим образом: пехотные дивизии - 65% первоначальных боевых возможностей, моторизованные пехотные дивизии - 60 %, танковые дивизии - 35 %. Боевые возможности 136 соединений равнялись боевой мощи 83 полностью укомплектованных соединений. Так как в распоряжении командования не было резервов, готовых к немедленному боевому использованию, то оказалось невозможным быстро восполнить понесенные потери. Русское командование, по данным ОКХ, не хотело без боя сдавать занимаемые позиции. 3 ноября Гальдер отметил, что противник в состоянии "удерживать районы Москвы

(Вологда, Москва, Тамбов) и Кавказа". "Очевидная концентрация военно-воздушных сил противника в районе Москвы, донесения о том, что "Москва заполнена войсками", доклады агентов о том, что в Горьком формируются новые соединения, - писал Гальдер, - свидетельствуют о том, что Сталин намерен оборонять Москву и использует все наличные силы для защиты столицы".

ОКХ считало, что русская Ставка держит в восточных районах Советского Союза примерно 30 стрелковых, 8 кавалерийских дивизий и 14 танковых бригад, часть которых может быть использована в боевых действиях в европейской части России. Эти подсчеты оказались заниженными. В донесении о "советских соединениях, не принимавших до этого участия в боевых действиях (по состоянию на 10 ноября 1941 г.)", встречается следующая оценка: "13 армий, 36 стрелковых дивизий, 20 кавалерийских дивизий, 3 танковые дивизии, 20 танковых бригад". Поэтому быстрое и легкое наступление группы армий "Центр" на Москву вряд ли могло быть осуществлено. Бывший командующий 3-й танковой группой Гот позднее говорил, что речь шла "не о недолгом преследовании разбитой армии, которая хочет избежать решающего сражения, а о противнике, который был полон решимости оборонять свою историческую столицу всеми средствами".

Поэтому Гот придерживался того мнения, что было бы лучше, чтобы после наступления, похожего на праздничную прогулку, войска перешли к обороне.

Серьезным аргументом против возобновления наступательной операции являлось сильно возросшее во второй половине октября партизанское движение. Гитлер не признавал опасности, которая угрожала немецким войскам в связи с развертыванием партизанской войны. По его мнению, все, кто ее вели, подлежали уничтожению. В беседе с Борманом, Герингом, Кейтелем и Розенбергом 16 июля 1941 года он сказал: "У этой партизанской войны есть также и свои преимущества: она дает нам возможность уничтожить всех, кто выступает против нас".

Что бы ни говорил Гитлер, но в районе действий группы армий "Центр" были сформированы и брошены против немецких войск новые партизанские отряды. В Калининской, Брянской и Орловской областях уже в августе в лесах были подготовлены партизанские базы и склады оружия и других запасов, достаточные для ведения боевых действий каждым из отрядов в течение четырех - шести недель {166}. В октябре на эти базы пришли партизанские отряды, усиленные солдатами частей Красной Армии, которые оказались в окружении, но избежали немецкого плена. Поэтому командирами ряда партизанских отрядов стали имеющие боевой опыт офицеры и появилась возможность передать этим отрядам оружие и боеприпасы, оставленные войсками Красной Армии. В журнале боевых действий 2-й танковой армии имеется следующая запись от 4 ноября: "В лесном районе севернее Брянска находятся многочисленные группы партизан, состоящие из бывших солдат-окруженцев и гражданского населения. Их частые нападения наносят нам потери".

Советское командование уже в августе начало проводить в тылу противника специальные учебные сборы по подготовке партизан, которые должны были разрушать пути подвоза вермахта, взрывать железнодорожные линии и мосты, нападать на штабы и мелкие подразделения с целью создать для немецких солдат и офицеров обстановку постоянного беспокойства и неуверенности. Отдел "Иностранная армия Востока" докладывал 7 ноября 1941 года: "В тылу 4-й армии в последние дни значительно усилилась деятельность партизан... Разрушаются железные и шоссейные дороги, линии связи. Отмечаются случаи нападения на отдельные автомашины".

О нецелесообразности возобновления наступления свидетельствовало и недостаточное снабжение войск группы армий "Центр". Подготовленные для обеспечения операции "Тайфун" запасы в последние дни октября были исчерпаны. В конце октября войска жили практически за счет ежедневных поставок, которые не могли полностью покрыть потребности. Трудности снабжения войск ярко показаны в донесении оберквартирмейстера 2-й танковой армии от 4 ноября: "В настоящее время в районе расположения армии нет дорог, обеспечивающих службам снабжения возможность беспрепятственного сообщения с соединениями армии. Поставки по железной дороге в связи с затишьем на фронте покрывают сократившиеся потребности в материальном обеспечении, особенно в горючем и боеприпасах, но о создании новых запасов в соединениях и на армейских складах нечего и думать".

Бок следующим образом обобщил эти трудности, записав 10 ноября в своем дневнике:

"Все армии жалуются на большие трудности со снабжением во всех областях - с продовольствием, боеприпасами, горючим и зимним обмундированием. При настоящем положении с транспортом это невозможно изменить. Недостаток подвоза предметов снабжения, безусловно, существенно затруднит подготовку к наступлению".

Такие же трудности со снабжением имелись в группе армий "Север", а положение в группе армий "Юг" было еще хуже.

Новое наступление в широких масштабах было возможно только после всестороннего изучения потребностей войск и создания необходимых запасов в максимально короткий срок с учетом приближающейся зимы и особенностей действий войск в зимних условиях. Бок сообщал Браухичу, что, если для группы армий ежедневно будет доставляться по 30 составов с предметами снабжения, новое наступление можно будет начать 18 ноября. "Если накопление материальных запасов путем интенсивного подвоза невозможно, то я буду вынужден отдать приказ перейти к обороне на зимний период", - писал Бок в своем дневнике.

Положение на железнодорожном транспорте, а также нехватка грузовых автомашин не позволяли быстро создать нужные запасы. Группа армий нуждалась в получении ежедневно по меньшей мере 32 железнодорожных составов груза, но ОКВ не могло обеспечить этих потребностей из-за нехватки подвижного состава. Генерал-квартирмейстер сухопутных войск докладывал начальнику штаба сухопутных войск, что создание материальных запасов для возобновления операции может быть завершено только к концу ноября. Из этого вытекало, что любое наступление, предпринятое до этого срока, придется вести недостаточными силами и при неудовлетворительном материальном обеспечении. Отрицательное влияние оказывала конфигурация линии фронта. Фланги группы армий "Центр" на севере, в полосе действий 9-й армии, и на юге, в полосах действий 2-й танковой и 2-й общевойсковой армий, были неприкрыты и могли подвергнуться ударам противника. Ни группа армий "Север", ни группа армий "Юг" не могли присоединиться к наступающим войскам фон Бока. Особую опасность при этом представляла брешь, образовавшаяся на юге, так как там 2-я и 6-я армии временно не имели соприкосновения, да и непосредственная связь между группой армий "Центр" и 6-й армией была прервана. Отставание 6-й армии становилось все больше, так как она приостановила продвижение в восточном направлении из-за трудностей материального обеспечения, в то время как 2-я армия продолжала продвигаться. Командующий 6-й армией 22 октября докладывал командованию группы армий "Юг", что наступление через Донец невозможно. В донесении командующего 6-й армией говорилось: "Достигнута та граница, когда тетива лука натянута до предела". 26 октября командование армии приказало своим соединениям прекратить продвижение и доложить о занимаемых позициях. Поэтому дальнейшее продвижение войск Бока на восток привело бы к еще большей растянутости флангов и к увеличению бреши между основными силами группы армий и фланговыми объединениями. Энергичный противник мог бы получить шанс нанести удар по флангам, особенно по южному, и в тыл группы армий "Центр". В ходе многочисленных переговоров между командованием группы армий и ОКХ выражалась взаимная озабоченность тем, что южный фланг открыт.

Наряду с опасностью, возникшей на флангах группы армий, появились трудности и в центре. 4-я танковая группа со 2 ноября вынуждена была отбивать почти ежедневно удары русских под Рузой, вдоль шоссе и по обеим сторонам от шоссе-ной дороги. Правифланговые соединения 4-й армии все еще находились на позициях, которых они достигли 25 октября. Нечего было и думать о быстром преодолении сопротивления русских на этом участке. 1 ноября Бок писал в своем дневнике по этому поводу: "Ключе еще раз говорит о возможностях наступления. Он говорит, что если теперь погонит войска вперед, то, может быть, удастся продвинуться на несколько километров, но потом снова наступление прекратится".

2-я танковая армия "завязла" под Тулой и не могла продвигаться дальше на восток. Не только сам город, в котором 25 октября было введено осадное положение, оказывал упорное сопротивление. 53-й корпус танковой армии Гудериана был атакован соединениями Брянского фронта. Советское командование планировало 7, 8 и 9 ноября нанести контрудары силами 50-й и 3-й армий и отбросить войска Гудериана до Уны, на линию Павшино, Слобода, Крапивна, Плавск{167}.

Все эти обстоятельства являлись аргументами против продолжения наступления на

Москву и совершенно ясно свидетельствовали о том, что добиться успеха в новой наступательной операции против Москвы будет трудно. Провал операции был очень вероятен, и это следовало учитывать при планировании. Прекращение наступления и переход к обороне с целью переждать зиму и продолжить наступление только весной 1942 года требовали признания, что как первоначальная концепция восточной кампании, так и стратегические планы Гитлера, попросту говоря, провалились. Поскольку такого признания никто не хотел, немецкое командование при оценке обстановки обращало внимание прежде всего на положительные факторы, которые ему казались решающими для продолжения наступления на Москву.

Следует отметить ошибочную оценку сил противника, ибо именно она привела немецкое военное командование к настойчивому требованию продолжать наступление. Общее мнение сводилось к следующим словам: "У нас дела идут, правда, не совсем хорошо, но у русских еще хуже!" 18 ноября Гальдер записал в своем дневнике: "В остальном фельдмаршал фон Бок, как и мы, проникся мыслью, что противник напрягает последние силы и обладает волей к сопротивлению. У противника отсутствует также глубина обороны, и ему, конечно, хуже в этом отношении, чем нам" {168}.

Поводом к подобного рода заключениям ОКХ, и прежде всего Гальдер, считали то обстоятельство, что русские могут оставить район между верхним Доном и Воронежем и что Красная Армия не сумеет восполнить большие потери, понесенные ею в окружении. Гальдер придерживался того мнения, что советское командование оставит весь район между Москвой и Кавказом, так как "русские не заинтересованы в нем ни экономически, ни стратегически". Сегодня такая оценка обстановки кажется непонятной, так как донесения с фронта с начала ноября почти каждый день указывали на новое усиление войск противника западнее Москвы. Так, например, в донесении о положении на фронте, подготовленном отделом "Иностранные армии Востока" 6 ноября 1941 года, говорилось: "Группировка противника перед группой армий изменилась. Перед 2-й танковой армией противник значительно усилен. Установлено сосредоточение противника в районе Теплое. Сильное артиллерийское воздействие в районе Тулы свидетельствует о том, что получивший подкрепление противник решил держать оборону. Полученные средствами авиаразведки данные о сосредоточениях противника и усилившейся зенитной обороне позволяют сделать вывод о наступательных намерениях противника. В районе юго-восточнее Калинина в последние дни наблюдается постоянное усиление группировки противника".

На основании этих и ряда подобных донесений об усилении группировки противника на всех участках фронта группы армий "Центр" главнокомандование сухопутных войск и командование группы армий должны были сделать соответствующие выводы. Но новая оценка противника не была сделана, оставались в силе старые клише, и Советский Союз по-прежнему считался слабым, неспособным к продолжительному сопротивлению. Казалось, что немецкое командование попросту не хотело принимать во внимание увеличение количества войск и усиление материального потенциала противника, так как боялось потерять уверенность в правильности своего собственного мнения о продолжении операции. Неверная оценка противника усугублялась сообщениями о том, что советское командование сняло войска с других участков фронта, чтобы перебросить их под Москву, и на фронте появился ряд рабочих батальонов. Эти сообщения способствовали появлению такого мнения, что противостоящие войскам Бока силы русских являются последним боеспособным ядром Красной Армии, которое должно быть разбито, чтобы Советский Союз на долгое время лишился возможности воевать. Руководство Германии снова было введено в заблуждение.

Такая оценка возможностей русских была тесно связана с надеждой, что нужен еще только один, последний удар, чтобы опрокинуть уже разбитого и качающегося "русского колосса". Это нужно было сделать как можно быстрее, так как иначе Сталин, использовав поставки оружия и боевой техники англо-американских держав {169}, мог восстановить силы сохранившейся после зимних боев части своей армии. Тогда Советский Союз превратился бы весной 1942 года в нового противника, которого следовало бы принимать уже всерьез. ОКХ считало, что удастся сформировать до весны 1942 года 150 полностью укомплектованных стрелковых дивизий и 40 танковых бригад, полностью оснащенных артиллерией. Как будет дело с укомплектованием войск танками, нельзя было предвидеть. И все же ОКХ, ссылаясь на имеющийся опыт, подчеркивало, что нельзя оценивать боеспособность русских как низкую. Поэтому считалось, что нужно использовать последний шанс и разгромить оставшиеся силы

русских до наступления зимы, чтобы не оставить руководству Советского Союза кадров для новых формирований. Вместе с тем вследствие недостатков в снабжении и неуккомплектованности своих войск ОКХ опасалось, что наступление закончится неудачно. Видимо, поэтому Браухич никак не реагировал на донесения с фронта о недостатках в снабжении и положении собственных войск. Начальник штаба группы армий "Юг" генерал пехоты Георг фон Зоденштерн пытался в письме к Хойзингеру еще в конце октября представить ОКХ действительную обстановку на фронте. Но и это предупреждение не было услышано. Немецкое командование уже потеряло правильную мерку того, на что способны немецкие войска и как обстоит дело с материальным обеспечением.

Решающим фактором, по мнению немецкого руководства, был бы тот политический резонанс внутри страны и за границей, который могло бы вызвать взятие Москвы. Настроение в германском рейхе после приостановки операции "Тайфун" было подавленным, многие высказывали недовольство. В донесении службы безопасности СС 6 ноября 1941 года говорилось: "В широких кругах населения все еще существует определенное разочарование по поводу того, что разгром большевиков осуществляется не так быстро, как надеялись, и что конца восточной кампании не видно. В беседах о положении на Восточном фронте постоянно задается вопрос, возможно ли вообще окончание войны с Россией... Отсутствие дальнейших сообщений о победах под Москвой дает населению повод задумываться над тем, правдивым ли было сообщение, переданное 14 дней назад, о том, что немецкие войска находятся в 60 км от Москвы".

Это побудило Гитлера в своей традиционной речи 8 ноября в Мюнхене, обращенной к "старым борцам", намекнуть, что восточная кампания еще не закончилась. На упреки в том, что операции на Востоке не выдерживают запланированных сроков, Гитлер отвечал, что виной всему большие пространства и что пехота наконец преодолевает их. Он сказал также, что война против СССР длится дольше, чем война против Франции или Бельгии, только потому, что пространства России огромны. Взятием Москвы Гитлер надеялся поднять дух населения не только Германии, но и ее союзников. Он думал также заставить русских снова поверить в непобедимость германского вермахта. Его мысли при этом были нацелены прежде всего на Англию, которая, по его мнению, в случае взятия русской столицы и связанного с этим крахом СССР проявит наконец готовность к миру{170}.

3. Разногласия между ОКХ и командованием групп армий

При сопоставлении позитивных и негативных факторов в ходе решения вопроса о дальнейшем развитии операций Гитлер, ОКВ, ОКХ (в первую очередь Гальдер и Браухич), командование группы армий "Центр", а также командующие ряда объединений придерживались мнения, что позитивные факторы возобладают и что поэтому нужно как можно скорее снова начать наступление. Но если по вопросу о целесообразности продолжать операции мнения совпадали, то в отношении того, как проводить их, единства взглядов не было{171}.

Столкнувшись с большими трудностями снабжения войск, но надеясь в скором времени их преодолеть, ОКХ пришло к убеждению, что группа армий "Центр", прежде чем наступать, должна быть полностью обеспечена всеми видами довольствия. Начать наступление намечалось не раньше, чем в конце ноября. Попытку окружить Москву раньше этого срока Гальдер считал бесполезной, так как планируемая им наступательная операция по своим целям выходила далеко за пределы Москвы. Согласно его плану 9-я армия, строго выполняя приказ командования группы армий "Центр" от 30 октября 1941 года "О продолжении операции", должна была овладеть районом Калинин, Волжское водохранилище, Селижарово и перейти к обороне. Одновременно 3-я и 4-я танковые группы, усиленные пехотными соединениями, получали задачу пробиваться в направлении на Ярославль и Рыбинск. Несмотря на противоположные точки зрения командования группы армий "Центр" и командования 3-й танковой группы, целью наступления помимо Рыбинска являлась также Вологда. Офицер связи ОКХ при 3-й танковой группе сообщил Рейнгардту о позиции ОКХ: "В качестве дальнейшей цели для танковой группы действительно намечена Вологда".

Но ввиду недостатков в снабжении командование 3-й танковой группы считало сомнительным возможность продвижения в 1941 году даже до Ярославля.

В задачу 4-й армии входило окружение Москвы. 2-я танковая армия должна была

форсировать Оку между Рязанью и Каширой, чтобы в дальнейшем развивать наступление в направлении на Горький. 2-й армии ставилась задача пробиваться к Воронежу. По мнению Гитлера, которое совпадало с мнением ОКХ{172}, эта наступательная операция должна была проводиться в тесном контакте с группами армий "Север" и "Юг" и заранее согласоваться с их планами и намерениями. "При этом преследуется чрезвычайно важная цель осуществить на юге наступление на Сталинград и быстро захватить Майкоп, а на севере овладеть Вологдой, перерезать коммуникации, по которым идут англо-американские военные поставки, и тем самым улучшить наше снабжение нефтью"{173}.

По сообщениям агентуры и показаниям пленных, военные поставки западных союзников в Россию уже в начале ноября шли через линию Архангельск - Ярославль. Так, в донесении о положении на Восточном фронте за № 142 от 4 ноября 1941 года сообщалось: "По агентурным данным, через линию Архангельск - Ярославль переброшено свыше 100 английских танков, некоторое количество таких же танков обнаружено 1 ноября 1941 года в районе Клина".

Спустя девять дней сообщалось: "По показаниям пленных, на аэродром Воронцово... переброшено 73 двухмоторных английских бомбардировщика с английскими пилотами и 25 американских бомбардировщиков с американскими пилотами".

Планы Гитлера и ОКХ, которые немецкой армии надлежало осуществить еще до наступления сильных снегопадов, были настолько далеки от реальных возможностей, что Рундштедт немедленно заявил протест.

Имея сильные расхождения во мнениях с ОКХ, командующий группой армий "Юг" Рундштедт требовал уже с конца октября прекращения наступательных операций на нижнем Дону и на Донце в связи с неудовлетворительным состоянием войск и их снабжения. Зоденштерн в письме к Хойзингеру от 29 октября отмечал, что командование группы армий "Юг" пришло к совершенно иному выводу в отношении оценки обстановки, чем ОКХ. "Если быть откровенным, то я должен вам признаться, что при таком положении вещей, как сейчас, операции в нефтеносном районе Майкопа, а также продвижение к Дону могут быть проведены, по моему мнению, только весной... Если не будет дано время на отдых и пополнение, то основная масса войск не будет боеспособна также и весной".

Эти разногласия между группой армий "Юг" и ОКХ продолжались в течение всего ноября.

Бок тоже был не согласен с постановкой таких задач, которые в связи с обострением обстановки с конца октября оказались чрезвычайно тяжелыми. Неоднократно в разговорах по телефону он пытался убедить Гальдера в невозможности осуществления планов и намерений ОКХ. 11 ноября 1941 года Бок заявил Гальдеру: "Цели, которые вы... наметили, по моему мнению, до наступления зимы вообще не могут быть достигнуты, во-первых, потому что у нас нет столько сил, а во-вторых, потому что из-за недостатка железнодорожных коммуникаций мы не в состоянии обеспечить снабжение войск" {174}.

Бок согласился с тем, что его прежняя оценка обстановки была неправильной; теперь даже речи не могло быть о том, чтобы взять Москву в широкое кольцо окружения. Предельной целью, которая может быть достигнута группой армий "Центр", Бок назначил рубеж Дмитров, Загорск, Орехово, Коломна, но вместе с тем он выразил сомнение даже в вероятности достижения и этого рубежа, тем более что его соединения только еще подойдут к рубежу реки Москва и канала Москва - Волга. "Не исключена возможность, что у нас не хватит сил двигаться дальше этого рубежа, - отмечал Бок. - Поэтому группа армий должна ставить перед собой очень ограниченные цели в зависимости от обстановки".

Коренное изменение взглядов Бока на оценку обстановки повлекло за собой и пересмотр сроков проведения операций. Так как он был уверен, что при проведении нового наступления речь уже пойдет не о "большом оперативном маневре", а о "концентрированных ударах на тактически наиболее выгодных участках", то пришел к выводу, что снабжение наступающих войск должно обеспечиваться в первую очередь на направлении этих ударов до тех пор, пока они не подойдут к рубежу реки Москва и канала. Так как осуществление подобной системы снабжения было возможно с помощью

фактически имеющихся в распоряжении средств подвоза, то Бок считал необходимым как можно скорее приступить к осуществлению этой задачи, пока не наступила зима и не сковала все действия войск. Если вопреки ожиданиям все же удалось бы перешагнуть через рубеж реки Москвы и пробиться дальше на восток, то снабжение войск пришлось бы организовать заново. Поэтому немедленное, по-эшелонное наступление соединений, по мнению Бока, следовало, безусловно, предпочесть длительным паузам в ожидании полного обеспечения войск всем необходимым. Чтобы свести к минимуму потерю времени, наступление на участке фронта Бока должно было поэтому вестись поэшелонно, то есть каждой армии надлежало выступить тотчас же, как только она будет обеспечена самым необходимым.

Первоначально планировалось, что армии и танковые группы в случае наступления морозов снова выступят еще до 11 ноября. Однако оказалось трудно обеспечить снабжение войск даже для наступления с ограниченными целями. Поэтому 4-я танковая группа не могла быть введена в действие раньше 15 ноября. 9-я армия и 3-я танковая группа, которым предстояло взаимодействовать с соединениями 4-й танковой группы, естественно, также не могли начать свои операции раньше 15 ноября. Командующий 2-й танковой армией сообщил, что может начать наступление не ранее 18 ноября, а командующий 2-й армией доложил, что будет готов небольшими силами перейти в наступление 19 или 20 и 21 ноября.

В рассуждениях Бока интересно то, что, говоря о наступлении, он вообще уже больше не рассчитывал на окружение Москвы. Переход, к обороне на рубеже вдоль Москвы-реки и канала Москва - Волга, по его мнению, чрезвычайно растянул бы фланги группы армий "Центр" на севере и на юге. Поэтому об одновременном выдвигании групп армий "Север" и "Юг" не могло быть и речи, так как они были бы не в состоянии вести наступательные операции на внутренних флангах. Да и на самом восточном направлении позиция была бы невыгодной, ибо до тех пор, пока русская столица остается в руках противника, можно ожидать затяжных кровопролитных боев как внутри города, так и на его подступах. Учитывая географические условия и наличие коммуникаций, русские всегда находились бы в преимущественном положении. Поэтому непонятно, как Бок, хорошо представлявший себе это обстоятельство, мог все же надеяться занять непосредственно на западной окраине Москвы выгодные зимние позиции, обеспечив тем самым благоприятные условия для возобновления боевых действий весной 1942 года. К тому же следует учесть, что и рубеж, который группа армий заняла к 15 ноября, оказался непригодным для обороны и для "зимовки". Поэтому, если наступление не возобновится, было бы самым правильным отойти на хорошо оборудованные позиции, с которых была начата операция "Тайфун". Но подобного рода добровольный отход не одобрили бы ни Гитлер, ни руководство вермахта. Они считали, что нельзя отказываться от боя, пока остаются хоть малейшие силы. Офицеры воспитывались так, чтобы уметь по возможности оптимистически оценивать обстановку. Командир 9-го армейского корпуса генерал пехоты Герман Гейер, когда появились известные признаки беспокойства по поводу хода боевых действий на Восточном фронте, обратился к командирам дивизий с письмом, в котором он характеризует подобающее командиру поведение следующим образом: "Кто в военных делах пытается объективно взвесить доводы "за" и "против", тот скорее обратится к доводам "против", чем "за", то есть раньше заметит те или иные трудности. Это свойство как человеческой натуры вообще, так и солдата в частности. Оно проявляется вдвойне, если человек судит со своей колокольни, не зная положения дел в целом..."

Такая точка зрения и такое поведение для солдата просто преступны... Нужно в любой ситуации уметь находить и распознавать позитивное, это самое главное. Ведь известно, что и у противника есть свои трудности и что от тебя зависит не потерять то, чего ты не хочешь потерять. Из трудного положения солдат может выпутаться даже тогда, когда это, казалось бы, свыше его сил. Часто успех висит на ниточке, решается буквально в последнюю секунду. Зачастую ты с опозданием замечаешь, что противник был бы уничтожен, прояви ты чуть больше активности".

Подобные мысли разделял, по-видимому, и Бок, тем более что он получил от Гитлера конкретную задачу по окружению Москвы. И эту задачу нужно было с честью выполнять, даже если это было в пределах лишь тех возможностей, которые предусматривал Бок. Бока никак нельзя упрекнуть в том, что он был верным паладином Гитлера и его идей. Нельзя его обвинить также и в том, что он недооценивал свои силы и переоценивал силы противника, тут было как раз наоборот. В кризисной обстановке он,

будучи верным своему долгу, должен был выполнять полученные приказы и принимать, как специалист, на свою ответственность необходимые решения.

Избалованный целым рядом побед, Бок надеялся завоевать и эту последнюю победу, рассчитывая все же своей группой армий пробиться к окраинам Москвы. Личное тщеславие сыграло здесь не последнюю роль. Это привело к тому, что он недостаточно прислушался к мнению командующих армиями и не учел всех трудностей, которые испытывали его войска. Бок, с самого начала твердивший о взятии Москвы, всегда считавший ее конечной целью в выполнении его группой армий задачи на Восточном фронте, теперь, когда окружение Москвы стало невозможным, не нашел в себе мужества быть последовательным и потребовать прекращения всей наступательной операции, как это сделал Рундштедт.

С 13 июля 1941 года Бок все время требовал, чтобы его группа армий вела наступление на Москву. В своем дневнике он писал: "Задача заключается в том, чтобы полностью разгромить противника и не дать ему возможности снова создать фронт на подступах к Москве. Для этого необходимо все танковые силы стянуть в один кулак, чтобы быстро продвигаться на восток до тех пор, пока я не смогу доложить, что сопротивление противника перед Москвой окончательно сломлено".

О том, какую личную заинтересованность проявлял Бок в наступлении на Москву, свидетельствует его первая реакция на директиву № 36. Вот запись от 7 сентября 1941 года: "Согласно директиве фюрера должно наконец осуществиться мое заветное желание - наступление на главные русские силы (под Москвой)."

4. Совещание в Орше 13 ноября 1941 года

Разногласия, существовавшие между ОКХ и командующими группами армий и армиями, особенно сказавшиеся в начале ноября, побудили Гальдера в срочном порядке созвать 13 ноября в Орше совещание начальников штабов групп армий и армий {175}, чтобы в ходе обмена мнениями решить неясные проблемы и максимально сблизить точки зрения ОКХ и командующих группами армий относительно планов дальнейших операций.

В противоположность Гальдеру, рассчитывавшему на успех операций в течение оставшихся шести недель холодной, но малоснежной зимы и предлагавшему поэтому возобновить наступление главными силами армии на Восточном фронте, чтобы, овладев Вологодой, Сталинградом и Майкопом и развивая замысел Гитлера, в основном высвободить к 1942 году тыл Германии для ведения операций на Западе, большая часть военного руководства групп армий высказалась против этого плана. Войска группы армий "Север" остановились, и не видно было никаких перспектив дальнейшего наступления после неудачной операции под Тихвином. Зоденштерн поддерживал мнение Рундштедта о необходимости немедленного прекращения операций, чтобы сохранить боеспособность войск. Рундштедт 3 ноября сообщил в ОКХ, что если ОКХ будет настаивать на своем требовании, то, во-первых, операции по форсированию Дона могут быть продолжены только в декабре и, во-вторых, 1-я танковая армия может начать наступление на нефтеносный район Майкопа только в начале января. Планируемые на весеннее время наступательные операции будут чреваты опасностью потери оперативного маневра 1-й танковой армией и главными силами пехотных-дивизий {176}.

Грейфенберг разделял взгляды Бока, который хотя и не был против продолжения наступления, но и не соглашался с ОКХ в отношении дальнейших планов операций за пределами Москвы. Командующие армиями и танковыми группами, которым предстояло осуществлять наступление, тоже не соглашались с целями, поставленными ОКХ. 9-я армия уже перешла к обороне и, учитывая положение, сложившееся на участке 16-й армии, не могла начать наступление. Командующий 3-й танковой группой еще до совещания высказался совершенно определенно против запланированного наступления в направлении Ярославля. Командующий 4-й танковой группой Гёпнер предостерегал от возобновления любой наступательной операции, какие бы цели она ни преследовала. Клюге высказал сомнение, что его армия сможет в ближайшее время предпринять наступление правым флангом. Поэтому он предложил на случай возобновления наступления ввести в действие только 4-ю танковую группу, находящуюся на левом фланге.

Еще 15 ноября Клюге сказал Боку: "Правый фланг армии настолько ослаблен, что о наступлении с далеко идущими целями не приходится и думать... Кроме того, учитывая

известную потерю боеспособности всех других дивизий и недостаток резервов, планируемое наступление будет связано с большим риском, особенно если противник окажется достаточно сильным, чтобы контратаковать".

Об окружении Москвы силами 4-й армии не могло быть больше и речи. Начальник штаба Гудериана подполковник Курт фон Либенштейн в ответ на требование Гальдера вести наступление силами 2-й танковой армии до района Горького заявил, что "сейчас не май и что мы не во Франции". В качестве конечной цели для соединений армии он назвал лишь Венев. Уже 3 ноября командующий 2-й армией предложил достичь рубежа Новожил, Малоархангельск, Курск, чтобы оборудовать на этом рубеже зимнюю исходную позицию и остаться там на зиму. На большее 2-я армия была не способна{177}. Из всего вышесказанного напрашивался вывод, что на операцию с далеко идущими целями, как ее планировали Гальдер и Гитлер, рассчитывать было нельзя, так как ни обстановка на фронте, ни состояние немецких войск не позволяли осуществить ее. Только после того как Грейфенберг попытался еще раз воздействовать на Гальдера и сказать ему, что сейчас, "пока не наступила зима о ее снегопадами и пока еще погода позволяет боевое использование авиации", дорог каждый день, Гальдер решил согласиться с мнением Бока.

Таким образом, планируемые с 15 ноября наступательные операции группы армий "Центр" могли продолжаться. После совещания в Орше Гальдер вполне отдавал себе отчет в том, с каким риском было связано наступление, преследующее ограниченную самим Боком цель. На опасения руководителя отдела при квартирмейстере ОКХ, отвечавшего за организацию снабжения группы армий "Центр", майора Экштейна, относительно невозможности регулярного снабжения армий Бока даже при наступлении только до рубежа реки Москвы Гальдер заметил: "Вы наверняка правы с вашими расчетами, но мы (ОКХ) не хотели бы мешать Боку, если он чувствует себя способным на это дело; на войне ведь тоже как кому улыбнется счастье".

Но счастье - это такой фактор, который при оценке обстановки и доводов "за" и "против" проведения операции в расчет не принимается, и поэтому в Орше о нем тоже не упоминалось. Приняв решение о возобновлении наступления с ограниченной целью, немецкое военное руководство вынуждено было признать, что его основополагающая концепция в отношении кампании в России и проведения операций после нее оказалась несостоятельной и что война на Востоке будет продолжаться и в 1942 году. Очень четко эта мысль была сформулирована в докладе Грейфенберга на совещании в Орше: "Подготавливая планы на будущее, нужно исходить из того факта, что в 1941 году нам не удалось разгромить русскую армию и уничтожить русскую промышленность, как мы того ожидали, и поэтому с наступлением зимы нам еще придется задуматься, как удержать захваченные районы... Из этого следует, что наши крупные силы скованы на Восточном фронте и должны здесь остаться на всю зиму, чтобы весной 1942 года, если того желает политическое руководство, снова начать наступление".

Еще до совещания в Орше ОКХ и ОКВ наметили оставить на Восточном фронте вместо ранее запланированных 58 дивизий 108. При этом ОКХ рассчитывало сохранить на Восточном фронте следующие силы: 1 командование группы армий, 6 армейских штабов, 1 штаб танковой армии, 2 штаба пехотных корпусов, 29 штабов корпусов, 7 штабов моторизованных корпусов, 75 пехотных дивизий, 12 танковых дивизий, 7 моторизованных дивизий, 8 охранных дивизий, 6 гарнизонных дивизий{178}. К тому же ОКХ сознавало, что придется ввести ограничения по численности личного состава и боевой техники для войск на Восточном фронте, так как предстояло усилить военно-воздушные и военно-морские силы для операций на период после "Барбароссы".

Таким образом, первоначальные планы немецкого командования требовали корректировок. Однако подготовка к реорганизации сухопутных сил для проведения операций второго этапа не прекращалась. Еще 3 ноября ОКХ наметило оттянуть с Восточного фронта семь танковых дивизий и пополнить их, перевооружить две танковые дивизии для использования в тропиках и сформировать дополнительно две новые танковые дивизии. Кроме того, предполагалось часть пехотных дивизий перевооружить и превратить в легкие или моторизованные. Начальник штаба ОКХ заявил на совещании в Орше, что он все еще рассчитывает на ранее намеченное расформирование 15 дивизий на Восточном фронте{179}.

Разработка планов на период после "Барбароссы" продолжалась, хотя Гитлер был того

мнения, что "европейского пространства, которое Германия обеспечила себе в прежних военных кампаниях, будет вполне достаточно для немецкого народа" и что "удержание континентального пространства является отныне первой стратегической заповедью".

Вопрос о создании немецкой колониальной державы в Центральной Африке станет на повестке дня лишь во вторую очередь, считал Гитлер. Из этого можно сделать вывод, что он отлично понимал, что должен отодвинуть операции второго этапа на задний план и сделать все возможное, чтобы полностью завершить операции первого этапа. Вместе с тем о его двойственной позиции по этому вопросу свидетельствовал тот факт, что начатые мероприятия по реорганизации сухопутных войск по-прежнему шли своим ходом, хотя, если бы Гитлер более трезво оценивал обстановку, он должен был бы их приостановить. Если следовать Гитлеру, то необходимо было бы сосредоточить все усилия на том, чтобы по возможности быстрее закончить кампанию на Восточном фронте. Но окончательное решение по этому вопросу он принимать все же не хотел. И причина, по-видимому, кроется в его нежелании перед лицом своих военных советников открыто признать поражение, а приостановка реорганизации сухопутных сил как раз это бы и означала. Даже если Гитлер осознал, что окончательной победы над Англией добиться больше нельзя, а возможно только достижение некоторого равновесия сил, то он все равно не был склонен перечеркнуть все планы, выходящие за пределы кампании в России, ибо это автоматически повлекло бы за собой невозможность осуществления всех дальнейших захватнических походов. Эту дверь Гитлер хотел оставить открытой, хотя понимал, что пройти в нее больше невозможно. Так расходились его мысли и действия. Поэтому он уклонялся от принятия ясного и четкого решения на основе реалистической оценки обстановки и не учитывал логически напрашивающихся выводов.

Следствием этого была непонятная половинчатость в военных планах. То, к примеру, говорилось об увеличении вдвое вооруженных сил, оставляемых на Восточном фронте, то вдруг о расформировании и перевооружении и даже о создании новых дивизий, которых было бы недостаточно для осуществления сравнительно крупных операций за пределами русского театра военных действий даже в чисто количественном отношении. Поэтому могло случаться и так, что Гитлер, только что требовавший решительной борьбы против Англии, тут же, на этом же совещании, высказывал надежду на скорейший мир с англичанами. Длительная "санация" обстановки на Восточном фронте, явившаяся итогом совещания в Орше, была невозможна, если возобновлялось наступление на Москву, и опять-таки при проведении этой операции речь во всех случаях могла идти лишь о некотором улучшении оперативной обстановки, да и это улучшение было весьма сомнительно.

Раздел II.

Возобновление немецкого наступления во второй половине ноября

1. Подготовка немецких войск

Замысел операции. После того как в Орше было решено продолжать наступательную операцию по планам, разработанным командованием группы армий "Центр", и отложить выполнение далеко идущих планов{180} армиям было приказано сделать все возможное, чтобы как можно скорее возобновить наступление{181}. Не только угроза наступающей зимы заставляла Бока спешить, но и то, что намечался вывод части сил 2-го воздушного флота, который Гитлер обещал Муссолини перебросить для поддержки боевых действий в районе Средиземного моря. В письме к Муссолини от 29 октября 1941 года, в котором выражалась уверенность, что война уже выиграна и восточная кампания в целом идет к победному завершению, Гитлер обещал направить в район Средиземного моря дополнительные силы авиации. В основе этого обещания лежала забота Гитлера о внутривнутриполитическом положении Италии, а также трудная обстановка в районе Средиземного моря. Гитлер боялся "внутриполитического переворота в Италии" и поэтому считал, что следовало "как можно скорее воспрепятствовать такому развитию событий всеми имеющимися средствами". Кроме того, обстановка в Северной Африке вследствие транспортных затруднений была тревожная. Поэтому Гитлер требовал немедленной концентрации усилий в районе Средиземного моря. Он опасался того, что Германия и Италия утратят свои позиции в этом районе, а это, по его мнению, "создало бы огромную опасность для континента". Для усиления военно-воздушных сил предусматривалась переброска в этот район 12 групп бомбардировщиков, девяти групп пикирующих бомбардировщиков, шести групп истребителей и шести групп

истребителей-бомбардировщиков. Для усиления военно-морского флота в район Средиземного моря предполагалось направить дополнительно 24 подводные лодки. 5 ноября первые части 2-го воздушного флота были уже сняты с русского фронта. И хотя Бок немедленно выразил Гальдеру резкий протест, указывая прежде всего на моральные последствия этого факта и на ослабление вследствие этих мер боевых возможностей войск, командующий 2-м воздушным флотом генерал-фельдмаршал Альберт Кессельринг сообщил 11 ноября, что он со штабом и названными частями не позднее 18 ноября должен убыть. Для поддержки действий войск группы армий "Центр" на Восточном фронте оставался только 8-й воздушный корпус под командованием генерала авиации Вольфрама фон Рихтгофена. Бок принял решение начать наступление 18 ноября, чтобы можно было рассчитывать на максимальную поддержку военно-воздушных сил.

В связи с тем что окружение Москвы рассматривалось как едва ли осуществимая идея, перед группой армий была поставлена задача выйти на канал Москва - Волга и продвигаться дальше по руслу Москвы-реки до Коломны. Последнее было выполнено только в том случае, если наступят благоприятные погодные условия и будет обеспечен подвоз предметов снабжения в достаточном количестве. Таким образом, речь шла только о фронтальном прорыве в направлении Москвы. Для этого 9-я армия вместе с 3-й танковой группой, осуществляя операцию "Волжское водохранилище", должны были отбросить противника к Ламе, захватить переправы в западной части Волжского водохранилища и развивать наступление в направлении на канал Москва Волга. В дальнейшем предусматривалось продвижение на север или вдоль канала на юг. Наступление на северо-восток в связи с принятым в Орше решением было отложено. Вступало в силу устное указание после занятия переправ через Волжское водохранилище выйти на шоссе Теряево - Клин - Завидово. Левофланговые соединения 9-й армии после захвата Селижарова должны были перейти к обороне для обеспечения левого фланга группы армий. При успешном завершении этой операции 9-я армия получала ряд преимуществ - создавалась выгодная конфигурация линии фронта между Волжским водохранилищем и Волоколамском, обеспечивались важнейшие пути снабжения (Лотошино, Калинин) и предоставлялась возможность использовать железнодорожную станцию Селижарово и дорогу Селижарово - Старица. Вместе с ударными силами 9-й армии в направлении на Теряево должны были наступать соединения 5-го армейского корпуса 4-й танковой группы, которым предстояло начать активные боевые действия 16 ноября. В связи с трудностями снабжения главные силы 4-й танковой группы должны были начать наступление только 18 ноября, хотя Клюге все еще сомневался в возможности наступать своим правым флангом. Когда Клюге характеризовал положение своей армии как особенно тяжелое, Бок ответил, что 4-я армия в некотором отношении снабжается даже лучше, чем ее соседи, которые не могут наступать вследствие отставания правого фланга армии Клюге.

2-я танковая армия должна была 18 ноября возобновить наступление через Тулу на северо-восток, в направлении на Коломну. Однако с самого начала продвижение 2-й танковой армии было затруднено в связи с задержкой правого фланга 4-й армии.

Командование 2-й танковой армии уже в Орше докладывало, что не сможет выйти к Коломне из-за нехватки горючего и в лучшем случае продвинется до Венева. В "Оценке обстановки на продолжение операций 2-й танковой армии" от 17 ноября говорилось: "Сложилась благоприятные условия для наступления армии с точки зрения обстановки на фронте и состояния дорог. Но она не может использовать благоприятную обстановку, так как, несмотря на частые напоминания руководящим инстанциям, ответственным за снабжение и работу железнодорожного транспорта, не удалось создать за последние 16 дней нужных запасов горючего для дивизий. С 1 ноября ежедневно поступало по 317 куб. м горючего, в то время как для создания необходимого запаса нужно было получать в четыре раза больше. Сообщения о идущих на фронт из Германии эшелонах с горючим не улучшают положения. Сегодня горючего хватает только на 2 - 3 заправки машин танковых дивизий, выделенных для участия в наступлении, три моторизованные дивизии уже несколько дней вообще не получают горючего и в связи с этим остаются на занимаемых позициях, не имея возможности двигаться".

Задача 2-й армии состояла в обеспечении южного фланга всей группы армий. После восстановления необходимой боеготовности она должна была с зимних исходных позиций выйти к Дону, чтобы воспрепятствовать "противнику в использовании района между Курском и Воронежем, с одной стороны, и между Орлом и Богородицком - с другой, для наступления на фланги 6-й общевойсковой и 2-й танковой армий. Кроме

того, 2-я армия должна была силами одного корпуса захватить Воронеж, тем самым нарушить рокадные железнодорожные коммуникации противника и передовыми отрядами перерезать линию Елец - Ефремов. В то время как передовые подразделения должны были выступить 20 ноября, главные силы войск армии были готовы начать активные боевые действия не раньше 28 ноября. Большинство соединений 2-го воздушного флота пока еще не могли участвовать в операции, предполагалось их использовать массированно перед фронтом наступающих войск{183}.

Этот замысел наступления, строившийся на идее охвата противника силами двух наступающих на флангах армий при одновременном фронтальном ударе силами одной армии и одной танковой группы, был с самого начала неверен потому, что ударные фланговые армии были слишком слабы, чтобы осуществить маневр на окружение, а наступающие с фронта соединения не имели возможности выполнить поставленные перед ними задачи. Чтобы достичь успеха в этой операции, нужно было наступать одновременно повсюду, сковать силы русских на всех участках фронта и не позволить им снимать войска с менее опасных направлений и бросать их против наступающих ударных соединений. Тот факт, что главные силы 4-й армии не могли вести наступательные действия, со всей очевидностью показывает ошибочность оценки сил и возможностей противника перед возобновлением наступления. А ведь противник оказался достаточно силен, чтобы вынудить армию Клюге перейти к обороне. С 6 ноября 4-я армия вынуждена была считаться с возможностью новых атак противника на ее правом фланге, как фактически и случилось 14 - 21 ноября{184}.

Состояние немецких войск. К началу нового наступления группы армий "Центр" материальные трудности, которые уже в конце октября испытывали на себе войска, не были устранены. Дивизии имели некомплект в вооружении, особенно в танках. Потери в личном составе с начала операции "Тайфун" составляли в общей сложности 316 596 человек, то есть почти 50% всех потерь Восточной армии. И хотя была сделана попытка путем проведения целого ряда мероприятий пополнить личным составом войска в России, нужного воздействия на положение на фронте это не оказало. переброска пяти дивизий с Запада, которым предстояло еще приспособиться к условиям войны на Востоке, началась только в октябре, и лишь отдельные части этих соединений смогли до конца ноября принять участие в боевых действиях. Формирование новых соединений из резерва сухопутных войск началось в октябре. Эти соединения попали на Восточный фронт в феврале 1942 года и еще позднее. С первых чисел октября группа армий осталась без какого-либо пополнения и должна была к тому же передать четыре дивизии. Таким образом, из 78 дивизий, с которыми она начала наступление на Москву, к 11 ноября в наличии осталось только 73 измотанные в боях дивизии. На 11 ноября 1941 года группа армий "Центр" имела в своем составе 21 штаб корпуса, 51 пехотную (включая охранные и гарнизонные), 14 танковых и восемь моторизованных дивизий{185}. На просьбы командующих армиями о доукомплектовании войск Бок мог ответить только следующее: "Группа армий растянулась в настоящее время на более чем 900 км фронта и имеет в резерве всего одну-единственную дивизию, возможности использования которой уже ограничены. Армии в течение продолжительного времени не могут рассчитывать на поступление каких-либо пополнений. Это следует принимать во внимание при оценке обстановки".

2. Подготовка русских войск

Значительно ослабленным, недостаточно оснащенным немецким войскам, снабжение которых не соответствовало их нуждам{186}, противостоял противник, который был в состоянии подтягивать свежие силы из глубины своей страны и не проявлял никаких признаков того, что начатое сражение им будет проиграно. В связи с тем что немецкое наступление под Москвой "завязло", русские немедленно перешли к дальнейшему укреплению Можайской линии обороны на уже известных основных ее участках. Они возводили новые оборонительные позиции, осуществляли широкое минирование местности. Для минирования шоссе и других дорог Ставка сформировала 10 специально подготовленных подразделений{187}. Главным намерением русских было сдержать и замедлить всеми средствами новое немецкое наступление. Войска группы армий "Центр" были вынуждены прорывать все новые оборонительные позиции, чтобы в конечном счете застрять в этой системе оборонительных сооружений под Москвой{188}. Мероприятия советского командования по укреплению всеми имеющимися в его распоряжении средствами района западнее Москвы полностью окупались для Красной Армии во время ноябрьских боев. Из своих резервов Ставка сформировала инженерную

армию в составе трех инженерных бригад (всего 19 инженерных батальонов), которая производила инженерно-саперные работы на главных танкоопасных направлениях{189}. Кроме того, в строительстве оборонительных сооружений принимали участие рабочие батальоны, состоявшие из москвичей и жителей подмосковных районов. Не последнюю роль в этом деле играли и боевые части. Этими силами были созданы многие сотни километров противотанковых рвов, окопов и траншей, тысячи долговременных оборонительных сооружений (ДОСов), блиндажей, артиллерийских позиций, а также различного рода противотанковых и противопехотных препятствий{190}. Если оценивать местность, на которой должны были наступать войска Бока, то преимущества были на стороне обороняющихся. Высоты, а также лесные массивы создавали хорошие возможности для ведения обороны и сковывали возможности наступающих{191}. Близость базы снабжения - Москвы и безупречное рокадное железнодорожное сообщение позволяли русским быстро осуществлять снабжение своих войск, а также оперативно перебрасывать нужные силы на особо опасные направления. Русское командование было в состоянии ежедневно направлять непосредственно на фронт под Москву 100 - 120 железнодорожных составов. В период битвы под Москвой три фронта западнее города получили более чем 332 тыс. вагонов с грузом боеприпасов и с пополнениями{192}. Удачно расположенные и хорошо оборудованные аэродромы вокруг русской столицы позволяли оказывать авиационную поддержку соединениям и частям Красной Армии даже в то время, когда немецкие летчики вследствие катастрофического положения на немецких полевых аэродромах, которые то раскисали, то замерзали и покрывались льдом, совсем не могли взлетать. В ноябре в адрес немецкого командования непрерывно поступали жалобы из войск на усиливающуюся активность советской авиации и наносимые ею потери. Бросалось в глаза, что противник "плановмерно подвергал бомбовым ударам (зажигательными бомбами) и обстрелам из тяжелого оружия населенные пункты непосредственно у переднего края",

вынуждая тем самым немцев покидать дома, ночевать в поле, что увеличивало потери от обморожения.

Еще более важным, чем оборонительные укрепления всех видов на местности, было пополнение в живой силе и технике, которое в первой половине ноября получили войска Западного и Калининского фронтов. В то время как войска группы армий "Центр" вообще не получали пополнений и день ото дня становились все слабее{193}, Ставка направила только на Западный фронт в период с 1 по 15 ноября 1941 года 100 тыс. человек, 300 танков и 2000 орудий. На укрепление передовых рубежей был брошен ряд дивизий, прибывших из Сибири, Средней Азии и с Дальнего Востока, а также с соседних фронтов, в том числе солдаты, прошедшие ускоренную военную подготовку. Данные о количестве войск, приводимые в советской литературе, противоречивы. С уверенностью можно сказать о переброске под Москву следующих соединений: 12, 78, 331, 363, 387, 413 и 415-й стрелковых дивизий, 5, 9, 17, 20, 24 и 44-й кавалерийских дивизий и 112-й танковой дивизии, а также 8, 21, 23, 31, 32, 33, 108 и 145-й танковых бригад{194}. Кроме того, следует отметить, что советское командование делало все для того, чтобы легкораненые солдаты как можно скорее возвращались в свои части, чтобы солдаты, имеющие боевой опыт, по возможности скорее снова могли участвовать в боевых действиях. Несмотря на большие потери, которые Красная Армия понесла до середины ноября, Ставке удалось противопоставить наступающим немецким войскам 15 ноября 84 дивизии и 20 бригад, боевая численность которых частично была, правда, ниже штатной. Речь шла о 61 стрелковой, 3 мотострелковых, 3 танковых, 17 кавалерийских дивизиях, 1 мотострелковой и 19 танковых бригадах{195}. Средняя численность дивизии на 15 ноября составляла на Калининском фронте - 5600 человек, на Западном фронте - 6500 человек, на правом фланге Юго-Западного фронта - 2500 человек{196}. И все же русским удалось почти удвоить число танков, значительно усилить противотанковые части, зенитные подразделения и подразделения реактивной артиллерии, а также военно-воздушные силы. Основную массу советской авиации Сталин сосредоточил вокруг Москвы, чтобы добиться на этом участке фронта полного превосходства в воздухе{197}. За период с 1 октября по 15 ноября 1941 года число боевых самолетов, несмотря на понесенные потери (с 1 октября по 15 ноября - 187 машин), возросло до 1138, причем большую часть из них составляли истребители{198}. По советским данным, только в период с 1 по 14 ноября было произведено 9400 боевых самолетов-вылетов западнее Москвы, в то время как в тот же период немецкие военно-воздушные силы иногда целыми днями бездействовали{199}.

Говоря об использовании немецкой авиации, Гальдер лаконично заметил: "Наши военно-

воздушные силы медленно сокращаются" {200}.

Имеющиеся слабые места в своих войсках Жуков хотел усилить за счет тактики ведения маневренного боя и глубоко эшелонированной, не везде одинаково занятой войсками обороны. Так как русские практически были "прижаты к стене", они пытались по возможности избежать возможных прорывов немецких войск. "Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва" - так звучал лозунг тех дней. Поэтому принималось решение использовать имеющиеся силы на тех главных направлениях, где можно было ожидать удары немецких танков, то есть на правом фланге Западного фронта, прежде всего в полосе 16-й армии и в районе Тулы. Армия Рокоссовского до середины октября была усилена четырьмя кавалерийскими, одной стрелковой и одной танковой дивизиями, а также двумя танковыми бригадами, так что только на танкоопасном направлении у Волоколамска и Истры можно было ввести в бой пять танковых бригад. Общая численность 16-й армии составляла на 16 ноября 80 тыс. человек, 150 танков и 810 орудий и минометов {201}. В соседней с севера 50-й армии сосредоточивались еще три танковые бригады. Для отражения возможных прорывов немцев вдоль шоссе в районе Подольска Жуков перебросил 2-й кавалерийский корпус и 112-ю танковую дивизию. Корпус, прибывший с Дальнего Востока, состоял из 5-й и 9-й кавалерийских дивизий. В его состав были введены 112-я танковая и 415-я стрелковая дивизии. Командовал корпусом генерал П. А. Белов. Основная масса русских танковых сил находилась на правом фланге Западного фронта. Общее количество русских танков, противостоящих группе армий "Центр", составляло 890 машин, из которых 90 % были легкими танками и танками устаревших типов {202}. В то время как на центральном участке фронта перед 4-й немецкой армией, по мнению командования Западного фронта не существовало особой опасности прорыва немецких войск, штаб Жукова уделял большое внимание флангам {203}. В середине ноября наступление немцев ожидалось на стыке 30-й и 16-й армий. Централизованное управление соединениями в этом районе было, безусловно, необходимо, но это стало возможно только 17 ноября, после подчинения 30-й армии снова Жукову, однако время было потеряно. Командование Западного фронта 11 ноября докладывало о сложившемся опасном положении на стыке с 30-й армией, но она была подчинена ему только 17 ноября {204}.

Таким же критическим было положение на южном фланге фронта. Брянский фронт 10 ноября был упразднен, а его соединения переданы другим фронтам. 50-я армия была подчинена Западному фронту, 3-я и 13-я армии Юго-Западному фронту под командованием С. К. Тимошенко. Но так как оба командующих фронтами стремились установить более прочную связь с вновь подчиненными армиями, они подтягивали войска по возможности поближе к себе. Результатом этого смещения 50-й армии к северо-востоку, а 3-й и 13-й армий к юго-востоку явилось образование широкой брешки между двумя фронтами, которую нельзя было закрыть. Хотя Жуков и Соколовский энергично добивались от Ставки немедленного заполнения этого разрыва, так как именно в этом районе ожидался удар 2-й танковой армии немцев, Ставка ничего не предприняла, лишь 17 ноября отдала приказ войскам Западного и Юго-Западного фронтов "концентрическим ударом" закрыть эту брешь шириной в 50 км и "уничтожить группировку противника в районе Богородицка" {205}. Соответственно и Тимошенко выступал за скорейшую ликвидацию брешки, поскольку он со своей стороны опасался удара Гудериана через эту брешь на юго-восток при одновременном ударе Клейста через Ростов на северо-восток, что могло привести к окружению войск Юго-Западного фронта, подобно тому, как это имело место в сражении под Киевом.

Эти мероприятия упредили наступление войск Гудериана, начавшееся 18 ноября. В результате этого рухнул левый фланг Западного фронта, причем помимо всего прочего сказалась нехватка танков и противотанковых средств. Командованию Западного фронта стало после этого ясно, что немецкое наступление через Тулу на восток, если оно будет вестись энергично, вызовет определенные трудности {206}.

50-я армия, которая должна была противостоять наступлению Гудериана, состояла из семи стрелковых, двух кавалерийских, одной танковой дивизии и одной танковой бригады. Дивизии, за исключением переброшенной из Сибири 413-й стрелковой дивизии, насчитывали от 600 до 2000 человек и имели в своем составе по 2 - 3 артиллерийских батареи. Этими небольшими силами нужно было оборонять фронт шириной 70 км, не имея к тому же на левом фланге армии непосредственного соприкосновения с войсками Юго-Западного фронта. Кроме того, армия должна была еще оборонять Тулу.

Советское командование ожидало возобновления немецкого наступления во второй половине ноября. Русская радиотехническая разведка выявила нумерацию большинства немецких соединений на этом участке фронта. Сталин попытался упредить наступление Бока. После того как Рокоссовский с 11 по 14 ноября частью сил своей армии осуществил контрнаступление с плацдарма под Скирманово и тем самым выполнил задачу на плацдарме, Сталин приказал Жукову 13 ноября силами 16-й и 49-й армий, а также 2-го кавалерийского корпуса под Волоколамском и Серпуховом нанести короткие контрудары по немецким исходным позициям. Жуков, ссылаясь на то, что войска подготовились к обороне и скоро предстоит наступление немцев, а также на нехватку сил, возразил против этого плана Сталина, но получил ответ, что решение уже принято и что остается только выполнять этот план. Чтобы не спорить дальше с Жуковым, Сталин положил трубку и, несмотря на повторные звонки командующего Западным фронтом, не подходил больше к аппарату{207}. Командование Западного фронта отдало приказ 16-й и 49-й армиям нанести контрудары согласно полученным указаниям. В обеих армиях это вызвало недоумение. Хотя Рокоссовский знал, что противостоящий противник уже изготовился к наступлению и что у него самого для нанесения контрудара не хватит сил, но вынужден был подчиниться. Соединения 4-й танковой группы отразили удары 16-й армии, нанес ее чувствительные потери. В этих боях чуть не попал в окружение кавалерийский корпус Доватора. Более успешными были контрудары против 12-го и прежде всего 13-го корпусов 4-й танковой армии и против 43-го армейского корпуса 2-й танковой армии. На этом участке фронта русским удалось нанести немцам тяжелые потери и тем самым предотвратить новое наступление правофланговых соединений 4-й армии{208}.

3. Начало и провал наступления

Обстановка. Контрудары русских имели ограниченную цель, однако они явились причиной того, что Клюге счел пока невозможным перейти в наступление силами всей армии и был вынужден на ближайшее время оставить войска своего южного фланга в обороне.

Хотя наступление 49-й армии и 2-го кавалерийского корпуса привело к нежелательным огромным потерям и с русской стороны{209}, но все же оно оказало на 4-ю армию, в особенности на Клюге и на его штаб, такое психологическое воздействие, значение которого нельзя недооценивать. И наконец, наступление русских повлияло на оценку обстановки командованием группы армий "Центр", которое теперь полагало, что не сможет большей частью своих сил, предусмотренных для фронтального удара на Москву, в ближайшее время перейти в наступление. А это, в свою очередь ставило также под вопрос успех 2-й танковой армии и 4-й танковой группы.

15 ноября при температуре от - 6 до - 8° 27-й армейский корпус 9-й армии начал планомерное наступление с целью осуществить операцию "Волжское водохранилище". К успешно развивающемуся наступлению присоединились на следующий день 56-й танковый корпус 3-й танковой группы и части 5-го и 46-го армейских корпусов 4-й танковой группы. В тот же день удалось достигнуть верхнего течения Волги. 3-я танковая группа, преодолевая неожиданно сильное сопротивление противника, стремительно наносила удары на стыке между Калининским и Западным фронтами, перерезала коммуникации между обоими фронтами и 17 ноября расчленила оперативное построение русской 30-й армии{210}. Так как одновременно 16-я армия Рокоссовского на центральном участке подвергалась атакам 4-й танковой группы и на ее участке также возникла опасность прорыва немцев{211}, Сталин был вынужден в целях обеспечения единого руководства в этом районе передать 30-ю армию Жукову, который суровыми мерами пытался предотвратить расчленение и отход своего правого фланга. Несмотря на концентрированные удары советской авиации и на то, что главные магистрали и прилегающая к ним с обеих сторон местность, а также населенные пункты были русскими сильно заминированы, немецким войскам удалось 18 ноября прорваться южнее Волжского водохранилища и развивать наступление в направлении на Солнечногорск и Клин. Так как в распоряжении Западного фронта, а также 30-й и 16-й армий авиации оказалось недостаточно, на правый фланг Западного фронта из района Москвы были переброшены 6-й истребительный авиакорпус (18 ноября) и дивизия бомбардировщиков дальнего действия (20 ноября). Но советские войска еще до сосредоточения авиации на этом участке фронта имели явное превосходство в воздухе. В журнале боевых действий 9-й немецкой армии отмечалось: "Вражеская авиация снова бомбит и обстреливает наши наступающие войска, немецкая истребительная авиация до

сего времени не может обеспечить прикрытие их с воздуха..."

3-й танковой группе, несомненно, удалось отыскать слабое место в советской обороне, и благодаря этому она смогла сравнительно быстро осуществить прорыв линии фронта. Бывший в то время командующим 3-й танковой группой генерал Рейнгардт впоследствии высказал мнение, что командующему группой армий следовало бы наносить главный удар на этом участке фронта.

Когда 19 ноября в наступление перешли 7, 9 и 40-й корпуса, обстановка складывалась таким образом, что правый фланг войск Жукова оказывался под угрозой разгрома. Советские соединения, понесшие огромные потери, не видели больше никакой возможности противостоять немецким войскам {212}. В целях сокращения линии фронта потрепанной 16-й армии и высвобождения за счет этого какого-то количества сил Рокоссовский предложил отвести свои соединения к Истринскому водохранилищу и к реке Истра. Жуков категорически отверг это предложение и потребовал обороняться до последнего человека. Рокоссовский посчитал этот приказ бессмысленным и обратился непосредственно к начальнику Генерального штаба, который и санкционировал ему отход. Когда 16-я армия только что начала готовиться к отходу, в штаб пришла телеграмма Жукова следующего содержания: "Приказ об отходе войск к Истринскому водохранилищу отменяю. Приказываю обороняться на занимаемом рубеже и ни шагу назад не отступать. Генерал армии Жуков".

Он верил, что сможет помешать отходу 16-й армии, так как иначе северный фланг 5-й русской армии, еще удерживавшей свои позиции, оказался бы под угрозой и командный пункт штаба Западного фронта остался бы неприкрытым {213}. Но быстро использовать первые успехи немецким войскам не удалось, так как подвоз горючего ввиду недостатка железнодорожных составов был настолько ограничен, что сковал на время весь маневр немецких войск.

В дневнике обер-квартирмейстера 3-й танковой группы 18 ноября говорилось: "Имеющиеся в распоряжении группы армий "Центр" различного рода запасы для снабжения войск быстро убывают... Сегодня группе армий предоставлено только 2 железнодорожных состава... Снабжение недостаточное... Новое наступление в ближайшем будущем невозможно".

Хотя обстановка в районе Калинина нормализовалась и были нанесены сильные удары по правому флангу Западного фронта, 18 ноября можно было уже заключить, что перспективы выхода к Москве все больше повисали в воздухе. Наряду с трудностями снабжения причина заключалась также в том, что на правом фланге и на центральном участке фронта группы армий сложилась тяжелая обстановка.

18 ноября 2-я танковая армия перешла в наступление в северо-восточном направлении на Коломну, минуя Тулу. Гудериан не ожидал больших успехов от своих войск, которые имели в (распоряжении всего 150 танков и могли выступить лишь в составе трех корпусов. 18 ноября он информировал особую комиссию по вопросам использования танков управления вооружений сухопутных войск о том, что его армия, насчитывавшая в начале восточной кампании около тысячи танков и получившая в качестве пополнения в ходе боевых действий еще 150 танков, в настоящее время располагает всего лишь 150 танками. 43-й армейский корпус уже 16 ноября вынужден был перейти к обороне, так как непрекращающиеся атаки противника сделали невозможным его продвижение вперед по шоссе Тула - Алексин. Но вследствие этого сама Тула создавала на левом фланге опасность для наступающих войск Гудериана, в то время как их правый фланг все больше вытягивался на восток и требовал крупных сил для прикрытия. 47-й танковый корпус, имея цель установить связь со 2-й армией, наступавшей южнее, и обеспечить восточный фланг 2-й танковой армии, начал наступление в направлении Ефремов - Епифань, в то время как 53-й армейский корпус должен был пробиваться в направлении Узловая - Сталиногорск. Поэтому удар в северо-восточном направлении мог наноситься лишь небольшими силами, что, однако, сказалось не сразу, так как противник - русская 50-я армия был здесь особенно слаб и частично его можно было обойти с открытого левого фланга.

Численность войск русской 13-й армии, против которой были брошены главные силы 53-го и 47-го армейских корпусов, была еще меньше, чем численность 50-й армии. 13-я армия должна была удерживать фронт протяженностью около 100 км, от Епифани до Узловой, силами четырех стрелковых и двух кавалерийских дивизий, а также трех

танковых бригад. Средний численный состав стрелковой дивизии равнялся примерно 3000 человек. 2-й танковой армии удалось уже в первый день наступления прорвать оборону русских. Несмотря на попытки русских введением в бой новой дивизии, прибывшей из Сибири, остановить немецкое наступление на стыке между Западным и Юго-Западным фронтом, оно было только задержано, но не остановлено.

Прорыв, совершенный войсками 4-й танковой дивизии в полосах обороны 299-й и 413-й стрелковых дивизий, вынудил Ставку немедленно передать в подчинение 50-й армии 239-ю Сибирскую стрелковую дивизию, которая ранее предназначалась для 3-й армии. Эта дивизия, выгрузившаяся 17 ноября на станции Узловая и немедленно введенная в бой против 112-й немецкой пехотной дивизии, вызвала в немецких войсках временное замешательство и панику. Так как она была полностью укомплектована людьми и техникой, то, несомненно, оказала большое влияние на ход боевых действий 2-й танковой армии. Даже в окружении ей удалось сковать силы 167-й и 29-й немецких дивизий под Сталннгорском и тем самым значительно задержать наступление войск Гудериана. В советской литературе нет больше никаких сведений о том, перебрасывались ли из глубокого тыла на этот участок фронта еще какие-либо соединения, кроме 239-й стрелковой дивизии. На левый фланг, однако, подкрепления подтягивались, так как новому командующему 50-й армией генералу Болдину при его вступлении в должность было обещано, что 50-я армия сразу же получит новые подкрепления, в том числе и сибирские соединения{214}.

Русское командование опасалось прорыва на юге. Сталин пытался в неоднократных в течение дня переговорах по телефону лично воздействовать на Жукова и его войска, чтобы вселить в них силу и бодрость духа. В разговоре по телефону 19 ноября Жуков на вопрос Сталина, можно ли удержать Москву, ответил, что это не подлежит сомнению, но для этого ему нужны две новые армии и танки. Сталин обещал перебросить несколько новых армий в район Москвы{215}.

Усиление разногласий в немецком руководстве. Угроза немецкого прорыва уже 20 ноября стала нереальной{216}. Гудериан доложил в этот день в штаб группы армий, что ввиду сильной опасности, угрожающей восточному флангу, где была скована большая часть его войск, а также ввиду понесенных потерь и недостатка горючего, неблагоприятных условий местности для действий танков, которые без специальных зимних приспособлений скользят по обледенелым скатам, следует прекратить наступление 24-го танкового корпуса в северо-восточном направлении через р. Шат. Однако Бок настаивал на том, чтобы Гудериан продолжал наступление. Он был не склонен, не проверив еще раз обстановки на участке 2-й танковой армии, перейти к обороне и отказаться от оперативной цели достигнуть Оки на рубеже Рязань - Коломна Кашира. Хотя в последующие дни снова отмечались успехи на северном и восточном направлениях и 22 ноября был взят Сталиногорск, Гудериан потребовал встречи с Бокком, чтобы без прикрас охарактеризовать ему обстановку. В этой беседе, происходившей 23 ноября, Гудериан констатировал, что если он и сумеет частью сил достигнуть поставленных оперативных целей и перерезать железную дорогу между Коломной и Рязанью, то он со своей армией, фланги которой вытянуты и неприкрыты, окажется повисшим в воздухе. Он предполагал оттянуть свои войска, чтобы занять укрепленный рубеж вдоль рек Дон, Шат, Уна. Гудериан убедил Бока, и тот, поняв, насколько опасно дальнейшее продвижение 2-й танковой армии в связи с потерей ее боеспособности и невозможностью противостоять натиску противника, в присутствии Гудериана позвонил по телефону Браухичу и Гальдеру и доложил о сложившейся обстановке. Однако главнокомандующий сухопутными силами и начальник штаба ОКХ высказались за наступление 2-й танковой армии, даже если впоследствии ее придется оттянуть. Оба они подчеркивали, что задача сводится к тому, чтобы нанести противнику по возможности больший ущерб. Но при этом не было учтено, что немецкие соединения также должны были понести большие потери, а так как пополнения отсутствовали, то не исключена была возможность провала наступления.

Несмотря на все свои сомнения, Бок все еще надеялся ударом армии Гудериана в северо-восточном направлении отбросить противника перед правым флангом 4-й армии, чтобы на этом участке фронта обеспечить наконец-то предпосылки для начала наступления.

Ввиду предпринятых русскими контратак на правом фланге 4-й армии Клюге 17 ноября принял решение перейти в наступление только левым флангом своей армии и начать его

не в один день, а 18 и 19 ноября. Бок, сразу же высказавшийся против этих "частичных" выступлений, за то, чтобы войска начали наступление одновременно в направлении на Истру, не мог вмешаться в ход наступательных действий, так как приказы были уже отданы. Истра была первой целью наступления 4-й танковой группы, которая, осуществив двусторонний охват, должна была разгромить противника перед Истрой и Истринским водохранилищем. Положение на правом фланге 4-й армии было, по мнению Бока, очень серьезным и напряженным. Поэтому он отклонил предложение Гальдера, не желавшего больше терпеть бездеятельность этих соединений Клюге, о том, чтобы Браухич отдал непосредственно командующему 4-й армией приказ о переходе в наступление. Однако Бок сам считал обстановку на участке фронта 13-го корпуса настолько угрожающей, что отход расположенных там дивизий за Протву был, по его мнению, вполне оправданным. Так как 12-й корпус был сильно измотан в боях, а 20-й корпус тоже был небоеспособен, Бок решил, что сможет отдать приказ на наступление на этом участке фронта только в том случае, если русские прекратят здесь свои контрудары. В результате наступление 4-й танковой группы с целью выйти к каналу Москва-Волга и западным окраинам Москвы{218}, несмотря на первоначальные успехи 5-го и 46-го корпусов, прорвавших русские позиции на стыке между 5-й и 16-й армиями, застопорилось из-за ожесточенного сопротивления Красной Армии и недостатка с ял и средств{219}. В донесении штаба дивизии СС "Рейх" отмечалось: "Бои в последние дни были самыми тяжелыми и кровопролитными за все время восточной кампании".

Речь шла главным образом о боях против 78-й Сибирской дивизии, которая пыталась контрударами локализовать прорывы немецких войск в своей полосе действий. Гальдер отмечал 21 ноября, что Бок также был сильно потрясен этими ожесточенными боями.

Южный фланг 4-й танковой армии еще более растянулся, так как 20-й корпус не присоединился к наступающим. Гёпнер{220} попытался воздействовать на Клюге и склонить его начать наступление, но, когда его попытки остались безуспешными, он обвинил командующего 4-й армией в том, что тот бросил его на произвол судьбы. Упреки Гёпнера свидетельствуют о том, как различного рода трудности на фронте, неудачи, неблагоприятные условия, не позволившие быстро использовать достигнутые успехи, вместе взятые, создавали среди армейского командования атмосферу нервозности. Гёпнер и Гудериан упрекали Клюге, что они лишились успеха из-за того, что правофланговые соединения 4-й армии не перешли в наступление. Командование 3-й танковой группы обвиняло командование 9-й армии в излишней опеке и неправильном руководстве. Гудериан, протестовавший с самого начала наступления против пассивности соседних с его армией соединений 4-й армии, в конце концов сообщил 27 ноября, что продолжать операции в направлении Оки имеющимися силами невозможно, если 4-я армия немедленно не перейдет в наступление своим правым флангом, где, по данным немецкой разведки, противник не располагал резервами.

Рейнгардт{221} жаловался, что направление главного удара ноябрьского наступления находилось не на участке фронта 3-й танковой группы, а на участке фронта Гёпнера. Командование 2-й танковой армии также считало, что главный удар должен был наноситься не в северном, а в южном направлении, то есть на ее участке фронта. С точки зрения командования 2-й танковой армии, наступление с направлением главного удара на южном фланге 4-й армии имело бы большее оперативное значение, чем проводимое теперь наступление на северном фланге, так как можно было бы организовать взаимодействие наступающих войск со 2-й танковой армией. Клюге пытался отвести от себя обвинения в том, что он не начинает наступление, и взвалить их на Гудериана, в то время как Бок жаловался Гальдеру на ошибки Клюге в управлении армией. Вину за тяжелую обстановку, сложившуюся на его южном фланге, Клюге пытался переложить на командование 2-й танковой армии, которая не продвигалась вперед.

Командование 9-й армии обвиняло командование группы армий в нерешительности и с сожалением отмечало, что Бок не принял четкого решения о продолжении операций на участке фронта 9-й армии и 3-й танковой группы после окончания операции "Волжское водохранилище". Командование 2-й армии высказало недовольство тем, что ввиду задержки продвижения 6-й армии дальнейшее наступление 2-й армии находится под угрозой. В донесении штаба 2-й армии отмечалось: "Продвижение через Тим невозможно до тех пор, пока 6-я армия не выдвинет вперед достаточного количества сил для прикрытия правого фланга 2-й армии".

Браухич тоже был зол на 6-ю армию, так как она не продвигалась вперед.

Бок упрекал командование группы армий "Юг", особенно генерал-фельдмаршала Вальтера фон Рейхенау (командующего 6-й армией), а также командование группы армий "Север" в том, что они не поддержали наступления войск группы армий "Центр", вследствие чего ее фланги становились все более растянутыми и угрожаемыми. Все эти постоянные раздоры и взаимные обвинения показывают, насколько напряженной была обстановка, насколько неуверенным стало немецкое руководство на фронте и насколько оно потеряло веру в свои собственные возможности. Почти каждый командир начинал отыскивать в своем соседе или в вышестоящей инстанции козла отпущения, на которого можно было бы свалить вину за собственные ошибки и трудности. Чем сложнее становилась обстановка, чем нужнее были ясные и четкие решения, тем сильнее проявлялись признаки взаимной вражды и нападок.

Боку приходилось не только воевать со своими командующими армиями, у которых не было согласия ни между собой, ни с ним, но и вступать еще также в споры с ОКХ и Гитлером, которые не отказались от своих далеко идущих планов. Несмотря на донесения командования группы армий "Центр" об угрожающей обстановке, Гитлер пришел к убеждению, что Бок должен окружить и уничтожить стоящие перед ним дивизии противника, проведя несколько охватывающих маневров {222}. Он был против фронтального натиска на войска противника, ибо ему нужна была быстрота в проведении операций. Он не упускал еще из виду далеко идущие цели - Ярославль и Рыбинск, а также Вологду на севере и Воронеж на юге. Когда в одной из директив ОКХ потребовало, чтобы Бок разгромил противника перед Москвой в двух операциях - сначала севернее, а затем южнее шоссе на дороге - с целью дальнейшего наступления на Ярославль, Бок занял резко отрицательную позицию. Высказавшись за операцию по охвату противника на северном фланге, которая уже началась, он возражал против планируемого наступления в направлении на Ярославль, так как это было бы сопряжено с трудностями подвоза. Затем он изложил свои соображения в письменном виде: "Директива... исходит из неверных предпосылок в отношении состояния сил группы армий. Командование группы армий снова должно доложить, что правофланговые соединения 4-й армии в ближайшее время не в состоянии будут свести активные наступательные действия... Возможно, удастся ударом с севера в сочетании с фронтальным ударом... на тактически выгодном участке оттеснить войска противника, находящиеся перед правым флангом армии. Об уничтожении их не может быть и речи после того, как группа армий отдала четыре дивизии и к тому же ожидает, что противник перебросит через Москву новые резервы".

Развивая мысль о наступлении на Ярославль, Бок писал далее: "Совершенно неизвестно, когда удастся создать необходимые для наступления на Ярославль запасы горючего. При нынешнем темпе подвоза горючего может потребоваться по меньшей мере несколько недель. Погодные условия и состояние войск группы армий не позволяют осуществить такое наступление".

И если Гальдер все еще надеялся захватить Москву, то Бок уже 21 ноября выразил сомнение в том, сможет ли он вообще вести наступление через Истринское водохранилище и Истру в восточном направлении.

В своих дневниковых записях за 21 ноября Бок пытался дать объяснение тому, почему его взгляды на оценку обстановки так сильно разошлись с мнением ОКХ, с одной стороны, и мнением Гитлера - с другой. Он пришел к выводу, что "по числу дивизий, если судить об этом за зеленым столом, соотношение сил не хуже, чем обычно. Но снижение боеспособности - в отдельных ротах осталось от 20 до 30 человек, - большие потери в

командном составе и перенапряжение людей в сочетании с холодами дают практически совершенно иную картину".

Боку было ясно, что он не смог бы больше противостоять русскому контр наступлению, но такового пока не ожидали ни он, ни ОКХ. Он сравнивал эти бои с битвой на Марне во время первой мировой войны и полагал, что ему придется бросить в бой последние имеющиеся под рукой резервы, чтобы иметь возможность повлиять на исход боя. Бок перебросил из тылового района группы армий на фронт 255-ю пехотную дивизию, так как других резервов у него не было, а фронт нуждался в подкреплении. Тем самым, однако, он сознательно оголил тыловой район, в котором едва удавалось бороться против

партизан.

23 ноября Бок пришел к выводу, что на успех он рассчитывать не может. В связи с этим он запросил Гальдера, "как мыслятся дальнейшие действия после прекращения операций" и "собирается ли руководство ОКХ дать соответствующие указания о рубежах, которые должны быть удержаны, а также о начертании и оборудовании тыловой позиции".

Ему ответили, что этот вопрос изучается. Таким образом, немецкое командование, казалось, внутренне все еще было настроено на наступление и уверено в том, что, несмотря на известные трудности, ему не придется прибегать к каким-то особым мерам на случай, если наступление застопорится или вовсе окончится неудачей. В это время ОКХ планировало продолжать наступательные операции в 1941 году до тех пор, пока "не будет обеспечена выгодная позиция для наступления в следующем году. Если войска противника в 1941 году полностью парализовать не удастся, необходимо нанести им максимально большой урон и держать их под неослабным нажимом".

На основании этого можно сделать вывод, что четких целей на 1941 год больше не ставилось и что только делались еще попытки по возможности дальше пробиться на восток, чтобы разгромить силы русских или по крайней мере сковать их.

Бок, сообщивший 29 ноября Гальдеру о том, что наступление должно быть приостановлено и предупредивший об опасности повторения Вердена на его северном фланге, что "приведет к беспощадной фронтальной схватке с противником, располагающим, по-видимому, еще огромными резервами в людях и технике",

стал в последние дни ноября проявлять беспокойство по поводу того, что ОКХ отдавало приказы и высказывало мнения, не соответствовавшие фактической обстановке на фронте. Когда 30 ноября Хойзингер снова передал пожелания Гитлера об окружении войск противника на южном фланге 4-й армии и вопреки всем контрдоводам командования группы армий дал указание продолжать наступление на Ярославль и Воронеж, Бок почувствовал необходимость предпринять решительные шаги. Он позвонил по телефону Браухичу и сообщил ему, что потрясен переданными Хойзингером указаниями. Ведь он уже сообщал и в устной и в письменной форме о том, что силы его группы армий на исходе. "Для того чтобы окружить противника, нужны такие силы, которыми я больше не располагаю... У меня складывается впечатление, что боеспособность моих войск находит совершенно неверную оценку",

- писал Бок в своем дневнике 30 ноября 1941 года. Поскольку во время этого телефонного разговора Боку показалось, что Браухич его не слушал, да к тому же еще задал вопрос о начале наступления, командующий группой армий "Центр" счел себя вынужденным еще раз повторить в докладной записке, что группа армий оказалась в безнадежном положении. "Мысль о том, что противник перед фронтом группы армий, обессилен, "рухнет", оказалась, как показали бои за последние 14 дней, миражом, - писал Бок. - Стоять у ворот Москвы, где соединяется сеть шоссейных и железных дорог почти всей Восточной России, равнозначно ведению тяжелых оборонительных боев с превосходящим по силе противником. Группа армий даже ограниченное время не в состоянии этого сделать... Наступление, таким образом, не имеет ни смысла, ни цели" {223}.

Не рассчитывая на прибытие пополнения, Бок требовал немедленно определить, на какой позиции следует перейти к обороне. Несмотря на такое развитие обстановки, Гитлер вечером этого же дня стал настаивать на охватывающем маневре силами 4-й армии. Тогда Бок позвонил непосредственно Йодлю, чтобы ОКВ тоже было в курсе дела. Однако добиться внесения каких-либо изменений в стоящие перед ним задачи ему не удалось.

Несогласованность между высшим военным руководством (ОКВ и ОКХ), с одной стороны, и командованием группы армий "Центр" - с другой, а также нерешительность в их действиях привели в конце концов к тому, что командующие соединениями на фронте принимали самостоятельные решения в зависимости от обстановки.

Провал наступления. По окончании операции "Волжское водохранилище" командование группы армий отдало 9-й армии приказ перейти на всем участке фронта к обороне. 3-я танковая группа была подчинена непосредственно штабу группы армий и получила

задачу, обеспечивая прикрытие с востока, немедленно пробиваться в южном направлении на Клин, чтобы отрезать противнику путь отхода в полосе наступления 4-й танковой группы. Право принять решение о дальнейшем продвижении на восток в направлении Дмитрова Бок оставил пока за собой. Хотя 7-й танковой дивизии удалось 20 ноября достичь шоссе на Клин в районе Спас-Заулок и вслед за этим сразу же пробиться в южном направлении, однако овладеть Клином она не смогла, так как город обороняли крупные силы противника. Попытки 3-й танковой группы внезапным ударом овладеть Клином окончились неудачей.

Рокоссовский еще 18 ноября направил в Клин своего заместителя генерала Захарова с частью штаба, чтобы организовать оборону города. Жуков считал Клин настолько важным узлом коммуникаций, что ответственность за его оборону возложил лично на Рокоссовского. Тем не менее русским не удалось удержать ни Клин, ни Солнечногорск. 23 ноября оба эти города были взяты войсками 3-й танковой группы{224}. Попытки русских контрударами отбить оба этих важных опорных пункта в оборонительном кольце вокруг Москвы были безуспешными. Когда 4-я танковая группа подошла 25 ноября к Истринскому водохранилищу и нависла угроза прорыва, русские открыли шлюзы водохранилища и залили водой район к югу от него, чтобы остановить немецкие войска. В результате открытия шлюзов была затоплена местность южнее водохранилища на протяжении примерно 50 км и уровень воды составил около 2,5 м. Кроме того, Сталин бросил все имеющиеся в Москве резервы на правый фланг Западного фронта, даже зенитные соединения были использованы непосредственно на передовой линии для борьбы с танками. Ставка оттянула с Калининского фронта, с участка 49-й армии, некоторые соединения и перебросила их в район северо-западнее Москвы. Советская авиация сосредоточила свои удары почти исключительно на северном участке фронта.

Немецкие войска несли большие потери от превосходящей по силам русской авиации. В журнале боевых действий 2-й танковой группы 24 ноября отмечалось: "Наблюдается активная деятельность авиации противника. Налеты бомбардировочной и штурмовой авиации причиняют большие потери. В войсках недовольны отсутствием нашей авиации..."

Но так как тактика русских после потери Клина и Солнечногорска сводилась к тому, чтобы, ведя сдерживающие бои, отойти к каналу Москва-Волга и там снова закрепиться, ослабленные передовые отряды 3-й танковой группы смогли 28 ноября достигнуть канала и овладеть еще не разрушенным мостом в районе Яхромы. Удерживать рубежи западнее канала русская 30-я армия была больше не в состоянии из-за недостатка сил, ибо с начала немецкого наступления, то есть с 15 ноября, она потеряла свыше 70% своего состава. У командования 3-й танковой группы сложилось впечатление, что русские хотят отойти за канал, но его попытка использовать это явилась для русского командования сигналом для принятия мер по максимальному повышению боевой готовности. Оно немедленно бросило против немецкого предместного укрепления войска 1-й ударной армии, которые ранее в целях сохранения тайны не вводились в действие, а были сосредоточены в районе восточнее канала. В тот же день предместное укрепление было ликвидировано. 27 ноября соединения Калининского фронта начали вести скользящие бои против 9-й армии, которая еще не установила контакта с войсками .группы армий "Север"{225} и перешла к обороне, не имея достаточных резервов. Эти бои вначале особой опасности не представляли.

20 ноября командование 9-й армии отмечало, что "ввиду растянутости фронта резервы в соединениях очень незначительны, а в армии резерва вообще нет".

В последующие дни активность русских возросла настолько, что вызвала беспокойство командования 9-й армии. В журнале боевых действий 9-й армии 27 ноября 1941 года записано: "Нет больше никакого сомнения в том, что противник действует на широком фронте согласно единому плану отвлечь наши силы от находящейся под угрозой Москвы. Но мы не склонны высоко оценивать боеспособность войск противника, тем более что вследствие неудач и больших потерь они могут быстро обескровиться и измотаться".

27 ноября, когда Рейнгардт потребовал немедленно подтянуть к нему все имеющиеся резервы с целью захвата на противоположной стороне канала "трамплина для движения на восток", Бок был вынужден поставить перед танковой группой задачу немедленно пробиваться в направлении на Красную Поляну, чтобы оказать поддержку 4-й танковой группе, наступление которой остановилось.

Передовые отряды Гёпнера стали редеть, так как он все время вводил новые силы для прикрытия фланга в южном направлении. Именно этих сил ему потом не хватило при наступлении. Кроме того, русские сняли свои войска с участков, где противник (4-я армия) не вел наступление, и бросили их против 4-й танковой группы. По данным разведывательного отдела штаба группы армий "Центр", на 29 ноября 1941 года командование Западного фронта сняло находившиеся перед правым флангом 4-й армии четыре стрелковые, две кавалерийские дивизии, три танковые бригады и два танковых полка. Главные, силы этих соединений и частей были использованы русскими на участке фронта 5-й и 16-й армий для боевых действий против 4-й танковой группы. В своих мемуарах Жуков высказал удивление по поводу того, что правофланговые соединения армии Клюге не перешли в наступление и позволили ему тем самым перебросить часть своих сил на наиболее угрожаемые участки фронта.

Упорные бои вдоль шоссе, огромные потери от русских мин и противотанковых средств зародили у Бока сомнения в успехе наступления{226}. Наступательные действия 3-й танковой группы в южном направлении не дали желаемого результата, так как силы ее стали слишком малочисленны, а русские непрерывно подбрасывали подкрепления. Например, в донесении штаба 6-й танковой дивизии 2 и 3 декабря сообщалось о 80 случаях, когда солдаты падали в обморок от изнурения. По состоянию на 30 ноября 3-я танковая группа располагала следующим количеством танков: в 1-й танковой дивизии 37 танков, в 6-й танковой дивизии - 4 танка, в 7-й танковой дивизии - 36 танков, то есть всего 77 танков. 16 октября танковая группа насчитывала 259 танков.

В последние дни ноября на Западный фронт были в срочном порядке переброшены из района Москвы и с других участков фронта следующие соединения: восемь стрелковых и семь кавалерийских дивизий, четыре стрелковые бригады, один авиадесантный корпус, а также целый ряд специальных частей{227}. Только 16-я армия получила в эти дни подкрепление в составе 354-й стрелковой дивизии, 36, 37, 40 и 53-й стрелковых бригад, а также пополнение для остальных соединений. 30-я армия получила в качестве подкреплений 271, 348, 365 и 379-ю стрелковые дивизии, а также пополнение для других соединений. Решающим было усиление Западного фронта танками, в которых ему первоначально Сталин отказал. Западный фронт в последние дни ноября получил 15 отдельных танковых батальонов, а также более 100 танков для пополнения танковых бригад. Пополнение в меньших размерах получили также танковые части на Калининском и Юго-Западном фронтах. Войска, находящиеся западнее Москвы, располагали в общей сложности одной танковой дивизией, 16 танковыми бригадами и 20 отдельными танковыми батальонами, что составляло в общей сложности 1068 танков{228}.

Командование 4-й танковой группы, остановившейся у шоссе западнее Кубинки и восточнее Истры, на рубеже Белый Раст, Красная Поляна, Крюково, и имевшей потрепанные, неспособные к дальнейшему наступлению дивизии, было вынуждено 3 декабря доложить, что наступательные возможности войск группы находятся на пределе.

2 декабря командующий 4-й танковой группой Шарль де Болье сообщил в штаб группы армий "Центр": "Личный состав 10-й танковой дивизии очень утомлен. В настоящий момент дивизия не в состоянии вести наступательные операции".

Об остальных соединениях танковой группы он сообщил следующее: "Люди настолько измотаны, что с ними ничего нельзя поделать. Причиной являются ужасные холода, плохие условия расквартирования и бесконечные бои".

Надежды Бока на то, что наступлением 3-й танковой группы все же удастся как-то поддержать наступательный порыв и в войсках Гёпнера, не оправдались. 4 декабря 3-я танковая группа подверглась ударам превосходящего по силе противника и ей пришлось, несмотря на использование всех имеющихся у нее резервов, отойти со своих позиций. Русские, предпринимавшее с 1 декабря силами 1-й ударной армии наступательные действия против восточного фланга 3-й танковой группы, чтобы соединиться с находящимися еще пока западнее канала частями группы Захарова{229}, вынудили Рейнгардта 5 декабря приостановить наступление в южном направлении. "Активные действия вести невозможно. Нужно решить, какой занять рубеж, чтобы его можно было удержать зимой",

- требовал Рейнгардт. Бок санкционировал прекращение наступления 3-й танковой группы и отдал ей приказ о переходе к обороне. Остановлено было и наступление 4-й танковой группы{230}.

Таким образом, наступательные действия на всем северном фланге группы армий были приостановлены. Эта остановка наступления непосредственно у ворот Москвы объяснялась недостатком сил, а также все возрастающим сопротивлением противника. Положение на фронте требовало от военного руководства принятия дальновидных, самостоятельных решений, если оно не хотело бессмысленно жертвовать своими оставшимися войсками.

Занимаемые войсками на 5 декабря позиции были, однако, исключительно невыгодными, поскольку фланги оказались растянутыми и неприкрытыми. Их можно было бы улучшить только путем быстрого отвода войск и сокращения линии фронта. Но на такое решение верховное командование не пошло. В результате немецкие соединения должны были перейти к обороне там, где они остановили свое наступление и где подчас условия местности и пути подвоза были неблагоприятными для ведения оборонительных боев. Но остановлены непосредственно перед Москвой{231} были не только соединения, наступавшие на северном фланге группы армий "Центр". Не добились успеха и южнофланговые соединения. После того как ОКХ 23 ноября приняло решение о том, чтобы войска Гудериана продолжали наступление, 2-й танковой армии удалось внезапным ударом 24 ноября захватить Венев и Михайлов. Для того чтобы использовать этот успех, Гудериан часть своих соединений немедленно бросил дальше в направлении на Каширу, которую русские должны были во что бы то ни стало удержать, так как она снабжала электроэнергией Тулу. Русские боялись потерять Каширу, полагая, что немцы могли бы там захватить переправу через Оку и создать тем самым угрозу южному флангу и даже тылу русских войск. Но русские обороняющиеся войска использовали то положение, что в 24-м танковом корпусе потери в танках сильно возросли и что оставшиеся танки были небоеспособны ввиду недостатка горючего{232}. Так, группа "Эборбах", состоявшая из 6, 35 и 39-го танковых полков и имевшая к началу наступления 18 ноября 110 танков, 24 ноября располагала всего 32 танками. 17-я танковая дивизия располагала к вечеру этого же дня только 5 танками{233}.

По поводу наступления Гудериана через Венев на Каширу и прорыва фронта 50-й русской армии Жуков поднял такую же тревогу, как и при ликвидации немецкого передового укрепления на канале Москва - Волга в районе Яхромы. Командующий Западным фронтом немедленно начал переброску 2-го кавалерийского корпуса из района Серпухова в направлении на Каширу, чтобы стремительным контрударом отбросить передовые отряды 24-го танкового корпуса. Жуков лично детально обсудил с командиром кавалерийского корпуса генералом П. А. Беловым план операции и затем напряженно следил, удалось ли войскам Белова вовремя подойти к Кашире.

Действия корпуса Белова (26 ноября он был переименован в 1-й гвардейский кавалерийский корпус), поддержанные крупными силами русской авиации, были для 17-й танковой дивизии неожиданными и вынудили ее отступить. Для поддержки контрудара корпуса в срочном порядке были стянуты все авиационные соединения Западного фронта и 6-го корпуса истребительной авиации{234}.

По этому поводу в журнале боевых действий группы армий "Центр" 27 ноября отмечалось: "Сопротивление противника в районе Каширы заметно усилилось. 17-я танковая дивизия и группа "Эборбах" вынуждены южнее Каширы перейти к обороне. Непрерывные налеты вражеской авиации причиняют значительный урон"{235}.

Гудериан, поняв, что дальнейшее наступление на север в направлении Оки успеха не сулит, попросил у командования группы армий разрешения прекратить наступление{236}. 28 ноября Бок такое разрешение дал. Таким образом, удар, нанесенный на Москву с южного направления, также был отражен.

Командование группы армий и Гудериан ставили теперь своей задачей сделать все возможное, чтобы по крайней мере овладеть Тулой. Одновременно с ударом в северном направлении части 3-й и 4-й танковых дивизий, а также пехотного полка "Великая Германия" начали наступление в западном направлении, чтобы совместно с расположенным севернее Тулы 43-м корпусом замкнуть кольцо окружения севернее Тулы. Однако выступивший 27 ноября 43-й корпус, несмотря на первоначальные успехи, существенно вперед не продвинулся. Попытки возобновить

наступательные действия на следующий день также окончились неудачей. Тогда Гудериан счел необходимым заново подготовить наступление на Тулу. В приказе по армии о продолжении операций по захвату Тулы № 23 он установил в качестве нового срока наступления 2 декабря, чтобы к этому времени привести в порядок войска и решить вопросы снабжения своих войск. План наступления предполагал тесное взаимодействие 24-го танкового корпуса, наносившего удар севернее Тулы в западном направлении, с 43-м армейским корпусом, который должен был наступать в восточном направлении. Хотя ударная группа 24-го корпуса, ранее имевшая задачу захватить Каширу, была 4 декабря отброшена войсками Белова до Мордвеса, действия войск в западном направлении с целью окружить Тулу на первых порах развивались успешно. В первый же день им удалось перерезать шоссейную дорогу Тула - Москва. Таким образом, Тула лишилась важнейших путей подвоза и ей грозило полное окружение{237}. Однако добиться этого немецким войскам не удалось. Гудериан сам отправился в 43-й армейский корпус с целью поддержать наступление и "выжать из войск все, что только возможно", но лично убедился, что тяжелые, кровопролитные бои, которые вел корпус при температуре -35°, успеха не приносили{238}. Гудериан доложил Боку, что личный состав соединений в большей степени страдает от морозов, недостатка зимнего обмундирования и снаряжения, чем от воздействия противника. То же самое относилось и к боевому использованию оружия и техники, и в первую очередь танков.

Натиск русских войск на северном фланге 24-го танкового корпуса, который должен был наступать в западном направлении (против 24-го танкового корпуса Жуков бросил 340-ю стрелковую дивизию и 112-ю танковую дивизию с целью упредить окружение Тулы), отсутствие поддержки со стороны авиации, большие потери в войсках и наличие крупных сил противника в районе Тулы все это, вместе взятое, побудило Гудериана 5 декабря принять решение о прекращении операции.

5 декабря командир 24-го танкового корпуса генерал Гейер фон Швеппенбург заявил, что гарнизон Тулы намного сильнее, чем это предполагалось раньше. По его мнению, гарнизон насчитывал около двух дивизий{239}.

Бок согласился с предложением Гудериана оттянуть соединения 2-й танковой армии за Дон и Шат. 2-я армия, перед фронтом которой отходили ослабленные войска русских 13-й и 3-й армий, продвигалась медленно вперед и только в последние дни ноября заняла новые рубежи. Немногочисленным передовым отрядам удалось подойти к районам Тим, Елец и Ефремов.

23 ноября немецкие войска подошли к Тиму, но занять его им не удалось. Части 2-й танковой армии 4 декабря захватили Елец, а несколько раньше, 20 ноября, - Ефремов. Однако осуществление заветной мечты Гитлера - нанести удар в направлении на Воронеж - оказалось невозможным, так как единственная предназначенная для этого танковая дивизия к 23 ноября имела в своем распоряжении только один боеспособный танк.

Несмотря на то что Бок информировал Гальдера о тяжелом положении 9-й танковой дивизии и обращал его внимание на пассивность действий 6-й армии, Гальдер снова повторил свой приказ о необходимости продвигаться в направлении Воронежа. Поэтому Бок на свое усмотрение приказал 2-й армии правым флангом остановиться в районе Тима, а в направлении Воронежа выслать только разведку.

Обеспечение связи с группой армий "Юг" на стыке 6-й армии едва ли представлялось возможным. 6-я армия не могла выполнить приказ Браухича, отданный им 3 ноября в связи с посещением Полтавы, о необходимости выслать вперед истребительные команды в район Оскола, чтобы обеспечить связь со 2-й армией. На строгую телеграмму главнокомандующего сухопутными силами от 18 ноября, в которой он запрашивал Ряйхенау, почему эти мероприятия еще не осуществлены и когда можно рассчитывать на выполнение приказа, командующий 6-й армией ответил, что обойтись одними истребительными командами нельзя, так как силы противника слишком велики, а введение в действие более крупных сил станет возможно только тогда, когда будет обеспечено снабжение их всем необходимым, то есть не раньше середины января. Таким образом, об оказании помощи 2-й армии силами 6-й армии не могло быть и речи. Ликвидировать на продолжительное время разрыв линии фронта на стыке между армиями было невозможно. Кроме того, в последние дни ноября сопротивление русских в полосе действий 2-й армии настолько усалилось, что командующий армией 1 декабря

пришел к такому заключению: "Обстановка в полосе действий армии такова, что урон, который мы можем еще нанести русским, не стоит тех сил, которые нам могут для этого понадобиться... Теперь нужны только те боевые действия, которые будут способствовать созданию выгодного рубежа для зимних условий".

В связи с этим Бок дал указание 2-й армии продвигаться вперед в восточном направлении только в пределах, диктуемых крайней необходимостью.

Таким образом, наступательные действия на южном крыле группы армий "Центр" были прекращены в тот же день, что и на ее северном крыле, по решению командования группы армий, принятому в соответствии со сложившейся боевой обстановкой. В итоге наступление на Москву было сорвано. Атаки, предпринятые 1 декабря правофланговыми соединениями 4-й армии, окончились неудачей. Клюге, постоянно выслушивавший в свой адрес упреки Гёпнера и Гудериана, решил 29 ноября отдать приказ о наступлении 57-го и 20-го корпусов, хотя существовала опасность провала этого наступления. Гитлер, узнавший об этом намерении, приказал пока задержать 7-й корпус, чтобы 4-я танковая группа на севере, а 57-й и 20-й корпуса на юге могли взять русские войска в кольцо окружения. Несмотря на попытки Бока доказать невозможность проведения этой операции, Гитлер 1 декабря, когда наступление в направлении на Кубинку и Наро-Фоминск стало развиваться более или менее успешно, запросил, почему 4-я армия наступает южнее шоссе в северо-восточном, а не в восточном направлении. Гитлер предложил сначала двигаться на восток, а затем, чтобы уничтожить противника, повернуть на север. Бок сообщил Гитлеру, что "он рад любому успеху, появившись он на северо-восточном или восточном направлении. Что же касается окружения противника, то, как уже неоднократно докладывалось, у нас нет для этого необходимых сил".

Но успеха на восточном направлении не последовало. Несмотря на то что частям 258-й немецкой пехотной дивизии при поддержке частей 19-й танковой дивизии удалось в полосе обороны 222-й стрелковой дивизии прорвать фронт русской 33-й армии и, глубоко вклинившись в ее расположение, подойти 2 декабря к району Бурцева, Жуков быстро принял необходимые контрмеры. Он немедленно бросил все наличные резервы на участок фронта 33-й армии и приказал ей тотчас же перейти в контр наступление. 2 декабря командующий 33-й армией М. Г. Ефремов стянул в единую группу 11-ю и 5-ю танковые бригады, один танковый батальон, два лыжных батальона и части резервной стрелковой дивизии и начал контр наступление. Жуков перебросил для подкрепления еще некоторое количество сил и отдал приказ окружить прорвавшиеся соединения противника и до 3 декабря уничтожить их.

43-я армия также сумела успешно отбросить немецкие войска, пробивавшиеся в направлении на Наро-Фоминск. Русские контрудары вызвали временную панику в войсках 4-й армии. И хотя Бок 2 декабря отмечал, что оборона противника близка к кризису и необходимо "максимальным напряжением сил использовать эту проявляющуюся слабость противника". Клюге 3 декабря утром доложил о вынужденном отходе передовых отрядов. Когда в середине этого же дня Клюге обратился к Боку за разрешением отвести оба корпуса на их исходные рубежи за реку Нара, Бок отказал ему в этом. Клюге был вынужден тогда на свою ответственность отдать приказ об отходе 20-го и 57-го корпусов{242}.

Блюментрит, объясняя причину прекращения наступления, сообщил Грейфенбергу: "Окруженный со всех сторон противником полк 258-й пехотной дивизии пробивался в западном направлении, оставляя тяжелую технику и неся громадные потери... 183-я дивизия понесла тяжелые потери... Состояние войск, как показали снова эти два дня наступления, не соответствует более стоящим перед ними задачам... Наши потери очень велики. И до того слабая боеспособность соединений продолжает падать... Половина соединений уже не в состоянии больше оказывать действенного сопротивления".

Наступление на всем участке фронта группы армий "Центр" было в первые дни декабря приостановлено, и она тотчас же перешла к обороне{243}. В этот период стало особенно заметно, что ни командование группы армий, ни ОКХ не предусмотрели никаких мер на случай, если наступление окончится неудачей. Бок даже не был проинформирован о дальнейших намерениях ОКХ. Он не знал, как его группа армий должна подготовиться к обороне в зимних условиях, будут ли для нее подтянуты резервы и не следует ли войска отвести на рубеж, сокращающий линию фронта. Тем не менее командование группы

армий, несмотря на прекращение операций, не усматривало в сложившейся обстановке никакой серьезной опасности, так как, по его мнению и по мнению ОКХ, противник был обескровлен и не мог пока перейти в контрнаступление. В "Сводке о положении противника" от 4 декабря отмечалось: "Сведения о противнике за последние дни боев подтвердились. На наиболее угрожаемых участках фронта под Москвой русские стягивают силы, перебрасывая их с более спокойных участков и готовя их к контрнаступательным операциям... В остальном боевая мощь противника не так велика, чтобы он мог в настоящее время предпринять наличными силами крупное контрнаступление на участке фронта группы армий".

3 декабря ОКХ констатировало: "Можно предполагать, что в настоящий момент противник не располагает сколько-нибудь значительными соединениями полного состава для использования в качестве резерва" {244}.

Подобным же образом думали и на фронте. Об этом свидетельствует письмо майора фон Винковски, отвечавшего в то время за ведение журнала боевых действий 4-й армии, к генералу В. Фюрстеру, в котором он, информируя генерала об обстановке, сложившейся после остановки наступления 4-й армии, сообщал: "Мы все думали тогда, что наступил период зимней спячки".

Раздел III.

Военная, экономическая и политическая обстановка в ноябре - декабре 1941 года

1. Обстановка на Восточном фронте

В связи с большими потерями группа армий "Центр" была в конце концов вынуждена на всем фронте перейти к обороне. Большинство дивизий потеряли до половины своего первоначального состава. С начала наступления, 15 ноября, до конца ноября потери групп армий составили 33 295 человек, а общие ее потери достигли примерно 350 тыс. человек {245}. Гальдер, сознававший, что такой сухопутной армией, какая была к началу восточной кампании, больше уже не будет и что вооруженные силы до предела исчерпали свои людские резервы и резервы техники, высказал 1 декабря беспокойство по поводу этих потерь. Вместе с тем он считал возможным путем напряжения всех своих сил нанести противнику поражение. Однако при более трезвой оценке обстановки Гальдер должен был бы прийти к совершенно иному выводу. Потери в танках на Восточном фронте за период с 15 ноября по конец ноября возросли на 300 машин. Общие потери в танках на Восточном фронте составили 3290 машин. Потери авиации за этот же период возросли на 533 самолета. Общие потери ВВС на Восточном фронте увеличились до 5585 самолетов, из которых 3189 составили безвозвратные потери. Общие потери в конском составе достигли 151 250 лошадей. Автопарк с 11 ноября уменьшился на 12 тыс. автомашин {246}.

Но потери материальные не шли ни в какое сравнение с потерями морально-психологического характера. Контрудары русских дивизий вызвали на некоторых участках фронта 2-й танковой армии и 4-й армии настоящую панику среди солдат. Командование было вынуждено признать, что войска утратили свою обычную выдержку и уверенность в успехе. В одном докладе отдела цензуры полевой почты 2-й армии отмечалось: "Моральный подъем, который войска испытывали в связи с громадными успехами в предыдущие месяцы, в ноябре не наблюдается".

Более наглядно выразил эту мысль представитель министерства иностранных дел при штабе 2-й армии граф Босси-Федриготи: "Солдат на фронте видит только, что каждый день перед ним появляются все новые и новые части противника, что дивизии и полки, которые считались давно погибшими, снова вступают в бой, пополненные и окрепшие, и что, кроме того, эти русские войска превосходят нас не только числом, но и умением, так как они очень хорошо изучили немецкую тактику. Немецкий солдат на фронте видит, что ряды армии настолько поредели, что при всей храбрости вряд ли удастся противопоставить противнику сколько-нибудь значительные силы... И вот, оказавшись в таком положении на далеком Востоке, потеряв фронтовых друзей, он чувствует себя одиноком, ощущает пронизывающий холод русской зимы, которая, обрушившись столь внезапно и столь сурово, причинила такие потери, что за одну ночь в дивизиях недосчитывались по 800 человек, а в двух полках по 1200 человек... {247} При этом у солдата складывается мнение, что противник сумеет воспользоваться этой зимой для того, чтобы планомерно и систематически наносить внезапные удары по слишком

слабой немецкой обороне... Активные действия русской авиации усиливают впечатление того, что русские долго еще не откажутся от борьбы...{248} Солдат видит и чувствует каждодневно, какие тяготы на него все еще взваливает война на Восточном фронте. Он ждет замены, а ее нет... Солдат на фронте сегодня говорит совершенно открыто, что эта кампания кончится еще нескоро".

Немецкое командование, пытавшееся пресечь эти настроения, вело соответствующую пропаганду, однако доверие к нему у солдат уже было подорвано. В письмах на родину они в резких словах описывали положение на фронте, жаловались, что у них нет зимнего обмундирования и снаряжения, в то время как противник значительно лучше и практичнее экипирован и снаряжен для зимы. Солдаты полагали, что войска в связи с неподготовленностью к зимним условиям будут отведены с фронта в глубокий тыл на отдых и пополнение.

По свидетельству майора фон Шлеебрюгге, такое мнение высказывали солдаты и офицеры. "Все офицеры считали как само собой разумеющееся, что их дивизии будут сняты с фронта... Солдаты, чрезвычайно напуганные зимой, также рассчитывали на это".

Эти надежды оказались, однако, совершенно нереальными. Ослабленные потерями, без надлежащего обмундирования и оснащения, а главное, лишенные нормального снабжения, соединения были вынуждены обороняться против окрепшего и увеличившего свои боевые силы противника.

Старший ефрейтор Г. Бернхард писал 16 ноября своей жене: "У вас там в тылу ходят разговоры, что солдаты получили здесь, в России, меховые куртка, но я пока еще такой и в глаза не видел. У нас даже нет перчаток и шлемов".

Как видно из отчетов о фронтовых командировках, большая часть войск в начале декабря не имела еще зимнего обмундирования.

Вследствие сильно растянувшихся коммуникаций часто было невозможно обеспечить войска продовольствием. Несмотря на то что тыловым службам продовольственные нормы были урезаны в пользу войск, находящихся на передовой, частично до 50%, продовольствия все же не хватало. В результате этого люди стали восприимчивы к болезням, распространились вши, что грозило эпидемией сыпного тифа. В донесении от 5 декабря 1941 года отмечалось: "На передовой личный состав войск сильно заражен вшами. Появились единичные случаи сыпного тифа, в основном на участке фронта группы армий "Центр". Участились заболевания от простуды и случаи обморожения".

Люди были настолько измотаны физически, что даже самое легкое ранение не обходилось без последствий. Да к тому же еще санитарная служба и транспортировка раненых из дивизий были полностью нарушены. Даже если раненому удавалось сравнительно быстро попасть в теплый медицинский пункт батальона, то врач в случае необходимости операции становился перед дилеммой - отправлять ли раненого на санитарной маншне в тыл, заведомо обрекая его на многочасовой путь по ужаснейшим дорогам, сопряженный с опасностью замерзания, или же оставлять раненого на месте, но без операции, которая была ему столь необходима. Санитарные машины не отапливались, едва ли они вообще годились для использования. В этой области также ничего не было подготовлено к зимним условиям.

Не только в прифронтовой полосе ввиду больших потерь и растянутой линии фронта было нарушено снабжение войск, но и глубокий тыл был не в состоянии больше обеспечивать снабжение группы армий. Когда начались морозы, то выяснилось, что железные дороги не подготовлены для эксплуатации в зимних условиях и что расчеты их пропускной способности базировались на "успешных" показателях, которые сообщались соответствующими инстанциями во время перешивки русской железнодорожной колеи и ремонта русского железнодорожного оборудования. Но этим расчетам, как и многим другим, в дальнейшем не суждено было оправдаться. Непонимание инстанциями ОКВ запросов и требований железной дороги, неспособность управления железной дороги "Ост" разумно организовать на своей территории железнодорожные перевозки{249}, а самое главное, хроническая нехватка вагонов и пригодных для зимы паровозов - все это, вместе взятое, привело к нарушению нормального порядка снабжения, а порой и к полному прекращению подвоза. В начале декабря временами выходило из строя до 70% немецких паровозов, не выдерживавших низких температур.

В некоторые дни с начала наступления в ноябре в группу армий "Центр" прибывало до 36 эшелонов, однако затем поступление их снова резко сократилось. Поэтому нормальное, то есть регулярное, снабжение войск было невозможно. В связи с этим обер-квартирмейстер 3-й танковой группы писал 29 ноября: "К сожалению, железнодорожный транспорт ни в отношении обеспечения обслуживающим персоналом, ни с точки зрения технической оснащенности не соответствует тем требованиям, которые к нему предъявляют операции на Восточном фронте. Поэтому в настоящий момент обеспечить нормальное снабжение не представляется возможным".

5 декабря он же отмечал: "Много паровозов замерзло, в связи с чем отправка груженых составов не может быть осуществлена... Майор Экштейн сообщает, что подвоз... почти совсем прекратился. Когда эти условия улучшатся, сказать трудно... Не исключено, что продовольственные нормы придется сократить".

Положение усугублялось еще тем, что часто железнодорожные пути и мосты подрывались партизанами, и тем, что допускались ошибки в отправке составов. Так, 27 ноября 3-я танковая группа получила вместо ожидаемого состава с горючим целый состав со спиртными напитками из Франции. Бутылки на морозе полопались, так что выгрузить пришлось ледяные сосульки и осколки стекла.

Отвечавший за снабжение группы армий майор Экштейн непрерывно подвергался нападкам со стороны обер-квартирмейстеров армий и группы армий, требовавших что-нибудь сделать для налаживания подвоза снабжения. С горьким чувством он писал по этому поводу, что тоже ничего не может сделать, потому что паровозы в пути выходят из строя либо от мороза, либо от каких-то повреждений {250}. Так как снабжение воздушным путем в больших масштабах было невозможно, хотя командование группы армий просило об этом, то к началу декабря войска остались без самого необходимого - без провианта и зимнего обмундирования, без боеприпасов и горючего.

2 ноября командование группы армий запросило о выделении транспортной авиации, "чтобы в зимнее время обеспечить нормальное снабжение войск и быструю эвакуацию раненых". ОКВ на запрос ответило отрицательно: сухопутные соединения "должны для обеспечения снабжения обходиться своими силами даже во время сильных снегопадов".

В заключение можно сказать, что 5 декабря положение группы армий сложилось такое, что необходимо было приостановить наступление, а условия для перехода к обороне еще не были подготовлены. "Кульминационный пункт" был достигнут.

"Кульминационным пунктом" Клаузевиц называет момент, когда наступающие, вклинившиеся в глубину территории противника, в связи с недостатком сил должны перейти к обороне. Этот кульминационный пункт таит в себе большую опасность: "По ту сторону кульминационного пункта в обстановке наступает перелом, следует контрудар; сила такого контрудара бывает обычно значительно больше, чем был сам наносимый удар" {251}.

Обстановка на участке фронта группы армий "Север" была тоже не намного лучше. Начатые русскими 20 ноября наступательные действия против 16-й армии развивались с такой силой, что находившийся в районе Тихвина 39-й танковый корпус попал в исключительно тяжелое, критическое положение. 3 декабря командир корпуса доносил командованию 16-й армии, что "удерживать Тихвин в течение продолжительного времени наличными силами невозможно".

Тремя днями позже он так обрисовал то безвыходное положение, в которое попали его соединения: "Психическое перенапряжение достигло крайнего предела... Солдаты и даже отдельные командиры рот и батальонов становятся апатичными и безучастными... Возникает угроза паники... Вывод: дальнейшее боевое использование корпуса будет связано с потерей четырех подвижных дивизий".

Поэтому командир корпуса предложил немедленно сдать Тихвин и 7 декабря получил согласие командующего армией {252}. По мнению командующего 16-й армией, операция закончилась провалом по следующим причинам: недостаток сил, отсутствие пополнения, большие потери и непрерывное участие в боях с самого начала восточной кампании. Отвод войск из Тихвина потребовал отвода всей 11-й армии за Волхов, так как удерживать длительное время отсечную позицию западнее Тихвина даже при использовании всех имеющихся в распоряжении сил оказалось невозможно. Об этом

Гитлер предупреждал Лееба еще 26 октября, но командующий группой армий "Север" не захотел тогда прислушаться к предостережениям фюрера.

Продвижение войск по обе стороны Волхова в последние дни ноября также застопорилось. Таким образом, группа армий "Север" была вынуждена почти одновременно с группой армий "Центр" прекратить свои наступательные операции.

30 ноября Гальдер записал в своем дневнике, что "наступление в направлении на Шум является ошибкой". Штаб 1-го армейского корпуса, осуществлявшего это наступление, 29 ноября сообщил в штаб 16-й армии: "Боевой состав дивизий вследствие больших потерь и условий погоды настолько сократился, что корпус не может быть использован для развития ранее достигнутого успеха".

Группа армий "Юг" к этому времени уже перешагнула через кульминационный пункт. Несмотря на предупреждения Рундштедта об опасности, связанной с дальнейшим продвижением на восток, Браухич во время своего визита в ставку группы армий "Юг" 3 ноября заявил: "Верховное главнокомандование, так же как и главнокомандование сухопутных войск, настоятельно требует любой ценой еще этой зимой овладеть районом Майкопа (1-я танковая армия) и Сталинградом (17-я армия)... Нужно изыскать все возможные средства для достижения этой оперативной цели. Что касается Майкопа, то главным здесь является захват нефтяных месторождений, овладение же Сталинградом диктуется настоятельной необходимостью лишить русское командование последнего крупного связующего звена между севером и югом".

Командование группы армий "Юг" вынуждено было поэтому вопреки своей воле осуществлять эти операции.

21 ноября, несмотря на обозначившиеся признаки русского контрнаступления в направлении Ростова, Гитлер отдал группе армий "Юг" приказ силами 1-й танковой и 11-й армий вести наступление через Ростов и даже через Крым, чтобы перерезать английские и русские коммуникации в районе Кавказа, овладев при этом в первую очередь Майкопским нефтеносным районом. 17-й армии надлежало овладеть Сталинградом и промышленным районом около него с целью перерезать волжскую артерию, связывающую север страны с югом, 6-й армии ставилась задача подойти к району Слободы на Дону. В связи с этим командование группы армий "Юг" в докладе Йодлю сообщило: "По-видимому, ОКВ плохо информировано о положении со снабжением и о состоянии войск группы армий... Это глубокое заблуждение полагать, что в ближайшее время можно начать операцию подвижными соединениями".

В тот же день, 21 ноября, когда передовые отряды группы армий "Юг" подошли к Ростову и Гитлер отдал приказ о захвате Майкопа. Тимошенко, который уже несколько дней вел наступательные бои местного значения, предпринял первое крупное контрнаступление, ставившее своей целью отбросить 1-ю танковую армию из Ростова{253}.

В первом донесении о советском контрнаступлении штаб 1-й танковой армии сообщал, что видит опасность не только для самой армии, но и для всей группы армий "Юг"{254}.

Несмотря на то что к Ростову были стянуты все имеющиеся в распоряжении группы армий "Юг" резервы, Клейст был вынужден 28 ноября сдать Ростов{255}. Так как удары противника становились все более интенсивными и создавалась угроза его прорыва на стыке между 17-й армией и соединениями генерал-полковника Эвальда фон Клейста, Рундштедт принял решение отвести 1-ю танковую армию за реку Миус. 29 ноября командование группы армий "Юг" сообщило, что "рубеж, который должен быть занят группой армий на зиму, останется примерно тот же, что и занимаемый теперь. Возможные с течением времени изменения будут незначительными. Идея очистить от противника излучину Донца или подойти к Майкопу останется пока неосуществимой".

Когда Гитлер стал все же настаивать на своем плане, Рундштедт детально изложил в памятной записке, что ввиду больших потерь в людях и технике, ввиду наличия у противника крупных резервов и все еще негибаемой воли и упорства, а также ввиду наступления зимы группа армий "Юг" прекратила все оперативные передвижения и переходит к обороне, заняв сравнительно выгодный в тактическом отношении рубеж.

Так как Гитлер не одобрил этого решения командования группы армий, Рундштедт

оставил свой пост. 1 декабря командующим группой армий был назначен генерал-фельдмаршал фон Рейхенау, который оставался одновременно и командующим 6-й армией. В связи со сложившейся обстановкой ему пришлось сразу согласиться на отход танковой группы Клейста.

В журнале боевых действий группы армий "Юг" отмечалось: "Следует сказать, что в связи со сложившейся обстановкой 1-я танковая армия была вынуждена 1 декабря отойти на срочно подготовленный рубеж Самбек - Миус и что положенная в основу приказа генерал-фельдмаршала фон Рундштедта от 30 ноября оценка обстановки подтвердилась. Смена руководства группы армий и твердая воля нового командующего группой армий выполнить приказ фюрера также не могли ничего изменить в обстановке, которая в решающей степени зависела от боевых действий противника и от состояния наших войск".

Гитлер, прилетевший 2 декабря в штаб 1-й танковой армии, чтобы на месте сориентироваться в обстановке, был вынужден признать, что действия командования группы армий были правильными. Во время своего визита в группу армий 3 декабря в Полтаве он сказал Рундштедту, как бывшему командующему группой армий "Юг", что принятые им решения он одобряет. Тем не менее фюрер не предложил Рундштедту занять прежний пост, а посоветовал ему взять отпуск, чтобы в дальнейшем снова вернуться в строй.

Таким образом, немецкая армия была вынуждена прекратить наступление на всем Восточном фронте и вести тяжелые оборонительные бои на флангах в районе Ростова и под Тихвином, неся при этом значительные потери. Итак, цели, поставленные еще в октябре - на севере соединиться с финнами и отрезать пути подвоза из Архангельска, в центре окружить Москву и разбить главные силы русской сухопутной армии, на юге перерезать коммуникацию, связывающую север с югом, и овладеть нефтеносным районом Майкопа, оказались нереальными. Наступление зашло в тупик.

2. Выводы Гитлера в связи с провалом операции "Барбаросса"

Начав в ноябре наступление силами группы армий "Центр", Гитлер поставил перед Восточной армией на 1941 год далеко идущие цели. Однако после совещания в Орше и после неожиданных трудностей, с которыми столкнулся Бок при наступлении на Москву, Гитлер вынужден был согласиться, что осуществление намеченных после русской кампании планов должно быть пока отложено. Он признал, что выход на рубеж Вологда - Горький - Кавказ возможен только в 1942 году. И хотя достигнутые успехи Гитлер расценивал очень высоко с точки зрения политической и придерживался мнения, что русские не так скоро снова поднимутся на ноги в военно-экономическом отношении, все же он ясно осознал, что добиться полного разгрома России не удастся. В беседе с Гальдером он высказал даже мысль о возможности мирных переговоров, поскольку обе враждебные группировки не в состоянии уничтожить друг друга. Несмотря на эти выводы, он все же отдал приказ о продолжении наступления в направлении на Москву и на Кавказ, считая, что группа армий "Север" уже к середине ноября в общем достигла рубежа, намеченного на 1941 год.

Складывающаяся военная обстановка и становившиеся все более очевидными неудачи группы армий "Центр", которой предстояло еще разрубить своего рода гордиев узел этого злополучного русского похода, дали Гитлеру понять, что исход войны будет не тот, на который он рассчитывал. И хотя 25 ноября министр иностранных дел Германии Риббентроп хвастался в беседе с Чиано, что война на Востоке уже выиграна и что Германия высвободит с Восточного фронта большое количество соединений для других театров военных действий. Гитлеру сложившаяся ситуация представлялась в менее радужных тонах.

На вопрос испанского министра иностранных дел Серрано Суньера, приглашенного на беседу Риббентропа с Чиано, почему Москва до сих пор не взята, Риббентроп ответил, что ему самому это не совсем ясно, но несомненно, что Москва будет захвачена, так как немецкая армия подготавливает каждую операцию на научной основе и сейчас она медленно и методично продвигается по направлению к цели.

27 ноября в беседе с датским министром иностранных дел Скавениусом Риббентроп высказал мысль о сложности обстановки на Восточном фронте и на Средиземном море, что может быть истолковано как признание невозможности достижения победы в

конечном итоге. "Если же немецкий народ не будет больше достаточно сильным и самоотверженным, чтобы жертвовать собственной кровью для своего существования, то он должен сгнуть и быть уничтожен другой, более сильной державой, ибо он не заслуживает больше того места, которого добился".

Несмотря на все принятые Гитлером меры, положение в районе Средиземного моря в ноябре настолько ухудшилось, что транспортные переброски в Северную Африку почти совершенно прекратились. Немецкий Африканский корпус под командованием Роммеля, подвергавшийся с 18 ноября на ливийско-египетской границе ударам 8-й британской армии под командованием Каннингхэма и понесший большие потери (они не могли быть восполнены ввиду транспортных затруднений на море), был вынужден 7 декабря 1941 года прекратить боевые действия в районе Тобрука и отойти на рубеж Айз-эль-Газала.

И хотя 29 ноября Гитлер говорил Чиано, что операции разворачиваются планомерно, само он хорошо знал, что это не соответствует действительности. Он вынужден был также признаться Чиано, что "ликвидация Востока" не удалась и продолжает оставаться основной задачей на 1942 год. Его оптимистические цифровые выкладки и замечания в отношении оценки сил Советского Союза не могли скрыть того факта, что он со всей очевидностью признал нереальность осуществления своей программы.

Вину за провал операций, и в первую очередь операции "Тайфун", на которую Гитлер возлагал такие большие надежды, он отнес на счет неземных сил. "Атмосферные условия" задержали успешно начатое продвижение вперед. "Шесть недель хорошей погоды - и Россия была бы уничтожена Германией".

Этими утверждениями Гитлер положил начало пропагандистской кампании, призванной доказать, что немецкая армия была вынуждена прекратить наступление на Восточном фронте только из-за тяжелого периода распутицы и "необычайно сильных морозов, которых не было в России за последние 150 лет" {256}.

Однако совершенно ясно, что немецкая армия на Восточном фронте была остановлена не морозами, а еще до них, вследствие того катастрофического положения, в котором оказались ее соединения, лишенные материального обеспечения и, что самое главное, встретившие неослабное сопротивление русских войск на участках фронта всех трех групп армий {257}.

3. Вступление США в войну

В тот период, когда наблюдалось существенное ухудшение военного положения германского рейха, Гитлер получил удручающие сведения о том, что война с США, которую, по его расчетам, можно было начать только после успешного завершения второго этапа войны в Европе, должна неминуемо начаться в ближайшем будущем {258}. Первоначально Гитлер после захвата "континентальной империи" в Европе хотел создать дополнительно колониальные владения в Африке, но эти планы уже в конце августа он вынужден был отодвинуть на более поздний срок. Такие территориальные приобретения наряду со строительством сильного военно-воздушного флота и военно-морских сил должны были выдвинуть Германию в число мировых держав. Тем самым она должна была занять равноправное место в ряду с Британской империей, "великой" Японией и США. Этим были бы созданы предпосылки для будущих поколений, которые, используя это территориально и экономически усиленное положение Германии, могли бы в будущей борьбе за мировое господство выдержать войну с Соединенными Штатами Америки. Однако Гитлер сразу же отказался от этих планов, основываясь на неожиданно быстрых и явно переоцененных успехах на Востоке в июле, так как он понял, что в состоянии сразу же после окончания кампании в России выступить вместе с Японией против Соединенных Штатов. Уже в конце июля развитие обстановки на фронте вынудило его снова отказаться от этих далеко идущих планов, вследствие чего Гитлер снова возвратился к своим прежним взглядам, что только "следующее поколение должно будет решить проблему спора между Европой и Америкой" {259}.

Но в середине ноября Гитлер должен был признать, что война с Соединенными Штатами Америки начнется в самое ближайшее время. Его прежние надежды на то, что стремительное продвижение Японии до Сингапура в обход Филиппин нанесет тяжелый удар по Британской империи, но позволит избежать столкновения с США, так как последние побоятся вести войну на двух океанах, основывались на неверных предпосылках. Они не учитывали самобытности японского руководства, которое

считало, что в случае войны с Великобританией будет неизбежна также и война с Соединенными Штатами и в нее следует втянуть и Германию. В начале ноября немецкий военно-морской атташе в Токио докладывал, что "многонедельные усилия Японии убедить Америку быть благоразумной и войти в положение Японии полностью провалились... Японское правительство почти решилось на войну с Америкой. Начало операций на юге возможно уже в этом году".

После смены кабинета Коноэ правительством Тодзио 16 октября 1941 года следовало считаться с усилившимися осложнениями в отношениях между Японией и США. 18 октября германский посол в Токио Отт сообщал в министерство иностранных дел, что японский генеральный штаб больше не верит в мирное решение конфликта с США. Вскоре после этого он сообщил подробности планов и целей японского нападения. Тем самым Гитлер, хотя он и пытался отсрочить вооруженный конфликт с США, под влиянием позиции Японии и руководствуясь необходимостью придерживаться условий "пакта трех держав", был вынужден вступить в новую войну, не закончив кампанию на Востоке, не имея достаточно вооружения и не будучи подготовленным к такой войне. Он стал утверждать, что вступление в войну США "не будет больше означать опасности для... Германии",

и предавался надеждам, что еще сможет перетянуть Англию на свою сторону в борьбе с Соединенными Штатами, так как Великобритания должна была понять, что только Европа может защитить интересы Англии и империи. Под понятием "Европа" Гитлер имел в виду великогерманский рейх, простирающийся от Бискайского залива до Волги, от Нордкапа до Кавказа. Он не видел другого подходящего пути избежать приближающейся войны на два фронта - против Советского Союза и объединенных англосакских держав. Иллюзии заключения мира с Англией, если он откажется от британских владений на Ближнем Востоке и в Северной Африке, были лишены какой-либо реальной основы. Беседы Гитлера с начальником штаба военно-морского флота 26 октября и с Гальдером 19 ноября с полной ясностью показали, как Гитлер, с одной стороны, цеплялся за эту соломинку и как он, с другой стороны, сознавал нереальность своих мечтаний. В итоге Германия оказалась в войне с США, не имея необходимых для этого средств. Но Гитлер начал войну, провозгласив: "Или Германия будет мировой державой, или ее не будет вообще".

Как видно из его беседы со Скавениусом, он придерживался и дальше той же точки зрения и сейчас не видел пути для: решения этой дилеммы, даже когда стало понятно, что добиться победы нельзя. Из всего этого становится ясно, что Гитлер, не желая войны с США в это неблагоприятное для него время, был вынужден согласиться с планами Японии. При этом, конечно, сыграли свою роль соображения о том, что Америка будет вынуждена дробить свои силы вследствие ведения войны на двух океанах и поэтому не сразу будет в состоянии обрушить стремительно все свои силы на Германию и прийти на помощь Великобритании. Итак, Гитлер надеялся за счет вступления в войну Японии задержать появление американских войск на Европейском континенте, а в СССР, который он считал уже разбитым, удержать инициативу в своих руках. Уже 19 ноября он должен был признаться в том, что все планы на 1942 год, которые выходили за пределы России, откладывались, а это значило, что все силы придется снова использовать для борьбы против Советского Союза.

Гитлер примирился с войной против США, но никаких планов не изменил, хотя на практике неизбежность таких изменений была очевидна. Он зная, что его военные планы провалились и что война против Америки еще до объявления была уже проиграна. Поэтому при полной безнадежности новой общестратегической концепции, не могло последовать и новых планов войны, которые не базировались бы на теории "молниеносной войны". Прежние взгляды, предусматривающие смену "молниеносных кампаний" стратегическими паузами, окончательно потерпели крах. Гитлер не находил больше никакой возможности противопоставить превосходящему экономическому потенциалу объединившихся против Германии стран что-либо равноценное или противопоставить неблагоприятному соотношению сил нанесение внезапных ударов по противнику в будущем. Примирившись со своей судьбой, вечером 4 декабря Гитлер дал согласие на участие Германии в войне против Америки{260}. Чиано назвал планы японцев театральным представлением. 3 декабря Муссолини дал свое принципиальное согласие на участие в войне с Америкой. Чиано метко заметил по этому поводу: "Теперь, когда все меньше шансов на мир, легко, очень легко предсказывать длительную войну. У кого больше хватит духу? Это единственный путь для решения этой проблемы..."

4. Растущие трудности в военной промышленности

Гитлер намеревался начать борьбу за мировое господство тогда, когда германский рейх будет обладать необходимыми территориями и запасами сырья. Для этого, по его мнению и по мнению его ближайших советников, было необходимо захватить русские сырьевые запасы. Продолжительную войну можно было вести, только поставив на службу Германии экономику и сырье СССР. В конце ноября сложилась обстановка, когда положение на Восточном фронте не позволяло осуществлять такого рода эксплуатацию сырьевых запасов. Кейтель вынужден был проинформировать вермахт о том, что следует рассчитывать на ведение затяжной войны. Командующий армией резерва генерал-полковник Фром, учитывая катастрофическое положение в военной промышленности, заметил 25 ноября, что необходимо как можно быстрее заключить мир. Фром, который имел полное представление о наличных людских резервах и о фактическом положении в военной промышленности, должен был признать, что, продолжая эту войну, вермахт приближается к катастрофе. Министр по делам вооружений и боеприпасов доктор Фриц Тодт докладывал фюреру 29 ноября, что окончание войны в пользу Германии возможно только на основе политического урегулирования. "В военном и военно-экономическом отношении война уже проиграна".

Однако Тодт не знал ответа на вопрос Гитлера, какими путями закончить войну.

Учитывая быстро возрастающие трудности в промышленности, особенно в предоставлении сырья и рабочей силы для военной промышленности, взгляды Тодта были чрезвычайно справедливы. Первые недели ноября показали, что в связи с острой нехваткой сырья невозможно обеспечить хотя бы приблизительное выполнение важнейших программ в планируемом объеме. Потребовалось внести в них весьма существенные коррективы, но, несмотря на это, в ноябре наряду с четко вырисовывающейся нехваткой сырья и рабочей силы впервые узким местом явилось обеспечение промышленности углем и электроэнергией. Дальнейшие трудности испытывал железнодорожный транспорт. Методы "молниеносной войны" и широкого вооружения, следствием которых явилась нехватка самого необходимого, начали давать свои горькие плоды.

Нехватка рабочей силы. Недостаток солдат на фронте и рабочих в промышленности вынудили Гитлера вопреки своим идейным принципам согласиться на все более широкое использование русских военнопленных. Немецкое руководство надеялось путем "большой акции по использованию 3 млн. русских военнопленных" решить насущную проблему рабочей силы^{261}. Но осуществлению этих планов препятствовали два фактора, существенно сокращавшие возможное использование русских военнопленных.

Одним из них являлось тяжелое положение с транспортом на Востоке, не справлявшимся с переброской в Германию 5-6 тыс. горняков из Кривого Рога, не говоря уже о большом количестве военнопленных. Так как военнопленные в основном находились на территории России или генерал-губернаторства (Польша), их предстояло также перевезти по железной дороге. Нехватка вагонов и паровозов, а также перегрузка немецких железных дорог не позволяли осуществить в ноябре перевозку большого количества пленных с Востока в Германию без ущерба для боевых операций. Предложения об отправке пленных в Германию пешим порядком не могли быть приняты вследствие плохого состояния здоровья этих людей. Другой причиной была эпидемия брюшного тифа, распространившаяся среди военнопленных почти во всех лагерях. Болезни и физическое истощение пленных не позволяли использовать их на работах.

Возвращаясь с совещания в Орше, Гальдер посетил Молодечно, где находился один из лагерей русских военнопленных. Он писал по этому поводу: "Молодечно: тифозный лагерь русских военнопленных (20 тыс. человек) приговорен к вымиранию. Многие немецкие врачи смертельно больны. В других лагерях, хотя и нет тифа, многие пленные умирают от голода. Все это чудовищно, но помочь этим людям в настоящее время не представляется возможным"^{262}

Поэтому в конце ноября из 450 тыс. русских военнопленных^{263}, находившихся уже в Германии, на сельскохозяйственных работах могли быть использованы только 200 тыс., остальные 250 тыс. человек вследствие заболеваний сыпным тифом и истощения работать не могли. Это задерживало высвобождение из сельского хозяйства французских военнопленных, в которых очоно нуждалась военная промышленность.

Немецкая Восточная армия хорошо знала о тех страшных условиях, в которых находились русские пленные. Граф Босси-Федриготти писал в своем докладе министерству иностранных дел, что солдат на фронте "мало представляет себе бедственное состояние военнопленных. Проявления каннибальства, являющиеся следствием голода в лагерях, вызвали всеобщее порицание. Но это к стыду вермахта, когда на его глазах пленные мрут как мухи. Поскольку факты массовой гибели русских военнопленных в лагерях становятся широко известными, наша пропаганда не прельстит красноармейцев сдаваться в плен".

В донесении штаба группы армий "Центр", подготовленном майором Герсдорфом после его поездки на фронт, совершенно ясно говорится, "что расстрелы евреев, пленных и комиссаров почти везде вызывают отрицательную реакцию офицерского корпуса... Следует констатировать, что факты гибели военнопленных стали известны в полном объеме и что в разговорах офицеров на фронте они приобретают гиперболическую форму".

И хотя именно поэтому представители военных кругов на фронте требовали изменения бедственного положения пленных, "которое наносило удар по нашей пропаганде", и указывали на плохое "состояние здоровья пленных" и растущую смертность военнопленных в лагерях, положение не менялось. Более поздние протесты имперского министра по делам оккупированных, восточных областей Альфреда Розенберга и начальника абвера адмирала Вильгельма Канариса не могли убедить ОКВ, в распоряжении которого находились русские военнопленные, изменить к ним отношение. Кейтель следующим образом обосновал свой отказ: "Сомнения в отношении бесчеловечного обращения с русскими военнопленными соответствуют солдатскому представлению о рыцарской войне. Здесь же речь идет об уничтожении мировоззрения. Поэтому я одобряю эти меры и санкционирую их".

Даже ответственный за четырехлетний план Геринг, который, казалось бы, должен был быть заинтересован в том, чтобы максимальное количество военнопленных поступало в немецкую военную промышленность, ничего не предпринял для изменения отчаянного положения русских в немецких лагерях. Напротив, во время своего визита к Чиано Геринг с полным равнодушием заметил, "что голод среди советских военнопленных настолько силен, что для их конвоирования уже не нужны вооруженные солдаты. Достаточно во главе колонны пленных пустить полевую кухню, и за этим запахом пищи тысячи пленных пойдут, как голодные звери"..

Эти зловещие слова имперского маршала говорят сами за себя. Гитлер вторил Герингу в своих высказываниях о русских. Пытаясь доказать низменность чувств советских солдат, он говорил о том, что они, будучи окружены немецкими войсками, "сотнями пожирали друг друга".

Гитлер отклонил все попытки Советского Союза побудить Германию признать Гаагскую конвенцию о ведении войны. Свой отказ Гитлер мотивировал тем, что якобы "не хочет вести переговоры с русским правительством и не верит, что русское правительство будет придерживаться договоренности".

В связи с этой отрицательной позицией Гитлера Международный Комитет Красного Креста предпринял попытку сыграть роль посредника. В декабре он предложил доставлять как немцам, так и русским военнопленным одежду и продовольствие из Америки и хранить в Женеве списки немецких и русских военнопленных численностью от 30 до 380 тыс. человек{264}. Все военнопленные могли быть обеспечены прививками от сыпного тифа. Хотя ОКВ и министерство иностранных дел согласились с этим предложением, Гитлер снова отклонил его. Он обосновывал свою точку зрения тем, что немецкий солдат может на основании этого соглашения прийти к неверному мнению, что будто и к нему в случае пленения будут относиться в соответствии с договором. По его взглядам, немецкий солдат из страха перед пленом, где "красные бестии" непременно убьют его, должен сражаться до конца. Решающим же моментом в том, что немецкое руководство отказалось от заключения соглашения, было то, что фамилии русских военнопленных позволят русскому правительству установить, что не все русские солдаты, попавшие в руки немцев, живы. Гитлер, который тем самым признавал факт гибели многих русских пленных, хотел воспрепятствовать тому, чтобы преступления, за которые он несет ответственность, стали известны миру.

В феврале 1942 года доктор Мансфельд, ответственный за обеспечение страны рабочей

силой в рамках четырехлетнего плана, утверждал, что из первоначально имевшихся 3 900 тыс. русских военнопленных осталось только 1 100 тыс., а из них, в свою очередь, могли быть использованы на работах в германском рейхе только 400 тыс. человек. Он возражал против перевозки русских военнопленных в товарных вагонах, так как считал "сумасшествием перевозить этих рабочих в открытых или плотно закрытых, неотапливаемых товарных вагонах, чтобы на конечной станции выгружать трупы".

И вновь назначенный генеральный уполномоченный по использованию иностранной рабочей силы гауляйтер Фриц Заукель высказывался за то, чтобы русских военнопленных относительно прилично размещать и кормить, чтобы они по возможности с большей пользой работали на Германию. В связи с этим удалось наконец переубедить Гитлера отказаться от его парадоксальной точки зрения по поводу использования русских пленных в немецкой военной промышленности и сельском хозяйстве, с одной стороны, и изменить подход к вопросу об отношении к ним, с другой стороны. В середине марта 1942 года фюрер сказал, что "питание русских военнопленных и русских рабочих абсолютно недостаточно и нужно принять меры к исправлению положения".

Наряду с неспособностью организовать использование военнопленных в качестве рабочей силы в Германии пагубную роль сыграл и тот факт, что в ноябре многие военные предприятия лишились значительного числа рабочих в связи с проведенной "эвакуацией" рабочих-евреев. За период с 16 октября по 13 ноября из Германии было вывезено 20 тыс. немецких евреев и отправлено в гетто под городом Лодзь. Кроме того, 30 тыс. евреев были отправлены в середине ноября в Россию. Против этого, ссылаясь на перегрузку транспорта, резко возражал Бок. Когда он узнал, что многочисленные составы с евреями из Германии должны быть отправлены в тыловые районы группы армий, он пожаловался Гальдеру, так как отправка эшелонов с евреями срывали доставку соответствующего числа эшелонов с жизненно необходимыми грузами для обеспечения боевых действий. Не оправдались также и надежды на то, чтобы, уволив 20 тыс. рабочих с предприятий военной промышленности, добиться их поступления на предприятия, остро нуждавшиеся в рабочей силе. Таким образом к началу декабря на "трудовой бирже" сложилось почти нетерпимое положение. В "Донесении о положении в военной промышленности" за ноябрь оно характеризовалось очень метко: "Борьба за людей с каждым днем нарастала и приводила во время проведения инспектирования к борьбе за каждого отдельного человека. Так как людских резервов больше не было, призыв в армию в большом количестве оказывал непосредственное воздействие на военное производство".

Но поскольку сухопутные войска по своей численности в декабре достигли высшей точки в ходе Восточной кампании и боевые действия продолжались, этих призывов нельзя было избежать. Настроение среди рабочих падало. Отмечался быстрый рост случаев заболеваемости среди рабочих, число которых в военной промышленности составляло до 20% общего числа рабочих. В связи с обострением военной обстановки на Востоке трудности в сфере людских ресурсов возросли.

Ограничения в военной промышленности вследствие недостатка сырья. В связи с нехваткой горняков в ноябре было отмечено дальнейшее снижение добычи угля (каменного угля на 700 тыс. т меньше, чем в октябре, а бурого угля почти на 1 млн. т). Вследствие этого пришлось в конце ноября приостановить работу на ряде предприятий, в том числе и на военных предприятиях, выполнявших важные заказы. Действенное улучшение в обеспечении углем могло быть достигнуто только в том случае, если бы вермахт как можно скорее высвободил призванных в армию горняков, но на это нельзя было надеяться в связи с поражениями на Восточном фронте. Трудности снабжения электроэнергией также обострились, и это вызвало сокращение снабжения энергией на 7% для всех предприятий, в том числе и для военных. Причиной сокращения производства электроэнергии являлось снижение добычи угля, а также уменьшение подачи воды вследствие морозов. Вместе с тем потребности промышленности в электроэнергии в связи с расширением производства возрастали. В ноябре еще хватало железа и стали для текущего производства, но уже не было запасов других металлов, в том числе благородных. Рост потребностей в цветных и легких металлах, на которые шли заявки от всех видов вооруженных сил, вынудил Гитлера в конце концов к тому, чтобы эти металлы строго распределялись и отпускались только для производства таких видов вооружения, боеприпасов и оборудования, которые имели исключительно важное, решающее значение для войны. Одновременно ОКВ сообщило командованию видов

вооруженных сил, что они должны обходиться только запланированным количеством сырья и что его распределение будет производиться в зависимости от важности отдельных отраслей производства. Гитлер знал, что поставки сырья будут по меньшей мере очень ограничены, и поэтому 3 декабря он отдал распоряжение об "упрощении и увеличении нашего военного производства" на существующей базе. Этот приказ Гитлера, который должен был привести к всеобщей рационализации производства, не означал, однако, отхода от его прежней концепции вооружения. Было приказано перепроверить обычные методы производства вооружения и установить, как посредством упрощения и широкой рационализации производства, а также путем концентрации заказов в зависимости от их характера на более оборудованных предприятиях сэкономить сырье, подготовленные кадры и время. Гитлер приказал также снизить требования к вооружению в техническом отношении, а требования к "внешнему виду, долговечности вооружения и укомплектованности им привести в соответствие с требованиями войны". Все эти меры явились отражением принципа широкого вооружения.

Кроме того, Гитлер исходил в своем приказе от 3 декабря из того, что предстояла относительно спокойная зимняя пауза, во время которой немецкая Восточная армия могла отдохнуть, получить новое вооружение и оснащение и снова повысить свою боевую мощь. Поражения, понесенные в конце декабря, и связанные с этим большие материальные потери, вытекающая из этого необходимость "существенно усилить вооружение сухопутных войск почти во всех областях, а также начать производство боеприпасов различных новых видов" ставили и без того перегруженную германскую военную промышленность перед очень большими трудностями.

Трудности в области продовольствия. Сельское хозяйство лишилось большого числа рабочих рук, и это оказало неблагоприятное воздействие на положение с продовольствием в Германии. Недостаток в машинах, грузовых автомобилях и тракторах, а также нехватка угля, удобрений и прежде всего горючего еще более усугубили дело. Оказали свое отрицательное влияние и неблагоприятные погодные условия 1941 года. Следствием всех этих факторов явилось непрерывное снижение уровня сельскохозяйственного производства. Неблагоприятным по урожайности был 1940 год, что вынудило прибегнуть к использованию резервов зерна, но и 1941 год не позволил пополнить эти резервы. Те 500 тыс. тонн зерна, которые объявлялись национальным резервом, нельзя, конечно, было считать за действительно достаточный резерв. Объем поставок зерна из Юго-Восточной Европы "далеко не соответствовал тому, что от них ожидалось". Надежды ощутимо улучшили положение немецкого населения за счет сбора урожая в Советском Союзе не оправдались. Именно этот пункт программы по использованию материальных ресурсов СССР был самым важным. Поэтому в качестве главной ставилась задача как можно скорее достичь такого положения, чтобы снабжение немецких войск продовольствием полностью осуществлялось за счет оккупированных территорий, чтобы можно было облегчить продовольственное положение Европы и разгрузить дорожную сеть. При этом следовало считаться с тем, что эти меры лишили бы русское население необходимой продовольственной базы и поэтому "миллионы людей стали бы голодать, если изымать в стране все, что необходимо Германии".

И если удалось снабдить продовольствием основную массу войск Восточной армии за счет местных ресурсов, то это сделало невозможным ее дальнейшее продвижение на Восток, так как большая часть войск была задействована в "операции по обмолоту", то есть по сбору урожая, а собранные сельскохозяйственные продукты из-за отсутствия транспортных средств не могли быть взяты с собой, а складировались на местах. Таким образом, сколь-нибудь длительное снабжение населения Германии продуктами питания из России было невозможно. Экономический штаб "Ост" подсчитал, что "для снабжения армии продовольствием за счет восточных территорий наряду с сеном, соломой, жирами, яйцами и т. д. может быть поставлено всего 4,5 - 5 млн. т зерна. Потребности в мясе могли быть покрыты на две трети".

Поэтому предусматривались поставки около 400 тыс. т масла, 1 млн. т жмыха, большого количества зерна, "которое, само собой разумеется, было чрезвычайно необходимо", и по возможности большого количества скота для обеспечения продовольственных нужд Германии во время войны. "Восточные территории, - говорилось в документах штаба, - должны послужить нам для того, чтобы преодолеть нехватку продуктов питания во время войны и в послевоенное время".

Однако очень широкие планы германского руководства не привели к желаемому успеху. Причиной этому были не трудности на транспорте и не нехватка рабочей силы для уборки урожая, а меры, принятые Красной Армией, которая при отступлении уничтожала большую часть урожая. Планы экономического штаба "Ост" строились на интенсивной эксплуатации русского сельского хозяйства, что, по мнению экспертов, должно было иметь своим следствием такое положение, что многие десятки миллионов людей в этих областях становились лишними и должны были умереть. И все же эти жестокие меры не привели к цели. Прежде всего не оправдались надежды получить возможно больше выгоды из плодородной черноземной области Украины. Например, инспектор по делам вооружений на Украине, желая лучшего удовлетворения продовольственных потребностей Германии за счет Украины, предлагал начальнику управления военной экономики и вооружений Томасу осуществить новые методы эксплуатации: "Полное использование излишков сельскохозяйственной продукции Украины для целей пополнения запасов продовольствия возможно только в том случае, если украинское внутреннее потребление будет сведено к минимуму. Можно попытаться осуществить это следующим образом: 1) посредством искоренения лишних едоков (евреев, населения крупных украинских городов, таких, как Киев), полного прекращения выдачи продуктов питания; 2) сильным сокращением продовольственного рациона украинцев из других городов; 3) посредством уменьшения потребления продуктов сельским населением".

Из оккупированных районов СССР не удалось "перекачать" в Германию достаточного количества продуктов питания, а Германия в то же время была вынуждена дополнительно поставлять зерно Норвегии, Бельгии, Люксембургу, в Эльзас-Лотарингию и протекторат. Следствием этого было затруднительное положение с обеспечением картофелем и мясом. Это должно было привести к снижению продовольственных норм и для армии {265}.

Ограничения в военной области в связи с нехваткой нефти. Истощение имевшихся запасов нефти и недостаточные поставки нефти Румынией оказали в ноябре неблагоприятное воздействие как на военный, так и на гражданский секторы промышленности. Командование военно-морского флота уже 1 ноября констатировало, что уменьшение поставок нефти сейчас же повлечет за собой ограничение масштабов войны на море. В подводной войне приходилось вести действия подводных лодок только в прибрежных районах Германии для обеспечения коммуникаций и охраны жизненно важных транспортов. Боевое использование военно-морских сил в Северном море было возможно только в ограниченном масштабе. Все прочие планы и учебные мероприятия были приостановлены или существенно сокращены.

Лучше дело обстояло в сухопутных войсках, которые ни в ноябре, ни в декабре не были ограничены в своих операциях в связи с общей нехваткой горючего. Однако имеющиеся запасы горючего в связи с тяжелым положением на транспорте не могли быть своевременно и в достаточном количестве доставлены в части, ведущие боевые действия. Когда Гальдер 19 ноября потребовал на декабрь 107 тыс. т горючего, Томас мог обещать сухопутным войскам именно такое количество горючего. При этом начальник управления военной экономики и вооружений сообщал, что о запасах на 1942 год нечего и думать, так как после использования декабрьской нормы в январе 1942 года для всего вермахта имелось только 75 тыс. т горючего.

Единственная возможность увеличить запасы нефти заключалась в дальнейшем усилении эксплуатации румынских источников. 30 ноября в связи с признанной безотлагательностью нефтяной проблемы Геринг имел беседу с находившимся в Берлине заместителем премьер-министра Румынии Михаем Антонеску и пытался вынудить Румынию к увеличению добычи нефти. Особенно необходимо было горючее для танковых сражений за Москву. Геринг доходил даже до того, что он требовал от Румынии полностью, "досуха", выкачать свои нефтяные источники в расчете на то, чтобы потом возместить потери за счет стран Ближнего Востока. Он говорил, что, если будет обеспечено достаточное снабжение нефтью, армии союзников смогут продвинуться до Урала, а в случае необходимости даже до Свердловска, Омска и Иркутска. Хотя Антонеску заверил Геринга, что он очень хорошо понимает значение этой проблемы и что Румыния поставит такое количество нефти, какое только возможно, поставки нефти впоследствии уменьшились с 223 тыс. т в ноябре 1941 года до 73 тыс. т в феврале 1942 года {266}.

Так как на продвижение к Майкопу вряд ли можно было рассчитывать (до конца ноября Гитлер настаивал на выполнении этой задачи и только в связи с поражением под Ростовом несколько образумился){267}, провалились надежды пополнить запасы нефти путем захвата русских южных нефтяных районов. Поскольку запасы нефти уменьшались, а пополнить их в ближайшее время в условиях возросшего потребления нефтепродуктов было нельзя, Гальдер пришел к правильному выводу, что в будущем свобода маневра сил вермахта будет скована еще больше.

Часть четвертая.

Декабрь 1941 -январь 1942 года

Раздел I.

Контрнаступление русских войск.

Декабрь 1941 -январь 1942 года

1. Подготовка русских войск

Замысел операции. В то время как командование германской армии в начале декабря считало, что в основу замысла Верховного Главнокомандования русских положена идея "строительства новой боеспособной армии под прикрытием установившейся линии фронта, чтобы в 1942 году с этого плацдарма в европейской части России перейти в крупное контрнаступление против немецких войск", и что Красная Армия "не в состоянии предпринять крупное контрнаступление в настоящее время", первые мощные контрудары русских под Ростовом и Тихвином уже были нанесены и были закончены последние приготовления к крупному контрнаступлению 18 армий против группы армий "Центр" под Москвой. В русском контрнаступлении под Москвой участвовали 61, 13, и 3-я армии Юго-Западного фронта, 10, 49, 43, 33, 5, 50, 16, 20, 1-я ударная и 30-я армии Западного фронта, 39, 30, 31, 29 и 22-я армии Калининского фронта, а также самостоятельные оперативные группы генералов Белова и Костенко{268}.

В начале декабря подтвердилась правильность оперативных планов русского командования, которое после сражения под Вязьмой и Брянском исходило из необходимости удержать имеющимися силами фронт и выиграть дополнительное время для создания новой армии и выдвижения ее к рубежам обороны.

Советское командование считало, что для формирования новых соединений и переброски резервных армий потребуется 15 - 20 дней{269}. Из данного расчета времени вытекало, что эти войска едва имели время для боевой подготовки и, как правило, состояли из резервистов. Для укомплектования этих соединений в районы формирования в ноябре был направлен кадровый лжчный состав и штабы.

Оперативный план контрнаступления под Москвой предусматривал наступление войск Калининского, Западного и Юго-Западного фронтов{270}. Главный удар наносили войска Западного фронта. Основной целью было отбросить танковые ударные группировки группы армий "Центр" (на севере 3-ю и 4-ю танковые группы и на юге - 2-ю танковую армию), предотвратив тем самым опасность наступления на русскую столицу в будущем. Так как для успеха контрнаступления, по всей видимости, не было нужных сил, русское командование решило воспользоваться фактором внезапности. Внезапность должны были обеспечить строгая секретность и особенно переход в наступление войск без оперативной паузы{271}.

Одновременно с этим было принято другое решение - атаковать немецкие войска под Тихвином и Ростовом, опасно выдвинувшиеся далеко вперед, с задачей отбросить или даже разгромить их, но прежде всего для того, чтобы воспрепятствовать переброске войск из групп армий "Север" и "Юг" в группу армий "Центр" и не позволить усилить эти войска во время контрнаступления под Москвой. После того как подготовка к контрнаступлению в основном уже началась, боевые действия под Тихвином и Ростовом приняли благоприятный оборот для Красной Армии, а резервные армии находились в пути к своим районам сосредоточения. 10-я армия 25 ноября выдвигалась в район Рязани. 1-я ударная армия к 20 ноября находилась под Дмитровом, Яхромой, Загорском, 20-я армия с 29 ноября стояла под Лобней, оперативная группа генерала Костенко{272}, образованная из резервов Юго-Западного фронта, сосредоточивалась 25

ноября в районе Касторного. 29 ноября Ставка отдала приказ штабу Западного фронта разработать подробный план контрнаступления. В телефонном разговоре в этот же день Жуков доложил Сталину о том, что немцы исчерпали свои возможности и наступило благоприятное время для начала контрнаступления. Посоветовавшись с Генеральным штабом, Сталин дал свое согласие и утвердил разработанный в ночь с 29 по 30 ноября план операции Западного фронта. Этот план преследовал цель в ходе контрнаступления по сходящимся направлениям, которое должно было начаться 3-4 декабря, отеснить танковые войска, угрожающие Москве, и устранить тем самым непосредственную опасность для столицы{273}. Для этого планировалось нанести удары с севера на глубину до 60 км и с юга на глубину до 100 км. На большее ни Жуков, ни начальник штаба фронта Соколовский, учитывая наличие сил, не рассчитывали. Командование Западного фронта планировало силами северной группировки, состоящей из 30, 20, 16 и 1-й ударной армий, нанести удар в направлении на Клин, Солнечногорск и Истру по войскам 3-й и 4-й танковых групп с трех сторон и отбросить их, так как они, находясь ближе всего к Москве, представляли большую угрозу городу. На этом фланге сосредоточивались главные силы Западного фронта. Здесь были собраны основные силы авиации и 290 танков из 720, которые имелись в распоряжении фронта{274}. В то время как на центральном участке Западного фронта, где находились 5, 33, 43 и 49-я армии, предстояло только сковать действия немецких войск и помешать осуществлению их маневра, сильное южное крыло силами 10-й и 50-й армий и оперативной группы Белова должно было, наступая в направлении Узловая - Богородицк, вклиниться в позиции противника на стыке немецких 2-й танковой и 2-й общевойсковой армий, чтобы во взаимодействии с войсками, находящимися под Тулой, окружить их и уничтожить. Ставка планировала наряду с наступательными действиями Западного фронта сковать силы 9-й немецкой армии основной массой сил Калининского фронта, а также частью сил этого фронта во взаимодействии с северным флангом Западного фронта выйти под Клином в тыл войскам 3-й танковой группы и отрезать ей пути отхода. 1 декабря Ставка отдала приказ войскам Калининского фронта прекратить малоэффективные частные наступательные действия. Вместо этого ему предстояло силами 5 - 6 стрелковых дивизий предпринять наступление с задачей обойти с тыла группировку противника под Клином и, соединившись с войсками Западного фронта, уничтожить ее.

Группа Костенко должна была на юге вместе с войсками 13-й армии Юго-Западного фронта отбросить и окружить немецкую 2-ю армию под Ельцом и Ливнами{275}.

Поскольку наступление соединений правого крыла немецкой 4-й армии, проведенное 1 - 3 декабря 1941 года, упредило наступление русских, Жуков решил перенести начало операции на 5 - 6 декабря. 30 ноября он отдал приказ войскам провести разведку боем и взять по возможности больше пленных, чтобы получить достаточно данных о состоянии немецких войск и подтвердить целесообразность начать операцию{276}. Результаты этих действий, а также контрудар 33-й армии против немецкой 4-й армии 2 и 3 декабря показали Жукову, что силы противника на исходе. В своем приказе на наступление войскам Западного фронта от 6 декабря он указывал, что немецкая пехота при наступлении русских танков "все бросает и в сильной панике бежит... По нашим данным, противник больше не располагает резервами. В течение последних 18 дней он их полностью израсходовал. В танковых дивизиях насчитывается только 30 % штатного состава и в среднем имеется по 40 - 50 танков различных типов. У противника осталось совсем немного артиллерийских боеприпасов и горючего... Противник боится прежде всего окружения и танковых ударов во фланги и в тыл"{277}.

Подготовка личного состава и материальной части. Практически подготовка контрнаступления русских войск началась в начале ноября усилением трех фронтов за счет ввода новых соединений{278}. В период с 1 ноября по 5 декабря Ставка перебросила дополнительно на фронт западнее Москвы по меньшей мере 10 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий, а также 8 стрелковых и 6 танковых бригад.

Важным делом было также формирование новых армий полной штатной численности, которые были включены в состав фронтов и явились ядром новых ударных группировок. Армии, формирование которых началось в октябре (1-я ударная, 10, 20 и 26-я армии), закончили в целом обучение личного состава в середине ноября. 14 ноября в районе Пенза, Кузнецк закончилось формирование 10-й армии под командованием генерала Ф. И. Голикова{279}. Она предназначалась для включения в состав войск Западного фронта. 24 ноября Голиков получил приказ совершить марш и занять позиции южнее Москвы{280}. В первой половине ноября был отдан приказ о комплектовании шести

других армий (28, 39, 58, 60 и 61-й), причем 39, 60 и 61-ю армии планировалось использовать для ведения боевых действий под Москвой. В конце ноября из войск, прибывших из Сибири, Средней Азии и с Дальнего Востока, в районе севернее Москвы под Дмитровом, Яхромой, Загорском формировалась 1-я ударная армия, а в районе Лобня, Пушкино - 20-я армия. Одновременно для занятия Московской зоны обороны в Москве была сформирована 24-я армия, на которую вместе с 60-й армией возлагалась задача непосредственной обороны советской столицы. 60-я армия в начале декабря имела задачу прикрыть Москву с севера на направлении Солнечногорск - Истра - Кубинка. Позиции 24-й армии проходили по западной и юго-западной окраинам Москвы, и она должна была отразить удары противника из района Наро-Фоминск, Калуга, Тула, Кашира, Коломна. В составе 60-й и 24-й армий имелось 10 стрелковых и 1 кавалерийская дивизии, 19 стрелковых бригад, 9 артиллерийских полков и 6 пулеметных батальонов.

Ставке удалось ввести в бой севернее Москвы в ходе подготовки контрнаступления три новые армии (20-ю, 1-ю ударную и с 22 декабря 39-ю), южнее Москвы против группы армий "Центр" 10-ю армию, а с 18 декабря также 61-ю армию и дополнительно еще две армии в качестве резерва для непосредственной обороны русской столицы{281}. В общей сложности эти семь армий насчитывали 33 стрелковые и 7 кавалерийских дивизий, 30 стрелковых и 2 танковые бригады и большое число отдельных частей и подразделений{282}. В это время (29 ноября) Гитлер считал, "что война в целом уже выиграна... То, что еще оказывает сопротивление в России, исходит не от людей, а от природных условий, то есть от погоды и проходимости дорог... У Красной Армии нет не только материального обеспечения для ведения войны, но и подготовленных войск".

Бесспорно, новые русские соединения были плохо подготовлены и слабо вооружены. В качестве примера можно привести 10-ю армию, которая была укомплектована и оснащена лучше других. Ее численность составляла около 100 тыс. человек, на вооружении она имела 65 тыс. винтовок, 2 тыс. пулеметов, 249 минометов{283}, 69 противотанковых орудий и 27 малокалиберных зенитных орудий. В связи с недостаточным вооружением своих соединений Голиков был вынужден 1 декабря обратиться в Государственный Комитет Обороны и доложить, что только три его соединения (322, 323 и 330-я мотострелковые дивизии) боеспособны{284}. Другие три дивизии (326-я стрелковая, 57-я и 75-я кавалерийские дивизии) вообще не имеют вооружения, остальные должны вступить в бой, не имея карабинов, пулеметов, минометов, автомашин, средств связи и противотанковых средств. В армии к началу наступления не было частей обеспечения. Она почти не имела машин и танков. Голиков констатировал, что часть вооружения 10-й армии только прибыла на железнодорожные станции в районе Рязани. Армии были доставлены автомашины и танки. Об этом донесла немецкая воздушная разведка, выявившая в этом районе четыре состава с танками, автомашинами и орудиями. Так как на всю армию приходилась только одна рота связи, связь между штабами дивизий и армии в ходе боя поддерживалась конными нарочными{285}. Укомплектованность личным составом оставляла желать лучшего. Основная масса солдат состояла из резервистов, не имеющих боевого опыта. Штаб армии был укомплектован, правда, офицерами Генерального штаба, но и у них не хватало опыта практической работы в войсках. Сформированный первоначально для 10-й армии штаб был передан в качестве штаба фронта вновь сформированному Калининскому фронту, чем было задержано и затруднено комплектование штаба армии для Голикова{286}. Только около одной трети командиров частей были кадровыми офицерами. Большинство офицеров штабов дивизий и полков были призваны из запаса и не имели достаточной подготовки. Во время формирования армии солдаты занимались тактикой, стрельбами, обучались обращению с оружием и действиям в различных видах боя. Но было слишком мало времени, и боевая подготовка носила импровизированный характер. Большинство командиров сами не имели должного представления о требованиях к боевой подготовке.

Несмотря на эти недостатки, названные армии включились в боевые действия и вопреки ожиданиям имели успех. При этом следует учитывать, что во время их ввода в бой немецкие войска как с точки зрения вооружения, так и в психологическом и физическом отношении были на пределе своих сил и было достаточно только появления новых соединений противника, чтобы фронт дрогнул.

Своевременное создание стратегических резервов, которому советское командование придавало большое значение, позволило Красной Армии перейти в контрнаступление, в то время как, по расчетам немецкой стороны, она была на пределе своих возможностей.

Все имеющиеся под Москвой советские войска, которые перешли в контрнаступление, насчитывали, несмотря на большие потери, понесенные в оборонительных боях, около 1 060 300 человек{287}, около 8000 орудий и минометов, 720 танков, 1370 самолетов. Эти войска, усиленные в течение декабря за счет 39-й и 61-й армий и имевшие у себя в тылу еще две армии Московской зоны обороны, насчитывали 84 мотострелковые или стрелковые дивизии, 3 танковые и 23 кавалерийские дивизии, 21 стрелковую и 23 танковые бригады, 11 отдельных стрелковых, кавалерийских или мотоциклетных полков, 11 лыжных батальонов, 42 артиллерийских и 26 противотанковых полков, 49 саперных батальонов и большое число вспомогательных отдельных частей и подразделений. Они составляли 41 % всех Советских Вооруженных Сил, имели 33% всех орудий и минометов, 40% танков и значительную часть русских военно-воздушных сил{288}.

2. Промахи немецкой разведки

Возникает вопрос: каким образом передвижение и сосредоточение русских соединений остались незамеченными немецкой разведкой? Историки, анализирующие эти обстоятельства сегодня, считают, что донесения воздушной разведки и войск на поле боя давали правильную картину о положении противника. Уже 19 ноября командование группы армий "Центр" в обобщенной оценке противника констатировало, что, по донесениям агентов, возможно выдвижение новых сил на участки фронта севернее Москвы. 21 ноября отмечались новые формирования в районе Тамбова. 26 ноября воздушная разведка отмечала усиление железнодорожного движения между Тамбовом и Раненбургом и дополнительно сообщала, что "нельзя уточнить, идет ли речь о переброске новых сил или об эвакуации". В тот же день было отмечено "крупное сосредоточение колонн противника в районах Озеры и севернее Каширы. 27 ноября летчики наблюдали днем и ночью усиленное двустороннее движение на участке Рязань, Коломна"{289}.

Были сделаны правильные выводы о том, что, возможно, эти передвижения свидетельствуют о выдвижении новых сил против фланга 2-й танковой армии. На следующий день наблюдались усиленные железнодорожные перевозки и выгрузка войск в районе Рязани. Одновременно было отмечено очевидное сосредоточение новых сил севернее Москвы. "Перед центральным участком фронта группы армий средствами ночной разведки были отмечены значительные передвижения автомобильных колонн по дорогам Владимир - Ногинск и Переяславль - Загорск в направлении Москвы, а также сосредоточение автомашин в Загорске{290}. По всей вероятности, противник подтягивает войска в район Загорск, Москва, а также через Москву. В районе Дмитрова, западнее Клязьминского водохранилища, отмечается сосредоточение автомашин, деревни переполнены войсками".

Данные, полученные разведкой 29 ноября, подтвердили донесения предыдущих дней и заставили предположить, что противник стягивает войска также и перед фронтом 2-й армии{291}. 2 декабря поступило донесение, что перед фронтом 3-й танковой группы в лесах сосредоточены крупные силы механизированных войск и кавалерии. 3 декабря вследствие сильного снегопада вести воздушную разведку было невозможно. Результаты разведки последующих дней подтвердили, что в направлении Рязани и севернее Москвы сосредоточиваются новые силы. 5 декабря наблюдатели обнаружили, что под Рязанью и северо-западнее города сосредоточено 2000 вагонов и 20 паровозов, в Рязске - 500 вагонов и 10 паровозов и в Данкоове - 400 вагонов и 5 паровозов. Повсюду разгружались войска.

Несмотря на тревожный характер этих сообщений, им давалась неправильная оценка. Немецкая разведка находилась в плену неверных представлений, что русские не могут больше сформировать значительные новые войсковые объединения. Почти во всех приведенных донесениях указывалось на то, что все эти сосредоточения войск - следствие переброски сил, "высвобожденных со спокойных участков фронта и предназначенных для контрударов в целях выравнивания линии фронта".

Еще 4 декабря командование группы армий сделало следующий вывод из донесений разведки: "В остальном боевые возможности противника не столь велики, чтобы он мог этими силами, находящимися перед фронтом группы армий, начать в настоящее время большое контрнаступление".

Так как немецкое командование не хотело согласиться с тем, что СССР был в состоянии перебросить на фронт крупные резервы, оно закрывало глаза на реальные факты, хотя

удары Красной Армии под Ростовом и Тихвином должны были бы явиться предостережением. Сигналом опасности должно было послужить и усилившееся сопротивление войск противника западнее Москвы, его участвовавшие контратаки. Немецкое командование было уверено и надеялось и дальше на ослабление русской армии. Недооценка возможностей противника должна была еще сыграть свою фатальную роль.

3. Ход боевых действий

Оперативный кризис группы армий "Центр". Момент для проведения контрнаступления был выбран русскими очень удачно {292}. Армии и танковые группы, входившие в состав группы армий "Центр", только что прекратили свои наступательные действия и не успели еще занять позиции для обороны. Растянутые коммуникации, по которым шло снабжение немецких войск, были легкоуязвимы и могли быть сравнительно быстро перерезаны. Кроме того, Бок не располагал больше резервами и его группа армий занимала невыгодный для обороны рубеж, сильно выдвинувшись вперед перед соседними группами армий и обнажив тем самым свои фланги. Помимо всего прочего, немецкие соединения не были оснащены для ведения боевых действий в зимних условиях и не были подготовлены к контрнаступлению русских морально. То, что немецкое командование было застигнуто врасплох, свидетельствует о хорошо удавшемся развертывании русскими своих сил и о правильно выбранном моменте контрнаступления {293}.

5 декабря войска 29-й и 31-й армий Калининского фронта начали скользящие удары по обе стороны от Калинина и осуществили глубокие прорывы на участке фронта 9-й армии, командование которой, сильно обеспокоенное этими действиями противника, перенесло центр тяжести своей обороны на восточное направление и потребовало от войск решительных мер для отпора противнику. В тот же день 1-я ударная армия предприняла наступательные операции против 3-й танковой группы в районе Яхромы. 6 декабря ее удары усилились и также привели к таким прорывам, что генерал Рейнгардт был вынужден оттянуть свои войска. Однако русским соединениям, перешедшим 6 декабря в наступление силами ударной группировки всего северного фланга, не сразу удалось осуществить желаемый прорыв, несмотря на то что 8-я танковая бригада Ротмистрова уже 7 декабря вырвалась вперед до района западнее Ямуги, создав угрозу с тыла Клину и одновременно всей 3-й танковой группе, войска которой днем вели сдерживающие бои, а ночью отходили. 7 декабря командование 3-й танковой группы признало, что ее войска "больше небоеспособны. Блокировать прорывы противника или наносить контрудары они не в состоянии".

Но положение усугублялось еще и тем, что в тыловых службах, отходивших через Клин (единственный крупный узел сообщений), при появлении противника западнее города немедленно распространились панические слухи, под влиянием которых отход превратился в настоящее бегство. Русским 30-й и 31-й армиям удалось по обе стороны Волжского водохранилища вклинуться на стыке между 9-й армией и 3-й танковой группой, нарушив между ними связь, которую, несмотря на переброску подкреплений, восстановить не удалось. Это грозило тем, что 4-я танковая группа, которая в этот день пока еще могла удерживать свои позиции, будет вынуждена в связи с отходом своего соседа на севере также отступить в западном направлении. Грейфенберг обратил внимание командования 4-й танковой группы на опасность оперативного прорыва на северном фланге 36-й мотопехотной дивизии и дал указание "ценой оголения фронта выделить некоторое количество сил... даже если это будет последний велосипед".

Шарль де Болье ответил ему, что это исключено, но в конце концов все же был отправлен один усиленный батальон. 7 декабря Гитлер дал разрешение на отход 4-й и 3-й танковых групп {294}, в зависимости от обстановки, на отсечную позицию {295}. В целях обеспечения согласованности отхода обеих танковых групп Гёпнер предложил Боку передать 3-ю танковую группу в его непосредственное подчинение, и Бок 8 декабря согласился с этим. Однако кризис на участке фронта 3-й танковой группы и 9-й армии юго-восточнее Калинина продолжал обостряться. Хотя все силы, стянутые из войск связи, снабжения, из личного состава штабов, были брошены на оборону Клина, русская 30-я армия сумела пробиться через Спас-Заулок до района западнее Клина и 10 декабря достигла Некразино. Это поставило под угрозу пути отхода из Клина и явилось причиной прорыва линии обороны 3-й танковой группы противником, силы которого пока были невелики, но постоянно возрастали. 10 декабря 30-я армия создала ударную группу в

составе 82-й кавалерийской и 107-й стрелковой дивизий, одного стрелкового полка, одного танкового батальона и двух лыжных батальонов. Эта группа должна была наступать через Ямугу в направлении на Теряеву Слободу. Так как Рейнгардт понял, что Клин долго удержать нельзя, он предложил немедленно отойти через Клин в западном направлении{296}. В журнале боевых действий 3-й танковой группы 12 декабря 1941 года отмечалось: "Теперь важно не удержать территорию, а занять выгодную позицию, которая, несмотря на недостаток сил, позволила бы нам до середины января отражать возможные атаки противника".

Приемлемым рубежом для этого Рейнгардт считал рубеж от северной окраины Истринского водохранилища, река Истра, Теряево, Большая Сестра, река Лама до западной оконечности Волжского водохранилища. Но отход 3-й танковой группы осуществить организованно было трудно, так как единственная предназначенная для отхода всей танковой группы и 5-го армейского корпуса, а также для подвоза снабжения войскам на передовой шоссе-ная дорога от Клина на Теряево была очень перегружена. Кроме того, русская авиация, действовавшая очень активно на этом участке фронта, непрерывно бомбила транспортные колонны.

На первом этапе контрнаступления советская авиация сосредоточивала свои удары главным образом на правом фланге Западного фронта, особенно в районе Клина. Только в период с 6 по 11 декабря в районе Клин, Рогачево было совершено 700 самолетов-вылетов{297}. Положение осложнялось еще тем, что ударной группе 30-й армии постоянно удавалось, несмотря на контратаки немецких войск, перекрывать шоссе-ную дорогу. Следствием этого явились значительные потери. 6-я танковая дивизия насчитывала 13 декабря всего лишь 2350 человек, были потеряны все танки. Штаб 7-й танковой дивизии тремя днями позже сообщил о том, что в дивизии осталось только 200 человек. В 6-й танковой дивизии боевой состав сократился за эти дни до 180 человек. В 14-й моторизованной пехотной дивизии осталось всего два батальона. Непрерывные бои до предела измотали немецких солдат физически и психологически, что способствовало успехам русских войск, хотя они были плохо обучены и вооружены.

Командование 3-й танковой группы сообщило 9 декабря, что русские силы настолько слабы и незначительны, при наличии пополнений их можно было бы "сдуть", но наши соединения сильно потрепаны и переутомлены. В журнале боевых действий 3-й танковой группы 14 декабря имеется следующая запись: "Вокруг то и дело можно видеть поодиночке двигающихся солдат, кто пешком, кто на санях, кто с коровой на веревке... Вид у людей безразличный, безучастный... О том, чтобы как-то защититься от непрерывных налетов русской авиации, почти никто и не думает. Убитые в результате прямых попаданий бомб солдаты так и остаются лежать, никем не замеченные... Трудно сказать, когда теперь снова восстановится линия фронта. Если даже такие отличные соединения, как 1-я и 7-я танковые дивизии, находятся теперь под угрозой почти полного уничтожения, то это является достаточным мерилем того, насколько велико перенапряжение боевых сил наших войск".

В связи с переходом 3-й танковой группы в подчинение 4-й танковой группы отношения между руководством обеих групп стали еще более натянутыми. Так, 19 декабря Гёпнер жаловался Клюге на недостаточный контакт с командованием 3-й танковой группы. "К сожалению,- отмечал Гёпнер,- оценку обстановки и отношение к представлению донесений 3-й танковой группы нельзя назвать безупречными. Тон донесений и отчетов бывает подчас недружеским. Налаживать сотрудничество весьма непросто... Командование 3-й танковой группы судит обо всем только со своей точки зрения, шлет донесения в различные инстанции... Оно постоянно считает свои силы слишком слабыми, поддержка соседей у нас, как правило, отсутствует..."

Подобным же образом выражало свое недовольство командование 3-й танковой группы в адрес командования 4-й танковой группы. Когда Гёпнер при прорыве русских на участке фронта 5-го армейского корпуса отдал 3-й танковой группе приказ немедленно выделить 2-ю танковую дивизию в помощь этому корпусу, Рейнгардт отказался выполнить приказ. Он бросил Гёпнеру упрек в неверной оценке обстановки, на что Гёпнер возразил, что оценивать обстановку может только он, а командующий 3-й танковой группой делать этого не в состоянии, так как у него нет полного представления о сложившейся обстановке. Если Рейнгардт торопил с оттягиванием своих соединений, чтобы на соответствующем рубеже снова занять оборону, то Гёпнер настаивал на медленном, "по

возможности организованном отходе своих войск, тем более что они могли пока сравнительно хорошо противостоять натиску противника".

Только в тот момент, когда русская 20-я армия прорвала оборону 5-го армейского корпуса севернее Истринского водохранилища, а соединениям 5-й армии удалось на южном фланге 4-й танковой группы глубоко вклиниться в ее оборону в районе Рузы, 16-я армия русских овладела городом Истра.

Гёпнер считал необходимым во избежание угрозы окружения быстрее, чем планировалось, оттянуть свои соединения и укрепиться на рубеже рек Руза, Лама. Несмотря на то что командование группы армий все время пыталось вмешаться в управление боевыми действиями танковых групп и настаивало на медленном, постепенном их отходе, Рейнгардт и Гёпнер к 20 декабря оттянули свои соединения на рубеж рек Руза и Лама, задержав здесь на какое-то время наступающего противника. Чтобы не была нарушена связь между 4-й и 9-й армиями в результате отхода 3-й и 4-й танковых групп, Бок пытался закрепить войска Гёпнера на рубеже озера Нарски, южная оконечность Волжского водохранилища. Но Гёпнер, полагая, что он уже находится под угрозой обхода противником, возражал Боку и потребовал разрешения продолжать отвод своих войск.

Боевой состав 3-й группы армий во время боев при отходе так сократился, что на 19 декабря в 56-м танковом корпусе насчитывалось только 900, а в 41-м армейском корпусе только 1821 человек. Что касается артиллерии, то во всей танковой группе имелось всего только 63 легкие и 21 тяжелая полевые гаубицы и одна 100-мм пушка. Для борьбы с танками 56-й танковый корпус располагал всего 12 противотанковыми пушками. Танковый парк всех четырех танковых дивизий сократился до 34 танков, готовых к использованию. 18 декабря командование 4-й танковой группы констатировало, что ее соединения располагают всего лишь 25 - 30% первоначального вооружения и боевой техники и что все резервы истощены. Таким образом, несмотря на различного рода трудности, русским соединениям на северном фланге Западного фронта удалось отбросить немецкие танковые группы севернее советской столицы до 100 км на запад, нанести им очень большие потери и снять угрозу, нависшую над русской столицей на севере.

На участке 9-й армии, непрерывно подвергавшейся с 5 декабря ударам соединений Калининского фронта, 27-й армейский корпус, оборонявшийся юго-восточнее Калинина, был вынужден отойти под натиском русской 31-й армии. Высказанное 10 декабря генерал-полковником Адольфом Штраусом мнение о том, что линия фронта юго-восточнее Калинина, где бои уже "перешагнули кульминационный пункт", может быть удержана, уже на следующий день оказалось несостоятельным. И хотя 9 и 10 декабря на Калининском фронте действительно наступила короткая передышка, необходимая для приведения в порядок соединений и подтягивания резервов, однако 11 декабря русские 29-я и 31-я армии снова начали наступление с целью овладеть городом Калинин. Советское командование было недовольно результатами наступления Калининского фронта и торопило Конева с захватом Калинина. Несмотря на принятые командованием 9-й армии интенсивные контрмеры, все же силы были недостаточны для того, чтобы отбросить противника, соединения которого, разгромив 162-ю пехотную дивизию, продвинулись далеко на запад и уже поставили под угрозу пути отхода из Калинина. 15 декабря штаб 9-й армии сообщал о состоянии 162-й пехотной дивизии следующее: "...осталось лишь небольшое количество людей, остальные захвачены противником в плен, ранены, убиты".

Чтобы предупредить опасность окружения соединений в Калинин, необходимо было 14 декабря принять решение об их эвакуации из города, что и было осуществлено 15 и 16 декабря. Правый фланг 9-й армии надлежало оттянуть с таким расчетом, чтобы он мог через Старицу установить связь с 3-й и 4-й танковыми группами на рубеже рек Руза и Лама. К 18 декабря сильно потрепанные соединения 9-й армии создали новый рубеж обороны и тем самым сумели задержать продвижение противника. Однако соединениям генерал-полковника Штрауса до этого момента пришлось понести тяжелые потери. Из его 12 дивизий одна была разбита и пять сильно потрепаны, четыре дивизии считались еще в хорошем состоянии и две в нормальном. Главная цель, которую противник преследовал на этом участке фронта - окружить и уничтожить главные силы 9-й армии, - не была достигнута, так как ей все же удалось отойти в сравнительно организованном порядке.

Красная Армия, предпринявшая также 6 декабря наступление соединениями своего южного фланга, добилась на этом участке фронта сначала больших успехов, чем в районе севернее Москвы. Соединения 10-й армии, брошенные буквально из вагонов в бой{298}, во взаимодействии с оперативной группой Белова атаковали незащищенный восточный фланг танковой армии Гудериана и уже 7 декабря овладели Михайловом, вызвав панику в немецких войсках. 2-я танковая армия, атакованная с трех сторон, во избежание окружения была вынуждена, обогнув Тулу, отойти в западном направлении. В тяжелой обстановке в полосе действий 10-й мотопехотной дивизии, которая под ударами 330-й стрелковой дивизии в районе Михайлова вынуждена была отойти, бросив свое тяжелое оружие, Гудериан отдал 9 декабря следующий приказ: "Мои боевые товарищи! Чем сильнее угрожают вам войска противника и зимние морозы, тем крепче вы должны сплотить свои ряды. Сохраняйте по-прежнему железную дисциплину. Каждый должен оставаться в своем подразделении, и каждому надлежит как можно лучше использовать свои машины и оружие, обеспечивая тщательный уход за ними. В единстве нашей воли и наших действий кроется залог успеха".

Натиску наступающей с севера группы генерала Белова, овладевшей 11 декабря Сталиногорском{299}, и 10-й армии, уже пробившейся к 10 декабря на широком фронте к Дону, не могли противостоять ослабленные соединения Гудериана{300}.

Форсировать Дон немедленно соединения Голикова не могли, так как они должны были изменить главное направление наступления, чтобы пропустить действующие более успешно войска генерала Белова в западном направлении. Форсировать Дон 10-я армия с тяжелыми, кровопролитными боями сумела только 14 декабря 1941 года{301}. Из-за медленного продвижения 10-й армии русским не удалось окружить войска Гудериана.

Командование Западного фронта было весьма недовольно 10-й армией и ежедневно требовало от нее более быстрых и энергичных наступательных действий. Оно надеялось, что 10-я армия без особых боев сможет вести преследование поспешно отступающей 2-й танковой армии, однако в действительности оказалось, что Голиков, не имея поддержки с воздуха и не располагая танками, был вынужден своими малоопытными соединениями вступить в схватку с испытанными в боях войсками Гудериана. 13 декабря, когда Соколовский упрекнул Голикова в том, что из-за его медленного продвижения срывается весь план операций Западного фронта, и высказал свое недовольство по поводу его пассивности и систематического невыполнения приказов, Голиков обратился непосредственно к Сталину. Он изложил свои трудности, которые состояли в том, что у него не было ни тыловых служб, ни продовольствия, что оружия и боеприпасов едва хватало, что средства связи почти полностью отсутствовали и что он располагал лишь недостаточно обученным командным составом и еще хуже подготовленным штабом. Только после этого ему была оказана помощь{302}.

Решающим моментом для дальнейшего хода операций явилось то, что русским удалось совершить небольшой прорыв в полосе обороны 43-го армейского корпуса в районе севернее Тулы. Командир этого корпуса генерал пехоты Готтхард Хейнрици с 6 декабря неоднократно информировал об опасной обстановке в полосе действий корпуса. При ширине фронта 70 км и значительно ослабленном боевом составе соединений было невозможно что-либо противопоставить удару противника между Тулой и Алексинском{303}. Когда соединения 50-й армии 8 декабря перешли в наступление в полосе обороны корпуса, то вскоре немецкая оборона была прорвана на стыке между 31-й и 296-й пехотными дивизиями. Гудериан тотчас же распознал, какая опасность возникла на этом участке, и попросил подтянуть сюда часть сил 4-й армии, которая до этих пор находилась на относительно спокойном участке фронта{304}. Попытки ввести в бой для ликвидации прорыва пехотный полк "Великая Германия" окончились неудачей. 50-я армия, поняв свои преимущества, стала немедленно наносить удары из Тулы по 296-й пехотной дивизии, 24-му танковому корпусу с целью сковать эти силы и воспрепятствовать их соединению с отошедшей на северо-запад 31-й дивизией. Осуществившие прорыв 258-я и 290-я стрелковые дивизии продолжали стремительно двигаться в западном направлении на Дубну и Воскресенское, чтобы нанести удар по тыловым коммуникациям 2-й танковой армии.

10 декабря разрыв в позициях обороняющихся немецких войск составил 20 км. Попытки Бока высвободить из 4-й армии какое-то количество сил для нанесения контрудара в целях ликвидации этого прорыва остались так же безуспешными, как и намерения Гудериана сделать это частью сил 3-й и 4-й танковых дивизий. Из-за больших снежных

заносов движение по дорогам было сильно затруднено, а в стороне от дорог продвижение немецких танковых соединений было невозможно. Между командующим группой армий "Центр" и Гудерианом происходили ежедневные споры по вопросу, какие силы можно использовать для ликвидации этого прорыва, а также прорыва в районе Ливны. В связи с этим Бок становился все более раздражительным, он упрекал Гудериана в отсутствии доброй воли. Гудериан старался втолковать ему, что армия подвергается атакам противника на всем фронте и поэтому не может высвободить никаких сил, что вследствие потерь при отходе у нее осталось всего около 40 танков. Гудериан потребовал от командования группы армий подтянуть к нему резервы.

Но командование группы армий не имело больше никаких резервов. 12 декабря Бок отдал распоряжение о немедленном запрещении отпусков во всех своих соединениях. Из тылового района группы армий "Центр" он вопреки протестам начальника тылового района перебросил на фронт 1-ю бригаду СС, 221-ю охранную дивизию и два полицейских батальона.

Начальник тылового района группы армий в письме, адресованном ОКХ, со всей серьезностью отмечал, что в результате переброски из тылового района на фронт большого количества охранных соединений стало невозможно обеспечивать охрану сооружений и шоссе дорог и вести борьбу с партизанами. 221-я охранная дивизия и 1-я бригада СС были переброшены в полосу действий 2-й армии, полицейские батальоны были использованы для ликвидации прорыва в районе Лихвина.

Части этих охранных дивизий и полицейские батальоны должны были по обе стороны от Лихвина вдоль Оки оборудовать новый рубеж обороны для того, чтобы задержать дальнейшее продвижение русских соединений в западном направлении, но их главные силы уже повернули на север.

Командование 2-й армии, еще 5 декабря рассчитывавшее относительно спокойно укрепиться на зимней позиции (перед этой позицией создавалась на глубину 15 - 20 км "зона пустыни", в пределах которой предполагалось сжечь и разрушить все дома; речь шла даже об уничтожении Ельца с его 50 тыс. жителей), 7 декабря сообщило командованию группы армий о грозящей войскам серьезной опасности и просило срочно перебросить подкрепления. 7 декабря, когда русские соединения оперативной группы Костенко предприняли наступательные операции против 2-й армии, там начал вырисовываться самый тяжелый на всем участке фронта кризис, который удалось преодолеть только в конце месяца.

6 декабря русская разведка захватила офицера квартирмейстерского отдела штаба 95-й пехотной дивизии, имевшего при себе различного рода документы. Штаб Костенко, узнавший из этих документов диспозицию и намерения 95-й пехотной дивизии, сумел выгодно использовать полученные сведения для организации наступления своих соединений. Оперативная группа немедленно нанесла удар по 95-й пехотной дивизии и уже 7 декабря отбросила ее и 45-ю пехотную дивизию в северном направлении, а кавалерийскими и танковыми соединениями двинулась в направлении Ливны, чтобы рассеять силы 2-й армии. 9 декабря оборона была прорвана и русские передовые отряды подошли к Ливнам. Попытка 2-й армии контрударами по флангам русских соединений отрезать их передовые части не увенчалась успехом. Создалась угроза глубокого оперативного прорыва Красной Армии на курском и орловском направлениях и связанная с этим опасность нарушения всех важнейших коммуникаций и путей отхода 2-й танковой армии.

Командование 2-й армии в своем донесении указывало, что, если противнику удастся перерезать железную дорогу Орел - Курск, будет поставлено под угрозу снабжение значительной части сил на Восточном фронте, а это может привести к полному развалу армии.

10 декабря интенсивные наступательные действия стала развивать также русская 13-я армия, отбросившая 35-й армейский корпус в западном направлении. Генерал танковых войск Рудольф Шмидт обратился в этот день к командованию группы армий с просьбой немедленно предоставить ему не менее четырех дивизий, так как в противном случае он не сможет силами своих семи, а фактически четырех дивизий удерживать линию фронта в 300 км. Но резервов не было, тем более что почти на всех участках фронта группы армий наблюдалась такая же картина.

Поэтому как единственный выход из положения было решено выделить в распоряжение 2-й армии два усиленных полка двух пехотных дивизий группы армий "Юг", на прибытие которых в Курск можно было, однако, рассчитывать не ранее 13 и 14 декабря. Но и эти силы были лишь каплей в море и совершенно недостаточными для ликвидации прорыва.

Все предпринимаемые с 10 декабря попытки установить связь с 34-м армейским корпусом, попавшим в окружение в результате внезапного удара группы Костенко, также оставались безуспешными. Таким образом, на участке фронта 2-й армии сложилась чрезвычайно опасная обстановка. В районе Ливны противник осуществил прорыв на фронте 30 км, ликвидировать который было невозможно в связи с недостатком сил. В окружение попали и были разгромлены армейский корпус (две дивизии) и одна дивизия другого корпуса {305}.

Уже 11 декабря командование 2-й армии констатировало, что на боеспособность 45-й и 134-й пехотных дивизий едва ли можно рассчитывать и что 95-я пехотная дивизия почти полностью разгромлена. 21 декабря ОКХ отдало приказ расформировать 34-й армейский корпус.

Моральный дух солдат настолько упал, что командующий 2-й армией генерал танковых войск Шмидт был вынужден отдать приказ выявить лиц, ведущих пораженческие разговоры, и для примера другим расстрелять. Положение на всем южном участке фронта группы армий "Центр" за одну неделю настолько обострилось, что Боку пришлось сосредоточить управление всеми войсками между Тулой и Тимом в одних руках. По просьбе Гудериана он 12 декабря передал 2-ю армию в подчинение 2-й танковой армии и объединил эти силы в танковую группу Гудериана, поставив перед ней задачу остановить вклинившиеся соединения противника по крайней мере на общем рубеже район восточнее Курска, Новошил, Алексин. Но немецкие войска были уже настолько ослаблены, что не могли задержать продвигающегося вперед противника. Гудериан объяснял слабость своих соединений их малочисленностью и, главным образом, плохим моральным и физическим состоянием солдат: "У нас остались, собственно, только еще вооруженные шайки, которые медленно бредут назад".

Выслушав сообщение Бока о тяжелом положении на фронте, Гальдер все еще сомневался в том, что противник сможет использовать свои успехи. На это Бок возразил ему:

"Да, он сделает это. При появлении русского танка наши солдаты бегут без оглядки".

Страх немецких войск перед русскими танками объяснялся тем, что русская броня была неуязвима для обычного противотанкового оружия. Эффективная кумулятивная граната, так называемая "красноголовочная граната", не применялась, так как Гитлер опасался, что она попадет в руки противника и тот возьмет ее на вооружение и будет использовать против немецких танков. Однако 12 декабря Гитлер наконец разрешил пользоваться "красноголовочными гранатами". Затем он добавил, что появилась танкобоязнь и что положение "настолько серьезно, насколько можно себе представить". Только теперь Гальдер тоже, кажется, осознал всю меру опасности и сделал вывод, что в войсках сложилось критическое положение. Командир 8-го авиационного корпуса генерал Рихтгофен также пытался вразумить верховное немецкое командование. В беседе с начальником штаба военно-воздушных сил генералом Ешоннеком он сказал, что решается вопрос: быть или не быть? Ешоннек заявил, что никто так ясно не отдает себе в этом отчета, как он.

В связи с тем что группа армий "Центр" на обоих своих флангах испытывала чрезвычайно большие трудности и не имела возможности их преодолеть без переброски к ней должного количества резервов, становилась совершенно необходимой непосредственная помощь со стороны главного командования сухопутных сил.

Кризис немецкого оперативного руководства и кризис доверия. 7 декабря, когда началось русское контрнаступление и обстановка резко изменилась, командующий группой армий "Центр" должен был признать, что руководство операциями в последние недели было неправильным. Беспощадный натиск, который испытывали его соединения, можно было пассивно выдерживать только до тех пор, пока верховное командование пребывало в уверенности, что противник уже из последних сил борется за свое существование. Но это оказалось заблуждением, и группа армий была вынуждена в тяжелых условиях перейти к обороне. Наступивший, таким образом, тяжелый кризис

Бок объяснял следующими причинами: осенней распутицей, парализовавшей снабжение и не позволившей использовать успех под Вязьмой, плохой работой железных дорог и, наконец, недооценкой силы сопротивления противника и его людских и материально-технических резервов. При этом следует сказать, что сам он в немалой степени способствовал неправильной оценке сил противника и что его требование продолжать наступление в середине ноября, несмотря на трудности железнодорожных перебросок, о которых он был информирован, сыграло роковую роль в том, что его соединения оказались в таком тяжелом положении. "Указания о задачах армии на Восточном фронте в период зимы 1941/42 года", исходными моментами для которых были удержание оккупированной территории на возможно более выгодном оборонительном рубеже, обеспечивающем минимальную потерю сил, и пополнение соединений зимой 1941/42 года, не соответствовали больше сложившейся обстановке. Несмотря на неоднократные напоминания командования группы армий, своевременная подготовка тыловых позиций не была обеспечена. Когда 8 декабря Гитлер отдал приказ о немедленном прекращении всех крупных наступательных операций и о переходе к обороне, то предпосылок, которых он требовал для осуществления отхода войск, просто-напросто не было. Он позволял производить отход соединений только в том случае, если "заблаговременно будет подготовлена тыловая позиция... которая обеспечит людям для жизни и обороны лучшие условия, чем прежние позиции".

Но соединения группы армий "Центр", вынужденные сразу от наступления перейти к обороне, за исключением 9-й и 4-й армий, не имели в районе боевых действий оборудованных позиций и не могли высвободить с передовой необходимые силы для создания укрепленных рубежей в тылу. Тем не менее 9 декабря Бок отдал приказ об оборудовании тыловой позиции на рубеже Курск, Орел, Медынь, Гжатск, Ржев, Волжское водохранилище с таким расчетом, чтобы она была по возможности прямой и позволила бы сэкономить силы. Выдвижение 3-й и 4-й танковых групп на отсечную позицию по обе стороны сильного естественного рубежа в районе Волоколамска, как того требовал еще 8 декабря Гальдер, по его мнению, было при такой погоде неосуществимо без больших потерь в технике, тем более что эта позиция не могла быть подготовлена из-за недостатка сил как в тылу, так и на передовой. Таким образом, войска оказались перед дилеммой, которая со временем становилась все более очевидной: чтобы избежать ударов противника, они должны были отойти на более короткую отсечную позицию, но вместе с тем ввиду снежных заносов и недостатка горючего и тягачей для тяжелого оружия их ожидала потеря большей части тяжелой техники, без которой на новом рубеже они были бы слабее, чем прежде. Об этой ситуации Бок детально информировал главнокомандование сухопутных сил: "Если при учете сложившейся обстановки все же будет принято решение о необходимости отхода моих соединений в крупном масштабе, то это будет стоить большого количества оружия и материально-технических средств. Какие бы меры я ни принимал, эти потери будут неизбежны, а это граничит с поражением. Если же мне будет приказано оставаться на передовых без резервов, то я должен буду донести, что не в состоянии выдержать сильного наступательного натиска противника".

Несмотря на это, ни ОКХ, ни Гитлер не осознали всей опасности положения, в котором оказалась группа армий "Центр". И хотя Гальдер по телефону неоднократно уверял, что ему знакомы тревоги о крушении групп армий еще со времен 1918 года и что ОКХ подготовило соответствующий документ для того, чтобы фюрер имел ясное представление обо всем, Бок во всех своих донесениях не переставал повторять об угрожающей ему опасности. Гальдер недвусмысленно высказался о "важных решениях", которые заключались в отходе группы армий "Центр" на рубеж Руза, Осташков. Даже этот рубеж находился еще слишком далеко на Востоке. Бок отмечал, что речь шла не о том, чтобы избежать личной ответственности. "Если потребуют интересы Германской империи, я готов подставить себя под любые удары. Опасность непомерно велика, если мне не выделят резервы. Это должно быть ясно всем и каждому".

Просьба о резервах была отклонена главнокомандованием сухопутных сил со ссылкой на то, что фюрер запретил подтягивать дивизии в полном составе. Кроме того, прибытие их раньше середины января невозможно ввиду затруднений с транспортом. Рассчитывать можно единственно на маршевые батальоны и на батальоны выздоравливающих. Таким образом, немецкое руководство все еще считало, что контр наступательные действия русских могли представлять опасность лишь в местном масштабе и что поэтому серьезных причин для беспокойства не существует.

Между тем немецкие солдаты видели, что на фронте перед ними постоянно появляются все новые русские соединения, а их собственные поредевшие соединения совершенно не получают пополнения. Как следствие, доверие немецких солдат к военному руководству было подорвано.

После начала русского контрнаступления командующие армиями уже совершенно открыто говорили о кризисе доверия, вызванном тем, что решения руководства оставались непонятыми, что личный состав соединений чувствовал себя покинутым и брошенным, принося бессмысленные жертвы. Донесение Гудериана от 9 декабря о том, что среди солдат и младших чинов возник серьезный кризис доверия, было лишь одним из примеров подобного рода высказываний, имевших место в других армиях и танковых группах. Грейфенберг говорил о напряженных отношениях с командующими другими армиями. Ключе так же, как и Гудериан, требовал немедленного объяснения с Браухичем и грозил, если никто сейчас не придет из главнокомандования сухопутных сил, послать телеграмму Гитлеру.

Гальдер, которому Бок сообщил об этом донесении Гудериана от 9 декабря, воспринял его без трагичности, да к тому же еще нарисовал оптимистическую картину обстановки. Говоря о наступающих русских соединениях, он полагал, что это только тыловые части, оставленные, по-видимому, противником в тылу до весны для пополнения, и создаваемые заново формирования, которые противник должен теперь же бросить в бой, чтобы продержаться. "Я полагаю,- указывал Гальдер,- что контратаки продолжатся еще до середины или до конца этого месяца, а потом станет поспокойнее".

На лаконичное замечание Бока, что "потом нашей армии будет капут", Гальдер заявил так, как бы это мог сделать Гитлер: "Немецкому солдату не будет капут". С иллюзиями подобного рода трудно было что-либо изменить в обстановке. Хотя Гальдер на повторный запрос Бока об отправке резервов ответил, что ничего больше нет, Гитлер на следующий день решил все же оттянуть две-три дивизии с Запада. Но так как переброска этих соединений должна была начаться только 16 декабря и продолжаться не менее четырех недель, то группа армий "Центр" могла рассчитывать на получение подкреплений не раньше середины января. О немедленной помощи, которая была так необходима, не могло быть и речи. Гальдер со смиренным видом констатировал, что в данный момент он тоже ничем не может помочь.

Вопросы о переброске дивизий с Запада или формировании соединений из армии резерва находились в компетенции Гитлера. Однако он не собирался из-за трудностей на фронте, в которых фюрер целиком винил главнокомандование сухопутных сил, нарушать свои планы на 1942 год, перебрасывая эти соединения на Восточный фронт. 19 декабря, приняв на себя командование сухопутными войсками, он упрекнул Гальдера в том, что сухопутная армия действовала схематично и двумя своими ошибками сама вызвала кризис. Первая заключалась в том, что в войска "была брошена мысль о "тыловой позиции", хотя такой позиции вовсе не существовало. Это привело к отходу войск. Вторая состояла в том, что армия была недостаточно подготовлена к морозам. Но этот упрек нужно было в первую очередь отнести к самому Гитлеру, который отвергал любой намек на возможную в зимних условиях войну.

Пообещав в середине декабря подтянуть на Восток некоторое количество сил, Гитлер, по-видимому, решил, что этого достаточно и что запросы о предоставлении резервов он вполне удовлетворил.

Но положение продолжало ухудшаться. В связи с недостатком русских паровозов и выходом из строя немецких 10 декабря на нескольких участках фронта возник продовольственный кризис. В донесении о положении на железных дорогах на участке фронта группы армий "Центр" сообщалось, что при температуре ниже -15° железные дороги могут обеспечить снабжение войск только на 50%, а во время снежных заносов не исключена возможность полного прекращения движения поездов. Но так как соединения не были снабжены необходимыми запасами продовольствия, то выход из строя каждого железнодорожного состава отражался на боевой готовности войск. Это положение усугублялось еще большой потерей автомашин при отходе соединений и образованием обледенелостей и заторов на дорогах.

По мере того как русские успешно наносили удары, вклиниваясь в оборону и тесня немецкие соединения, беспокойство среди немецкого командного состава стало усиливаться{306}. Для того чтобы поднять настроение в войсках, главнокомандующий

сухопутными силами 10 декабря послал телеграмму, в которой сообщил, что ему, а также верховному главнокомандующему хорошо известно о тяжелой обстановке на фронте, что принимаются все необходимые меры для улучшения положения и что он по-прежнему верит в немецкого солдата и в его волю к победе. В связи с усилившимися разногласиями с командованием группы армий "Центр" и угрозами Гудериана и Клюге немедленно поехать к Гитлеру или же телеграфировать ему, если главнокомандующий сухопутными силами не появится сам на фронте, Браухич был вынужден 13 декабря вылететь в Смоленск.

Бок сообщил ему, что его войска находятся на пределе возможностей и он не может больше делать какие-либо предложения в отношении дальнейшего руководства операциями, так как вопрос, который надлежит сейчас решить, выходит за рамки военной сферы. Касаясь вопроса о том, должна ли группа армий пробиваться дальше вперед или же ей следует отходить, он заметил, что в первом случае ей грозит разгром, а во втором ей не обойтись без значительных потерь, особенно в технике. Сам Бок настаивал на том, чтобы отвести войска, и рекомендовал немедленно отдать соответствующий приказ, чтобы соединения могли лучше подготовиться. Одновременно Бок попросил, чтобы Браухич подумал о его замене, так как он, Бок, физически очень сдал.

После совещания 14 декабря с Клюге и Гудерианом, которые прибыли в Рославль из своих главных квартир в Малоярославце и Орле, Браухич пришел к убеждению, что единственное спасение группы армий состоит в том, чтобы отойти на предложенный командованием тыловой рубеж Курск, Орел, Медынь, Гжатск, Ржев, Волжское водохранилище. Но решение по этому вопросу Браухич сам принять не осмелился, и тогда адъютант сухопутных войск при фюрере и верховном главнокомандующем вооруженных сил полковник Рудольф Шмундт, которого Гитлер тоже послал в Смоленск, позвонил по телефону Йодлю и попросил его посодействовать в том, чтобы Гитлер дал разрешение на отход. Именно тогда Гитлер разрешил "выравнивать слишком выступившие вперед углы в районе Клина и Калинина... а также отвести группу Гудериана, а в остальном ничего не сдавать, пока на тыловых рубежах не будет подготовлено самое необходимое".

С облегчением командование группы армий отдало приказ о подготовке к отходу. Кроме того, Бок обсудил с главнокомандующим сухопутными силами и Шмундтом вопрос о необходимости наметить и оборудовать дальнейший рубеж на таком расстоянии, чтобы он при любых обстоятельствах мог быть вовремя занят вновь подтянутой из тыла сильной группой, которая должна создать заслон противнику, если ему удастся прорвать оборону группы армий. Бок, по-видимому, уже опасался, что решение об отходе принято слишком поздно и что оно не может больше отвечать требованиям обстановки. 15 декабря Хойзингер вновь сообщил

командованию группы армий, что Гитлер дал свободу действий в отношении отхода на рубеж Курск, Орел, Гжатск, Ржев. Это сообщение, переданное около полудня, уже во второй половине дня было опровергнуто. Гальдер уведомил Бока, что Гитлер примет окончательное решение по этому вопросу только 16 декабря. Командующему группой армий было непонятно, как при такой сложной обстановке можно терять столько времени и не принимать немедленно решений, когда положение ухудшается.

Тем более непонятным был приказ Гитлера, переданный командованию группы армий 16 декабря и запрещавший отход крупных соединений сухопутной армии на больших пространствах{307}. Группе армий ставилась задача, стянув все резервы, ликвидировать прорывы и удерживать линию обороны{308}. Бок немедленно обратился к Гальдеру с просьбой доложить Гитлеру, что "у него резервов нет, нет ни единого человека". До 14 декабря, несмотря на все угрожающие сообщения, Гитлер не считал обстановку на фронте настолько серьезной, чтобы пересматривать свои дальнейшие планы. Он хотел продолжать перестройку сил на Западе, но не мог рассчитывать на крупные резервы в самой Германии, так как там были затруднения с рабочей силой. Гитлер не отказался еще от мысли оттянуть зимой с фронта подвижные соединения и часть пехотных дивизий, чтобы перебросить их на Запад для пополнения. На запрос военного руководства Восточного фронта о необходимости переброски подкреплений Гитлер ответил: "Я не могу всех отправить на зимнюю стужу только потому, что на фронте группы армий имеется несколько прорывов".

При этом можно предположить, что фюрер в должной мере не был информирован о действительно угрожающем положении на фронте. Впрочем, главнокомандование сухопутных сил на вопросы Бока постоянно утверждало, что Гитлеру хорошо известно обо всем. Напряженные отношения, сложившиеся между Гитлером и ОКХ с августа и обострившиеся к началу декабря, а также состояние здоровья главнокомандующего сухопутными силами, у которого началось сердечное заболевание, послужили причиной тому, что главнокомандование сухопутных сил всячески старалось избежать столкновений с Гитлером{309}.

В военном дневнике Гальдера отражаются все более обостряющиеся отношения между Гитлером и ОКХ. Свидетельством этого является запись от 7 декабря: "События этого дня опять ужасающи и постыдны. Фюрер, не замечая главнокомандующего сухопутными силами, сам сносится с командующими группами армий. Самым ужасным является то, что верховное главнокомандование не понимает состояния наших войск..."

Это, между прочим, проявилось в том, что не Браухич, а Шмундт запросил 14 декабря Гитлера, можно ли отвести войска. Как сообщил Боку Шмундт, главнокомандующий сухопутными силами после своего посещения группы армий "Центр" не передал Гитлеру содержания донесения Бока.

Принципиальную роль сыграл и тот факт, что Гитлер не доверял сообщениям ОКХ и считал их преувеличенными. На совещании 6 декабря он заявил, что сообщаемые главнокомандованием сухопутных сил цифровые данные ничего не доказывают и что, даже если вооруженные силы потеряли 25% своего боевого состава, все равно "русские, несмотря на свое трехкратное преимущество в новых формированиях, понесли значительно большие потери в боевом составе. И если наши дивизии удерживают участки в 30 км по фронту, то это свидетельствует о недостаточной силе противника".

Гитлера вряд ли можно было убедить в необходимости подтянуть на фронт резервы или сократить линию фронта. Поэтому он послал на фронт одновременно с Браухичем Шмундта, чтобы получить от него достоверную информацию. Только тогда, когда главнокомандующий сухопутными силами и Шмундт в один голос заявили о катастрофическом положении группы армий "Центр" и Браухич, совершенно подавленный, вынужден был признаться, что у него нет никакого выхода, чтобы вывести армию из тяжелого положения, Гитлер пришел к выводу, что следует немедленно принять меры. Получив 14 декабря во второй половине дня донесение от Шмундта, он в ночь на 15 декабря вызвал к себе командующего армией резерва генерал-полковника Фрица Фромма, чтобы выяснить, нельзя ли высвободить из армии резерва какое-то количество сил для переброски на фронт. Фромм сообщил ему, что он может в кратчайший срок сформировать из армии резерва четыре с половиной дивизии. Но при этом он указал на трудности, которые будут связаны с формированием этих дивизий из состава всех военных округов. Тем не менее Гитлер отдал приказ о немедленном формировании этих соединений и о выяснении, насколько быстро может быть осуществлена их переброска на Восток. Помимо этого 15 декабря он приказал перебросить с Запада на Восточный фронт пять дивизий, причем три из них предназначались для группы армий "Центр". Но эти соединения не могли пока считаться полноценными, так как в целях ускорения переброски их на фронт в первую очередь должны были быть отправлены "пехотные стрелки", сведенные в маршевые батальоны.

Гитлер требовал, в частности: "На передовые позиции должна быть направлена пехота с легким оружием и противотанковыми пушками и саперными средствами, а также, возможно, и один артиллерийский дивизион. На 8 - 10 дней обеспечить консервами, спиртом, шоколадом"{310}.

Далее он дал указание в самой Германии мобилизовать всех, кто "способен строить, нести охранную службу или участвовать в боях и не занят в жизненно важных отраслях производства. Их следует на месте обеспечить обмундированием и подготовить к отправке".

Командующему армией резерва Гитлер приказал кроме намеченных уже четырех дивизий сформировать возможно большее количество истребительных команд силой до батальона, снабдив их лыжами и санями. Был также отдан приказ немедленно выделить 8-му авиационному корпусу четыре бомбардировочные авиагруппы, одну авиагруппу ночных истребителей-бомбардировщиков, а также пять транспортных авиагрупп, в том

числе четыре транспортных авиагруппы и три бомбардировочные авиагруппы из новых формирований. С помощью транспортных авиагрупп Гитлер планировал немедленно перебросить в группу армий "Центр" некоторую часть "пехотных стрелков", а главным образом дислоцировавшийся в Кракове 4-й полк СС.

Вынужденный признать, что, если не подтянуть крупные резервы, Восточный фронт рухнет, Гитлер начал в срочном порядке переброску соединений в Россию. Но для этого, как он считал, необходимо было удержать фронт. Свои соображения по этому поводу он высказал в беседе с Бокком.

Разговор Гитлера с Бокком состоялся после того, как Бок, основательно поспорив с Гальдером и Шмундтом, попросил обратить внимание Гитлера на то, что верховное командование играет ва-банк и что он готов при таких обстоятельствах оставить свой пост, если Гитлер полагает, что требуется замена (свежая сила). Взвешивая доводы "за" и "против" решений удерживать фронт или отвести войска, Гитлер пришел к убеждению, что в сложившейся обстановке не имеет смысла отходить на неподготовленную позицию, которая не может быть должным образом оборудована в такие короткие сроки, тем более что несколько дней спустя можно оказаться в подобном же положении, но без тяжелого оружия и артиллерии, и что есть только одно решение, оно таково: "ни шагу назад, залатать бреши и держаться".

На замечание Бока о том, что до прибытия подкреплений на том или ином участке фронта может ежечасно возникнуть угроза нового прорыва, Гитлер ответил: "Тогда я должен буду это принять во внимание" {311}.

Чтобы придать своим словам еще большую значимость, он в этот же день, 16 декабря, отдал приказ "удерживать фронт до последнего солдата... Командующим, командирам и офицерам, лично воздействуя на войска, сделать все возможное, чтобы заставить их удерживать свои позиции и оказывать фанатически упорное сопротивление противнику, прорвавшемуся на флангах и в тыл. Только подобного рода тактикой можно выиграть время, которое необходимо для переброски подкреплений из Германии и с Западного фронта, о чем я уже отдал приказ. Только когда резервы придут на отсечные позиции, можно будет подумать об отходе на эти рубежи".

Этот приказ Гитлера держаться вызвал оживленную дискуссию как в тот период среди командиров войсковых частей и соединений, так и впоследствии среди историков. Одни утверждали, что Восточный фронт в середине декабря стабилизировался исключительно благодаря этому приказу Гитлера и что сухопутная армия в России была спасена только благодаря воле фюрера. Его решительное вмешательство якобы укрепило моральный дух отступавших немецких дивизий и способствовало тому, что планы русского командования окружить всю группу армий "Центр" и уничтожить ее были сорваны {312}. Другие бросали Гитлеру упрек в том, что именно его приказ "вцепиться в землю и удерживать каждую ее пядь" стоил громадных потерь в людях и технике. Он парализовал фронт и низвел немецких командиров сухопутных соединений до роли простых исполнителей его воли. Принятие собственных решений им больше не было дозволено, даже батальоны в

конечном счете управлялись непосредственно Гитлером {313}.

Решение командира дивизии сократить линию фронта в связи с требованием обстановки должно было визироваться чуть ли не пятью инстанциями и в конце концов отклонялось. В результате приходилось занимать тактически невыгодные, выдвинутые вперед позиции, которые едва можно было прикрыть. А ведь командованию следовало бы выровнять фронт, чтобы сэкономить силы и чтобы отражать удары русских на максимально благоприятных рубежах обороны.

Оценив все эти обстоятельства, можно констатировать следующее: когда Гитлер принял решение о безусловной необходимости удерживать достигнутые рубежи, он выбрал для себя единственно возможный путь из тех, которые вообще были хоть сколько-нибудь приемлемы в подобной ситуации.

Отход был связан с потерей тяжелого оружия. На расположенных в тылу необорудованных и неподготовленных позициях немецкие войска наверняка не смогли бы задержать наступление русских, тем более что в армии появились признаки разложения, в значительной мере напоминавшие отступление "великой армии"

Наполеона в 1812 году. Такому отходу можно было воспрепятствовать только решительными, суровыми мерами. Так как Бок и подчиненные ему командиры соединений видели единственный путь спасения в удержании занимаемых позиций и в немедленном подтягивании на фронт резервов, то решение Гитлера полностью совпадало с решением фронтового командования. Поэтому утверждение, что приказ Гитлера в первую очередь способствовал спасению Восточного фронта, само по себе правильно.

Но негативной стороной этого приказа Гитлера было то, что он лишал командование войсками инициативы на фронте. Когда Гитлер отдал свой приказ, то фронт группы армий был в нескольких местах прорван, войска уже отходили и заняли рубежи, непригодные для обороны. После поступления приказа прекратить отход и обороняться на занимаемых в данный момент позициях линия фронта, и без того чрезмерно вытянутая, еще более удлинилась. При этом следует принять во внимание, что в принципе сама по себе правильная мысль удерживать достигнутые рубежи до тех пор, пока не будут подтянуты резервы, страдала изъяном в том отношении, что положение с транспортом не позволяло немедленно перебросить эти резервы на фронт. Таким образом, нужно было бы решиться вести подвижную оборону и занять выгодный с точки зрения условий местности оборонительный рубеж. Но из-за приказов Гитлера, в которых после 16 декабря все больше звучали призывы к фанатическому сопротивлению, русским соединениям удавалось все чаще прорывать фронт обороны группы армий "Центр". Группа армий "Центр" больше не могла вести осмысленную подвижную оборону, так как Гитлеру приходилось на всех участках фронта заниматься своего рода латанием дыр, что в перспективе не могло дать никакого успеха. Поэтому причину больших потерь группы армий "Центр" и дальнейших успехов Красной Армии не в последнюю очередь следует искать в его приказе о безусловном удержании позиций.

Неудивительно, что командующие армиями и танковыми группами, а также командиры подчиненных им частей отклонили выдвинутый Гитлером новый курс, считая его неосуществимым и губительным для их соединений.

Когда в связи с приказом Гитлера Бок заявил о том, что любой отход частей производится с разрешения командующих армиями, любой отход соединений, начиная с дивизии и выше, - с его личного разрешения, командующие армиями подняли голоса протеста. Гёпнер сообщил, что он не может больше удерживать свой участок фронта, так как не располагает резервами. "Требуемое от нас сопротивление ведет к гибели беззащитных войск".

В подобных же выражениях против этого приказа держаться высказывались и командующие 2-й и 9-й армиями, отмечая, что в конечном счете это только приведет к уничтожению армий. Гудериан в конце концов вообще отказался передавать дальше в войска этот приказ. "Приказ фюрера о боевом использовании войск без остатка я пока еще не передал... Положение теперь настолько серьезно, что не каждый может себе это представить... Я готов эти приказы принять и подшить в дело... Дальше я их не передам, даже если мне будет грозить опасность предстать перед военным судом..." - заявил Гудериан.

Отдав в ночь с 15 на 16 декабря приказ об удержании линии фронта и обсудив затем 16 декабря с руководством ОКХ складывающуюся обстановку и связанные с этим необходимые меры, Гитлер пришел к убеждению, что Браухич не способен больше руководить сухопутными силами. По словам Кейтеля, Гитлер снял Браухича за то, что последний одобрил планомерное отступление и неправильно оценил мощь немецкой армии.

Гитлер приказал известить командование группы армий о том, что с этого момента он полностью освобождает главнокомандующего сухопутными силами от его обязанностей и что в течение этого времени непосредственную связь с группой армий "Центр" будет осуществлять полковник Шмундт. Таким образом, после событий 14 - 16 декабря Гитлер решил практически сам стать во главе ОКХ и лично осуществлять руководство всеми мероприятиями по спасению Восточного фронта.

Если учесть состояние здоровья главнокомандующего сухопутными силами, который оценивал обстановку и принимал решения только на основании телефонных переговоров с командующими, то Гитлер явно поступил правильно, освободив от обязанностей этого больного, неспособного к принятию решений человека. Однако тот факт, что он сам

занял этот пост, вряд ли можно оценить положительно. Решение сменить Браухича возникло у Гитлера не под влиянием перемены в настроении, оно подготавливалось давно. Гитлер искал лишь подходящий случай, который и представился ему в середине декабря. Йодль еще раньше в своем ответе Лосбергу, внесшему предложение поручить стратегическое руководство войной Манштейну, указал, что проблема командования уже решена фюрером в другом направлении.

Официальный акт принятия на себя командования сухопутными силами 19 декабря явился лишь подтверждением и доведением до общего сведения того, что фактически уже произошло.

После двукратного заявления Бока о том, что он нездоров и не возражал бы против его замены, Гитлер склонился к тому, что Бок больше не сможет с достаточной энергией управлять группой армий. Через уже отстраненного от дел Браухича он передал Боку, что тот должен подать рапорт об отпуске для восстановления здоровья.

Бок сразу же после этого разговора с главнокомандующим сухопутными силами позвонил 17 декабря по телефону Шмундту и спросил его, не истолкует ли это фюрер как уклонение от дел в тяжелый для армии час. Шмундт успокоил Бока и заверил командующего группой армий "Центр", что Гитлер ни в чем его не упрекнет и примет рапорт о болезни. Однако факт остается фактом: Гитлер, приняв решение любой ценой удержать фронт, 16 декабря пришел к выводу о необходимости заменить на посту как Браухича, так и Бока, которые были, по его мнению, не способны больше преодолеть кризисную обстановку. Бок вскоре сам подтвердил Гитлеру, что считает принятые по отношению к нему меры совершенно правильными. Явившись 22 декабря в ставку фюрера, он сказал Гитлеру: "Русская болезнь" в сочетании с известным перенапряжением настолько подорвали мое здоровье, что я должен был опасаться, смогу ли осуществлять руководство".

Гитлер в ответ на это заметил, что снова использует его, как только тот поправит здоровье.

Когда Бок 25 декабря узнал, что на его место назначается Клюге, то он позвонил в главное управление кадров, где ему ответили: "В сложившихся тяжелых условиях фюрер считает целесообразным произвести новые изменения в командовании группы армий. Вы переходите в резерв фюрера" {314}.

Новый командующий группой армий "Центр" генерал-фельдмаршал Клюге сохранял за собой и пост командующего 4-й армией {315}.

К тому моменту, когда Клюге сменил Бока, положение 4-й армии было чрезвычайно тяжелым. С 17 декабря 49-я армия русских, которая вела наступление против 13-го армейского корпуса по обе стороны реки Протва, а также в районе Алексина, глубоко вклинилась в оборону немецких войск. После двух дней наступления русских командование 4-й армии не сомневалось в том, что ее правый фланг постепенно будет отеснен еще дальше и связь с южной группировкой прекратится {316}. Кроме того, сосед справа, 2-я танковая армия, связь с которой прервалась, был вынужден отойти дальше в западном направлении. После совещания с командирами корпусов Гудериан 17 декабря доложил, что, поскольку в дивизиях насчитывается чуть более одной трети боевого состава, невозможно удержать рубеж перед реками Ока и Зуша. Поэтому Гудериан намеревался отвести свои соединения за эти реки и закрепиться на выгодном для обороны рубеже и там ждать подкреплений. Но этот отход противоречил приказу Гитлера держаться.

Однако Гитлеру все еще представлялся такой немецкий солдат, который, как в начале русского похода, готов был сражаться и жертвовать собой, то есть такой солдат, которого в середине декабря можно было встретить все реже и реже.

Мессершмитт справедливо указывал на то, что Гитлер с помощью строгого приказа "ни шагу назад" намеревался в условиях наступившего кризиса привить войскам чувство собственного превосходства. Об этом он еще раз напомнил, когда удалось остановить прорвавшиеся русские войска.

После совещания с командующими армиями и танковыми группами командование группы армий 19 декабря констатировало: "Неудачи можно объяснить следующими

причинами: до предела снизившимся уровнем физического и морального состояния войск, боязнью солдат попасть к русским в плен, сильно сократившимся боевым составом соединений, недостатком горючего, напряженным положением со снабжением и плохим состоянием конского состава. Сюда же примешивается чувство незащитности перед тяжелыми русскими танками... Благодаря этому русским удается, вводя в бой на удивление громадные массы людей и неся подчас чрезвычайно большие потери, просочиться через наши слабо прикрытые позиции. Русские прорываются в образовавшиеся вследствие растянутости фронта дивизий бреши, наносят кавалерийскими и мотосоединениями удары в тыл и во фланги наших малочисленных и потрепанных войск и сеют панику. Наступательный дух русских невысок, так что можно было бы отражать атаки противника и вести активную оборону, если бы в наших войсках был нормальный боевой дух и была бы возможность направить им небольшие подкрепления".

Поскольку Гитлер не хотел считаться с создавшейся обстановкой, то Клюге, чтобы обрисовать действительное положение дел на фронте, решил послать в ставку фюрера Гудериана, которого Гитлер высоко ценил.

Гудериан немедленно дал свое согласие, сознавая, что, если пытаться и дальше удерживать занимаемые позиции, его группа просуществует недолго. 20 декабря в течение пятичасовой беседы командующий 2-й танковой армией пытался уговорить Гитлера отменить свой строгий приказ держаться, так как для 2-й танковой армии он практически был невыполним. Группа Гудериана могла более или менее успешно противостоять наступающим силам противника только на рубеже Ока, Зуша. Но Гитлер не поверил ни Гудериану, нарисовавшему тяжелую картину, ни Клюге, звонившему ему по этому поводу по телефону. Он считал все это преувеличением. "Вы видите события со слишком близких дистанций,- сказал он командующему 2-й танковой армией. - Вам бы следовало отойти немного подальше. Поверьте мне, издали можно лучше судить о вещах".

Он указал далее, что русское командование бросает в бой последние, плохо обученные резервы и что поэтому необходимо, чтобы натиск численно превосходящего по силам противника разбился, натолкнувшись на упорную оборону{317}. Поэтому группа Гудериана получила приказ любой ценой удерживать рубеж, достигнутый 19 декабря, и не уступать ни одного квадратного километра.

Пока велись эти переговоры, на левом фланге и на восточном участке фронта 2-й танковой армии русские наносили новые удары, вынудившие армию отойти. Когда Клюге узнал об отходе, он отдал приказ любой ценой удерживать вновь занятые позиции. Исходя из ранее представленного доклада Гудериана о подготовке промежуточного рубежа на Оке, а также из донесения о том, что в Орле создана оборонительная зона, Клюге пришел 20 декабря к убеждению, что все эти мероприятия направлены на то, чтобы отвести войска за Оку, что противоречит приказу фюрера и повлечет за собой отход на всем фронте. Клюге сказал Гальдеру, что у Гудериана, по-видимому, расшатались нервы и нужно сделать все возможное, чтобы Гитлер лично запретил Гудериану отходить до реки Ока. При этом, однако, он сделал оговорку, что, с другой стороны, Гитлер должен понять, что требование любой ценой держаться не может полностью относиться ко 2-й танковой и 2-й общевойсковой армиям, так как силы их для этого слишком малы. Позиция Клюге была противоречивой. В то время как, с одной стороны, он с помощью Гудериана пытался побудить Гитлера отказаться от своего приказа "ни шагу назад", с другой стороны, он стремился с помощью Гитлера заставить Гудериана прекратить отход.

Обстановка, сложившаяся в группе Гудериана, оказавшейся не в силах удерживать фронт и вместе с тем не имевшей права отойти на выгодный с точки зрения местности рубеж, была настолько напряженной, что дело дошло до настоящего взрыва.

21 декабря 40-й армии Юго-Западного фронта удалось прорвать оборону на фронте 2-й армии в районе Тима. В результате этого удара связь с 6-й армией и тем самым с группой армий "Юг" была нарушена. Одновременно в результате наступления русских на Калугу 43-й армейский корпус 2-й танковой армии был поставлен перед необходимостью отойти к Оке, и Гитлер не возражал против его отхода{318}. Когда в связи с этим последовал охват южного фланга 4-й армии, Клюге поставил Гальдера в известность, что, вероятно, уже 22 декабря потребует отдать приказ об отходе 4-й

армии. Гальдер очень резко возразил. Он заявил, "что если бы войска везде стойко держались, то за 14 дней было бы все позади. Противник не может наносить такие фронтальные удары продолжительное время. Придется сильно раскаиваться, если отойдем слишком рано или напрасно".

22 декабря прорыв в районе Тима был расширен в западном направлении. Кроме того, 10-й армии Голикова удалось прорвать оборону 53-го армейского корпуса и вынудить его к отходу.

После того как 10-я армия 19 декабря захватила Плавск, Голиков получил указания продвигаться в северо-западном направлении, предварительно выделив две дивизии, чтобы овладеть Юхновом, Мосальском и Сухиничами{319}. В ходе боевых действий задача овладения Юхновом была поставлена перед группой Белова. В результате ударов 10-й армии почти полностью были разгромлены 296-я и 167-я пехотные дивизии.

Оперативная группа генерала Белова своими передовыми отрядами продвинулась до района Лихвина и 24 декабря перешла на западный берег реки Ока, чтобы двигаться на Юхнов. Клюге счел необходимым дать разрешение на отход 2-й армии за реку Тим, а также в районе Новожила и Ливны, где противник вел активные наступательные действия. 23 декабря Гитлер санкционировал отход южного фланга 2-й армии за реку Тим, однако запретил сдавать Ливны. 24 декабря в результате сильных ударов противника Шмидт решил на свою ответственность оставить Ливны и отойти на подготовленную позицию. Одновременно командование 2-й танковой армии сообщило, что оно готовится силами 47-го корпуса и испытывавшего на себе сильный натиск противника 53-го корпуса сразу же отойти за реки Зуша и Ока. Позиции в районе Черни удерживать больше было невозможно.

Когда Клюге информировал об этом Гальдера, начальник штаба сухопутных сил сказал, что хотя Гудериан и стремится отойти на этот рубеж, но и его не станет удерживать. По его мнению, Гудериан следовало предать военному суду. Клюге повторил, что отход войск Гудериана фактически происходит в силу вынужденных обстоятельств. И все же он подтвердил свой приказ 2-й танковой армии дальше не отходить, ибо любые подобные действия могут производиться только с непосредственного разрешения фюрера. Несмотря на этот приказ, начальник штаба 2-й танковой армии Либенштейн обратился в этот же день в штаб группы армий с просьбой получить у Гитлера разрешение на отход, так как армия не может больше удерживать свои позиции. Клюге немедленно информировал об этом Гальдера и запросил решение Гитлера. Гальдер пообещал доложить фюреру и высказал предположение, что если он сможет доложить фюреру о наличии на реках Ока и Зуша достаточного количества сил, чтобы успешно вести на этом рубеже оборону, то, учитывая обстановку, фюрер, возможно, даст такое разрешение. Клюге сразу же информировал по телефону Гудериана о результатах этого разговора с Гальдером и о своем приказе немедленно перебросить 4-ю танковую дивизию в направлении Сухиничей, чтобы удержать этот город, на который наступала 10-я армия Голикова. Гудериан в ответ на это сказал, что все эти меры и действия командования слишком запоздали, что он не может больше выполнять свои обязанности и просит (даже если придется пойти под суд) отстранить его от должности, так как меры, предпринимаемые командованием, ничего не могут изменить в общей обстановке.

Прорыв, осуществленный группой Белова и частями 10-й армии, которые через образовавшуюся в районе Лихвина брешь продвигались в западном направлении и поставили под угрозу железную дорогу Сухиничи Малоярославец, 24 декабря стал настолько значительным, что перед Клюге возник вопрос, сражаться ли до последнего на предусмотренных ранее для обороны рубежах или отвести 2-ю общевойсковую и 2-ю танковую армии.

Гальдер высказался за то, чтобы Северный фланг армии Гудериана оставался на месте с целью сохранения возможности перебрасывать силы в район Сухиничей. Гитлер решил лично распорядиться использованием 3-й и 4-й танковых дивизий (семью батальонами и 26 танками) для ликвидации прорыва между Калугой и Белёвом. Однако Гудериан, убежденный в бессмысленности дальнейшего удержания рубежа восточнее рек Ока и Зуша, 24 декабря позволил 47-му танковому корпусу оставить Чернь. 25 декабря Клюге, узнав об этом из донесений командования 2-й танковой армии, обвинил Гудериана в том, что тот сознательно дал накануне ложные сведения. Гудериан не опровергал эти обвинения, но заявил командующему группой армий "Центр": "Я командую армией при

таких необычных обстоятельствах так, как велит мне моя совесть".

В ответ на слова Клюге, что он доложит обо всем этом Гитлеру, Гудериан повторил свою просьбу о замене его на посту командующего армией. Через полчаса Гитлер отстранил Гудериана от должности и уволил в резерв. Его преемником стал бывший командующий 2-й армией генерал Шмидт.

Но произведенные Гитлером замены ни в коей мере не улучшили положения группы армий "Центр". 23 декабря, когда 4-я армия дрогнула под ударом группы Попова, двигавшейся на Калугу, и войск центральной группировки Западного фронта и когда стало невозможно задержать устремившиеся на запад русские войска, Клюге был вынужден доложить Гитлеру, что поставлен перед дилеммой: следует ли оставаться на месте и позволить себя уничтожить или же отойти, пожертвовать частью своей техники, но сохранить войска?

Клюге беспокоил в первую очередь прорыв войск русской 49-й армии под Тарусой и в направлении Малоярославца, что угрожало тылам 4-й армии. Гальдер, чтобы успокоить Клюге, сообщил ему, что речь идет о прорыве лишь нескольких подразделений лыжников. Начальник штаба сухопутных сил указывал, что будет стыдно, если после войны выяснится, что прорыв небольшой группы лыжников явился причиной отдачи приказа об отходе целой армии.

В конце концов Гитлер дал Клюге согласие на отход, если у него нет никакой другой возможности. Однако это не означало, что Клюге был свободен принимать подобные решения вообще. Незадолго до этого Гальдер уточнил, что о каждом намерении отвести войска необходимо доложить фюреру, а не ставить его перед свершившимся фактом.

На следующий день русские 33-я и 43-я армии на центральном участке Западного фронта снова предприняли атаки против левого крыла 4-й армии на стыке с 4-й танковой группой. 26 декабря им удалось овладеть Наро-Фоминском и вклиниться в немецкую оборону южнее этого пункта {320}. Гальдер, поняв, что противник имеет цель выбить 4-ю армию с ее укрепленных позиций, в тот же день приказал Клюге перебросить навстречу наступающим подвижные части. На это Клюге возразил: "У меня нет больше подвижных сил! Речь давно шла о том, что 4-я: танковая армия сумеет что-то высвободить. Связь по фронту прекратилась... Желает фюрер или нет, но он должен отдать приказ об отходе. Если снабжение не наладится, то в скором времени наступит крах... Фюрер должен спуститься с заоблачных высот и обеими ногами стать на землю".

Однако фюрер отказался выполнить требование об отходе войск группы армий, утверждая, что "в один прекрасный день у русских должно не хватить сил для ведения наступления, как это уже случалось раньше".

На просьбы командования группы армий о помощи он снова отвечал полными патетики приказами. В сильных выражениях он пытался внушить войскам волю к сопротивлению и объяснял, как нужно вести боевые действия на Восточном фронте. Но фронт нуждался не в подобного рода наставлениях, а прежде всего в резервах и в свободе принятия решений. Прибывших на фронт пополнений (маршевых батальонов и батальонов выздоравливающих) было недостаточно, и, кроме того, личный состав этих подразделений не имел оружия и зимнего обмундирования.

Когда Клюге доложил об этом Гитлеру, тот взорвался и назвал это свинством. Ведь ему докладывали, что эти пополнения хорошо оснащены.

Попытки перебросить на фронт значительное количество пехотных соединений по воздуху были безуспешны из-за сильных снежных бурянов. С 20 по 26 декабря по воздуху для войск 4-й армии, оборонявших Калугу, было доставлено 8512 человек. Самолетам пришлось совершить посадку в Орше, Витебске и Смоленске, а дальше пополнения перебрасывались по железной дороге и автомобильным транспортом.

Переброска подкреплений по железной дороге была сильно затруднена также из-за снежных заносов. Следствием новой волны похолодания являлось увеличение нехватки паровозов. В результате снегопада железнодорожные пути были занесены на большом протяжении.

Вместе с тем в результате обморожений войска несли потери, превышающие

пополнение, прибывшее за эти дни на фронт с Запада и из Германии. И хотя это положение в последние дни декабря немного выправилось, все же в декабре потери группы армий, достигшие 103 тыс. человек{321}, не шли в сравнение с пополнением, которое составляло только 40 тыс. человек. До 27 декабря было получено: 2-й армией - 2553 человека, 4-й армией - 7085 человек, 9-й армией - 5914 человек, 2-й танковой армией- 4951 человек, 3-й танковой группой 4000 человек, 4-й танковой группой - 3499 человек. Вместе с тем командование 2-й армии 28 декабря доложило, что для удержания позиций в течение продолжительного времени необходимо получить шесть новых дивизий, а также по 3000 человек в каждую из имеющихся дивизий. Это означало, что в одном только этом месяце не могли быть восполнены потери в количестве 62,8 тыс. человек. Кроме того, поскольку пополнения не были ни обучены, ни оснащены для боевых действий в зимних условиях, то потери во вновь прибывающих войсках были особенно велики, а их боеспособность ниже, чем даже можно представить по приведенным цифровым данным.

В журнале боевых действий 4-й танковой группы 2 января 1942 года записано: "Войска жалуются на совершенно неудовлетворительное и плохое оснащение прибывающего пополнения. Из-за нехватки зимнего обмундирования наблюдается упадок морального духа"{322}.

Таким образом, боевой состав группы армий сокращался быстрее, чем удавалось подтянуть пополнения. Разногласия между Клюге, Гитлером и Гальдером в последние дни декабря и начале января настолько усилились, что о каком-либо разумном сотрудничестве не могло быть и речи. В то время как Клюге все время говорил о необходимости отхода, Гитлер бросал ему упрек, что тот готов отойти до самой польской границы. Гитлер спросил Клюге, используют ли русские крупные силы артиллерии и не является ли это причиной прорывов. Когда Клюге сказал, что прорывы осуществлялись главным образом танками и пехотой, Гитлер иронически заметил: "Ведь в мировую войну мне неоднократно приходилось подолгу находиться под ураганным огнем. Однако войска, хоть и имели не более 10% своего боевого состава, все же удерживали свои позиции".

Клюге возразил, сказав, что речь идет не о мировой войне во Франции, а о войне в зимних условиях в России при температуре минус 20 - 30° и что войска физически и морально истощены. Тогда Гитлер прервал разговор словами: "Ну если так, то немецкой сухопутной армии придет конец".

Клюге, поняв, что Гитлер не откажется от своего приказа держаться, попытался воздействовать в этом смысле на Гальдера. Когда Гальдер выразил свое удивление тем, что командование группы армий так низко оценивает оборонительные возможности своих войск, Клюге бросил ему в ответ, что военное руководство, сидя за зеленым столом, тоже не может судить, как войска выглядят и как в действительности развивается обстановка. Но Гальдер все же считал требования войск преувеличенными. Гитлер в тот же день сообщил Клюге, "что он со всеми господами пришел к единому мнению, которое особенно поддерживается генерал-полковником Гальдером. Он разделяет взгляд, что даже при угрозе прорыва не следует предпринимать отходных маневров в крупном масштабе... Опыт показывает, что обстановка может измениться в благоприятную сторону. Решающим является то, чтобы без ущерба для тактически оправданного отхода оборонять каждый населенный пункт и каждую пядь земли. Войска даже и сегодня чувствуют свое превосходство над русскими".

Однако, несмотря на все приказы войскам, которые в эти дни исходили от Гитлера и ОКХ с целью "привития фанатической воли к защите территорий, на которых находятся войска... всеми самыми жесткими средствами",

боевой и моральный дух немцев не улучшился.

Для того чтобы убедить Клюге в необходимости держаться до прибытия резервов, Гитлер заявил о переброске на фронт нескольких соединений. Но обещанные Гитлером пополнения были недостаточны. С 1 декабря 1941 года по 31 марта 1942 года группа армий "Центр" получила всего только 180,4 тыс. человек, в том числе: в декабре - 40,8 тыс., в январе - только 19,1 тыс. человек, в феврале - 69,7 тыс. человек и в марте - 50,8 тыс. человек. За этот же период группа армий понесла следующие потери: в декабре - 103,6 тыс. человек, в январе - 144,9 тыс. человек, в феврале - 108,7 тыс. человек и в марте - 79,7 тыс. человек. Это означало, что потери группы армий, которые к 30 ноября

составили 335,8 тыс. человек и едва были покрыты за счет пополнений, в последующие четыре месяца увеличились еще на 436,9 тыс. человек. Но Гитлер обещал, что с середины января в группу армий поступит пополнение в количестве 220 тыс. человек. Такими ложными обещаниями немецкое командование, отдававшее себе отчет в нереальности осуществления их, пыталось побудить войска к фанатическому сопротивлению.

2 января Клюге снова потребовал у Гитлера отвести 9-ю армию и часть других соединений группы армий. Попытки сделать твердым нового командующего группой армий не привели к желаемым результатам. Гитлер бушевал в ОКХ и обвинял руководство сухопутными силами в "парламентаризации" армии, в отсутствии строгой дисциплины в управлении войсками. Он высказал сомнение в том, обладают ли генералы мужеством принимать твердые решения. В конце концов Клюге не мог больше ничего добиться от Гитлера и стал говорить, как до него Бок, о кризисе доверия. Ежедневные разговоры с Гитлером и Гальдером, не приводившие ни к каким решениям, а с другой стороны, непрерывные требования командующих армиями и командиров корпусов о необходимости отвода их соединений под сильным натиском русских, подорвали нервы у Клюге. С грустью ему приходилось констатировать, что он не в состоянии убедить Гитлера в том, что русские располагают крупными силами, а это вынуждает его срочно отводить войска.

Командир 43-го корпуса генерал пехоты Хейнрици докладывал, например, 5 января 1942 года, что "...его со всех сторон осаждают вопросами о том, как следует действовать в сложившейся тяжелой обстановке, и что командиры полков, в том числе и самые усердные, находятся в состоянии смятения. Войска должны знать, что им предстоит..."

В середине декабря Гитлер снова послал на фронт генерал-майора Шмундта, который должен был передать командованию группы армий "Центр" обещание о новых пополнениях и внушить ему мысль удерживать занимаемые позиции. После того как Шмундт 9 января доложил Гитлеру о своих впечатлениях об обстановке на фронте и мнении командования группы армий и армий о необходимости в обязательном порядке отвести войска и перебросить на фронт подкрепления, Гитлер пришел к выводу, что управление всей группой армий находится под угрозой. Он решил, что необходимо лично воздействовать на Клюге, и вызвал его к себе в ставку. Там он снова заверил Клюге, что транспорты с подкреплением для фронта находятся в пути и что нужно приложить все силы к тому, чтобы остановить противника. "Борьба за каждый день, за каждый час - залог успеха", - говорил Гитлер.

Но так как Клюге по-прежнему оставался при своем мнении, фюрер попытался повлиять на него обещанием, что, если фронт будет удержан, все лавры победы пожнет он, Клюге.

Позднее Гитлер приписал эту славу себе: "Это были дни, которые истрепали мне нервы. Почти все оказались несостоятельными, вплоть до тех немногочисленных людей, которые продолжали вместе со мной сражаться. И день и ночь я вынужден был думать о том, что сделать, что может произойти, как заткнуть ту или иную брешь. Мне стало ясно, что отступить - значило бы испытать на себе судьбу Наполеона. Тому, что мы выстояли в эту зиму... мы обязаны храбрости солдат на фронте и моей твердой воле".

Однако командующий группой армий "Центр" продолжал упорно бороться за разрешение отвести свои войска. Знание фактического положения дел на фронте заставляло его противодействовать взглядам Гитлера, который не хотел отступить от своего приказа оборонять каждую пядь земли.

Расширение целей русского контрнаступления. Объяснение тому, что немецкий фронт вообще держался, следует искать прежде всего в просчетах русского командования. Первоначальный план Ставки разбить немецкие танковые соединения севернее и южнее Москвы в ходе успешно развивавшегося контрнаступления был быстро скорректирован. Когда Жуков увидел, что немецкие войска отходят быстрее, чем он предполагал, он решил своими силами ударить вслед отступающим {323}. Но командиры дивизий и командующие армиями не были готовы быстро и решительно развить достигнутый успех, продолжали атаковать противника с фронта, недостаточно энергично вели преследование отходящих соединений Бока. Тогда Жуков отдал 9 декабря приказ, в котором категорически: запретил своим подчиненным командирам вести фронтальные атаки {324}. Он требовал обходить противника ударными подвижными группами, создаваемыми из лыжных ж кавалерийских частей, наносить ему удары с тыла, нарушая

его коммуникации. Но недостаточный опыт его войск в ведении наступления, а подчас и полное отсутствие боевого опыта и недостаток вооружения и снаряжения - все это привело к тому, что поначалу в действиях русских командиров среднего и низшего звена никаких сдвигов не произошло. В директиве от 14 декабря: Жуков снова потребовал более быстрого наступления своих войск и дал для этого необходимые тактические указания. Однако на следующий день на трех ведущих наступление фронтах была объявлена передышка{325}, чтобы перегруппировать силы и подготовиться для дальнейшего удара в глубину{326}. В связи с этим в подчинение Калининского фронта 16 декабря была передана 30-я армия, действовавшая ранее на Западном фронте, а 22 декабря вновь сформированная 39-я армия. Сталин планировал, что Конев вне зависимости от операций на других фронтах предпримет наступление на участке немецкой 9-й армии с задачей, нанося главный удар с севера, окружить ее и уничтожить. Для этого 22, 29 и 39-я армии должны были наступать с севера через Старицу до Ржева, а 31-я и 30-я армии в направлении на север и северо-запад. 30-я армия получила задачу глубоко вклиниться в западном направлении, чтобы отрезать 9-й армии пути отхода.

На южном крыле наступающей группировки был восстановлен бывший Брянский фронт под командованием Я. Т. Черевиченко{327}. В его состав вошли 3-я, 13-я и вновь введенная в бой 61-я армии. 17 декабря советские войска возобновили контрнаступление с целью оттеснить немецкие соединения. В тот же день начальник Генерального штаба Шапошников позвонил, по телефону командующему 50-й армией генералу Болдину и приказал по возможности быстрее овладеть Калугой. Ввиду своего географического положения этот город являлся крупным узлом коммуникаций и поэтому играл решающую роль в обеспечении дальнейшего наступления Западного фронта. Жуков в этот же день детально обсудил с Болдиным план наступления и обратил его внимание на то, что одновременно с 50-й армией будет наступать в западном направлении и 49-я армия, которая до сих пор вела только скользящие бои. Болдин немедленно выслал передовой отряд, усилив его танками, и поставил перед ним задачу, используя бреши в обороне противника западнее Тулы, двигаться на Калугу и овладеть ею. Пройдя по немецким тылам, эта ударная группа 21 декабря вышла к Калуге, атаковала полностью застигнутые врасплох части 137-й пехотной и 20-й танковой дивизии и частично овладела городом. И несмотря на то что немецким соединениям удалось тотчас же окружить эту ударную группировку (наступающие соединения 49-й армии не могли достаточно быстро следовать за соединениями 50-й армии), несмотря на то что Гитлер делал все возможное, чтобы удержать город, было очевидно, что немецким войскам с этой задачей не справиться. 30 декабря Калуга была окончательно сдана.

В результате этого удара русских соединений на стыке между 2-й танковой и 4-й армиями внутренние фланги этих армий оказались открытыми. Противнику удалось прорваться в глубину расположения войск группы армий.

Группе Гудериана повезло, что русское командование осуществило прорыв в северо-западном направлении на Калугу, а не на Орел, так как этот город в это время почти не был подготовлен к обороне. Взятие Орла Красной Армией означало бы безусловный разгром армий Гудериана.

20 декабря Ставка приняла решение не только отбросить на запад группу армий "Центр", но и силами Калининского и Брянского фронтов обойти ее с флангов, чтобы окружить и уничтожить. Эта задача была Сталину так же не по силам, как Гитлеру окружение Москвы. Сталин, введенный в заблуждение первоначальными успехами контрнаступления, допустил здесь такую же ошибку, как и его противник: он недооценил силу сопротивления немецких соединений и переоценил собственные силы. Сталин ставил перед войсками слишком далеко идущие цели, не обеспечивая их достижения должной подготовкой, поэтому уже с самого начала операция была обречена на неудачу{328}.

Кризис на северном крыле группы армий "Центр".

В то время как 9-я армия успешно отражала на рубеже Старица непрерывные удары соединений Калининского фронта и была вынуждена только своим правым флангом отойти под натиском 30-й армии Лелюшенко, 26 декабря вновь введенная в бой русская 39-я армия начала атаковать ее левый фланг и в нескольких местах прорвала фронт. Это создало угрозу оперативного прорыва и на северном крыле всей группы армий. Конев

имел задачу пробиться к Вязьме, чтобы совместно с соединениями правого крыла Западного фронта окружить немецкую 9-ю армию и 3-ю и 4-ю танковые группы и уничтожить их. Командование 9-й армии доложило, что соединения армии настолько измотаны и изнурены, что не в состоянии больше вести упорную оборону, и просило разрешения отвести войска на так называемый "кенигсбергский рубеж" от Волжского водохранилища через Ржев, Гжатск. Но командование группы армий отклонило эту просьбу, так как отход этой армии повлек бы за собой также отход 3-й и 4-й танковых групп, которые к этому времени еще могли отбивать русские атаки, а отойти не смогли бы ввиду снежных заносов и недостатка горючего.

На третьем этапе наступления правого крыла Западного фронта, несмотря на все усилия русских, им прорваться не удалось и ценой больших потерь немцы удерживали позиции в районе Рузы.

Вследствие снежных заносов с 25 декабря на фронт не доставлялись на протяжении нескольких дней горючее, боеприпасы и продовольствие. В журнале боевых действий 3-й танковой группы 27 декабря говорилось: "Полковник Окснер, которому ОКХ поручило изучить обстановку, прибыл к начальнику тыла армии и после беседы с ним пришел к такому выводу: не хватит никаких человеческих сил, чтобы выполнить предъявляемые требования. Начальник тыла армии подчеркнул, что достоин сожаления тот факт, что высшие командные инстанции мало проинформированы о положении дел со снабжением".

29 декабря главные силы оборонявшегося в районе Старицы 6-го армейского корпуса были разбиты соединениями русской 29-й армии. Ничего не дала попытка Гитлера исправить положение отстранением от должности командира корпуса генерала инженерных войск Отто Вильгельма Фюрстера и назначением вместо него генерала авиации Вольфрама фон Рихтгофена, который своими тенденциозными донесениями ввел Гитлера в заблуждение относительно обстановки в районе Старицы. За несколько часов до назначения на пост командира 6-го армейского корпуса Рихтгофен доложил Гитлеру, что, по данным воздушной разведки, "различные населенные пункты, которые, по данным наземных войск, заняты противником, находятся еще в наших руках, что противник под контрударами панически отступает и что не видно русской кавалерии, якобы прорвавшейся в юго-восточном направлении. Командование 6-го корпуса ведет себя очень нервно".

Несмотря на то что командование 6-м армейским корпусом принял Рихтгофен, 31 декабря русские разгромили корпус и, развивая успех, устремились на Ржев. Тем не менее Гитлер продолжал настаивать на своем приказе держаться. После горячих споров, в которых Клюге доказывал Гитлеру необходимость отхода 9-й армии, ему удалось добиться разрешения на вынужденный противником отход. Командование 9-й армии с огромным облегчением приняло это решение, но уже 2 января поняло, что обманулось в своих надеждах. Гитлер, считавший, что все трудности на участке фронта 9-й армии объясняются пребыванием войск в опасных мечтах о тыловой позиции, 2 января 1942 года отдал 9-й армии приказ, невзирая на опасность охвата, прорывов линии фронта и так далее, не отступать ни шагу назад. Но к этому времени русской 39-й армии удалось прорваться западнее Ржева и создать угрозу захвата Сычевки. Командир 27-го армейского корпуса генерал-лейтенант Эккард фон Габленц, не в силах больше нести ответственность за уничтожение подчиненных ему войск в связи с выполнением приказа держаться, демонстративно отказался от своего поста. Теперь всей 9-й армии нужно было изыскать возможность ликвидировать прорыв русских и восстановить фронт.

1-й гвардейский кавалерийский корпус Белова 31 декабря подошел на расстояние 8 км к Юхнову и поставил под угрозу пути подвоза 4-й армии. Днем позже русским войскам удалось овладеть Малоярославцем и развить прорыв в районе Боровска. Белову не удалось с ходу взять Юхнов, однако наступление его корпуса поставило под серьезную угрозу всю немецкую 4-ю армию, так как: через Юхнов проходило шоссе - главная артерия снабжения армии.

Ударная группа из пяти стрелковых дивизий 33-й и 43-й армий прорвала оборону в полосе 15-й пехотной дивизии и вынудила ее отойти. Это произошло 30 декабря. На приказ Гитлера о том, что 15-я пехотная дивизия обязана удерживать занимаемые позиции, Клюге возразил: "Состояние 15-й дивизии таково, что ей можно приказывать что угодно, но она больше не имеет сил".

Срочно предпринятые командованием 4-й армии оборонительные меры с целью задержать противника оказались, несмотря на личное вмешательство Гитлера{329}, требовавшего любой ценой удержать Боровск, безрезультатными. 66-й армейский корпус был вынужден отвести свои правофланговые соединения в юго-западном направлении. 3 января 1942 года противник овладел Боровском{330}. Для ликвидации прорыва Клюге передал 20-й армейский корпус в подчинение 4-й танковой армии{331}, которая, учитывая обстановку на участке 9-й армии, подготовилась к отходу в направлении на Гжатск. Так как 4-я армия была уже не в состоянии ликвидировать прорыв, 3 января 1942 года Гитлер возложил эту задачу на 4-ю танковую армию. Ей разрешалось отойти в западном направлении только в том случае, если удастся активными действиями восстановить линию фронта. Но снежные бураны и мороз, доходивший до - 40°, чрезвычайно затрудняли передвижение соединений 4-й танковой армии, которой и без того было сложно вести оборону на слишком растянутом фронте. Передача 3-й танковой армии и 5-го армейского корпуса 9-й армии в подчинение 4-й танковой армии нисколько не облегчила положения Гёпнера. 6 января он был вынужден просить разрешения на отвод 20-го армейского корпуса, который находился под угрозой отсечения русскими соединениями, наступавшими на Верею. Клюге отклонил эту просьбу. Атаки частей 267-й пехотной дивизии с целью ликвидации брешки остались безуспешными. В то время как русское командование надеялось через брешь в районе Боровска бросить достаточное количество сил, чтобы пробиться к Вязьме и соединиться там с войсками Калининского фронта, наступавшими с севера, и с соединениями Белова, наступавшими с южного направления, ОКХ все еще продолжало верить, что русские находятся на пределе своих сил и что в ближайшее время напряжение спадет.

Гальдер и Гитлер неоднократно утверждали, что прибывшие массы русских войск должны будут в конце концов выдохнуться.

8 января русские дивизии, повернув на Верею, перерезали коммуникации 20-го армейского корпуса и создали угрозу его окружения. Единственный выход из сложившегося положения Гёпнер видел в немедленном отходе соединений корпуса.

Клюге не осмелился сам принять решение и тут же позвонил в ОКХ. После разговора с Гальдером он в 12.00 сообщил Гёпнеру, что решение об отходе 20-го корпуса еще не принято, но что Гальдер отправился к Гитлеру в целях выяснения этого вопроса. Одновременно Клюге попросил немедленно выделить из состава 4-й танковой армии некоторое количество сил для оказания поддержки 4-й армии. Этого Гёпнер понять не мог, ведь положение его войск также было опасным. Клюге дал ему указание подготовить 20-й корпус к отходу, ибо приказы на отход передаются очень быстро. Поэтому у Гёпнера сложилось впечатление, что отход - дело решенное. Он попытался сам дозвониться до Гальдера, чтобы лично у него узнать о сроках отхода корпуса, но все его попытки связаться с начальником штаба ОКХ оказались тщетными. Тогда Гёпнер в 13.45 принял самостоятельное решение - вечером 8 января снять с позиций и отвести корпус, чтобы сократить фронт обороны. В 18.55 он доложил о своем решении Клюге, но командующий группой армий заявил, что он не может одобрить его приказ. В 23.35 Гёпнер был поставлен в известность о том, что фюрер немедленно отстраняет его от должности.

После этого Гитлер распорядился о "выдворении Гёпнера из армии со всеми вытекающими последствиями".

Фактически за Гёпнером осталось только право ношения формы. Против него не было возбуждено дело, и он не был предан военному суду. Новым командующим 4-й танковой армией стал генерал пехоты Рихард Руоф, который до этого был командиром 5-го армейского корпуса. Одновременно с ним в должность начальника штаба 4-й танковой армии вступил О. Реггигер, который сменил Шарля де Болье.

Командование 4-й армии, которое в течение целого дня, подобно Гёпнеру, добивалось разрешения на отвод своих войск, в 19.30 потребовало от Грейфенберга окончательно решить вопрос.

Гитлер, опасаясь, что 4-я армия также самовольно отойдет, был вынужден дать свое согласие. В 20.15 4-я армия получила разрешение отвести свои соединения. Однако кризис на всем участке фронта группы армий не ослабевал.

Трудности оперативного руководства у русского командования. Несмотря на все меры,

принимаемые Гитлером, ОКХ и Клюге, группу армий нельзя было бы спасти, если бы ей противостоял сильный, умеющий использовать свои преимущества противник, который обладал бы опытом ведения операций такого масштаба. Ей помогло то, что русские соединения также понесли большие потери и что отсутствовало единое руководство всеми русскими фронтами, принимавшими участие в битве за Москву{332}.

После самостоятельного отхода на зимнюю позицию 2-й немецкой армии удалось, несмотря на осуществленный русскими прорыв обороны в районе Дрошково, оборудовать новый рубеж в излучине реки Трудка и воспрепятствовать прорыву русских в направлении на Орел.

Соединения Брянского фронта настолько ослабли, что были вынуждены 1 января 1942 года приостановить свое наступление на рубеже Белев, Мценск, Верховье{333}. Наступавшие южнее части Юго-Западного фронта хотя и сумели в тот же день вклинуться в немецкую оборону на стыке войск группы армий "Центр" с 6-й армией группы армий "Юг", но 2-я армия в общем итоге с начала января сумела прочно удерживать свои позиции и у ее командования были основания сообщить, что армия с уверенностью может противостоять атакам, которые противник предпринимает имеющимися у него сейчас в наличии силами. Чтобы облегчить группе армий "Центр" управление войсками, Гитлер 12 января 1942 года решил передать 2-ю армию (без 35-го корпуса) в подчинение группы армий "Юг". 15 января после двухмесячного отпуска по болезни в армию вернулся ее командующий генерал-полковник Вейхс.

В то время как на этом участке фронта силы противника и его активность ослабли, в районе бреши между 2-й общевойсковой и 2-й танковой армиями возникла новая угроза, связанная с ударами оперативной группы Белова, овладевшей 28 декабря 1941 года Козельском и наступавшей в направлении на Юхнов, и с наступательными действиями 10-й армии Голикова. 27 декабря Голиков получил приказ передовыми отрядами захватить важный железнодорожный узел Сухиничи и одновременно вести усиленную разведку в направлении Кирова, чтобы перерезать железную дорогу Вязьма - Брянск и таким образом частично нарушить пути подвоза группы армий "Центр". Следовательно, объединения левого крыла Западного фронта (49, 50, 10 и 60-й армии, оперативная группа Белова), прорвавшие у реки Ока позиции противника на фронте 100 км, создали для группы армий "Центр" угрозу разрыва ее жизненной артерии. Пока 10-я армия с 27 по 31 декабря вела бои за Белев, являвшийся опорным пунктом обороны на рубеже реки Ока, и в конце концов сумела овладеть этим городом, Голиков бросил две свои дивизии на Сухиничи, чтобы отбить у немцев этот важный пункт. Гарнизон Сухиничей во главе с командиром 216-й пехотной дивизии генерал-майором фон Гильза, сведенный в группу фон Гильза, состоял из двух батальонов 216-й пехотной дивизии, одного батальона 403-й охранной дивизии, одного батальона 56-й пехотной дивизии, маршевого и строительного батальонов, а также трех батарей.

29 декабря начались бои за Сухиничи, которые непрерывно продолжались до конца января. Русским соединениям не удалось штурмом овладеть городом. Понеся тяжелые потери, они вынуждены были ограничиться тем, что окружили Сухиничи. Гитлер, стремившийся доказать, насколько правильными были его постоянные приказы держаться, употребил весь свой авторитет на то, чтобы этот город оборонялся так же, как Альказар{334}. При этом он никак не реагировал на то, что войска Голикова, минуя Сухиничи, продвинулись в западном и юго-западном направлении и 6 января овладели Мещовском, 8 января - Мосальском, 9 января - Жиздрой и 11 января - Кировом и что 61-я армия грозила окружением 53-му армейскому корпусу, оборонявшемуся юго-западнее Белёва. Русские войска, действовавшие слишком несогласованно, не сумели взять Сухиничи.

2-я танковая армия, пытавшаяся использовать на этом участке фронта переброшенные с Запада 208-ю и 211-ю пехотные дивизии для прикрытия железной дороги Рославль - Брянск, получила от Гитлера приказ деблокировать Сухиничи, нанося удары по флангам 10-й армии. 16 января, перегруппировав свои силы и подтянув резервы, 2-я танковая армия начала силами 24-го танкового корпуса наступление через Жиздру на Сухиничи. Немецкие войска не встретили особенного сопротивления со стороны слабых по своему боевому составу соединений Голикова.

Наступление немцев было для Голикова полной неожиданностью, так как он не думал, что 2-я танковая армия в состоянии нанести такой контрудар. С начала наступления до 6

декабря армия Голикова не получила ни одного человека пополнения. Ее стрелковые полки имели в своем составе в среднем по 250 человек. В дивизиях не было боеприпасов, кроме того, они сильно растянулись по фронту, так что немцам удалось быстро пробить брешь в обороне. Голиков, который в письме к Жукову от 5 января указывал на эту опасность, получил ответ, что до конца января пополнения не ожидается, транспортных батальонов вообще нет и что танки могут быть поставлены только после того, как будет снова занята дорога через Калугу. Бои продолжались до 24 января, когда немецкому 24-му танковому корпусу удалось установить связь с находившимися в окружении войсками.

Сталин, опасаясь нового контрудара немцев, перевел в район Сухиничей с северного фланга Западного фронта штаб 16-й армии во главе с Рокоссовским. В его задачу входило обеспечить управление войсками в районе Сухиничей и прикрыть фланг Западного фронта с западного и юго-западного направлений. Таким образом, хотя 28 января Сухиничи были окончательно сданы, все же немецким войскам удалось добиться значительного морального успеха. Наступление русских на участке фронта 2-й танковой армии также было приостановлено.

Не оставляет сомнений тот факт, что русское командование распылило силы 10-й и 61-й армий в районе Сухиничей и потеряло шанс сосредоточенным ударом осуществить прорыв слабо подготовленных оборонительных позиций на стыке между 4-й и 2-й танковыми армиями, чтобы затем двигаться на Юхнов или даже на Вязьму. Овладев немецкой позицией на реке Ока, русское командование должно было бы немедленно подтянуть новые силы, которые без особых трудностей могли бы перерезать шоссе в районе Юхнова и даже захватить Вязьму. Но к этому времени в распоряжении Западного фронта уже не было больше готовых к боевому использованию резервов.

1-й гвардейский кавалерийский корпус, который на 10 января имел в своем составе пять кавалерийских, две стрелковые дивизии, одну танковую бригаду и восемь отдельных частей, вследствие понесенных потерь к этому времени насчитывал 28 тыс. человек, 500 орудий и минометов и восемь танков Т-60{335}.

Сталин же считал, что для выполнения поставленной задачи 1-й гвардейский кавалерийский корпус и 50-я армия располагают достаточным количеством сил и что остальные русские соединения, действующие в полосе прорыва, могут перейти к обороне. В результате плохо организованного оперативного руководства у русских, когда командующие армиями оставались подчас в неведении относительно намерений вышестоящих штабов, немецким соединениям, поспешно стянутым для отражения удара, удалось предупредить опасность глубокого оперативного прорыва и полного раскола группы армий на стыке между 4-й и 2-й танковыми армиями и оборудовать новый оборонительный рубеж{336}.

Перед началом наступления Голиков не был сориентирован Жуковым ни об общем замысле, ни о задачах соседних армий, ни о своих последующих задачах. Он и в январе не знал обстановку западнее Москвы. Информацию о замыслах взаимодействующих с ним 61-й армии и кавалерийского корпуса Белова он получал в частном порядке{337}.

Возникает вопрос, почему русское командование не использовало предоставлявшиеся ему конкретные возможности, а преследовало какие-то цели, которых ему в конце концов не удалось добиться.

4. "Генеральное наступление Красной Армии" в январе 1942 года

Новый оперативный план Сталина. Сталин, которому удалось отвести огромную опасность, нависшую над советской столицей, и к концу декабря оттеснить немецкие войска местами до 250 км в западном направлении, который в операциях под Тихвином и Ростовом также добился успеха, хотя и более ограниченного, чем под Москвой, надеялся в конце декабря собрать свои силы для разгрома всей немецкой армии на Восточном фронте. Страх за Москву отступил, снова открылись школы, кинотеатры, театры, настроение у русского населения улучшилось.

Русские солдаты, окрыленные успехами, хотя и доставшимися им дорогой ценой, почувствовали свое превосходство над противником, и это Сталин стремился использовать. Однако он, как и Гитлер, переоценил боеспособность своих войск и недооценил силу сопротивления немецких соединений{338}. Он не прислушался к

мнениям командующих фронтами, которые ежедневно вынуждены были отмечать, что немецкие соединения из страха быть отрезанными и окруженными бьются не на жизнь, а на смерть и что, укрепившись на своих оборонительных позициях, они способны оказывать более упорное сопротивление. Кроме того, командующие фронтами хорошо знали, как обеспечены их войска людьми и техникой, а также каковы трудности в управлении войсками.

Оперативный замысел русского Верховного Главнокомандования состоял в том, чтобы силами Брянского фронта нанести удар в направлении на Орел, обойти противника в районе Болхова с севера{339}. Жукову надлежало силами ударной группировки левого крыла своего фронта к 11 января разгромить немецкие соединения в районе Мосальска и Юхнова и тотчас же двигаться в направлении на Вязьму, чтобы соединиться там с наступающими с севера войсками Калининского фронта. В результате должен был образоваться громадный котел, в котором могли быть разгромлены главные силы группы армий "Центр". Для того чтобы расчленить группировку в этом котле, 20-я армия получила задачу прорвать немецкую оборону на правом фланге Западного фронта, в районе Волоколамска, и наступать в направлении на Гжатск, в то время как Калининский фронт одной своей группировкой должен был нанести удар противнику в районе Ржева, а другой - двигаться на Вязьму с целью соединиться там с войсками Жукова. Одновременно этой группировке надлежало перерезать железную дорогу Минск - Вязьма и тем самым поставить под угрозу пути подвоза группы армий "Центр". Северо-Западный фронт имел задачу силами двух ударных армий во взаимодействии с Калининским фронтом вести наступление через Торопец, Велиж до Рудни, чтобы отрезать противнику пути отхода западнее Смоленска.

5 января 1942 года Сталин созвал в Москве Военный совет, в состав которого входил также и Жуков, с целью обсудить план дальнейших операций против немцев. Он считал, что, несмотря на потери, которые Красной Армии пришлось понести, настал момент перейти в генеральное наступление на всем протяжении фронта от Ленинграда до Ростова{340}.

Группы армий "Север" и "Юг", которые, подобно немецким войскам под Москвой, не были ни оснащены, ни подготовлены для ведения боев в зимних условиях, предполагалось также оттеснить на запад, а группу армий "Центр" окружить и окончательно разгромить.

Подготовка к этим операциям началась еще за две недели до созыва Военного совета{341}.

Развертывание 3-й ударной армии под командованием генерал-лейтенанта Пуркаева и 4-й ударной армии под командованием генерал-полковника Еременко, ранее командовавшего Брянским фронтом, началось в последние дни декабря и, поскольку оно велось без маскировки днем и ночью, стало известно немецкому командованию. В частности, в сводке штаба группы армий "Центр" 25 декабря 1941 года говорилось: "...шоссе Клин - Калинин - Торжок: 1200 машин движутся плотной колонной в направлении на Торжок. На шоссе Боровичи Вышний Волочек большие колонны машин... В Торжке сосредоточение техники и интенсивное движение на всех примыкающих дорогах".

Еще в конце декабря Жуков надеялся, что сможет получить одну армию для Калининского фронта, одну армию для Брянского фронта и две армии для Западного фронта, чтобы восстановить положение, которое существовало перед началом операции "Тайфун".

Однако 7 января 1942 года во все фронты поступили новые приказы Сталина о генеральном наступлении Красной Армии{342}.

Но этот широкий план, имевший цель окружить группу армий "Центр", был нереален и слишком мало учитывал соотношение сил между наступающими и обороняющимися{343}. Фронты и армии, которые в большинстве своем уже больше месяца непрерывно вели наступательные бои, не получая достаточного пополнения, были не в состоянии развить достигнутый успех, так как не располагали резервами. Все имевшиеся пополнения Сталин распылил по всему советско-германскому фронту и тем самым в конце концов помешал достижению полного успеха операции, относительно хорошо начатой под Москвой. Свежие, но не имевшие боевого опыта соединения были

только в распоряжении 3-й и 4-й ударных армий, которым, однако, пришлось вести наступление по сильно заболоченной и лесистой местности, вдали от путей подвоза, почти не имея возможности развернуть свои силы для удара по немногочисленным на этом участке фронта немецким войскам.

Еременко отмечает, что войскам его армии, чтобы продвигаться вперед, приходилось на каждом километре валить до тысячи деревьев. Тяжелое вооружение и обозы едва могли следовать за войсками. Борьба на центральном участке фронта группы армий "Центр". Наступление силами Брянского фронта и соединениями на южном крыле Западного фронта успеха не имело и не оправдало надежд Сталина{344}. Более благоприятно обстановка складывалась сначала на центральном участке Западного фронта, где в результате прорыва в районе Боровска и появления угрозы над Юхновом русским удалось вынудить 4-ю армию к отходу.

5 января 1942 года русские войска во взаимодействии с соединениями, наносившими удар через Боровск на Верею, а также в южном направлении, начали наступление на Медынь и с севера обошли немецкий 57-й армейский корпус. С 8 января{345} начались бои за Медынь, а наступление соединений Белова через Мосальск в направлении автострады создало угрозу окружения 4-й армии. Генерал Людвиг Кюблер видел единственный выход из сложившегося положения в отходе на всем фронте. Жуков, считавший, что для захвата Юхнова силы 1-го гвардейского кавалерийского корпуса слишком недостаточны, 10 января отдал Белову приказ, минуя Мосальск, наступать в направлении на Вязьму, чтобы соединиться с наступающим с севера 11-м кавалерийским корпусом Калининского фронта. Удар на Юхнов должен был осуществляться силами 50-й армии с юга, силами 49-й армии с востока и силами 43-й армии с северо-востока. 43-я армия, продвигаясь из района Боровска все глубже в немецкие тылы, атаковала Медынь, которую Гитлер, подобно Сухиничам, приказал оборонять, как Альказар.

В то время как немецкие войска с трудом отбивали атаки русских в районе Медыни, всего в 5 км от передовой в тыловом районе находились хорошо оборудованные, господствовавшие над местностью позиции на восточном берегу реки Шаня, которые войска не имели права занять. Опасаясь, что противник в случае захвата Медыни отрежет пути отхода немецким войскам и сможет двигаться по шоссе в направлении на Юхнов, Кюблер снова стал настаивать на том, чтобы оставить город и занять позиции на реке Шаня. "За всю свою жизнь мне едва ли приходилось говорить с такой убежденностью... Мы не можем открывать противнику дорогу в тыл. Я должен все бросить на чашу весов, ничего другого не остается, как оставить город. Медынь и так обречена, но в одном случае придется смириться с потерей большей части гарнизона, а в другом можно обойтись без потерь".

После долгих переговоров Ключе все же удалось добиться от Гитлера разрешения на отход 4-й армии на укрепленный рубеж по реке Шаня. Благодаря этому армия смогла снова обрести боевой дух.

Отмена приказа держаться. Глубокий прорыв, осуществленный русскими войсками в районе Ржева, предпринимаемые с 10 января соединениями правого фланга Западного фронта сильные удары против 3-й и 4-й танковых армий и совершенные 12 января прорывы в районе {298} Волоколамска, а также невозможность ликвидировать брешь в районе Боровск, Верея показали наконец Гитлеру, что крушение всей обороны группы армий "Центр" является лишь вопросом времени.

Прорвавшаяся западнее Ржева русская 39-я армия 10 января своими передовыми частями достигла района Сычевки и в тот же день вышла на шоссе Ржев - Великие Луки. Кроме того, 29-я армия непрерывно атаковала упорно оборонявшийся немцами Ржев. Штаб 9-й армии, чтобы не попасть в окружение, 12 января переместился в Вязьму{346}. Прорыв русской 20-й армии на участке 5-го армейского корпуса (3-й танковой армии) приостановить было невозможно. Генерал Рейнгардт докладывал 12 января, "что, если сверху не последует приказ об отходе, он будет вынужден сам отдать такой приказ. Нельзя нести ответственность за сохранение настоящего рубежа без боеприпасов и продовольствия".

Требования Ключе, донесения о потерях и случаях обморожения{347} и трудности, связанные со своевременной переброской на фронт достаточного количества резервов,- все это поставило вопрос о необходимости отвода войск по всей линии фронта группы армий. Сильные снегопады в январе парализовали железные дороги. 26 января Гальдер

говорил о катастрофическом положении с транспортом. В ежедневных переговорах с руководством Клюге приходилось добиваться отвода войск на отдельных участках фронта. 12 января он осуществил отвод правофланговых соединений 4-й танковой армии, 13 января отвод соединений 4-й армии, а 14 января - отвод 3-й танковой армии на новые позиции, сократив фронт обороны. 15 января 1942 года командующий группой армий "Север" генерал-фельдмаршал Риттер фон Лееб подал рапорт об отставке, поскольку ему было запрещено где-либо отводить войска. У командующего группой армий "Юг" генерал-фельдмаршала фон Рейхенау случилось кровоизлияние в мозг, и он вышел из строя. Командующий 9-й армией генерал-полковник Штраус обратился к Клюге с просьбой о замене, так как считал невозможным далее выполнять поставленные перед армией задачи {348}. В связи со сложившейся обстановкой Клюге удалось в конце концов получить от Гитлера принципиальное согласие на отход войск по всей линии фронта. Таким образом, в результате борьбы, продолжавшейся больше месяца, руководству группы армий удалось наконец снова обрести известную свободу действий {349}. Это способствовало тому, что к концу января Восточный фронт стабилизировался.

15 января 1942 года Гитлер отдал следующий приказ: "В связи с тем что не удалось ликвидировать прорыв противника севернее Медыни и западнее Ржева, командующему группой армий "Центр" разрешается отвести 4-ю армию, 4-ю и 3-ю танковые армии на рубеж восточнее Юхнова, восточнее Гжатска, восточнее Зубцова, севернее Ржева. При выборе нового рубежа обороны необходимо строго соблюдать требование о том, чтобы шоссейная дорога Юхнов - Гжатск - Зубцов - Ржев не попадала в зону воздействия противника".

Этот отход войск на зимнюю позицию при сокращении фронта обороны на 100 км Гитлер обусловил целым рядом дополнительных требований. Во-первых, необходимо было наступательными действиями ликвидировать прорыв противника в районе Ржева и отрезать его ударные группы. Во-вторых, 4-я армия и 4-я танковая армия до отхода на зимнюю позицию должны были предпринять активные действия в целях ликвидации прорыва в районе Медыни. В-третьих, 4-й армии была поставлена задача обеспечить прикрытие шоссейной дороги Рославль Юхнов, а 2-й танковой армии - задача деблокировать Сухиничи.

Чтобы высвободить резервы для этих операций, Гитлер позволил Клюге выровнять линию фронта 3-й танковой армии в районе Волоколамска, 4-й танковой армии в районе Рузы и 4-й армии юго-восточнее Юхнова. О том, насколько неприятна Гитлеру была необходимость считаться с требованиями фронтовой обстановки, свидетельствует последний абзац его приказа от 15 января 1942 года: "В этой войне впервые мне пришлось отдать приказ об отходе войск на сравнительно большом участке фронта. Я надеюсь, что этот отход произойдет в достойной немецкой армии форме. Чувство превосходства над противником и фанатическая воля причинить ему максимальный ущерб должны возобладать в немецких войсках и во время отхода".

Общая стабилизация положения группы армий "Центр". Попытки 9-й армии закрыть брешь западнее Ржева не удалось. После того как пост командующего 9-й армией занял генерал танковых войск Вальтер Модель, этому предприимчивому командиру удалось 21 января потеснить передовые части 39-й армии русских под Сычевкой. Свою роль сыграли большие потери 39-й армии и трудности в снабжении. Прорвавшиеся соединения смогли только в очень ограниченных масштабах достичь достигнутый успех. Днем позже войска Моделя при поддержке 8-го авиакорпуса контратаковали западнее Ржева войска Калининского фронта, которые силами 29-й армии 17 января вели наступление в южном направлении на Вязьму. В ожесточенных боях, вызвавших большие потери с обеих сторон, немецкому командованию удалось восстановить 23 января связь между 23-м и 6-м армейскими корпусами и тем самым перерезать пути снабжения прорвавшихся в южном направлении сил русских. Так как удар немцев был для русского командования неожиданным и оно не могло изыскать резервы для нанесения контрудара, немцам удалось укрепить "мост" между обоими корпусами. Все попытки соединений русских 29-й и 30-й армий восстановить пути подвоза были отражены. Немецкие войска удерживали занятые рубежи. Тем самым были созданы предпосылки для стабилизации линии фронта на северном участке группы армий "Центр". Хотя бои с целью окружения и уничтожения группировки русских войск затянулись до 20 февраля 1942 года, самая большая опасность, угрожавшая немцам на участке 9-й армии, в конце января была устранена.

Наступление войск Северо-Западного фронта, нанесших 9 января удар на стыке групп армий "Север" и "Центр" в направлении на Велиж и сумевших прорвать позиции немцев на фронте 100 км в районе Осташкова (16 января немцы оставили Андреаполь, а 21 января Торопец), было остановлено в районе Велижа быстро сосредоточенными здесь немецкими войсками.

Для обороны района Великие Луки, Велиж ОКХ использовало 83-ю пехотную дивизию, переброшенную с Запада, части 403-й охранной дивизии, два истребительных отряда и отдельные тыловые части под общим руководством штаба 59-го армейского корпуса. В начале февраля удалось дополнительно перебросить на этот участок 330-ю и 205-ю пехотные дивизии, а также еще два истребительных отряда.

4-я ударная армия, которая 22 января была подчинена Калининскому фронту, продвигалась по лесному массиву южнее Торопца очень медленно и не могла представлять серьезную опасность для немецких коммуникаций между Вязьмой и Смоленском. Наступательные операции 3-й и 4-й ударной армии в последние дни января вели без танков, в отрыве от главных сил фронта. Командование этих армий не располагало достаточными сведениями о противнике. До этого армиям пришлось пройти с боями по бездорожью около 250 км при температуре до - 40° и в условиях снежного покрова до 110 см. Не хватало продовольствия и боеприпасов. Поэтому ослабленным немецким войскам, которые были подчинены командованию 3-й танковой армии {350}, удалось наконец остановить наступление русских. 15 - 16 января 1942 года правофланговые объединения Западного фронта (1-я ударная, 20-я и 16-я армии) прорвали оборону немцев и тем самым нарушили планомерность отвода немецких 3-й и 4-й танковых армий на новые позиции. Когда возникла необходимость ввести в прорыв резервы, Сталин, обычно чересчур оптимистично оценивавший обстановку и считавший, что немецкие войска находятся при "последнем издыхании", приказал до 19 января снять с фронта 1-ю ударную армию и вывести ее в резерв Ставки в район Демянск, Старая Русса. Контрпредложения Жукова, доказывавшего, что в связи с этим полоса наступления 20-й армии увеличится вдвое и дальнейшее продвижение будет чрезвычайно затруднено, Сталин отверг. Учитывая развитие обстановки под Сухиничами, Жуков даже был вынужден 21 января снять часть сил 16-й армии и немедленно перебросить их на юг, чтобы отразить контрудар 2-й танковой армии {351}. Тем самым наступление правого фланга Западного фронта, после того как он продвинулся в январе на 40 - 50 км, вследствие нехватки сил было прекращено и остановлено перед новой зимней позицией немцев. Прорыв в направлении Сычевки, осуществленный в 50 км западнее, а также попытка установить связь с войсками 39-й и 29-й армий, находившимися под Ржевом и стремившимися отрезать северный фланг немецких войск, не удалась {352}.

Более успешными оказались действия русских войск севернее Медыни. Чтобы облегчить 33-й армии прорыв в направлении Вязьмы, с 18 по 21 января под населенными пунктами Знаменка и Желанье были использованы 250-й воздушно-десантный полк и два батальона 201-й воздушно-десантной бригады, которые должны были сковать немецкие войска с тыла и соединиться с частями 1-го гвардейского кавалерийского корпуса. 19 января Ставка приказала войскам 33-й армии прорываться в направлении на Вязьму и там соединиться с 1-м гвардейским и 11-м кавалерийским корпусами, а также с частями воздушно-десантных войск. 18 января соединения 33-й армии из района прорыва под Медынью продвинулись в направлении на Юхнов, подойдя к нему на расстояние 15 км. Попытки немецких 4-й общевойсковой и 4-й танковой армий остановить прорвавшегося противника путем контратак были осложнены тем, что русские уже находились в тылу запланированных для 4-й армии зимних позиций. Гитлер, не желавший дать разрешение на отвод войск далее запланированных позиций, приказал командующему 4-й армией явиться к нему для доклада {353}. По мнению фюрера, Кюблер не был тем человеком, который мог справиться с кризисом. Поэтому он решил, что Кюблер будет находиться "в распоряжении ОКХ, пока не восстановит своего здоровья", и назначил новым командующим армией командира 43-го армейского корпуса генерала пехоты Хейнрици {354}. Одновременно был сменил и начальник штаба 4-й армии. Бывшего начальника штаба армии полковника Блюментрита, который получил звание генерала и был назначен 18 января обер-квартирмейстером в штаб сухопутных сил, сменил полковник генерального штаба Юлиус фон Вернут. Хейнрици, несмотря на энергичные действия, не смог выполнить отданный ранее Гитлером приказ о соединении с 4-й танковой армией в районе Чанского завода {355}. Несмотря на неоднократные контратаки, немецким войскам 26 января не удалось соединиться и воспрепятствовать

продвижению на запад сильных группировок противника. Так как ни Хейнрици, ни командующий 4-й танковой армией генерал Руоф не видели возможности восстановить прорванный противником фронт восточнее Юхнова, Клюге решил после тщательного обсуждения этого вопроса с командующими армией отвести 4-ю армию примерно на 15 - 20 км на запад и создать в районе Износки сплошной фронт обороны. Нанесение планировавшегося на 29 января контрудара в связи с погодными условиями и значительными трудностями перегруппировки сил было отложено до 3 февраля 1942 года. Хейнрици хотел сначала оставить Юхнов и отвести войска 4-й армии на рубеж Угры. Этому предложению Хейнрици соответствовало решение Клюге, который считал, что, если противник уже вышел значительными силами в тыл, целесообразно отвести всю 4-ю армию через Юхнов на Угру. Учитывая наличие противника в тылу, решение нужно было принять очень быстро. Но Гитлер решительно воспротивился этому. Хейнрици был вынужден лично отправиться в Юхнов для организации контрудара и вскоре смог доложить, что перекинут "мост" на север к 4-й танковой армии, достигнут большой успех.

И все же положение 4-й армии оставалось критическим. В результате ударов 1-го гвардейского кавалерийского корпуса в районе шоссеной дороги эта жизненная артерия 4-й армии, начиная с 13 января, почти ежедневно нарушалась. Движение по шоссе могло осуществляться только при усиленной охране. Ослабленные части 40-го танкового корпуса в течение двух недель отражали попытки генерала Белова нарушить пути подвоза 4-й армии. Все это очень беспокоило командование 4-й армии и ОКХ. Страх перед действиями партизан, парашютистов и прорвавшихся через фронт отрядов кавалерии все больше усиливался.

В журнале боевых действий 4-й армии 19 января 1942 года отмечалось: "Севернее лесничества Богородицкое создалась очень опасная обстановка из-за действий партизан и просочившихся в тыл подразделений русских регулярных войск. Противник продолжает выброску парашютистов. Строительные части и подразделения связи подверглись нападению и были разгромлены. Многие старосты казнены русскими".

Немецкие войска, которые должны были отражать удары русских одновременно с севера, востока и юга, чувствовали себя отрезанными от путей отхода, обеспечить которые можно было только вводом свежих сил. Но пополнения, несмотря на все обещания, поступали на фронт в совершенно недостаточном количестве. В то время как русским удалось к середине января пополнить свои войска 12 стрелковыми, одной кавалерийской дивизиями, пятью танковыми и пятью стрелковыми бригадами {356}, в группу армий "Центр" прибыли в качестве пополнения 83-я пехотная дивизия 3-й танковой армии, 211-я пехотная дивизия 2-й танковой армии, 216-я пехотная дивизия, собранная из частей 9-й и 4-й общевойсковых и 2-й танковой армий, а также 246-я пехотная дивизия 9-й армии. До конца марта группе армий "Центр" были подчинены еще 205, 208, 330, 331, 328 и 342-я пехотные дивизии {357}. Хейнрици докладывал командованию группы армий "Центр", что "все, от простых солдат до командиров дивизии, все время спрашивают, почему могущественная Германия не может поставить на фронт нужное количество пополнения".

По вопросу о пополнении Гальдер указывал, что для покрытия больших потребностей Восточного фронта в личном составе в распоряжении ОКХ имелось около 500 тыс. человек, считая возвратившихся в строй после излечения, переведенных из тыловых частей и подразделений на фронт и лиц, подлежащих призыву в связи с отменой брони. Гальдер при этом отмечал, что контингент призыва 1922 года, проходивших военное обучение, в основной своей массе предусмотрен как пополнение для проведения операций летом 1942 года.

К счастью для обороняющихся немецких войск, в это время иссякали силы и у русских. Командующий Западным фронтом был вынужден буквально выбивать у Ставки каждое противотанковое ружье, каждый пулемет, так как материальные резервы были израсходованы. Прежде всего не хватало боеприпасов. Жуков подсчитал, что он получил в январе для своих войск только 44% необходимого количества боеприпасов для артиллерии, только 2 % - для 50-мм минометов и 36% - для 120-мм минометов {358}. Реактивная артиллерия в связи с отсутствием боеприпасов была вообще снята с фронта.

При таком положении войска, конечно, не обладали большой ударной силой. В ночь с 25 на 26 января Белову наконец удалось прорваться главными силами кавалерийского

корпуса через шоссе в долину рек Попольта и Рессета, но его войска понесли очень большие потери. Из 28 тыс. человек, с которыми корпус начинал бой за шоссе, к 7 февраля осталось только 6 тыс. человек, в том числе до 1500 раненых{359}. Естественно, прорыв на Вязьму такими силами не мог быть осуществлен. До конца января тремя стрелковыми дивизиями 33-й армии (113, 160 и 338-й) удалось в районе Износки прорваться на запад, но немецкое командование сумело создать оборону под Вязьмой и отразить удары русских. Наступавший на Вязьму с севера 11-й кавалерийский корпус Калининского фронта 26 января достиг шоссе западнее Вязьмы, но контрудары 5-й танковой и 208-й пехотной дивизий вынудили его отступить и перейти северо-восточнее Москвы к обороне. Попытки Сталина активизировать наступательные действия путем сосредоточения руководства всеми операциями западнее Москвы в руках Жукова{360} не увенчались успехом. В конце января 1942 года вследствие недостатка сил русское контрнаступление также выдохлось, как и немецкое наступление 5 декабря 1941 года{361}. После того как 4-й общевойсковой и 4-й танковой армиям удалось 3 февраля отрезать прорвавшиеся к Вязьме три дивизии 33-й армии и создать новый стабильный фронт, прорвавшиеся в тыл немцев советские войска оперативной угрозы уже не представляли.

Раздел II.

Последствия военного и психологического характера

1. Состояние восточной армии в конце января 1942 года

Таким образом, в последние дни января и первые дни февраля удалось создать новый фронт группы армий "Центр", который держался и в последующие месяцы. Однако сильного наступления он бы не выдержал, так как немецкие войска, подобно своему русскому противнику, были на пределе сил. 31 января Хейнрици доносил, что его соединения "перенапряжены и душевно истощены. У солдат и офицеров отмечаются нервные припадки. В батальонах осталось примерно по два офицера, 12 унтер-офицеров, 60 солдат, по пять пулеметов и два тяжелых пулемета. Пополнение недостаточно обучено, маршевые батальоны должной помощи не оказывают. Врачи отмечают у солдат как общее явление повышенную нервозность и апатию".

В отчете майора Ёмихина, который с 9 по 24 февраля 1942 года был прикомандирован главнокомандованием сухопутных сил к 4-й армии с целью выявления настроений на фронте, констатировалось, что моральный дух в войсках начал укрепляться только с середины февраля, когда ослабли наступательные действия русских. "После всего того, что пришлось пережить нашим войскам, вызывают удивление их бодрое настроение и выдержка. Моральная подавленность, связанная с отходом, преодолена... Боевой дух поддерживается только надеждами на замену фронтовых частей, предоставление отпусков и весеннее наступление. Солдаты и младшие офицеры связывают с этим наступлением надежду на поворот в своей судьбе. Снова начнется движение вперед, снова наступит доброе летнее время... Оценивая эти отчеты о настроениях на фронте, следует учитывать, что солдат, если с ним заговаривает начальник, старается показать себя с лучшей стороны, а тем более когда он узнает, что этот начальник из очень высокой инстанции".

Но если в войсках настроение улучшилось, то положение в оперативных штабах, начиная от дивизии и выше, было совершенно другим. "В настроении командиров соединений чувствуется глубокая горечь по поводу происшедшего и большая тревога за будущее, то есть за ближайшее развитие событий. Наряду с бесконечными нареканиями по поводу организации снабжения, и главным образом зимним обмундированием, многие высказывают мнение, что "зимой катастрофы можно было бы избежать, если бы к нам прислушивались. Мы предупреждали, как только могли. Нас никто не слушает, наши доклады не читаются, а если и читаются, то не принимаются всерьез. Никто не желает знать правды..."

Другой без конца повторяющийся упрек сводится к следующему: решение отвести войска слишком запоздало. "Мы знаем средства обороны, но у нас связаны руки, самостоятельных решений мы принимать не вправе. Выполнение общего приказа о безоговорочном удержании позиций, объявленного войскам в торжественной обстановке, а через несколько часов опрокинутого под напором событий, приводит лишь к тому, что вместо планомерного отхода происходит отступление войск, теснимых противником. Вследствие этого возникают тяжелые, невосполнимые потери в людях и

технике".

Среди отдельных офицеров группы армий "Центр" на основе каждодневных фронтовых наблюдений сложилось убеждение, что необходимо поднять голос протеста против руководства Гитлером армией, ибо он своими действиями доказал, что ведет Германию к катастрофе.

Потери, понесенные в зимние месяцы, были невозможными. И если Гитлер находил их не очень серьезными, то ОКХ вынуждено было после окончания зимней кампании весной 1942 года констатировать, что "большие потери в людях и технике, понесенные в ходе прошлых боев на Восточном фронте ... могли быть покрыты за счет пополнений из Германии только частично".

Гитлер заявил 28 января 1942 года: "Если эта война обойдется нам в четверть миллиона убитых и 100 тыс. инвалидов, мы восполним потери благодаря значительному увеличению рождаемости". И еще: "Если прольется кровь, то я не буду мешать, так как настоящее мировое господство... может основываться только на собственной крови".

Несмотря на все предпринимаемые усилия, нельзя было избежать того, что подвижность дивизий значительно сократилась, а это вело к снижению боеспособности войск. В действительности людские и материальные потери немецкой армии на Восточном фронте, в особенности группы армий "Центр", были настолько велики, что все попытки в достаточной мере восполнить их оставались безрезультатными{362}.

Хотя людские потери немецких соединений в России за декабрь составили 77857 человек{363} и за январь - 87 082 человека и были по сравнению с прежними потерями за месяц незначительными, но, учитывая, что пополнение в людях могло осуществляться только за счет сельского хозяйства, торговли и промышленности, их последствия оказались тяжелее, чем последствия потерь в начале кампании. Потери немецкой сухопутной армии на Восточном фронте составили к 31 января 1942 года 917 985 человек, в том числе 28 935 офицеров. В одной только группе армий "Центр" некомплект составил 381,5 тыс. человек. Потери ВВС на Восточном фронте на это время насчитывали 18 098 человек. Несмотря на усилившуюся переброску подкреплений в последующие месяцы, все же не удалось даже приблизительно восполнить потери в численном составе немецкой армии на Восточном фронте. В одном документе ОКБ "О боеспособности вооруженных сил весной 1942 года" отмечалось, что полное восполнение зимних потерь невозможно. К 1 мая 1942 года в немецкой армии на Восточном фронте все еще существовал некомплект 625 тыс. человек. Соединения группы армий "Юг" располагали всего лишь 50%, а группы "Север" и "Центр" - только 35% своего первоначального состава{364}.

В период с 22 февраля по 1 мая 1942 года сухопутные войска на Восточном фронте получили пополнение 1 млн. человек за счет промышленности. Чтобы восполнить большой некомплект, Кейтель вынужден был 31 марта 1942 года отдать приказ о том, что на время войны добровольцы по достижении 17 лет могут призываться в вермахт или войска СС без согласия родителей.

Резервов больше не было{365}. Имеющиеся людские ресурсы могли использоваться только для пополнения группы армий "Юг", которая в 1942 году должна была принять на себя основную тяжесть боевых действий. Об изъятии рабочих из промышленности и передаче их вооруженным силам не могло быть и речи, так как это привело бы немецкую промышленность к катастрофе. В одной только военной промышленности общая потребность в рабочей силе составляла до июля 1942 года 1,4 млн. человек, а значит, 900 тыс. человек не хватало.

Тяжело сказались также материально-технические потери, которые в зимние месяцы, во время отступления немецких соединений, сильно возросли. Особенно большие потери в начале русского контрнаступления немцы понесли в танках: с 1 по 20 декабря - 242 машины.

С 1 по 10 января 1942 года в результате прорывов фронта русскими соединениями немцы потеряли еще 242 танка. В общей сложности немецкая армия на Восточном фронте потеряла в декабре и январе 947 танков и штурмовых орудий. Таким образом, общие потери с начала восточной кампании по 31 января 1942 года возросли до 4241 танка и штурмового орудия, новые же поступления составили всего лишь 873 танка. В 16

танковых дивизиях, действовавших в России, по состоянию на 30 марта 1942 года оставалось всего только 140 годных для использования в бою танков.

С июля 1941 года по 31 января 1942-го было произведено 2842 танка и штурмовых орудия{366}. Требовалось ежемесячно производить 600, а весной 1942 года даже 800 танков, но эти цифры не были достигнуты. Ежемесячное производство танков в 1942 году составило: в январе - 320, в феврале - 377, в марте - 330, в апреле - 363, в мае - 408, в июне - 369, в июле 339{367}.

Наивысших показателей немецкая военная промышленность достигла в декабре, произведя 720 танков, штурмовых и самоходных орудий.

Большие потери Восточная армия понесла также в автотранспорте, что сильно ограничило ее подвижность. За первые двадцать дней декабря вышли из строя 2794 мотоцикла, 2254 легковые автомашины и 4327 грузовых. В тяжелых боях, происходивших в первые десять дней января, было потеряно еще 1557 мотоциклов, 1380 легковых автомашин и 2292 грузовые. В конце января 1942 года потери мотопарка составили 101 529 машин, из них 42 851 мотоцикл, 28 942 легковые автомашины и 41 135 грузовых. Помимо этого имели место потери общевойскового имущества в количестве 4088 повозок. Во время боев при отходе войск чрезвычайно увеличались потери в лошадях, которые составили на 31 декабря 1942 года 207 943, включая убитых, больных и непригодных больше к боевому использованию. Потери в автомашинах и конном парке сильно отразились на подвижности войск в 1942 году. В связи с тем что потери в мотопарке не удалось восполнить даже в минимальной степени, пришлось сократить нормы обеспечения автомашинами не только в пехотных дивизиях, но и в моторизованных войсках РК и даже в подвижных соединениях.

Чтобы в предстоящих операциях обеспечить хотя бы 85% первоначальной мобильности группы армий "Юг", пришлось демоторизовать все соединения групп армий "Юг" и "Север". По этой причине обе группы армий могли вести более или менее крупные операции только вблизи железных дорог с большой пропускной способностью.

Таким образом, обе группы армий были ограничены в своих оперативных действиях, а пополненные соединения группы армий "Юг" ввиду недостатка подвижных средств также были малоспособны, а частью своих пехотных дивизий и вовсе неспособны вести крупные наступательные операции{368}. Кроме того, службы снабжения, которые уже в 1942 году не оправдали возлагаемых на них надежд, испытывали большие трудности в своей деятельности, несмотря на сосредоточение колонн при армиях. В связи с "демоторизацией" соединений большой вес приобрело использование конского состава, но так как лошадей не хватало, то боеспособность соединений значительно ослабла, особенно артиллерии на конной тяге в группах армий "Центр" и "Север". Но из-за больших потерь в оружии и технике пострадала не только подвижность войск на Восточном фронте, но и их боеспособность.

По сравнению с предыдущими месяцами потери в ручном огнестрельном оружии и пулеметах в декабре увеличились примерно вдвое, а в тяжелом пехотном оружии и орудиях втрое. И хотя в начале 1942 года потери снизились, все же в середине января главнокомандование сухопутных сил вынуждено было констатировать, что потери, в особенности тяжелого пехотного оружия и артиллерийских орудий, не могли быть восполнены, так как командующий армией резерва не располагает в настоящее время необходимыми для пополнения резервами{369}.

Это особенно сказалось на группе армий "Центр", тем более что даже имеющееся в наличии легкое оружие не могло быть своевременно доставлено на фронт, ввиду того что система снабжения в январе была сильно нарушена. В оперативной сводке от 5 февраля 1942 года говорилось: "Потери в оружии, понесенные в январе, в настоящее время не могут быть восполнены. Оружие взамен потерянного в декабре не доставлено в войска в связи со сложным положением на транспорте. В настоящее время 18 эшелонов с вооружением и техникой находятся в готовности к отправке на фронт".

Общие потери в оружии на 31 января 1942 года составили: винтовок - 66 432, 37-мм противотанковых пушек - 3 787, 50-мм противотанковых пушек - 475, пулеметов - 24 247, легких минометов - 3 572, тяжелых минометов - 2 318, полевых гаубиц легких - 1 300, тяжелых - 642, пехотных орудий легких 1067, тяжелых - 352. Такие большие потери привели к тому, что в группе армий "Юг" лишь с трудом удалось весной 1942 года

произвести пополнение оружием и техникой. Но требования всей армии, действовавшей на Восточном фронте, удовлетворить было невозможно. Так, 30 % артиллерийских частей не могли быть полностью оснащены в соответствии с положенными нормами. Производство минометов, пехотных орудий, а также легких и тяжелых гаубиц отставало от фронтового потребления, в результате чего запасы этих видов оружия в 1942 году также сократились.

В отчете о боевом состоянии всех находящихся на Востоке дивизий на 30 марта 1942 года ОКХ отмечало, что из 162 введенных в действие на Восточном фронте дивизий только восемь дивизий были полностью готовы к боевому использованию в предстоящих наступательных операциях, три дивизии нуждались в краткосрочном отдыхе и пополнении, 47 дивизий были ограниченно годны для наступательных действий, а основная масса дивизий могла быть использована самое большее для выполнения оборонительных задач{370}.

Потери ВВС на Восточном фронте составили в декабре 1941 года 351 самолет, в январе 1942 года 378 самолетов, а в конце января общее их число достигло 6894 самолета, из них 4903 самолета - безвозвратные потери. С середины января командование ВВС было вынуждено докладывать, что потери авиации на Восточном фронте больше не могут восполняться. На 31 января 1942 года в распоряжении служб снабжения вообще больше не было ни одного резервного самолета, за исключением 17 самолетов войсковой разведки и 18 самолетов дальней разведки. Но и в последующие месяцы, несмотря на реорганизацию предприятий, авиационная промышленность не могла при достигнутом среднем уровне производительности удовлетворять запросы ВВС{371}.

31 марта 1942 года ОКВ констатировало, что при наименьшей ежемесячной потребности в 1007 самолетах (490 бомбардировщиков и разведчиков, 400 истребителей и ночных истребителей, 75 пикирующих бомбардировщиков, 43 транспортных самолета) в среднем примерно производится 785 самолетов, но и эта цифра будет уменьшаться вследствие сокращающихся поставок сырья{372}.

Потери, понесенные зимой 1941/42 года, привели к тому, что боевая мощь вооруженных сил ввиду невозможности пополнения их в должной мере личным составом и техникой в общем оценивалась весной 1942 года значительно ниже, чем весной 1941-го{373}. Верховное главнокомандование старалось приуменьшить значение этого факта, ссылаясь на потери противника, на лучшее, чем у противника, оперативное руководство войсками, а также на совершенство немецкого оружия и наличие боевого опыта. Однако при этом оно забывало о том, что советские войска тоже приобрели боевой опыт, что к тому же они в результате военных поставок по ленд-лизу могли восполнить часть своих потерь в технике.

В рамках первого протокола англосаксы поставили СССР до июня 1942 года 56 тыс. т химикалий, 168 тыс. т нефтепродуктов, 305 тыс. т продуктов питания, 425 тыс. т различного металла, 4650 танков, 3100 самолетов, 6823 джипа, 36865 грузовых автомобилей, 1681515 пар обуви, 1 769 690 ярдов сукна, 56 тыс. полевых телефонных аппаратов{374}. Благодаря тому что две трети сил немецкой армии на Восточном фронте не могли продолжать наступательные операции, советские войска сумели сосредоточить свои силы и направить их против группы армий "Юг".

18 мая 1942 года японский военный атташе в Москве докладывал, что русское руководство ожидает новое германское наступление с направлением главного удара на Кавказ. Василевский, в то время первый заместитель начальника Генерального штаба, утверждает, однако, что весной 1942 года Ставка ожидала возобновления наступления на Москву{375}.

Новое наступление группы армий "Юг" было с самого начала решающим образом затруднено. Цель Гитлера окончательно разгромить русскую армию и его требование не только оккупировать земли, но и в первую очередь разбить и разоружить русские соединения были, по всей видимости, неосуществимы, если учесть, что немецкие вооруженные силы заметно ослабли в ходе зимних боев.

2. Выводы Гитлера

До конца января 1942 года Гитлер сам, казалось, не верил в то, что ему еще удастся спасти положение на Восточном фронте. И если его новогоднее обращение и его

новогодний приказ носили несколько мрачный оттенок, сообщая о тех громадных трудностях, которые несет с собой 1942 год и которые немецкому народу предстоит выдержать с помощью всевышнего, то все более обостряющийся кризис в середине января окончательно дал ему понять, что кульминационный пункт достигнут и что отныне завоевать победу больше невозможно. В своей новогодней речи Геббельс заявил: "Никто не знает, как долго еще продлится война".

Министр иностранных дел фон Риббентроп, поздравляя Гитлера с Новым годом, говорил ему о заключении мира с СССР, но Гитлер счел это невозможным...

Ежедневные столкновения со своими ближайшими советниками, которым Гитлер больше не доверял, а также с командующими группами армий и армиями на Восточном фронте, казалось, сломили постепенно и его упорное сопротивление. Надежда, что ему еще удастся спасти Восточную армию, все более улетучивалась. 27 января он заявил: "Я и тут остаюсь непреклонным. Если немецкий народ не готов к самопожертвованию, ладно: тогда он должен исчезнуть" {376}.

Не переставая восхищаться своим полководческим талантом, вину за поражение на фронте он переложил на немецкое население, которое становилось все более недовольным и беспокойным. "Если представить себе, что Фридриху Великому противостояли силы в двенадцать раз большие, то мы себя должны назвать не иначе, как... дерьмо! Ведь на этот раз превосходство на нашей стороне... Разве это не позор?"

В действительности немецкому руководству на протяжении всего похода до весны 1942 года не удалось, несмотря на предпринимаемые усилия, сравняться в количественном отношении с соединениями русских... ОКХ до начала октября направило на Восточный фронт 24 резервные дивизии, но на этом иссякло пополнение в личном составе. Только весной 1942 года удалось направить на Восточный фронт новые, полностью укомплектованные дивизии. Вместе с тем Красной Армии, которая уже в начале кампании имела численное превосходство, к 31 декабря 1942 года удалось вновь сформировать 286 стрелковых дивизий и 159 стрелковых бригад, а также точно не установленное количество танковых бригад, артиллерийских полков, отдельных танковых батальонов и т. д. {377}. Германская разведка 1 мая 1942 года указывала, что, несмотря на понесенные потери, СССР имеет в качестве оперативного резерва более 60 дивизий и бригад {378}.

30 января 1942 года в Берлинском дворце спорта Гитлер открыто вынужден был признать, что не знает, как будет вести войну в 1942 году и сумеет ли ее выиграть. Однако, ссылаясь на прусскую верность долгу, он надеялся снова пробудить к себе доверие немецкого народа. Но обычных, полных оптимизма и уверенности в победе призывов в речи не прозвучало. Гитлер закончил ее словами: "Господь бог, дай нам силы завоевать свободу нашему народу, нашим детям, детям наших детей, и не только нашему народу, но и другим народам Европы..."

Позднее, в одной беседе с Геббельсом, Гитлер признался, что в кризисные дни декабря и января ему самому порой казалось, что выстоять невозможно. Геббельс писал: "То, что мы преодолели жестокое испытание, следует расценивать как чудо. Как фюрер страдал в это время, нельзя даже представить".

Непрерывное напряженное состояние и переутомление (он всю работу взвалил на себя), без конца поступающие тревожные вести - все это так подорвало нервную систему Гитлера, что он сам начал сомневаться в благоприятном исходе войны. Он считал эти недели наихудшим периодом в своей жизни и "самым тяжелым испытанием, которое провидение ниспосылает только тем, кому начертано самое высокое предназначение".

Подавленное настроение Гитлера изменилось только тогда, когда в группе армий "Центр" была успешно завершена ликвидация прорывов фронта и удалось создать новый укрепленный рубеж. Во время визита главы румынского государства маршала Антонеску фюрер открыто заявил, что вооруженные силы находились почти на краю "наполеоновской катастрофы", но только благодаря его руководству "армия снова воспряла духом и вышла из психологического тупика, в котором оказалась... На сегодня трудности преодолены".

Он, Гитлер, естественно, лелеял единственную мечту - подготовить силы для нового наступления против России. Таким образом, в начале февраля снова наступило

относительное спокойствие и равновесие как на фронте, так и в настроениях высшего немецкого командования, пришедшего к выводу, что русские наступательные действия не угрожают серьезной опасностью.

Раздел III.

Перестройка германской военной промышленности весной 1942 года

1. Положение с вооружением в декабре 1941 года

До начала декабря Гитлер настаивал на том, чтобы путем высшей рационализации производства и снижения требований к техническому уровню вооружения сохранить используемую в рамках стратегии блицкрига систему "широкого вооружения", так как перестройка экономики на ведение длительной войны означала бы конец его далеко идущих планов. Неожиданные поражения и потери на Восточном фронте, так же как и вступление в войну США, вынуждали его в последующие недели снова обдумать создавшееся положение.

В декабре прежде всего вновь обострилась нехватка рабочей силы. Причиной этому было то, что вследствие больших потерь в личном составе на фронте нужно было призвать в вооруженные силы 282 тыс. человек, из которых две трети приходилось на рабочих военной промышленности. Замена этих рабочих русскими военнопленными вследствие эпидемии брюшного тифа была невозможна. Не удалась также усиленная вербовка французских рабочих, так как для этого отсутствовали предпосылки политического характера. Нехватка рабочей силы усложнялась еще и тем, что выполнение текущих программ вооружений было связано со значительным усилением вооружения сухопутных войск почти во всех областях и с началом нового производства боеприпасов различных типов. Только возврат к осуществлению приостановленных после начала русской кампании планов производства вооружения для сухопутных войск позволил бы восполнить потери, понесенные немцами на Востоке. Запасы боеприпасов, которые в начале ноября по некоторым видам еще покрывали текущую потребность, были почти на исходе. Уже в декабре ощущался острый недостаток в разрывных, осветительных и сигнальных боеприпасах. Узким местом было также производство боеприпасов для тяжелых минометов, легких и тяжелых пехотных орудий, противотанковых орудий, танковых пушек и мин всех видов. Производство боеприпасов было затруднено из-за нехватки рабочей силы и быстрого сокращения запасов пороха и взрывчатых веществ. Единственной возможностью снабдить фронт достаточным количеством боеприпасов было восстановление в большом объеме производства, хотя для этого расширения производства в военной промышленности не хватало рабочей силы. Гитлер принял решение отменить бронирование рабочих ввиду необходимости пополнения и усиления вермахта, чтобы удержать Восточный фронт. В памятной записке Гитлеру от 23 декабря 1941 года Томас указывал, что вследствие нехватки рабочей силы в количестве 800 тыс. человек до весны 1942 года необходимо посредством нового "прочесывания", то есть выявления излишков в управленческом аппарате вермахта, партии, в промышленности и коммунальных службах, высвободить силы для фронта и не призывать на военную службу рабочих военной промышленности. Предложения Томаса предусматривали немедленное увольнение из армии всех горняков, новое "прочесывание" в вермахте и в резервной армии, уменьшение численности зенитных подразделений, дислоцирующихся в Германии, упрощение управленческого аппарата в государстве, партии и хозяйственных организациях, замену солдат женским персоналом, а в ряде должностей хозяйственной деятельности использование членов семей чиновников службы безопасности в военной промышленности, прекращение всех работ, не связанных с обеспечением военных нужд. Но для этого нужны были новые программы на 1942 год. Томас требовал особого руководящего указания всем партийным, военным и экономическим органам в целях более активного, чем прежде, исполнения этого требования времени. Высшее руководство должно было недвусмысленно сказать, что обстановка сегодня вынуждает направить все усилия на достижение победы. Если это было бы сделано во всех инстанциях государства и партии, то можно было бы высвободить значительные людские и материальные ресурсы для вооруженных сил и военной экономики.

В конце декабря, когда кризис достиг высшей точки, Гитлер согласился с предложением Шпеера выделить 30 тыс. строительных рабочих на восстановление железнодорожных путей в России, хотя до этого момента, невзирая на понесенные вермахтом поражения,

все еще мечтал об осуществлении своих триумфальных планов. Итак, высокие требования к промышленности возрастали еще больше из-за трудностей в области сырья, и особенно это относилось к меди и углю. Чтобы хоть в какой-то степени обеспечить промышленность медью, немецкое руководство было вынуждено конфисковать церковные колокола в германском рейхе, медные валики на текстильных предприятиях, медный шрифт в типографиях и имеющиеся запасы меди на других предприятиях. Одновременно подобные мероприятия, а также сбор прочих металлов осуществлялись во Франции, Бельгии и Голландии. Несмотря на все эти меры, уже в декабре сложилось такое положение, что начиная с января 1942 года поставки промышленности меди уменьшились на 25 %. Не хватало также запасов и других видов сырья, чтобы удовлетворить новые потребности вермахта по производству боеприпасов, оружия и снаряжения. Обеспечение углем настолько ухудшилось, что даже предприятия, которые выпускали самую необходимую продукцию, вынуждены были останавливаться. К тому же вследствие нехватки угля чувствительно нарушалось производство электроэнергии, что, в свою очередь, оказывало отрицательное влияние на работу всех предприятий. Томас в своей памятной записке Гитлеру указывал на то, что недостаточно полумер, чтобы удовлетворить требования сегодняшнего дня. Томас считал, что нужно удовлетворить потребности сухопутных войск, а что касается военно-морских сил, то выделяемые им сырьевые ресурсы необходимо использовать только для строительства подводных лодок, а с остальными нуждами строительства ВМС можно повременить. Томас полагал также, что невозможно увеличение производства самолетов в 1942 и 1943 годах и что достичь ранее намеченных уровней производства самолетов можно только при существенном сокращении программы производства зенитных средств. Программа Крауха, по мнению Томаса, могла обеспечить поставки горючего, бунны и алюминия в интересах сохранения подвижности вооруженных сил только в минимальных размерах.

Для того чтобы снова укомплектовать сухопутные силы и восполнить потери, чтобы сохранить на существующем уровне военно-воздушные силы, которым после победы над Советским Союзом предполагалось уделять большее внимание, Томас считал возможным решить эти проблемы только за счет сокращения квот сырья, предназначенных для военно-морского флота, которому в 1942 году не придавалось решающего значения, и передачи высвободившихся средств сухопутным войскам. Гитлер не сделал выводов из новой обстановки и требований Томаса, и поэтому германское верховное главнокомандование все время пыталось отговорить фюрера от прежней концепции производства вооружения. 3 января 1942 года Гитлер в докладной записке "Обзор мероприятий по вопросам вооружений" рекомендовал отказаться от практикуемого сосредоточения основных усилий на обеспечение нужд ВВС и ВМФ за счет вооружения сухопутных сил и в будущем сконцентрировать все усилия исключительно на том, что нужно для войны. Прежние меры, направленные на мобилизацию населения, "мобилизацию сырья", совершенствование приемов работы, упрощение и сосредоточение усилий на главных направлениях несколько облегчили положение, но в конечном счете не устранили имевшихся трудностей.

Несмотря на все меры по рационализации производства и строгому нормированию сырьевых поставок, в I квартале 1942 года при ежемесячной общей потребности вооруженных сил 1570 тыс. т железа было поставлено только 1143 тыс. т, меди было поставлено 12 тыс. т вместо 34 450 т, алюминия - 44 700 т вместо 26 500 т, цинка 650 т вместо 1500 т, свинца 11 тыс. т вместо 22 150 т, хрома 1850 т вместо 3050 т, каучука 4450 т вместо 6500 т. Улучшения положения в будущем не ожидалось, поставки имели, скорее, тенденцию к дальнейшему сокращению{379}. Только совершенно новое указание, которое привело бы к пересмотру прежних программ вооружений, могло изменить положение и позволить принять решительные меры. Гитлер после тщательного изучения сложившегося положения понял, что нет больше возможности реализовать текущие планы производства вооружения. Поэтому 10 января 1942 года он издал приказ, означавший практически перестройку производства вооружения и отмену задач, связанных со стратегией "молниеносной войны".

2. Приказ Гитлера о производстве вооружения в 1942 году

Приказ Гитлера о новой организации производства вооружения исходил из следующих замыслов: военное положение на Восточном фронте вынудило изменить изданные 14 июля 1941 года директивы о вооружении в отношении как рабочей силы, так и материального производства. Правда, как основная долгосрочная цель оставалось

неизменное предпочтение в строительстве ВВС и ВМФ для борьбы против англосакских держав, но на 1942 год главным направлением в предъявляемых к военной промышленности требованиях совершенно однозначно являлось производство вооружения для сухопутных сил{380}. Эти требования сводились к следующему: обеспечение полевых войск оружием, особенно карабинами, пулеметами, легкими пехотными орудиями, легкими и тяжелыми полевыми гаубицами, а также боеприпасами всех видов; осуществление программы производства тяжелой противотанковой артиллерии и оснащение экспедиционных войск{381}.

Программа вооружения сухопутных сил потребовала отодвинуть на задний план требования других видов вооруженных сил, поскольку при распределении запасов сырья для производства вооружения вермахта в целом предпочтение отдавалось сухопутным силам. Исходя из этого для военно-морских сил основным направлением являлось строительство и содержание в исправности подводных лодок и их вооружения, сохранение службы морского конвоя, обеспечение флота в Норвегии и морских флангов в операциях сухопутных войск. В январе 1942 года Гитлер был совершенно уверен, что Англия и США решающим направлением своих наступательных действий изберут Северную Норвегию. Он ожидал в ближайшее время оккупации ими прибрежных районов от Тронхейма до Киркенеса и весеннего наступления при поддержке Швеции. Норвегия, по его утверждению, являлась районом, где решится судьба войны. Поэтому Гитлер требовал обеспечить ведение боевых действий в этом районе всеми имеющимися средствами. Без скандинавской руды Германия не могла бы продолжать войну{382}.

Осуществление программы строительства самолетов для военно-воздушных сил, которая в результате нехватки меди была значительно сокращена по сравнению с первоначальными планами, и программы производства зенитного вооружения продолжалось{383}.

Самыми острыми проблемами являлись проблемы добычи угля и нефти. Помимо этого большое значение имели программа производства бун и легких металлов, а также программа развития транспорта, и в частности железнодорожного транспорта, который испытывал острую нехватку подвижного состава{384}. В январе 1942 года в отдельных областях восточной территории до 80% паровозов бездействовало вследствие морозов. Например, в районе Минска ежедневно из 100 паровозов исправными были только 10. К тому же выходило из строя большое количество вагонов. Появилась программа производства средств связи, которая должна была играть важную роль в обеспечении операций в 1942 году. Следует упомянуть и о программе производства инструментов и машин для производства инструмента. Несмотря на множество разнообразных программ, Гитлер не считал целесообразным сосредоточить контроль за их осуществлением в своих руках. Ответственность была возложена на главнокомандующих видами вооруженных сил, каждый из которых должен был обеспечить поступление вооружения соответственно квотам сырья. За распределение рабочей силы для нужд вооруженных сил в целом и для нужд экономики ответственным был начальник штаба ОКВ, который тесно сотрудничал с имперским министром по делам вооружений и боеприпасов и всеми прочими высшими имперскими властями. Единого органа по координации и руководству всеми программами в области вооружения не существовало. Наблюдалась организационная неразбериха, шла борьба в различных инстанциях. От прошлого положения нынешнее отличалось теперь тем, что Гитлер отложил выполнение планов вооружения для второго этапа.

Руководители отраслей, ведавших вооружениями, уяснили себе, что если Германии придется перестраиваться на длительную войну, то необходимо реорганизовать и руководство экономикой. Следствием этого явилось проведение целого ряда совещаний в ОКВ, в имперском министерстве по делам вооружений и боеприпасов, а также в организации по осуществлению четырехлетнего плана. 15 января 1942 года под председательством статс-секретаря Кернера состоялась сессия организации четырехлетнего плана, на которой было решено, что все производственные мощности должны быть сосредоточены для удовлетворения огромных потребностей вооруженных сил, а гражданскому сектору экономики придется сократить производство. Был сделан вывод, что только путем введения строгого контроля над использованием всех ресурсов могут быть удовлетворены потребности видов вооруженных сил. Подчеркивалась необходимость концентрации всех сил на обеспечении выполнения важнейших военных задач. В тот же день Геринг пояснил, что коренная перестройка военной промышленности распространяется не только на собственно германский рейх, но и на

все оккупированные территории.

На совещании инспекторов управления военной экономики и вооружений 21 января 1942 года Томас высказал подобную же точку зрения и защищал необходимость единого руководства германской военной промышленностью. При этом создавалось впечатление, что Томас надеялся сам обрести всеобъемлющие полномочия по руководству военным сектором германской промышленности.

Но эти его надежды не сбылись. Большую власть в руководстве германской экономикой получило не управление военной экономики и вооружений, а имперское министерство по делам вооружений и боеприпасов во главе с Тодтом. Это министерство Гитлер создал 17 марта 1940 года с задачей координировать вооружение армии. Он имел цель вырвать эту сферу из рук военных, в деловой компетенции которых он сомневался. Трудности в производстве вооружений, особенно в производстве боеприпасов, которые обнаружились зимой 1939/40 года, Тодт преодолел путем создания новой организационной системы. Идея эта исходила от имперской группы по вопросам промышленности, в состав которой в начале апреля Тодт предложил подключить ведущих промышленников. Преодолевая сопротивление управления вооружения сухопутных сил и управления военной экономики и вооружений, Тодт принял решение о создании системы самоуправления промышленности, тем самым передав решение вопросов организации процесса вооружения, а позднее также и вопросы разработки оружия и снаряжения в руки промышленности. Если Тодту и не удалось включить в сферу своих полномочий вопросы вооружения военно-воздушных сил и военно-морского флота, то все же он сумел в ноябре 1941 года добиться создания под председательством Мильха комитета начальников управлений по делам вооружений видов вооруженных сил, который должен был руководить выполнением задач по вооружению. Но еще более важным делом была введенная Тодтом система твердых цен, принятая в декабре 1941 года.

Посредством этой системы твердых цен Тодт пытался усилить в промышленности и без того сильную конкуренцию и тем самым сделать производство дешевле и рациональнее.

При все меньшем количестве рабочих, нехватке угля и электроэнергии и при необходимости использовать сырье более низкого качества основная проблема состояла в том, чтобы не допустить снижения уровня производства в большинстве отраслей промышленности, а во многих ее отраслях еще и добиться его повышения. Это могло быть достигнуто посредством мобилизации последних резервов. Но такого рода мобилизация была невозможна, если придерживаться стародавнего метода производства, если не отойти от методов, которые в качестве своей предпосылки имели стабильную экономику мирного времени.

По возможности обширная система самоуправления промышленности, меры по упрощению организации и повышению уровня производства в военной промышленности, а также система твердых цен были только первыми шагами, чтобы увеличить выпуск вооружения при малых затратах. Поэтому Тодт, как и управление военной экономики и вооружений, стремился создать такой центральный орган управления, на который можно было возложить контроль над всей экономикой. Увеличить выпуск военной продукции можно было только путем специализации предприятий на производстве конкретных видов вооружений в полном сборе. Дальше нельзя было терпеть такого положения, когда отдельные компоненты того или иного вида вооружения производились предприятиями, разбросанными по всему рейху, когда, например, одна из фирм занималась изготовлением только взрывателей для гранат, бомб и мин, а компоновка их осуществлялась другими предприятиями. Была крайне необходима новая организация военной промышленности.

В конце января Тодт представил Гитлеру свои предложения по централизации производства вооружений в Германии под его руководством. Тогдашний имперский министр финансов Шверин фон Крозиг упрекал Тодта в том, что он не совсем вырос для выполнения этих задач, так как слишком поздно начал перестройку военной промышленности. На это можно возразить, что только после поражения под Москвой Гитлер стал склоняться, и с большой неохотой, к поэтапной перестройке военной промышленности.

6 февраля 1942 года под руководством Тодта состоялось первое заседание с участием председателей комитетов имперского министерства по делам вооружений и боеприпасов, на котором была разработана реформа в организации военного

производства для сухопутных сил. Теперь эти вопросы решались не управлением военной экономики и вооружений, а министерством, возглавляемым Тодтом. Двумя днями позже Тодт погиб во время авиационной катастрофы. Его преемником Гитлер назначил, Шпеера.

3. Назначение Шпеера имперским министром вооружений

Назначение 9 февраля 1942 года генерального инспектора по строительству столицы рейха Альберта Шпеера имперским министром вооружения, генеральным инспектором по германскому дорожному строительству и генеральным инспектором по вопросам водных ресурсов и электроэнергии вряд ли означало замедление в перестройке военного производства, так как Шпеер очень быстро освоился со своими новыми обязанностями. На первом заседании руководителей военной промышленности и германской экономики 13 февраля 1942 года, на которое Мильх пригласил Шпеера, было высказано требование, чтобы вопросами вооружения наконец-то руководил один человек, полностью за это отвечающий и имеющий право принимать решения. Когда Мильх предложил на этот пост кандидатуру Функа, Шпеер опротестовал это предложение и потребовал, чтобы на этот пост назначили его. Гитлер, выступивший на заседании, однако, не коснулся проблемы обеспечения единого руководства всей военной промышленностью. Он говорил только о вооружениях для сухопутных сил и военно-морского флота, оставляя сознательно за рамками обсуждения вопрос о военно-воздушных силах.

Несмотря на общность мнений руководства вермахта и промышленности о едином руководстве всем военным производством, Гитлер и после назначения Шпеера не принял определенного решения. Вероятно, он не хотел вступать в спор с Герингом, который и без того был ущемлен тем, что в рамках четырехлетнего плана вопросы вооружения стали компетенцией Шпеера, который был назначен генеральным уполномоченным по вопросам вооружения в четырехлетнем плане и имел теперь на практике полномочия использовать всю экономику в интересах военной промышленности. И все же Гитлер не дал Шпееру полномочий в отношении вооружения для военно-воздушных сил.

19 февраля 1942 года Гитлер постановил, что планирование и развитие производства мирной продукции всеми фирмами начиная с этого времени приостанавливается, приказал совершенствовать план Шпеера о самоуправлении промышленности и распространить его на все остальные отрасли вооружения, а Шпееру дал полномочия по руководству всей военной промышленностью. Но так продолжалось только до 21 марта 1942 года, когда Гитлер официально согласился с требованиями о подчинении всей германской промышленности интересам военной промышленности. В постановлении о защите военной промышленности, в частности, говорилось: "Германская промышленность должна служить интересам и нуждам военной промышленности и быть им подчинена... При использовании рабочей силы потребности военных отраслей промышленности должны иметь неперемное преимущество. То же относится и к распределению важнейшего сырья".

В случае представления администрацией промышленности неверных данных о потребностях в рабочей силе и сырье Гитлер угрожал заключением в концлагерь, а в особо тяжелых случаях, наносящих вред военной промышленности, и смертной казнью.

И все же задачи Шпеера не были четко определены. Новый министр вооружений мог, имея тесные доверительные отношения с Гитлером, значительно глубже и шире провести реорганизацию военной промышленности, чем это было возможно при Тодте.

Концепция Шпеера. Цель Шпеера с самого начала состояла в том, чтобы заменить систему широкого вооружения системой "глубокого" вооружения. Для этого он планировал превратить систему самоуправления промышленности в четко ограниченную сеть комитетов и рингов по всем отраслям вооружения.

Шпеер заявил: "Я составлю организационный план, вертикальная линия которого будет охватывать отдельные виды готовой продукции, например танки, самолеты или подводные лодки, то есть вооружение трех видов вооруженных сил. Эти вертикально стоящие колонны будут окружены многочисленными рингами, из которых каждый должен представлять собой группу для производства всех орудий, танков, самолетов и других предметов вооружения... Мы создадим главные комитеты для различных видов вооружения, хауптринги для поставок сырья. Тринадцать главных комитетов образуют,

наконец, вертикальные опоры моей организации производства вооружения. Они будут поддерживать такое же количество хауптрингов... Задачей руководителей главных комитетов и хаупт-рингов будет забота о том, чтобы на каждом предприятии изготавливался один вид вооружения в возможно большем количестве".

Наряду с этими комитетами и рингами действовали уже частично созданные Тодтом комиссии по развитию вооружений, в которых должны были решаться вопросы о том, какие новые конструкции следует принять, соответствуют ли данные образцы техническим нормам и имеют ли ценность в военно-промышленном отношении. Утверждением этой организационной системы Гитлер распространил компетенцию Шпеера и на области вооружений военно-воздушных и военно-морских сил, так как он согласился с созданием главного комитета по кораблестроению, который прежде всего занимался строительством подводных лодок. Несмотря на сопротивление Геринга, Гитлер выступил за включение в систему, руководимую Шпеером, производства бомб и зенитных орудий.

Дополнительное средство для оказания влияния на выполнение программы вооружения всех трех видов вооруженных сил Шпеер нашел в новой системе поставок, которая была тесно связана с организацией комитетов, рингов и комиссий. До того как Шпеер возглавил министерство по делам вооружений и боеприпасов, каждый вид вооруженных сил самостоятельно осуществлял заказы на вооружение. И когда 10 октября 1941 года ОКВ приняло меры по координации этого процесса, Кейтель одновременно заявил, что он не намерен вмешиваться в существующий ход поставок для видов вооруженных сил. Шпеер приказал докладывать ему все планы оснащения войск оружием и боеприпасами, проверял заявки и только после этого передавал их на промышленные предприятия. Тем самым получалась ясная картина о текущих потребностях в вооружениях, а также одновременно осуществлялся контроль за равномерностью загрузки отдельных предприятий и обеспечивалось оптимальное использование промышленных мощностей. Заявки на вооружение и боевую технику для вооруженных сил шли через министерство Шпеера, которое несло ответственность за своевременную поставку их войскам в достаточном количестве. Управление вооружения сухопутных сил отвечало теперь не за размещение заказов и их реализацию, а за разработку технических требований и оценку предложенных промышленностью образцов.

С помощью этой новой системы и сосредоточения усилий германской военной промышленности Шпееру удалось в относительно короткое время, опираясь на результаты проделанной его предшественником Тодтом работы, увеличить производство вооружения. Уровень производства по сравнению с самыми низкими показателями в феврале 1942 года вырос в августе на 27%, в том числе по танкам на 25%, по боеприпасам на 97%{385}. Были открыты неиспользованные резервы, которые до этого времени были скрыты в недрах производства мирного времени. Тем самым были частично возмещены потери, понесенные вермахтом на Востоке.

Несмотря на это увеличение производства вооружения, вскоре подтвердилось мнение управления военной экономики и вооружений, высказанное 3 февраля 1942 года полковником Неефом: "Если рассматривать вопрос в целом, положение с вооружением на 1942 год выглядит следующим образом: если весной 1942 года начнутся, как это предусмотрено, операции широкого масштаба, то для начальной их стадии поступление вооружения в войска будет достаточным, но в дальнейшем сохранить этот уровень будет невозможно".

При таких предпосылках ведение длительной войны явилось бы мероприятием, не имеющим под собой реальной почвы. Значит, и Шпееру не удалось создать военной промышленности, отвечающей требованиям затяжной войны.

"Решение" проблемы рабочей силы Заукелем. Уже в середине января стало ясно, что требования о бронировании специалистов, выдвинутые Гитлером 10 января 1942 года, не могут быть выполнены из-за увеличившегося призыва на военную службу. В связи с намеченным увеличением производства вооружения для сухопутных войск общие потребности военной промышленности в специалистах возросли с 500 тыс. до 1,3 млн. человек{386}. До лета эти потребности предполагалось удовлетворить за счет 700 тыс. русских военнопленных и рабочих гражданского сектора промышленности, 150 тыс. иностранных рабочих, доставленных в Германию "под нажимом" из стран Западной и Южной Европы, и 42 тыс. итальянцев{387}. Но и после принятия этих мер оставался

дефицит в 400 тыс. рабочих. Наряду с этим в период с декабря 1941 года по февраль 1942 года пришлось призвать на военную службу около 700 тыс. человек, чтобы хоть в какой-то мере покрыть потери на Восточном фронте.

Так как лица 1922 года рождения составили только 270 тыс. человек (эти призывники были отправлены на фронт в период с февраля по апрель), пришлось изъять из военной промышленности в декабрьском призывном контингенте 16%, в январском 60% и в февральском даже 80%. Таким образом, в январе - феврале военная промышленность потеряла около 10% занятых в ней мужчин-немцев.

Наконец министр-директор Мансфельд был назначен имперским комиссаром по использованию рабочей силы. Ему вменялась в обязанность координация всех мер, которые были необходимы для сбора и интенсификации поставок новой рабочей силы для военной промышленности. Так как нехватка рабочей силы была главным препятствием в быстром росте производства вооружения, Шпеер 19 февраля сумел добиться, чтобы резервистов 1908 года рождения и моложе признали "ключевой" силой в производстве вооружений и не призывали в вермахт. Таким образом, инспекцией по делам вооружений к "ключевой" силе было отнесено 647 тыс. человек и к специалистам - 708 тыс. человек. Тем самым по меньшей мере был положен конец спаду производительности труда среди специалистов на важнейших предприятиях. Тем не менее только в феврале еще 110 тыс. человек из военной промышленности были призваны в армию.

Призывы Гитлера к немецким рабочим работать производительнее не приносили желаемого результата. С середины декабря настроения и производительность труда немецких рабочих в результате забот об обеспечении продовольствием, углем, одеждой и другими предметами первой необходимости снизились. Да и вообще имелось слишком мало рабочей силы. В связи с тем что использование русских военнопленных и рабочих из гражданских секторов промышленности, а также иностранных рабочих из других стран Европы не принесло ожидаемого успеха, равно как не было возможно более широкое использование и военной промышленности немецких женщин, в начале марта потребность в немецких рабочих для этой отрасли промышленности возросла до 990 тыс. человек {388}. Против неоднократно выдвигавшихся требований более массового использования в промышленности немецких женщин в начале апреля выступил Заукель, утверждая, что это вызвало бы опасность нанесения нравственного ущерба немецким женщинам в связи с работой на фабриках, что от этого они страдали бы не только душевно, но и как потенциальные роженицы. Подобным образом аргументировали это Гитлер и Геринг, когда они утверждали, что первейшая задача высокородных немецких женщин - рожать детей.

Эффективность четырех правительственных учреждений, которые отвечали за использование рабочей силы, оказалась недостаточно высокой. Сразу же после вступления в свою новую должность Шпеер предложил для набора и контроля за использованием рабочей силы ввести должности генеральных уполномоченных и привлечь для этого, в частности, государственного секретаря по пропаганде Карла Ханке. Против этого предложения выступил руководитель немецкого рабочего фронта Роберт Лей, который требовал, чтобы руководство использованием рабочей силы было поручено ему. Гитлер утвердил предложение Бормана назначить на пост генерального уполномоченного по использованию рабочей силы бывшего гауляйтера Тюрингии Фрица Заукеля. Задачи Заукеля, которые были официально определены Гитлером только 30 сентября 1942 года {389}, выходили за рамки четырехлетнего плана

По другим источникам, с оккупированной советской территории планировалось вывезти 627 тыс. человек (см.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 4, с. 423).- Прим. ред.

В осуществлении единого руководства всей наличной рабочей силой, включая иностранцев и военнопленных. Геринг оказался в подчинении Заукеля, которому предстояло прежде всего залатать большие прорехи, образовавшиеся в связи с призывом рабочих в армию, и обеспечить дополнительное количество рабочих для выполнения расширенных программ производства вооружения.

План Заукеля состоял в том, чтобы поставить в распоряжение германской промышленности необходимое количество рабочих из оккупированных восточных районов. Только 25% новой рабочей силы должно было поступить из Западной Европы. Для того чтобы эти люди работали как можно больше и получали за это самую низкую

зарплату, их следовало располагать централизованно и достаточно хорошо кормить.

Но и Заукелю не удалось создать сразу же ощутимое облегчение в области использования рабочей силы. В связи с призывами в армию возрастали потребности в рабочей силе в военной промышленности. В донесении о состоянии военной промышленности в апреле 1942 года говорилось: "Учитывая нехватку рабочей силы, вступают в противоречие требование фронта в людских резервах и требования, диктуемые необходимостью повышения производительности труда. Единственно, что может разрядить обстановку, это усиление использования иностранных рабочих".

В апреле в германском рейхе находилось 652 тыс. русских военнопленных, из которых только 378 тыс. по состоянию здоровья могли использоваться на работе. После распоряжения Гитлера о повышении норм питания дело стало улучшаться. Указание фюрера об улучшении условий использования русских гражданских рабочих в Германии также создало предпосылки для повышения производительности труда этих рабочих, которых в середине апреля насчитывалось 79,4 тыс. человек. Но сократился рацион для немецких рабочих, и это явилось причиной снижения производительности их труда{390}. Стало ясно, что невозможно поставлять в военную промышленность своевременно достаточное количество рабочей силы. Всего Заукелю в рамках первой акции по сбору рабочей силы удалось доставить в Германию в апреле 1942 года 286 169 иностранных рабочих и военнопленных из Европы и России{391}. В последующем это количество выросло в мае на 447 301, в июне на 556 846 и до конца июля в общем итоге до 1 639 794 человек. На 29 июля в Германии использовалось на работах 1,148 млн. человек из оккупированных восточных областей, 2,4 млн. человек из других стран Европы и 1,524 млн. военнопленных, всего 5,124 млн. человек{392}. Хотя эта цифра и выглядит внушительно, следует иметь в виду, что большая часть иностранных рабочих использовалась без учета их способностей и подготовки. Ведомства, отвечавшие за набор и распределение рабочей силы, не могли справиться с этой задачей, да и нельзя было терять время на обучение иностранных рабочих. Таким образом, хотя Заукель и мог доложить, что в количественном отношении проблема набора рабочей силы решена, не удалось покрыть недостаток в таких специалистах, как квалифицированные рабочие, механики, слесари, инструментальщики и т. д. Все меры, предпринятые Заукелем, не могли предотвратить того, что в связи с большими потерями на Востоке не удавалось в достаточной степени покрыть недостаток солдат. И перед вооруженными силами Германии эта проблема стояла до конца войны.

Развал транспортной системы. Наряду с вопросом о рабочей силе нужно было решить и другие проблемы, от которых в немалой степени зависело производство вооружения и общие возможности вооруженных сил.

Речь, в частности, идет о транспортной системе, которая весной 1942 года была в катастрофическом состоянии. Германская имперская железная дорога работала так, что у ее руководителей был повод говорить о настоящем банкротстве. Трудности, испытываемые восточной железной дорогой, а также полевыми железными дорогами в оккупированных областях России, в декабре 1941 года временами приводили к кризису снабжения всего Восточного фронта{393}. Это вынудило Гитлера 14 января 1942 года передать вопросы строительства технического обслуживания и эксплуатации железных дорог, находящихся в оккупированных районах России, в ведение имперского министра путей сообщения. В связи с морозами и нехваткой паровозов количество застрявших грузовых составов возросло в январе до 1100. Чтобы ликвидировать затор, с 23 по 25 января было закрыто все движение, включая эшелоны с горючим для вооруженных сил. Но, несмотря на эти меры, не удалось полностью нормализовать железнодорожное сообщение. Ежедневная поставка вагонов на имперской железной дороге сократилась с 140 тыс. в январе до 80 тыс. Причиной этого в основном была нехватка паровозов. Количество вышедших из строя паровозов составляло в рейхе 25%, а в России 50%. Это объяснялось также низким качеством паровозов, нехваткой персонала. Объем перевозок уменьшался из-за сократившейся почти вдвое оборачиваемости вагонов, что было обусловлено нехваткой паровозов и дальностью перевозок{394}. Такая обстановка на транспорте оказывала непосредственное воздействие на военную промышленность, так как доставка сырья, особенно угля, а также и перевозки готовых изделий были сильно затруднены. Вследствие нехватки угля и газа, а значит, и электроэнергии полностью остановились в конце февраля 134 и частично 33 предприятия военной промышленности. Положение осложнялось тем, что для покрытия потребности вооруженных сил автотранспорт был изъят из сельского хозяйства, предприятий

угледобывающей и военной промышленности, а судоходство на реках было прекращено из-за замерзания рек и каналов с 15 января по 11 марта.

Для того чтобы улучшить положение, была расширена программа железнодорожного строительства, причем ей был предоставлен приоритет по сравнению со многими программами военного производства. В донесении о положении в военной промышленности в феврале 1942 года говорилось: "Дальнейшие трудности всего военного производства проистекают оттого, что программа железнодорожного строительства в рейхе пользуется теперь приоритетом по сравнению со всеми программами вооружения".

Предусматривалось на всех предприятиях, приспособленных для ремонта паровозов, ускоренными темпами возвращать в строй поврежденные паровозы с Востока и в то же время добиваться значительного увеличения производства паровозов, а строительство товарных вагонов в соответствии с той же программой должно было увеличиться в пять раз. По образцу сибирского паровоза был создан "универсальный" паровоз. Таких паровозов Гитлер хотел построить в 1942 году 2000 штук, а в 1943 году 4000 штук. Фактически в 1942 году было построено 2637 паровозов. В 1941 году было построено 44 845 вагонов, а в 1942 году их число возросло до 60 992. Кроме того, были приняты меры, которые должны были ускорить оборачиваемость вагонов. Для этого было предусмотрено изменение системы снабжения армии. В этих же целях было ускорено строительство путей на восточной территории. Понятно, что все эти планы не сразу давали эффект и поэтому нельзя было считать, что положение на транспорте существенно улучшилось. 21 мая 1942 года имперский министр путей сообщения доктор Дорпмюллер сообщал Шпееру: "Имперская железная дорога на территории рейха располагает таким небольшим количеством вагонов и паровозов, что она не может взять на себя ответственность по обеспечению даже самых неотложных перевозок".

Гитлер был возмущен таким состоянием дел и разозлен докладом Дорпмюллера. Не увольняя Дорпмюллера, он решил назначить государственным секретарем министерства путей сообщения Ганценмюллера. Во время очень

бурного заседания 24 мая Гитлер указал на то, что вопрос с транспортной системой должен быть немедленно решен. Он приказал Ганценмюллеру подойти к решению этой проблемы с жесточайшей энергичностью, пользуясь помощью Шпеера и Мильха, которых он произвел в "диктаторы путей сообщения". Задачу намечалось решить путем неуклонного сокращения времени оборачиваемости подвижного состава, упорядочения перевозок, привлечения подвижного состава из оккупированных западных областей и интенсивного строительства новых паровозов и вагонов, а также путем ускоренного ремонта подвижного состава. Гитлер принял решение лично контролировать положение дел на транспорте, так как от этого зависит победа. Он ожидал, что его требования будут полностью и в возможно короткие сроки выполнены. "Из-за транспортного вопроса война не может быть проиграна, этот вопрос следует решить", - говорил фюрер.

В действительности, вопреки всяким ожиданиям, Ганценмюллеру удалось довольно быстро повысить ежедневную поставку вагонов и довести ее в июле уже до 182 тыс. и существенно разрядить положение на железнодорожном транспорте. Только осенью 1942 года вследствие новых операций на фронте и в связи с уборкой урожая трудности на железной дороге снова возросли.

Центральный плановый комитет. В конечном счете решающим в организации производства вооружения должен быть вопрос о распределении сырья, так как от этого зависело практическое осуществление всех программ. Поэтому Шпеер стремился все имеющиеся запасы сырья использовать для военной промышленности, чтобы до конца октября выиграть войну, поскольку, если бы пришлось воевать в России еще одну зиму, Германия в любом случае проиграла бы войну. Если новому министру вооружений и не удалось создать центральное учреждение по управлению всей промышленностью и поставить весь частный сектор под свой контроль, то он все же добился возможности хотя бы косвенно управлять германской промышленностью {395}.

Шпеер мечтал о создании центрального органа, который был бы ответствен за распределение сырья для армии, военной промышленности и гражданского сектора экономики. С помощью такого органа можно было бы управлять всей германской промышленностью. В состав этого органа, получившего название центрального планового комитета, должны были войти Шпеер, Мильх и государственный секретарь по

четырёхлетнему плану Кернер. Комитет должен был вести распределением сырья среди всех автономных групп промышленности и среди других секторов гражданской и военной промышленности. Ему были даны чрезвычайные полномочия. Существовавшая до этого конкурентная борьба за запасы сырья, таким образом, исключалась, одновременно значительно ограничивалась также еще частично существовавшая независимость военно-морского флота и военно-воздушных сил в распределении сырья. В связи с созданием комитета уменьшалась роль министерства экономики, организации четырехлетнего плана и управления военной экономики и вооружений, так как большинство их функций комитет взял на себя. 4 апреля Гитлер утвердил предложение Шпеера о создании центрального планового комитета. 22 апреля Геринг издал указ о создании центрального планового комитета в рамках организации четырехлетнего плана, как бы подчеркнув этим свою теперь уже ограниченную автономию.

Нехватка сырья весной 1942 года. Но создание центрального планового комитета не решило основной проблемы нехватки сырья. Добыча и производство сырья весной 1942 года упали на 20%{396}. Во время зимних месяцев центральное место в сырьевых запасах занимал уголь. В январе запасы угля, имевшиеся под Хальдой, были исчерпаны. Имперское ведомство по добыче угля было вынуждено поэтому перейти к поставкам угля отдельным предприятиям, учитывая степень неотложности их задач. Чтобы избежать полного краха снабжения электроэнергией Юго-Запада Германии, уголь, предназначенный для экспорта в Италию, был в последние дни января направлен в эти районы. В середине января в связи с нехваткой электроэнергии ограничение в снабжении электроэнергией возросло до 50%. Целому ряду предприятий было вообще отказано в подаче электроэнергии. В феврале было установлено, что в 1942 году потребности промышленности в угле могут быть покрыты только на 70-80%, так как увеличение производительности не идет в ногу с сильно возросшей потребностью. Поэтому в марте имперское ведомство по добыче угля приняло ряд постановлений, которые предусматривали порядок снабжения углем важнейших предприятий, и ограничило потребление угля промышленностью на 15% по сравнению с 1940 годом. В связи с улучшением положения на транспорте, которое решающим образом влияло на трудности со снабжением углем, летом удалось покрыть плановые потребности в угле. Этому способствовало повышение добычи угля за счет интенсификации труда, а также дальнейшие меры по совершенствованию управления промышленностью. Удалось повысить добычу каменного угля в Германии с 317,8 млн. т в 1941/42 хозяйственном году до 340,4 млн. т в 1942/43 году{397}. Кроме того, с лета 1942 года началась эксплуатация русских шахт Донецкого бассейна. 23 июля 1942 года Гитлер приказал: "Уголь Донецкого бассейна должен начать разрабатываться как можно скорее. Нужно принять для этого все меры. Уголь Донецкого бассейна очень важен для снабжения железнодорожного транспорта" {398}.

В связи с неудовлетворительным обеспечением углем и электроэнергией в первые четыре месяца 1942 года упало производство железа и стали{399}. 29 мая 1942 года в интересах увеличения производства стали и железа ответственность за эту отрасль была снята с министерства промышленности и возложена на вновь созданное "имперское объединение железа" под руководством промышленника Рёхлинга{400}. Опираясь на эту организацию, а также на центральный плановый комитет и существовавшее с весны 1941 года "имперское объединение угля" под руководством Плейгера, Шпеер создал новый центральный орган по руководству производством железа. Обещание Рёхлинга повысить производство железа на 5% не было, правда, выполнено. В течение всего 1942 года железа и стали не хватало для осуществления намеченных программ. В конце июня Гитлер указал Шпееру на то, что только ежемесячное повышение производства на 600 тыс. т может покрыть потребности военной промышленности. Это повышение не было возможно и в последующее время. Надежды решить проблему посредством мер экономии оказались несбыточными. В конце 1942 года Шпеер вынужден был доложить Гитлеру, что вследствие нехватки железа все еще не могут быть выполнены программы производства боеприпасов и удовлетворены уже урезанные требования военно-морского флота{401}.

Еще заметнее была нехватка цветных и легких металлов, особенно меди и алюминия. Создание запасов этих и других металлов в 1941 году было невозможно, так как потребление меди, свинца, никеля, молибдена и хрома было больше, чем прирост запасов за счет импорта и добычи в рейхе. В марте были случаи, когда отдельным фирмам, выполнявшим военные заказы, не могло быть предоставлено необходимое количество меди, так как запасов ее не хватало. Недостаток меди приходилось

покрывать за счет демонтажа кабеля, электросетей и сетей связи. 4 апреля 1942 года Гитлер одобрил эти мероприятия, в результате которых ежемесячно должно было доставляться от 3 до 4 тыс. т меди. 20 апреля Шпеер в присутствии Гитлера предложил Редеру, чтобы военно-морской флот, как и другие виды вооруженных сил и прочие ведомства, самостоятельно восполнял нехватку сырья. Главнокомандующий военно-морским флотом на этом основании приказал "изымать все, что возможно, из запасов меди во Франции и где возможно для исключительного использования в интересах военно-морского флота".

Не было перспектив полного покрытия потребностей в меди в будущем. Как и другие металлы, медь приходилось строго распределять среди важнейших предприятий, которые не могли обходиться без этого металла. ОКВ констатировало 6 июня 1942 года, что "снабжение нефтью... в текущем году будет самым слабым местом промышленности. Нехватка нефтепродуктов всех видов так велика, что она ограничивает свободу оперативного маневра всех трех видов вооруженных сил и создает трудности работы военной промышленности. Запасы нефти во всех странах Европы сократились до минимума, и приходилось рассчитывать только на текущее производство. Без захвата нефтяных источников Кавказа германский рейх как воюющая держава на долгое время останется нежизнеспособной, так как Кавказ имеет для него почти такое же значение, как провинция Силезия для Пруссии".

Принятые меры по повышению собственного производства синтетического горючего, чтобы компенсировать уменьшение поставок нефти Румынией, принесли очень малый успех{402}. Увеличение производства синтетического горючего путем гидрирования было возможно при увеличении потребления угля, развертывании обширного производства и привлечении большого количества рабочей силы{403}. Так как уголь был дефицитным сырьем, а на развертывание нового производства синтетического горючего потребовалось бы много времени. Шпеер выступил за приостановку этих планов. Когда 9 августа 1942 года немецкие войска захватили Майкоп, они нашли там разрушенные и демонтированные сооружения. Сооружения для добычи нефти были настолько основательно выведены из строя, что все попытки добыть там нефть не привели ни к какому результату.

Следствием всего этого было то, что общее потребление горючего в Германии снизилось за год на 501 тыс. т. Несмотря на растущие потребности, расход горючего вооруженными силами за тот же период сократился на 157 тыс. т, а в промышленности - даже на 638 тыс. т. Свобода оперативного маневра видов вооруженных сил и возможности промышленности были тем самым значительно ограничены.

4. Состояние военной промышленности в России

Представление руководства Германии о том, что собственная слабость в области военной экономики будет уравновешиваться еще большими трудностями в русской военной промышленности, так как Советский Союз не сможет оправиться от понесенных потерь, не соответствовало фактическому положению дел. Об экономическом крахе СССР нечего было и думать. Томас в "Оценке военно-экономического положения России в районах за линией советско-германского фронта" от 23 декабря 1941 года констатировал, что оставшиеся мощности военной промышленности Советского Союза все еще составляют 50% всех прежних мощностей. "Особенно большой производительностью отличается промышленность по производству танков и автомобилей (более 70% прежних мощностей). Производственные показатели самолетостроительной промышленности и предприятий по производству боеприпасов значительно превышали 50% прежнего уровня".

Фактически производство танков Т-34 увеличилось по сравнению с четвертым кварталом 1941 года в первом квартале 1942 года на 112,3%, а во втором квартале даже на 247,1% {404}. В Германии считали, что средний ежемесячный выпуск танков в СССР составляет по меньшей мере 800 машин. К тому же СССР получал 400- 500 танков из США и Англии, а также ремонтировал определенное количество машин на заводах{405}. Таким образом, общее ежемесячное поступление в среднем составляло 1200-1500 танков{406}.

Производство винтовок и карабинов возросло на 40% в первом квартале 1942 года и на 60% во втором квартале. Производство автоматов увеличилось на 1488% в первом квартале и на 3048% во втором квартале. Выпуск орудий возрос на 120% в первом квартале и на 211% во втором квартале 1942 года. Производство самолетов возросло

соответственно на 13,1% и 78,8%, а выпуск пулеметов - на 14% и 128%{407}. Только выпуск автомобилей сократился в четвертом квартале 1941 года на 29%, а в первом квартале 1942 года на 8% по сравнению с первым полугодием 1941 года. Правда, это уменьшение компенсировалось поставками по программе ленд-лиза{408}. В связи с тем что большинство предприятий по производству боеприпасов оказалось на оккупированной немцами территории, производство боеприпасов сократилось на 22% в четвертом квартале 1941 года и еще на 45% в первом квартале 1942 года по сравнению с первым полугодием 1941 года. Во втором квартале производство боеприпасов возросло на 65%{409}.

В разработке о военно-экономическом положении СССР в начале 1942 года руководство управления военной экономики и вооружений признавалось, что в рамках 3-го пятилетнего плана достигнут более высокий темп строительства военной промышленности, чем можно было представить. Многие новые центры по производству вооружения в районе Урала, которые могли базироваться на крупных запасах сырья, предприятия военной промышленности в среднем и северном течении Волги с их благоприятными транспортными условиями, а также центры в Сибири - Кузнецк и Омск - не были даже своевременно известны немцам. Согласно указанной выше разработке, Урал давал 40% стрелкового вооружения, 35% орудий, 25% пороха и взрывчатых веществ, 37 % артиллерийских боеприпасов, 32% авиационных моторов и 89% танков{410}.

В районах Центрального и Северного Поволжья производилось 45% стрелкового оружия, 17% орудий, 42% пороха и взрывчатых веществ, 12% артиллерийских боеприпасов, 57% корпусов самолетов и 51% авиационных моторов{411}.

Однако главной проблемой для русской военной промышленности была нехватка железа и стали, производство которых после потери областей европейской части России снизилось на 60% и было ниже, чем производство железа и стали в Германии. Но так как Советский Союз имел большие запасы железа и стали, этот недостаток стал сказываться только в конце весны 1942 года, особенно когда железо и сталь необоснованно расходовались на нужды других, невоенных отраслей промышленности. Несмотря на этот недостаток сырья, на трудности с производством электроэнергии и на тяжелое продовольственное положение, СССР все же был в состоянии продолжать войну. Томас считал, что только потеря Советским Союзом районов Кавказа и Нижнего Поволжья нанесет ему ощутимый урон, так как тогда существенно уменьшится добыча угля, а также будет потеряно три четверти добычи нефти и около 50% производства синтетического каучука. Гитлер, считавший, что материальные потери русских больше не могут быть возмещены, продолжал упорствовать, выдавая желаемое за действительное. Томас вопреки этому подчеркивал, что Советский Союз, хотя ему и приходится преодолевать большие трудности, будет в состоянии еще несколько месяцев осуществлять на высоком уровне производство важнейшего военного оборудования путем твердой экономии за счет других потребителей железа и стали. Из этого можно было сделать вывод, что ослабленный германский рейх, у которого не было ни материальных, ни людских резервов для длительной войны, противостоял такому противнику на Востоке, который понес значительные потери, но которого нельзя было больше победить в ходе новой "молниеносной кампании"{412}. Этому противнику, который еще располагал более чем 60 резервными соединениями и которому оказали помощь США с их огромным военным потенциалом, Германия не могла противопоставить ничего равнозначного{413}.

Заключение

Победа германского рейха над коалицией противника оказалась в 1942 году невозможной. В дальнейшем речь могла идти только о том, как долго Германия будет в состоянии противостоять превосходящему по людским и материальным ресурсам противнику.

Несгибаемое упорство советского командования и его вооруженных сил, их умение использовать климатические условия, а также своевременная переброска резервов из восточных районов страны и создание новых формирований окончательно перечеркнули стратегические планы Гитлера{414}. Надежды немцев последним ударом на Москву сокрушить Советский Союз, овладеть его сырьевыми базами и, укрепив таким образом свою мощь, с успехом выступить против англосакских держав не оправдались. Когда в

конце октября немецкая армия временно прекратила свое наступление на Москву, неожиданно понеся большие потери в людях и технике, стала также очевидной нереальность военно-экономических планов Гитлера. Обе важнейшие программы, реализация которых могла создать основу для формирования новых соединений и реорганизации военно-воздушных сил и сухопутной армии, а именно "расширенная программа ВВС" и "программа создания подвижных войск", были неосуществимы в требуемых масштабах ни с точки зрения людских, ни тем более материальных ресурсов. К концу 1941 года стало очевидно, что рассчитывать на победоносное завершение "молниеносной войны" против Советского Союза уже не приходилось, что война против Советского Союза примет затяжной характер. Гитлер знал, что если война затянется, то Германия будет ослабевать, а Советская Россия в союзе с англосакскими державами сможет полностью использовать свои ресурсы и достигнуть значительного военно-экономического превосходства.

Из всех этих фактов можно сделать вывод, что план Гитлера быстрым ударом сокрушить СССР с тем, чтобы затем немедленно перейти к операциям второго этапа его программы, с конца октября потерпел провал как в военном, так и в военно-экономическом отношении, хотя немецкое руководство не признавало или, быть может, не хотело признавать этого. И если немецкая армия на Восточном фронте до этого времени не потерпела поражения и даже в узко военном смысле - одерживала одну победу за другой, то все же ее боеспособность в решающей мере ослабла. Планы Гитлера не могли больше выдерживаться по времени, начало операции "Тайфун" было значительно отсрочено. В конце октября Гитлер оказался перед дилеммой, но любой выбор не сулил ему успеха. Итак, сознавая, что до конца года решающего успеха добиться невозможно, он должен был бы прекратить операции на Восточном фронте и начать подготовку к новому наступлению на СССР в 1942 году, чтобы попытаться окончательно разгромить его. Но подобное решение вопроса противоречило концепции Гитлера о завоевании "молниеносной победы". Поэтому не удивительно, что он принял иное решение. Так как он по-прежнему недооценивал силы русских, то надеялся после короткой передышки возобновить наступление на Москву, чтобы еще до начала зимы добиться решающего военного результата на Восточном фронте.

Завоевание английского Ближнего Востока, а также запланированное наступление в Северо-Западной Африке, создание бастиона против США путем захвата Азорских, а возможно, и Канарских островов, нападение на Афганистан и связанная с этим возможность нанесения удара по Индии - все это было, отодвинуто фюрером на далекое будущее, хотя в известной степени он еще надеялся угрожать Великобритании, осуществляя наступление через Кавказ с выходом в дальнейшем к Ираку и Ирану и создавая тем самым опасность для Индии. Цели, которые он хотел достичь в 1942 году, уже 11 ноября 1941 года ему пришлось ограничить и свести к следующему: завоевание Кавказа, наступление через Волгу до рубежа Астрахань, Саратов, Горький и установление на суше тесной связи с финнами.

В первые дни декабря Гитлер должен был признать, что и эти планы слишком широко задуманы. Главные силы его сухопутной армии, важнейшего средства в осуществлении его континентальной стратегии, находились на далеких, необеспеченных рубежах в глубине России и, неся большие потери в людях и технике, были вынуждены перейти к обороне и пережить первые неудачи. ВВС, которые совместно с ВМФ должны были в первую очередь использоваться против морских держав в целях завоевания для Германии позиций на мировой арене, также понесли значительные потери. Снабжение войск на Восточном фронте было не обеспечено, пополнений в людях и технике не хватало, зимнее снаряжение почти отсутствовало. Немецкая военная промышленность находилась на грани краха, так как в ее распоряжении не было ни рабочих рук, ни сырья. Недостаток горючего ограничил в дальнейшем свободу действий вооруженных сил [415]. В эти дни Гитлер не только оказался перед лицом все еще сильного русского противника, который сковал большую часть немецких военных сил на Востоке, но и подвергся ощутимому удару в Северной Африке, ведя боевые действия против англичан. Но самым важным было то, что, когда война в России приняла затяжной характер и когда особенно остро встал вопрос об экономических и людских резервах, германская империя поняла, что она втянута в войну на два фронта, в которую в недалеком будущем должны были вступить и США в качестве активного участника на стороне противника. Таким образом, Гитлер попал в положение, которого он всегда стремился избежать и которое рассматривал как главную причину неудач германской политики эпохи кайзера.

Гитлер в своей книге "Моя борьба" писал, что Германия не имеет права повторять ошибку, "восстанавливая против себя бога и весь мир", а что, напротив, она должна уметь распознать самого опасного противника, чтобы затем обрушить на него "всю свою мощь. Достижение этой цели посредством умной политики союзов является первейшей задачей внешнеполитической деятельности нашего государства".

После польской кампании 23 ноября 1939 года он похвалялся перед своими главнокомандующими: "Впервые за последние 67 лет можно констатировать, что нам не нужно больше вести войну на два фронта. Свершилось то, о чем мы мечтали с 1870 года и что в действительности считали невозможным. Впервые в истории нам приходится воевать только на одном фронте".

Гитлер, привыкший верить в то, что может другим навязывать свою волю и сам быть активным действующим лицом, вдруг оказался в зависимости от своих противников и был вынужден искать ответные меры на их действия и поступки. Одним словом, он утратил инициативу.

Перспектива затяжной войны должна была бы убедить Гитлера, что в военном отношении он не сможет больше выйти победителем из этого мирового конфликта. Но если он даже это признал, то все же надеялся сосредоточением своих военных усилий против наиболее опасного противника - Советского Союза - разгромить его еще до того, как англосакские морские державы полностью развернут свой военно-экономический потенциал и со своей стороны перейдут в наступление против Германии. При этом он считал, что удар Японии в южной части Тихого океана пойдет ему на пользу, так как тем самым там будут скованы силы Великобритании и США. Такой ход событий позволил бы ему использовать единственно оставшуюся возможность для достижения своей цели на Востоке - выхода к Кавказу и Волге. Однако русское контрнаступление под Москвой заставило его в последующие два месяца отказаться также и от этих стратегических планов и направить все свои усилия на спасение Восточной армии. При этом Гитлер все больше отдавал себе отчет в том, что группы армий "Север" и "Центр" не смогут в 1942 году вести наступательные действия, так как они понесли слишком большие потери, а пополнять их нечем. Поэтому он поставил своей задачей предпринять наступление на Кавказ, чтобы овладеть его нефтью, которая была нужна Германии для продолжения войны. Но, начиная эту операцию, нельзя было больше рассчитывать на скорое окончание войны, а поэтому Гитлер был вынужден принять меры на случай новой военной зимы уже после 1942 года. 5 апреля 1942 года фюрер подписал директиву No 41, которая предписывала наступление в направлении Кавказа. Главная задача состояла в том, чтобы, сохраняя положение на участке фронта группы армий "Центр", на севере взять Ленинград и установить связь на суше с финнами, а на юге осуществить прорыв на Кавказ. Эта операция, которая, как он считал, с успехом должна быть закончена к октябрю 1942 года, имела своей задачей "в первую очередь сосредоточить все имеющиеся в распоряжении силы для проведения главной операции на южном участке... (и) уничтожить противника западнее Дона, чтобы затем захватить нефтеносные районы Кавказа и перейти через Кавказский хребет".

Других стратегических целей Гитлер к этому времени не ставил, желая только одного: когда Кавказ будет в его руках, при любых обстоятельствах прекратить боевые действия и перейти на зимние квартиры{416}. Как продолжать войну, Гитлер не знал. И хотя он говорил, что она может завершиться победой и успехом и что не должно быть компромиссного мира, однако не имел никакого представления о путях достижения этого успеха. В беседе с Муссолини Гитлер заявлял, что все планы, выходящие за пределы операции на Кавказе, должны быть отложены, так как они будут зависеть от ее исхода.

Гитлер возлагал свои надежды на наступательную операцию, успех которой с самого начала был более чем сомнителен и которая, даже если бы завершилась успешно, не смогла бы все же принести Германии победу на Востоке и тем более в мировом масштабе. В связи с отсутствием резервов Гальдер записал 24 января 1942 года в своем дневнике, что новое наступление хотя и начато, но не может быть в дальнейшем развито. Для этого не было нужного количества сил. Стало очевидным, что попытка общими усилиями германской промышленности и вооруженных сил обеспечить всем необходимым хотя бы только одну группу армий "Юг" для предстоящего наступления оказалась безрезультатной. По состоянию на 1 мая 1942 года пехотным соединениям по-прежнему недоставало 50% их первоначального боевого состава{417}. Имея такие силы,

только небольшая часть соединений, предназначенных для наступления, могла быть использована в наступательных; операциях большого размаха. Большинство же соединений, главным образом пехотные дивизии, были не в состоянии осуществлять операции с далеко идущими целями с должной подвижностью и боеспособностью. В связи с этим ОКХ пришло к выводу, что проведение новых операций будет очень затруднено уже только потому, что требовалось пополнение и необходимо было согласовывать вопрос о соединениях полностью боеспособных и ограниченно боеспособных. "При планировании боевого использования соединений следует больше принимать во внимание различную боеспособность и подвижность дивизий, чем это имело место летом 1941 года, когда соединения в общей массе были равноценными. Материально-технических резервов для пополнения соединений в нашем распоряжении больше нет. Исходя из этого необходимо пополнять соединения в порядке очередности. Эта очередность устанавливается командованием в зависимости от намеченных сроков проведения операций и создает возможность для образования оперативных резервов, необходимых для первого этапа операций", - отмечало главнокомандование сухопутных сил.

Таким образом, было очевидно, что новое наступление связано с большим риском, на который Гитлер готов был пойти, чтобы вообще сохранить способность наступать. Немецкое командование хорошо понимало, какая сложная перспектива ждет его впереди. Канарис отмечал, что немецкая армия озлоблена и мало верит в весеннее наступление. Общее настроение таково, что рассчитывать на конечный успех не приходится. Даже Геббельс в середине марта 1942 года нарисовал довольно мрачную картину о положении в Германии. В своих высказываниях о целях, которых Германия захотела достичь в будущем, он был заметно сдержан, но при этом говорил о кризисе режима, о танце на острие лезвия.

Да и сам Гитлер не чувствовал большой уверенности в победе. В речи, произнесенной 26 апреля 1942 года в здании оперы перед депутатами рейхстага, он подробно остановился на трудностях, пережитых в зимних боях, и на ошибках, которые были допущены, а также коснулся предстоящих операций. Ни о каких больших целях и обещаниях он не упоминал, но указал на то, что Германия должна выиграть войну. "Если мы проиграем войну, то нам придет конец", - говорил Гитлер{418}.

В неясных, расплывчатых выражениях он говорил о том, как эта победа должна быть завоевана. "Придет час, когда фронт снова выйдет из своего стабильного состояния, и тогда история решит, кто этой зимой победил: наступающий, который по-идиотски обрек на жертву массы своих людей, или обороняющийся, который просто удерживал свои позиции... Все, что зависит от человека, чтобы предотвратить опасность, я сделал и буду делать впредь. Насколько мы готовы к преодолению этой опасности, покажет будущее. В этой борьбе победит в конце концов правда! А она - на нашей стороне!"

Гитлер отчетливо представлял себе тот риск, на который он шел, предпринимая новую операцию, но он считал, что Красная Армия в зимних боях понесла такие тяжелые потери, что будет не в состоянии оказать сопротивление наступающим немецким войскам. Но и в 1942 году он снова просчитался, снова недооценил силы своего противника.

Весной 1942 года все стратегические планы Гитлера были сведены только к операции против Кавказа, чреватой опасностями. Гитлер отвергал любую попытку, имевшую своей целью устранить эту однобокость путем политических переговоров с его противниками и, так как война не сулила больше успеха, спасти на базе политики то, что еще возможно было спасти. В беседе с Муссолини он угрожал, что любой, кто "сегодня заведет речь о переговорах, может поплатиться жизнью. Абсолютная и безусловная победа должна стать девизом всего немецкого народа".

Международная обстановка весной 1942 года, характеризовавшаяся провалом операции "Барбаросса" и вступлением в войну Японии и США, и неспособность германской промышленности удовлетворять требования длительной войны уже сами по себе не позволяли больше думать о завоевании позиций на мировой арене. Однако Гитлер не был склонен реально оценивать обстановку и сделать соответствующие выводы. Он предпочел снова все поставить на карту, хотя и сознавал с самого начала планируемого наступления, сколь незначительны были его шансы на успех.

В общем итоге весна 1942 года явилась периодом отчаянных попыток немецкого

руководства приспособить военную промышленность, экономику и вооруженные силы Германии к требованиям затяжной войны против Советского Союза, с одной стороны, и англосакских морских держав, с другой стороны. Однако, несмотря на усилия Шпеера возложить большую ответственность за выполнение решающих экономических задач на самих промышленников и увеличить выпуск военной продукции в таком размере, который позволил бы начать новую крупную операцию, не удалось восполнить ранее понесенные потери, а в дальнейшем военная промышленность, хотя и повысила свою производительность, была все же не в состоянии удовлетворять потребности армии в снаряжении и технике [419]. Экономический потенциал Германии и ее людские резервы были перенапряжены и не отвечали условиям длительной войны на нескольких фронтах. Стратегия Гитлера в завоевании (рейхом мирового господства потерпела крах.

Приложения

Приложение 1

Приказ командования группы армий "Центр" на операцию "Тайфун" No 1620/41 от 26.9.1941 г.

Отп. 35 экз. Экз. No 2.

Совершенно секретно

Только для командования Передавать только через офицера

Приказ командования группы армий на наступление

1. После тяжелого периода ожидания группа армий снова переходит в наступление.
 2. 4-я армия во взаимодействии с 4-й танковой группой наносит главный удар по обе стороны шоссе Рославль - Москва. После прорыва обороны противника армия, обеспечив прикрытие восточного фланга, главными силами развивает наступление в направлении шоссе Смоленск - Москва по обе стороны Вязьмы.
 3. 9-я армия во взаимодействии с 3-й танковой группой прорывает позиции противника между шоссе и дорогой и районом Белый и развивает наступление до железной дороги Вязьма - Ржев. Главный удар наносится подвижными силами при поддержке пехоты в направлении Холм; предусмотрен поворот сил армии на восток от верховьев Днепра к шоссе и западнее Вязьмы. Продвижение войск армии должно обеспечить северный фланг группы армий.
- Для обеспечения подвоза снабжения необходимо овладеть дорогой через Еткино на Белый.
4. На внутренних флангах 4-й и 9-й армий в районе Ельни и шоссе (до перехода наших войск в наступление на этом участке фронта) вести планомерные отвлекающие наступательные действия и по возможности сковывать противника посредством нанесения отдельных ударов с ограниченными целями.
 5. 2-я армия прикрывает южный фланг 4-й армии. Она прорывает позиции противника на Десне и наступает в направлении Сухоиничи, Мещовск, обеспечивая отражение возможных контрударов противника со стороны городского и промышленного района Брянск, Орджоникидзеград. Использовать возможность захвата внезапной атакой городского и промышленного района и особенно железнодорожных сооружений и мостов, не пересекая разграничительной линии со 2-й танковой группой.
 6. 2-я танковая группа, начиная наступление предположительно за два дня до наступления 4-й и 9-й армий, прорывает оборону противника на рубеже Орел, Брянск. Своим левым флангом она наносит удар по позициям противника на реке Десна с юга и во взаимодействии со 2-й армией уничтожает противника в юго-восточной излучине Десны.

Городской и промышленный район Брянск, Орджоникидзеград следует захватить силами подвижного соединения, если удастся, с первой атаки. Если это не удастся, этот район нужно сначала блокировать и затем овладеть им силами 35-го армейского корпуса, взаимодействующего с авиацией.

7. Разграничительные линии:

а) Между группой армий "Юг" и группой армий "Центр" (приказ последует от ОКХ).

б) Между 2-й танковой группой и 2-й армией: железнодорожная линия Гомель - Почеп (2-я армия) - Паниковка (2-я танковая группа) - Пильшино (2-я танковая группа) - городской и промышленный район Орджоникидзеграда (2-я танковая группа) - Дарковичи (2-я армия) - Огор (2-я армия) - затем железнодорожная линия Устье - Сухиничи (2-я армия).

После взятия Брянска 2-й танковой группой разграничительная линия будет определена приказом и пройдет по железнодорожной линии Гомель Брянск - Сухиничи (для 2-й армии).

в) Между 2-й и 4-й армиями: Критичнев (2-я армия) - Милославицы (4-я армия) - Ершичи (4-я армия) - Леслав (2-я армия) - Свополь (4-я армия) вокзал Киров (4-я армия) - Воля (2-я армия) - Серпеснь (4-я армия).

г) Между 4-й и 9-й армиями: Сенно - (9-я армия) - шоссейная дорога перекресток 25 км западнее Смоленска (9-я армия) - Смоленск (4-я армия) Днепр до Ратшино - Кузино - поворот реки Возмы - под Кондратово (все пункты от Ратшино - 9-й армии). Продолжение разграничии в связи с развитием обстановки будет определено приказом.

д) Между группой армий "Центр" (9-я армия) и группой армий "Север" (16-я армия).

е) Между группой армий "Центр" и группой армий "Север": до Лушницы и далее по северному берегу озера Городно - по юго-западной оконечности озера Шеданье - Старица (группа армий "Север").

8. Группа армий "Юг" выдвигает свое северное крыло (6-ю армию) в общем направлении севернее Харькова.

Группа армий "Север" прикрывает наступление группы армий "Центр" силами 16-й армии на рубеже район озер Шеданье, Ильмень.

9. Усиленный 2-й воздушный флот уничтожает русские военно-воздушные силы перед фронтом группы армий и поддерживает наступление армий и танковых групп всеми имеющимися средствами.

Налеты на промышленные объекты Московского района имеют второстепенное значение по сравнению с этими задачами и будут проводиться лишь тогда, когда это позволит положение наземных войск. Для затруднения снабжения противника и переброски резервов движение на железной дороге Брянск Вязьма - Ржев в восточном направлении должно систематически нарушаться.

10. День и время наступления будут определены в моем приказе в соответствии с указаниями, отданными мной 24 сентября.

Подпись фон Бок

Приложение 2

Приказ командования группы армий "Центр" на продолжение операции против Москвы

№ 1870/41 от 7.10.1941 г.

Отп. 27 экз.

Совершенно секретно

Только для командования Передавать только через офицера

Приказ на продолжение операции против Москвы

1. Окруженные западнее Вязьмы армии противника в скором времени будут уничтожены. Войска, окружившие противника, продолжают наступление по всему фронту. Все высвободившиеся войска немедленно переходят к преследованию

оторвавшихся сил противника в направлении Москвы, чтобы не дать ему возможности создать новый оборонительный рубеж.

2. 2-я танковая армия как можно быстрее прорывается к Туле и захватывает переправы для дальнейшего продвижения в направлении Коломны и Каширы, Серпухова.

Городской и промышленный район Брянск, Орджоникидзеград с имеющимися там мостами удерживать силами 2-й армии до их смены. Обеспечить прикрытие путей снабжения и железную дорогу Брянск - Орел необходимыми силами.

3. 4-я и 9-я армии уничтожают армии противника, окруженные в районе Дорогобуж, Вязьма. Подвижные соединения надлежит высвободить как можно скорее и заменить их пехотными корпусами, которые получают новые задачи.

4. 4-я армия без промедления наносит удары по противнику:

а) во взаимодействии с 13-м и 12-м армейскими корпусами на участке Калуга, Медынь и прорывает его оборону;

б) силами 57-го армейского корпуса (кроме 20-й и 19-й танковых дивизий и 3-й моторизованной дивизии) в районе Малоярославец, Боровск. Укрепленные опорные пункты противника и мосты в районе Калуги захватить силами передовых отрядов;

в) всеми имеющимися силами 4-й танковой группы в общем направлении на шоссе на дорогу Вязьма - Можайск.

5. 9-я армия выходит силами 3-й танковой группы на рубеж Гжатск, южнее Сычевки для блокирования окруженной группировки с северо-востока. Все высвободившиеся части танковой группы после выхода на этот рубеж сосредотачиваются для нанесения удара в направлении Калинин или Ржев. Наземную разведку вести в районе железнодорожной линии Волоколамск - Ржев.

6. 2-я армия во взаимодействии со 2-й танковой армией (см. пункт 2), стремительно овладевая важнейшим путем снабжения Рославль - Брянск, уничтожает группировку противника в районе Трубчевск, Жиздра.

Дальнейшая задача 2-й армии - наступление в направлении Тула, Калуга. 1-я кавалерийская дивизия и боеспособные пехотные дивизии после уничтожения сил противника южнее шоссе Рославль - Брянск должны быть переданы 2-й танковой армии, действующей в направлении на Орел.

7. Разграничительные линии:

а) Между 2-й танковой и 2-й армиями:

Будет определена в приказе позднее. Разграничение задач обеспечения и т. д. в тыловых районах армий по согласованию.

б) Между 2-й и 4-й армиями: до Ершичи - как прежде, далее Людиново (2-я армия) - Козельск (4-я армия) - течение реки Жиздра до впадения в Оку по шоссе на Ферзиново и Серпухов (4-я армия).

в) Между 4-й и 9-й армиями: шоссе на дорогу до Вязьмы - как прежде, затем Вязьма (4-я армия)-шоссе до Гжатска (шоссе - 4-я армия, Гжатск - 9-я армия) - Руза (4-я армия).

8. Изменение боевого состава:

а) Штаб 35-го корпуса с 1-й кавалерийской, 95, 262, 293 и 296-й пехотными дивизиями с 12.00 10.10 переподчиняется 2-й армии.

б) 8-й армейский корпус в составе 17, 52 и 260-й пехотных дивизий с 12.00 8.10 переподчиняется 4-й армии.

Находящийся в настоящее время под Жиздрой усиленный 163-й пехотный полк 52-й дивизии остается в тактическом подчинении 2-й армии.

9. 4-й армии сосредоточить пехотный полк "Великая Германия" под Рославлем в

качестве резерва группы армий.

Подпись фон Бок

Приложение 3

Приказ командования группы армий "Центр" на продолжение операции No 2250/41 от 30.10 1941 г.

Отп. 27 экз.

Приказ на продолжение операции

1. Чтобы выполнить задачи по окружению Москвы, поставленные в приказе группы армий от 14.10 1941, следует сначала разгромить противника в районе между течением реки Москва и Калининым.

Всю подготовку к новой операции проводить таким образом, чтобы можно было без промедления использовать в полном объеме предположительно небольшой отрезок морозного времени и отсутствие снегопада.

2. 2-я армия имеет прежнюю задачу - выйти на рубеж Курск, Малоархангельск и севернее и продвигаться в возможно быстром темпе своими подвижными силами на Воронеж.

3. 2-я танковая армия наносит удар между Рязанью и районом Каширы через Оку. Как только позволят дорожные условия, следует, используя любую возможность, выслать на северном и восточном флангах небольшие, но маневренные подразделения, снабженные в достаточном количестве горючим, чтобы быстро перерезать пути, ведущие с юга к Москве, и внезапно захватить переправы через Оку. Этим подразделениям должны быть приданы саперы для разминирования мостов. Пойдет ли основная масса танковой армии в ходе дальнейших боев восточнее или западнее реки Москва, будет зависеть от наличия переправ и от обстановки после взятия Тулы.

Обратить особое внимание на захват индустриальных районов Сталиногорска и Каширы.

4. 4-я армия готовится немедленно возобновить наступление на главном направлении южнее и севернее шоссе, пока состояние погоды позволяет произвести необходимые маневры силами и снабжение фронта боеприпасами. Об объектах для наступления донести. Северному крылу армии продвигаться в общем направлении на Клин. Дальнейшее наступление пехотных соединений при поддержке 4-й танковой группы в направлении Ярославль, Рыбинск предусмотреть на случай, если позволят погодные условия и положение со снабжением.

5. 9-й армии выяснить обстановку под Калинином, севернее Ярополец, отбросить противника на участке реки Лама и захватить переправы через западную оконечность Волжского водохранилища. В дальнейшем сосредоточить 3-ю танковую группу для наступления южнее Волжского водохранилища в направлении на северо-восток.

На северном участке фронта армии занять оборону на общем рубеже Калинин, Торжок, Б. Коша. Левому крылу армии из района Селижарово продвигаться на северо-восток на такое расстояние, чтобы шоссе Селижарово (предполагается конечный железнодорожный пункт) - Старица можно было использовать в качестве пути снабжения. В случае заметного ослабления сопротивления противника продолжать наступление до рубежа Калинин, Торжок и восточнее.

253-я дивизия немедленно переходит в подчинение 9-й армии, ее снабжение осуществляется в дальнейшем через 16-ю армию. Одну дивизию как можно скорее сосредоточить в районе Старицы.

6. Разграничительные линии:

а) Между группой армий "Юг" (6-я армия) и группой армий "Центр" (2-я армия) как и прежде: Ромны (группа армий "Юг") - Курск (группа армий "Центр") - Горшечное (группа армий "Центр") - Воронеж (группа армий "Центр") - Мучка (группа армий "Центр").

б) Между 2-й армией и 2-й танковой армией как и прежде: Унеча (40 км юго-западнее Трубчевска) - Трубчевск (2-я танковая армия) - Орел (2-я танковая армия) - Богородицк (2-я армия) - Михайлов (2-я танковая армия) Рязань (2-я танковая армия).

в) Между 2-й танковой армией и 4-й армией: Ершичи (3-я армия) Людиново (2-я танковая армия) - Козельск (4-я армия) - по течению реки Жиздра до впадения в реку Ока - Макарово (2-я танковая армия)-по течению Оки до Серпухова (4-я армия).

г) Между 4-й и 9-й армиями: шоссе до Вязьмы, населенный пункт Вязьма (9-я армия), затем шоссе до южнее Гжатска (4-я армия) - Гжатск (9-я армия) - Череза Стратилацкая (9-я армия) - Ярополец (4-я армия) - по течению реки Лама (9-я армия) - Волжское водохранилище (9-я армия).

д) Между группой армий "Центр" (9-я армия) и группой армий "Север" (16-я армия): озеро Городно - Пено - Рагоза - Северное шоссе от Осташково на Вышний Волочек (через Толпино) - ст. Овинишо (шоссе и на-селенный пункт к северу).

7. 638-й пехотный полк после прибытия в Смоленск подчиняется командующему войсками, группы армий "Центр". После сосредоточения в районе Смоленска полк направить в район Вязьмы.

Подпись фон Бок

Приложение 4

Отрывок из журнала боевых действий группы армий "Центр" (декабрь 1941 г.) о разногласиях между командованием группы армий "Центр", Гитлером и ОКХ по поводу приказа держаться

День, время

Изложение событий

16.XII 12.10

Генерал-полковник Гальдер сообщил о том, что в ближайшее время поступит директива фюрера, в которой говорится: "Группе армий "Центр", подтянув все имеющиеся в ее распоряжении резервы, удерживать позиции в районе прорыва противника севернее Ливны и западнее Тулы и на рубеже Ливны, Дубна, Алексин. 4-й армии не отступать ни на шаг. 3-й и 4-й танковым группам, если не остается другого выбора, отойти постепенно на рубеж Руза, Волоколамск, Старица. 9-й армии обеспечить стык с танковой группой, Группам армий "Юг" и "Север" удерживать свои позиции. Группе армий "Юг" иметь в готовности за северным флангом 6-й армии резервы (несколько полков)". Командующий группой армий "Центр" ответил на это: "Я снова докладываю, что у меня нет резервов, ни одного человека. Я прошу об этом незамедлительно доложить фюреру". Вышеуказанные слова фюрера были переданы начальником штаба группы армий "Центр" командующим армиями и танковыми группами с указанием принять их немедленно к исполнению. Письменный приказ последует. Строительство тылового рубежа Орел, Курск, Гжатск, Ржев продолжать, а также продолжать все подготовительные мероприятия к занятию этого рубежа.

16.XII 22.40

Начальник штаба доложил командующему группой армий, что, по сообщению полковника Шмундта, фюрер полностью отстранил от дел главнокомандующего сухопутными силами и поручил ему (Шмундту) поддерживать непосредственную связь с группой армий "Центр". Командующий группой армий "Центр" в связи с новым сильным ухудшением обстановки вечером позвонил по телефону полковнику Шмундту и, подробно изложив обстоятельства, спросил, достаточно ли ясно генерал-фельдмаршал фон Браухич обрисовал фюреру всю серьезность обстановки и передал ли он его (командующего) мнение, что если группа армий не отойдет, то существует опасность ее полного разгрома. Полковник Шмундт ответил, что главнокомандующий сухопутными силами не сообщал фюреру мнения командования группы армий. Тогда генерал-фельдмаршал фон Бок зачитал свое донесение от 13 декабря: "Я больше не вношу предложений, я сделал это раньше. Вопрос, который ждет своего решения, выходит за

рамки чисто военной стороны дела. Фюрер должен решить: или группа армий остается на этих рубежах, что влечет за собой опасность ее разгрома, или она должна отойти, что также таит в себе опасность. Если он решит отходить, то должен знать, что еще сомнительно, имеется ли в тылу достаточно сил, чтобы удерживать неподготовленные и, по существу, такие же по протяженности позиции. Небольшие обещанные мнз подкрепления подходят так медленно, что они нз сыграют при этом решении существенной роли". Далее генерал-фельдмаршал фон Бок сказал: "Причина, по которой сомнительно, чтобы войска смогли удержаться на новом неподготовленном рубеже, достаточно ясна, так как в связи с нехваткой горючего и обледенением дорог я лишусь моторизованных соединений, а также артиллерии на конной тяге. Примером тому является 267-я дивизия, которая сегодня при отходе оставила всю свою артиллерию. Что касается приказа фюрера держаться, у меня существует озабоченность, что войска все же будут отходить и приказ не будет выполнен". Полковник Шмундт пояснил затем, на каком основании фюрер издал приказ держаться: группы армий "Север" и "Юг" прочно засели в своих окопах и могут в настоящее время удерживать фронт. Такое же положение в центре 4-й армии. Полковник Шмундт привел слова фюрера: "Я не могу все пустить на ветер только потому, что в группе армий "Центр" фронт прорван в нескольких местах".

Фюрер, сказал он далее, взял все в свои руки, и будет сделано все возможное, чтобы обеспечить удержание занимаемых рубежей. Достойно сожаления, что фюрер, как выяснилось, до сих пор не был правильно информирован о серьезности обстановки на фронте. Генерал-фельдмаршал фон Бок указал на то, что он в этом смысле не хотел бы кого-либо упрекать. На это полковник Шмундт ответил, что он это понимает и мог в этом убедиться во время своего посещения группы армий. Генерал-фельдмаршал фон Бок сказал: "Фюрер должен знать, что здесь идет игра ва-банк. В его приказе говорится, что я должен использовать все наличные резервы, чтобы закрыть бреши. У меня больше нет резервов. Я прошу вас снова доложить об этом фюреру. Сегодня я перебросил из тылового района два полицейских батальона. Это и есть мои "резервы", больше у меня ничего нет". Полковник Шмуидт ответил, что он доложит об этом фюреру. Генерал-фельдмаршал фон Бок указал еще раз на то, что фюрер должен себе хорошо уяснить, что идет игра ва-банк. Полковник Шмундт заметил при этом, что во время отступления так бывает всегда.

Генерал-фельдмаршал фон Бок ответил, что опасность очень велика и, может быть, есть возможность не дать всему погибнуть на занимаемых рубежах. "Я уже давне выдвинул свои предложения, - сказал фон Бок. - Сейчас можно только гадать, что является правильным". Полковник Шмундт сообщил, что он сразу же доложит фюреру об этом разговоре. В заключение генерал-фельдмаршал фон Бок сказал: "Вы знаете, что состояние моего здоровья оставляет желать много лучшего. Если фюрер считает, что здесь нужны свежие силы, он не должен ни при каких обстоятельствах считаться со мной. Я прошу вас об этом также доложить фюреру. Поймите меня правильно: это не угроза, а исключительно констатация факта". Полковник Шмундт ответил, что он понял и что он доложит фюреру и об этом.

17.XII 0.30

Запись переговоров по телефону между фюрером и генерал-фельдмаршалом фон Боком: Фюрер сказал, что ему передали донесение генерал-фельдмаршала фон Бока генерал-фельдмаршалу фон Браухичу от 13 декабря. Фюрер пояснил, что при существующем положении нет никакого смысла отступать на неподготовленные, недостаточно оборудованные позиции, особенно если учесть, что придется оставить артиллерию и большое количество материальных запасов и тем более что через несколько дней можно оказаться в подобной же ситуации, только без тяжелого оружия и артиллерии. Таким образом, существует только одно решение - ни шагу назад, закрыть бреши и удерживать занимаемые рубежи. Затем фюрер сказал, что он лично все подготовил, чтобы оказать помощь: как только появится возможность, будет усилена авиационная поддержка и направлены пополнения в пехотные соединения. Фюрер еще раз подчеркнул, что имеется только одно решение - удерживать позиции. Генерал-фельдмаршал фон Бок доложил, что им отдан приказ в этом духе, но обстановка настолько напряженная, что фронт группы армий в течение часов может быть где-то прорван. На это фюрер ответил: "Тогда я буду вынужден с этим считаться".

Противоречия по поводу бреши под Боровском

30.XII 11.00

Докладывает генерал Кюблер: "Обстановка чрезвычайно напряженная. 15-я дивизия, испытывающая сильное давление противника, должна быть немедленно отведена на рубеж Ермолино (на север), Инютино, Козельск, Мишуково. Очень сомнительно, чтобы она смогла удержать на этом рубеже транспортный узел Боровск. Отдан приказ 20-му корпусу по возможности скорее выделить необходимые силы для укрепления обороны Боровска. Поскольку 15-я дивизия будет, вероятно, оттеснена противником, нельзя поставить 183-й дивизии задачи блокировать дорогу Боровск - Наро-Фоминск. Поэтому возникает необходимость отвести на новые позиции весь 20-й корпус немедленно, хотя занимаемые оборонительные позиции только что подготовлены. Считаю необходимым принять соответствующее решение как можно скорее. Выход на рубеж Верея, Медынь может быть осуществлен в два этапа и должен начаться сегодня вечером. Генерал-фельдмаршал фон Клюге указал на то, что такое решение подлежит утверждению фюрером, ибо оно обусловит отвод правого фланга 4-й танковой группы, а начать его сейчас нельзя. Отвод 7-го корпуса не может быть осуществлен до 31.XII".

30.XII 13.05

Разговор по телефону между генерал-фельдмаршалом фон Клюге, генерал-полковником Гальдером и фюрером: генерал-фельдмаршал фон Клюге доложил, что русские снова прорвали оборону 4-й армии (в полосах 98-й и 15-й дивизий). В полосе 98-й дивизии русские перешли Протву и заняли Анисимовку. В полосе 15-й дивизии русские взяли Климкино и прорываются в направлении на Боровск. Генерал Кюблер, сказал генерал-фельдмаршал фон Клюге, считает, что дальнейшее удержание позиций 15-й дивизией бессмысленно. Резервов нет. Положение настолько угрожающее, что 15-я и 183-я дивизии должны быть отведены. В связи с этим имеется также просьба об отходе 20-го и 7-го корпусов. Командование армии предлагает отойти на рубеж Марьино, Алексино, Богородск, по реке на юг до Протвы, южнее Боровска, снова до Протвы. На вопрос генерал-полковника Гальдера о том, нет ли преувеличений в оценке обстановки, генерал-фельдмаршал фон Клюге ответил, что все абсолютно точно. Дивизии не могут больше удерживать свои позиции. Отход должен быть осуществлен сегодня ночью. Приказы об этом должны быть отданы сегодня днем. Затем в разговор вступил фюрер и спросил, сколько материально-технических средств будет потеряно предположительно при этом отступлении. Генерал-фельдмаршал фон Клюге ответил: "Я надеюсь, что немного. Чем скорее будет принято решение, тем меньше материально-технических средств будет потеряно".

Фюрер заметил, что отступлению не видно конца и так можно отступить до Днепра или до польской границы. Непонятно, почему отступает весь фронт, если противник не наступает по всему фронту. Фюрер сказал, что он должен противопоставить ощущениям фронтовиков голос трезвого рассудка. Преимущество сокращенной линии фронта, которое достигается при отходе, ничего не стоит из-за потерь в материально-технических средствах. Кроме того, за нынешними позициями не видно каких-либо других позиций, которые бы представляли возможность обеспечить фланги.

Генерал-фельдмаршал фон Клюге ответил, что новый предполагаемый рубеж по Протве ему лично известен. Он является природным препятствием, так как западный берег реки выше восточного. И все же нельзя гарантировать, что позиции на этом новом рубеже будут удержаны. Фюрер поинтересовался, имеются ли на Протве подготовленные позиции. Генерал-фельдмаршал фон Клюге сказал, что таких позиций нет. Фюрер заметил, что, согласно докладу генерал-квартирмейстера, 7-й корпус обеспечен горючим только на 25 км хода. Отвод корпуса на новые позиции нельзя осуществлять при недостаточном количестве горючего. Генерал-фельдмаршал фон Клюге ответил, что, согласно донесению штаба 4-й армии, у нее достаточно горючего для отхода. Далее фюрер сказал: "Каждое отступление означает собственную слабость. Если этот отходный маневр закончится только на нашей границе, у нас не останется больше материально-технических средств, а без них мы все потеряем". В заключение фюрер спросил, ввели ли русские в бой тяжелую артиллерию. Генерал-фельдмаршал фон Клюге дал отрицательный ответ на этот вопрос, сказав, что противник прорывается силами танков и пехоты. По этому поводу фюрер заметил, что он, видимо, отсталый человек, так как во время мировой войны не раз был свидетелем того, как войска подвергались ураганному обстрелу артиллерии, и, несмотря на это, даже если их оставалось только 10% прежнего состава, удерживали свои позиции. Генерал-фельдмаршал фон Клюге ответил, что из

следует забывать, что в противоположность мировой войне во Франции здесь, на Востоке, боевые действия ведутся теперь при температуре 20 - 30° мороза. Фюрер сказал, что, по донесениям, которые он получил, число случаев обморожения не очень высоко: около 4000. На это генерал-фельдмаршал фон Клюге указал, что войска как физически, так и духовно утомлены, а случаев обморожения значительно больше, чем указывается в ежедневных сводках штаба группы армий. Командир корпуса заявил, что если 15-й дивизии будет приказано удерживать позиции, то вследствие чрезмерного изнурения войска не смогут этого сделать. Фюрер на это заметил: "Если дело обстоит так, то это конец немецкой армии". На этом фюрер прервал разговор и сказал, что позднее позвонит еще.

30.XII 14.35

Разговор по телефону между фюрером и генерал-фельдмаршалом фон Клюге.

Фюрер: Насколько глубок прорыв в полосе 34-й дивизии?

Генерал-фельдмаршал фон Клюге: Там нет прорыва.

Фюрер: А в полосе 98-й дивизии?

Генерал-фельдмаршал фон Клюге: До Анисимовки, последняя занята противником.

Фюрер: Какова ширина прорыва?

Генерал-фельдмаршал фон Клюге: Она невелика. 57-й корпус надеется с помощью 12-го корпуса и силами частей 19-й танковой дивизии задержать продвижение противника.

Фюрер: Каковы глубина и ширина прорыва в полосе 15-й дивизии?

Генерал-фельдмаршал фон Клюге: Значительно шире, чем думали раньше. Но получено еще не подтвержденное донесение, что противник с юго-востока переправился через Протву, занял Фотеево и продвигается дальше к Боровску. Точных данных о ширине прорыва не имеется.

Фюрер: Моя точка зрения такова: только за последние несколько недель противник сумел прорваться на нескольких участках фронта группы армий. Целесообразно ли долгое время удерживать такие выступы, как в полосах 20-го и соседнего с ним 7-го корпусов? По-моему, нет. А ведь 3-я моторизованная, 197, 267, 7, 292, 258 и 183-я дивизии с начала октября не меняли позиций.

Генерал-фельдмаршал фон Клюге: 3-я моторизованная дивизия только недавно находится на своих позициях. 197, 7 и 258-я дивизии еще в начале декабря наступали и вели бои с переменным успехом. То же можно сказать и о 242-й и 183-й дивизиях. Таким образом, нельзя утверждать, что они занимают нынешние позиции с начала октября.

Фюрер: Все-таки эти дивизии уже значительное время занимают позиции и, видимо, оборудовали их. В районе, куда эти дивизии должны быть отведены, нет никаких сооружений, там нет настоящих позиций.

Генерал-фельдмаршал фон Клюге: Это верно. Там только очень небольшое количество оборудованных позиций.

Фюрер: Если эти пять дивизий отойдут, они поменяют хотя бы в какой-то степени оборудованные позиции на совсем не оборудованные и будут там находиться в условиях, более благоприятных для ведения боевых действий. Отступление для этих дивизий является, таким образом, невыгодным, так как они будут испытывать только новые трудности.

Генерал-фельдмаршал фон Клюге: Я согласен с этим, но все же отход приведет к сокращению линии фронта, а это позволит сэкономить столь необходимые резервы.

Фюрер: Я хочу пояснить мою точку зрения пункт за пунктом: ведь остается под вопросом возможность удержания новых позиций. Значит, отход не даст никаких выгод. По прогнозу, ожидается солнечная погода, которая продержится несколько дней. Морозы усилятся до 30 градусов. Отход войск в таких условиях повлечет за собой

многочисленные случаи обморожения, потерю значительного количества материально-технических средств. Таким образом, преимущества, которых мы хотим добиться путем отступления, будут сведены к нулю ввиду потерь и потому, что нет гарантии удержания новых позиций. Вполне возможно, что каждый отход будет сопровождаться все новыми потерями в материальных средствах, вооружении и транспорте, а также в личном составе и, наконец, настанет момент, когда будет невозможно удерживать фронт вообще. Видимо, нужно попробовать локализовать прорыв под Боровском путем привлечения части сил 183-й дивизии для поддержки 15-й дивизии. Позиции, занимаемые 15-й дивизией, нужно удерживать до тех пор, пока в районе Алексина не будет подготовлена новая позиция и созданы условия для ее удержания.

Генерал-фельдмаршал фон Клюге: Строительство такой позиции едва ли возможно в связи с нехваткой сил. Можно попытаться привлечь некоторые тыловые службы, но это, пожалуй, займет много времени. Я боюсь, что события обгонят нас.

Фюрер: Само собой разумеется, для строительства укреплений должны быть использованы все силы. Например, если тяжелые материальные средства и тяжелая артиллерия уже отведены, обслуживающий личный состав может немедленно использоваться на строительстве рубежа. Если вы мне скажете, что 15-я дивизия разбита, мой упрек будет в адрес 2-й армии. Несколько дней тому назад нам доложили, что 45-я и 134-я дивизии уничтожены. В действительности же они мужественно выстояли и сейчас ведут успешные оборонительные действия. (Фюрер повторяет свои аргументы против отвода войск, причем он снова указывает на то, что отвод должен долго готовиться, так как иначе он приведет к невосполнимым потерям в личном составе и материально-технических средствах.)

Генерал-фельдмаршал фон Клюге: Боюсь, что положение в полосе действий 15-й дивизии не позволит ей удерживать занимаемые позиции.

Фюрер: Сделайте что возможно, иначе войска займут новые позиции в еще более плачевном состоянии, нежели то, в котором они находятся сейчас. Поговорите, пожалуйста, с Кюблером о моих соображениях,

Генерал-фельдмаршал фон Клюге: Я спрошу Кюблера, что он может еще сделать, чтобы доставить 15-й дивизии подкрепления. То, что 15-я дивизия может удерживать Боровск, генерал Кюблер подвергает сомнению. Состояние 15-й дивизии таково, что какие бы приказы ей ни отдавались, она не в состоянии больше удерживать свои позиции. Кстати, противник прорвался на левом фланге в районе Фотеево, в полосе действий 98-й дивизии. Конечно, можно сначала выждать, чтобы узнать, какими силами противник будет наступать на Боровск в последующие дни.

Фюрер: Итак, давайте подождем! Мы должны попытаться это сделать, принимая во внимание пять дивизий 20-го и 7-го корпусов.

Генерал-фельдмаршал фон Клюге: Слушаюсь! Но я должен доложить, что, по донесениям командующих армиями, обстановка чревата опасностью.

Фюрер закончил разговор просьбой к генерал-фельдмаршалу фон Клюге сообщить ему о результатах переговоров с генералом Кюблером.

31.XII 18.30

По поводу отхода 4-й и 9-й армий состоялся следующий телефонный разговор между генерал-фельдмаршалом фон Клюге и генерал-полковником Гальдером. На вопрос генерал-фельдмаршала фон Клюге, одобрил ли фюрер отход 9-й армии, генерал-полковник Гальдер сообщил, что он еще не докладывал фюреру, и сказал, что фюрер никогда не одобрит отход и, конечно, не отдаст такого приказа. Генерал-фельдмаршал фон Клюге ответил, что тогда он отдаст приказ 9-й армии не отходить, хотя за 2 - 3 дня от армии почти ничего не останется. Генерал-полковник Гальдер сказал, что фюрер, несмотря ни на что, даст тот же ответ, что и вчера. Генерал-фельдмаршал фон Клюге в связи с этим заметил, что стоит перед дилеммой: если он как командующий группой армий доложит о прорыве противника, то получит приказ держаться, а если оставаться на занимаемых позициях, то через восемь дней группа армий будет уничтожена. В заключение генерал-фельдмаршал фон Клюге подробно доложил об обстановке на участке фронта 4-й армии и усилившемся давлении против правого крыла 2-й армии. Он

заметил, что фюрер должен наконец уяснить себе положение дел и, если, несмотря ни на что, он будет настаивать на своем, тогда должен отдать приказ держаться. Фон Клюге сказал, что в этом случае у него отпадет забота каждый раз вновь указывать на критическое положение, но он будет вынужден доложить через восемь дней, что группа армий больше не существует. Говоря о сроках проведения операции по отходу 4-й и 9-й армий, фон Клюге сказал, что 4-й армии потребуется восемь дней, а 9-й армии три-четыре дня. Фон Клюге доложил также, что он не может дать гарантии удержания новых позиций, не получив подкреплений. Генерал-полковник Гальдер выразил удивление, что войска так мало способны к ведению оборонительных действий. На это генерал-фельдмаршал фон Клюге ответил: "Вы же не знаете, как люди выглядят! Держать оборону или отходить на новый рубеж можно только со свежими силами. Тогда воля командования к удержанию позиций налицо и войска дерутся смелее. Но сейчас все не так. Если бы мы, как я предлагал, отошли раньше, то все шло бы по плану и в полном порядке. Теперь этого нельзя гарантировать - дивизии разбиты. Нам все равно придется отступить, хотим мы того или нет!"

30.XII 23.20

Разговор генерал-фельдмаршала фон Клюге с фюрером. Генерал-фельдмаршал фон Клюге подробно доложил об обстановке на участке 9-й армии и сказал, что генерал-полковник Штраус отдал приказ об отходе 6-го корпуса, чтобы избежать катастрофы. Не отдать такой приказ было нельзя, так как нет сил, чтобы остановить прорвавшегося противника. Генерал-фельдмаршал фон Клюге еще раз подчеркнул, что, если противник прорвался и корпус находится в опасности, нельзя ждать. Он сказал, что, по его мнению, необходима гибкость в руководстве боевыми действиями, а это значит, что не следует бояться отвести войска, если это диктуется обстановкой.

Фюрер отметил, что ему ясны причины, по которым 6-й корпус не может больше удерживать занимаемые позиции.

Генерал-фельдмаршал фон Клюге рассказал о состоянии войск и подчеркнул, что их нельзя ни в чем упрекнуть.

Фюрер ответил, что войска не нуждаются в том, чтобы кто-то оправдывал их действия. Раз нет нового прочного рубежа, нужно удерживать занимаемые позиции. Атакуя, противник будет нести все большие потери. Есть основания опасаться, что и новый рубеж не будет удержан, противник снова прорвется и повторится та же картина.

Генерал-фельдмаршал фон Клюге еще раз подчеркнул опасность обстановки и отсутствие резервов, с помощью которых можно было бы остановить прорвавшегося противника, способного парализовать наши тылы. Он продолжил: "Я прошу свободы действий. Вы должны оказать мне доверие, зная, что я поступаю правильно. Иначе я не могу работать".

Фюрер: Хорошо. Как долго вы сможете удерживать новый рубеж?

Генерал-фельдмаршал фон Клюге: Я не могу вам этого сказать.

Фюрер: При новых ударах противника вы бросите и новый рубеж.

Генерал-фельдмаршал фон Клюге: Мы находимся в стесненном положении. Можно крутиться и вертеться как хочешь. Но с этим положением следует кончать.

На этом разговор был закончен. Генерал-фельдмаршал фон Клюге в 10.00 позвонил по телефону генерал-полковнику Штраусу и информировал его о содержании разговора с фюрером, выразив при этом надежду, что фюрер утвердит отход.

1.1 1.30

Разговор по телефону между фюрером и генерал-фельдмаршалом фон Клюге. Фюрер сообщил, что вместе со своими советниками пришел к единому мнению, которое особенно поддержал генерал-полковник Гальдер. По мнению фюрера, даже при угрозе прорыва не следует осуществлять большого отступления, прежде всего учитывая невозвратные потери в материально-технических средствах. Фюрер сказал, что у командира 6-го корпуса на сегодня нет ясной картины сложившейся обстановки, так как

в связи со снежными заносами и плохой погодой ему не удалось побывать в передовых частях своих войск. Опыт показывает, сказал фюрер, что обстановка на следующий день часто бывает более благоприятной, чем представляется сразу после боя. Войска, отметил фюрер, еще и сегодня чувствуют свое превосходство над русскими, и было бы неверно осуществлять большое отступление. После продолжительного размышления фюрер сказал, что все зависит от выигрыша времени, в течение которого маршевые батальоны могли бы создать заслоны и удерживать позиции, пока не прибудут резервы. Речь идет о соединениях полного состава, прибывающих из Германии.

Фюрер признал, что войскам приходится тяжело, но при этом заметил, что часто поступают донесения о стремлении войск к отходу, но после принятия командованием решительных мер удается удерживать занимаемые позиции. 6-й корпус, сказал фюрер, вынужден был отойти после сильного разрушения населенных пунктов, дорог и т. д., но это не значит, что ему следует определить новый рубеж обороны. Противника нужно заставить проливать кровь на каждом шагу, и это мнение разделяет начальник штаба сухопутных сил.

Генерал-фельдмаршал фон Клюге заметил, что генерал-полковник Штраус уже отдал приказ начать отход.

Фюрер сказал: "Это невероятно, чтобы осуществлялся оперативный маневр без согласия высших командных инстанций сухопутных сил. Войска должны удерживать свои позиции". Относительно отхода 4-й армии фюрер после уточнения некоторых вопросов отметил, что также и здесь при отступлении потери материальной части приводят к такому сильному ослаблению войск, что он не может дать согласия на отход. Нужно, сказал он, собрать все, что возможно, чтобы оборонять Боровок и снова освободить дорогу на Малоярославец.

Генерал-фельдмаршал фон Клюге: Я должен доложить, что предвижу, что и в дальнейшем события будут развиваться неблагоприятно. Мы, конечно, будем делать все, что возможно. Я не знаю - и прошу не обижаться за это, - стоим ли мы на верном пути и должен ли приказ держаться быть в прямом значении слова выполнен любой ценой. Полосы действий дивизий настолько велики, что именно в этом заключается главная трудность. Фюрер: Если полосы действий в результате тактического отхода уменьшатся, то я соглашусь с таким отходом. Но прорывы должны быть ликвидированы. Необходимый частный отход не должен повлечь за собой общего отступления.

После этого генерал-фельдмаршал фон Клюге еще раз подробно остановился на трудностях и опасности осуществления приказа держаться. Он выразил мнение, что уже слишком поздно менять что-либо в уже отданном приказе на отступление 9-й армии.

Фюрер повторил, что 6-й корпус может начать отход для создания сплошной линии обороны, но 9-я армия должна удерживать рубеж, на котором она получила приказ держаться. Свобода действий для осуществления маневра в полосе шириной 130 км и глубиной 35 км не будет гарантирована ни при каких обстоятельствах. Для 4-й армии не будет дано разрешение на отход.

Генерал-фельдмаршал фон Клюге доложил, что он отдаст соответствующие приказы и надеется, что это не принесет разочарования.

Приложение 5

Потери в личном составе и пополнения группы армии "Центр"

за период с 22.6.1941 г. по 31.3.1942 г. (в тыс. чел).

Период Потери Общая Общая Невосполненные

Потери и пополнения за сумма численность потери

период потерь пополнений

22.6 - 1.10 1941 229 229 151 78

1-7.10 1941 25 254 151 103

8-16.10 1941 23 277 151 126

17.10-15.11.1941 40 317 151 165

16-30.11 1941 41 358 151 207

3-31.12 1941 104 462 192 270

1-31.1 1942 145 607 211 396

1-28.2 1942 109 716 281 435

1-31.3 1941 80 796 331 465

Приложение 6

Потери восточной армии в танках, автомашинах, самолетах, других видах вооружения и конском составе за период с 1.11.1941 г. по 30.1.1942 г.

Период на 1.11 1941 на 30.11 1941 на 31.12 1941 на 30.1 1942

Вооружение

Танки 1812 3290 3730 4241

Автомашины и т. п. 76488 93326 116440 121 529

Самолеты 3838 4219 4643 5100

Легкие

полевые гаубицы 538 651 1103 1300

Тяжелые полевые

гаубицы 310 354 554 642

Легкие пехотные

орудия 640 721 919 1067

Тяжелые пехотные

орудия 196 228 302 352

Легкие минометы 2378 2638 3162 3572

Тяжелые минометы 1315 1501 1974 2318

100-мм тяжелые

пушки 65 75 108 132

37-мм

противотанковые

пушки 2479 2698 3349 3787

50-мм

противотанковые

пушки 274 291 426 475

Карабины 49963 54422 60732 66432

Пулеметы 16211 17676 21062 24247

Лошади (убитые) 85889 120494 143 503 179 132

Примечания

- {1} Stettinius E. Roosevelt and the Russians. Garden City, 1949, p. 7.
- {2} См.: Wunsche W. Strategie der Niederlage. Berlin, 1961.
- {3} Уроки истории неопровержимы. М., 1969, с. 350.
- {4} См.: Фомин В. Т. Фашистская Германия во второй мировой войне (сентябрь 1939 г. - июль 1941 г.). М., 1978, с. 270, 274.
- {5} См.: Deutschland im zweiten Weltkrieg. Berlin, 1974, bd. I, s. 564.
- {6} См.: Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1968, т. 1, с. 495.
- {7} Итоги второй мировой войны. М., 1957, с. 118.
- {8} Совершенно секретно! Только для командования! Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967, с. 161.
- {9} См.: История второй мировой войны 1939-1945. М., 1975. т. 4, с. 59, 75.
- {10} См.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 4, с. 93.
- {11} См.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 4, с. 130-131.
- {12} См.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 4, с. 128-129.
- {13} См.: Типпельскирх К. История второй мировой войны. М., 1956, с. 207.
- {14} См.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 4, с. 312-313.
- {15} См.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 4, с. 417-425.
- {16} См.: Statistische Handbuch von Deutschland. Munchen, 1949, s. 280; История второй мировой войны 1939-1945, т. 4, с. 418.
- {17} Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. М., 1970, т. 1, с. 133.
- {18} См.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 5, с. 67-58.
- {19} Там же, т. 4, с. 175.
- {21} Разгром немецко-фашистских войск под Москвой и на других участках советско-германского фронта явился началом коренного поворота в войне. Захватив стратегическую инициативу на решающем участке и нанеся противнику тяжелый урон, советские войска создали благоприятные предпосылки для осуществления новых ударов по врагу и развертывания общего наступления. Успехи, достигнутые под Москвой, коренным образом изменили обстановку на всем советско-германском фронте.- Прим. ред.
- {22} Операция "Тайфун", названная гитлеровским руководством "решающим сражением года", началась 30 сентября переходом в наступление 2-й танковой группы в полосе Брянского фронта. 2 октября в наступление против Западного и Резервного фронтов перешли остальные силы группы армий "Центр" (см.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 4, с. 94).- Прим. ред.
- {23} См.: Беспримерный подвиг. Материалы научной конференции, посвященной 25-летию разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. М., 1968; Битва за Москву. М., 1966; Буков К. И. Победа под Москвой. М., 1962; Муриев Д. З. Провал операции "Тайфун". М., 1966; Самсонов А. М. Великая битва под Москвой 1941-1942. М., 1959; Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. Под ред. В. Д. Соколовского. М., 1964; Великая битва под Москвой (1941-1942). Краткий исторический очерк. М., 1961.
- {24} См.: Москва - фронту 1941-1945 гг. Сборник документов и материалов. М., 1966.

{25} План "Барбаросса" был подписан Гитлером не осенью, а 18 декабря 1940 года.- Прим. ред.

{26} В соответствии с планами ОКХ предполагалось вывести с Восточного фронта 60 дивизий.- Прим. авт.

{27} Гитлер планировал завершить войну против Советского Союза до наступления холодов. "Я не повторю ошибки Наполеона. Когда пойду на Москву,- заявил самоуверенный фюрер,- я выступлю достаточно рано, чтобы достичь ее до зимы". Единая точка зрения по основным вопросам ведения войны против СССР была выработана 13 и 14 декабря 1940 года на совещании в штабе ОКХ. Участники совещания пришли к выводу, что для разгрома Советского Союза потребуется не более 8-10 недель (см.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 3, с. 230).- Прим. ред.

{28} Планы Гитлера в отношении Англии и Соединенных Штатов Америки в книге изложены не совсем точно. Фюрер мечтал захватить не только колонии, но и собственно территории Великобритании и США. Об этом свидетельствует проект директивы No 32, который подготовил штаб ОКВ и разослал сухопутным войскам, ВВС и ВМФ 11 июня 1941 года. (Окончательный вариант этой директивы был принят 30 июня 1941 года.) В основе этого проекта было указание Гитлера о том, что "после окончания восточной кампании необходимо предусмотреть захват Афганистана и организацию наступления на Индию".

Проект директивы о ведении операций на будущее предусматривал (после разгрома Советских Вооруженных Сил) захват английских колониальных владений и некоторых независимых стран в бассейне Средиземного моря, в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, вторжение на Британские острова, развертывание военных действий против Америки. Гитлеровские стратеги рассчитывали уже с осени 1941 года приступить к завоеванию Ирана, Ирака, Египта, района Суэцкого канала, а затем и Индии, где планировалось соединиться с японскими войсками. Немецко-фашистское руководство надеялось присоединить к Германии Испанию и Португалию, отрезать Англию от ее сырьевых источников и предпринять осаду островов. После завоевания Англии и ее колоний гитлеровцы намеревались захватить Канаду и Соединенные Штаты Америки.- Прим. ред.

{29} Планирование германской агрессии против Советского Союза началось еще в середине 30-х годов. Даже в условиях начавшейся войны против Польши, а затем кампании в Северной и Западной Европе подготовка военных действий против СССР не выходила из поля зрения гитлеровцев. Планирование войны, конкретное и всестороннее, германский генеральный штаб возобновил после разгрома Франции, когда, по мнению фашистского руководства, был обеспечен тыл будущей войны и в распоряжении Германии оказалось достаточно ресурсов для ее ведения. В ноябре 1940 года ОКХ представило детальный план войны, первоначально получивший условное наименование "Отто". 5 декабря 1940 года план был доложен Гитлеру, который одобрил его, подчеркнув при этом, что важно воспрепятствовать планомерному отходу советских войск и добиться полного уничтожения военного потенциала СССР.- Прим. ред.

{30} Планом "Барбаросса" предусматривалось начать военные действия против Советского Союза еще до того, как будет закончена война против Англии (см.: История второй мировой войны 1939- 1945, т. 3, с. 236).- Прим. ред.

предполагалось продвинуться на такую глубину, чтобы русская авиация уже не могла бы больше наносить удары по германскому рейху. В конечном счете наступающие войска должны были выйти к Волге, чтобы в случае необходимости можно было силами авиации подавить последний остающийся у СССР индустриальный район на Урале. Сухопутные войска, действующие в направлении района севернее Припятских болот, должны были иметь в своем составе группы армий "Север" и "Центр". При этом группе армий "Центр" ставилась задача силами ударных танковых и моторизованных соединений, наступающих из района восточнее и севернее Варшавы, разгромить войска противника в Белоруссии и на первом этапе операции овладеть высотами восточнее Смоленска как ключевыми позициями для последующего удара на Москву. Тем самым нужно было создать предпосылки для того, чтобы с этого рубежа продвинуться значительными силами в северном направлении и во взаимодействии с группой армий "Север", которая наступала из Восточной Пруссии через Балтику на Ленинград, разгромить находящиеся в этом районе силы Красной Армии. Только после овладения Ленинградом и Кронштадтом

предусматривалось проведение наступательной операции по захвату важнейшего узла дорог и военного центра - Москвы. Лишь внезапный и быстрый крах русской обороны мог стать предпосылкой для достижения таких целей. Группа армий "Юг" должна была продвигаться от Люблина в общем направлении на Киев, чтобы крупными силами танковых соединений стремительно выйти на фланги и в тыл русских войск на Украине и достичь Днепра. Преследуя отступающего противника, войска должны были захватить на юге чрезвычайно важный в военно-экономическом отношении Донецкий бассейн, а в центре - овладеть Москвой.

В этой директиве была утрачена главная идея - идея разгрома прежде всего военной силы противника.

{31} Этот вывод противоречит как общей идее блицкрига, так и документам, которые неопровержимо свидетельствуют, что перед вермахтом была поставлена задача в ходе наступления воспрепятствовать отходу боеспособных сил противника и уничтожить их западнее линии Днепр, Двина. Следовательно, цель разгрома военной силы противника в плане войны против СССР имела. Гитлеровские стратеги, престиж которых всячески отстаивает автор, на деле оказались банкротами и были посрамлены Красной Армией.- Прим. ред.

{32} Вторжение фашистского вермахта в Польшу поставило народы Западной Украины и Западной Белоруссии под угрозу фашистского порабощения, создало опасное положение у западных границ СССР. В начале сентября 1939 года правительство СССР приняло меры предосторожности на случай вооруженных столкновений, а после того как польское буржуазно-помещичье государство распалось и его правители покинули пределы страны, было решено взять под защиту население Западной Украины и Западной Белоруссии. Освободительный поход Красной Армии начался 17 сентября и был завершён 25 сентября 1939 года. Советский Союз продвинул свою границу на запад на 250 - 300 км, спас от фашистского порабощения более 12 млн. украинцев и около 3 млн. белорусов и преградил путь наступающим немецко-фашистским войскам.- Прим. Ред.

{33} Эти утверждения автора не соответствуют действительности. Опыт войн указанного периода, особенно войны против Наполеона, не подтверждает данного вывода. Что касается первой мировой войны, то она завершилась полным поражением Германии и ее союзников, не добившихся осуществления своих планов передела мира и завоевания мирового господства,- Прим. ред.

{34} Э. Моритц отрицает эти факторы. Причины недооценки Красной Армии и СССР, по его мнению, кроются просто в "реакционной классово-политической позиции и особой агрессивности германского империализма". Это особенно явно проявляется в его агрессивной цели уничтожить социализм, что нашло свое выражение в антикоммунизме и антисоветизме. (Moritz E. Zur Fehleinschätzungen des sowjetischen Kriegspotenzials durch die faschistische Wehrmachts - führung in den Jahren 1935 bis 1945). Грёлер, напротив, считает важнейшим фактором ошибочной оценки немцами Красной Армии "расистскую теорию превосходства над другими нациями".- Прим. авт.

{35} Некоторые английские военные руководители верили, что немцы захватят Россию в срок от 6 недель до 3 месяцев (см.: Майский И. М. Воспоминания советского посла. Война 1939 - 1943. М., 1965, с. 145), в то время как американский военный министр писал Рузвельту 23.6 1941 года: "Германии нужно самое большее 3 месяца, чтобы победить Советский Союз". (Sherwood R. E. Roosevelt und Hopkins. Hamburg, 1950, s. 236).- Прим. авт.

{36} В документах фашистской Германии говорится о 75 русских дивизиях.- Прим. ред.

{37} Для ведения войны против Советского Союза гитлеровская Германия сосредоточила 153 немецкие дивизии и 37 дивизий европейских союзников. В первом стратегическом эшелоне находилось 129 немецких дивизий и 37 дивизий стран-сателлитов. Главные силы Германия сосредоточила у советских границ между Балтийским морем и Карпатами. Здесь было развернуто 10 немецких армейских объединений, в том числе все четыре танковые группы. На фронте, составлявшем 40% протяженности западных сухопутных границ СССР, гитлеровцы создали группировку, включавшую 70% всех дивизий, 75% орудий и минометов и 90% танков. Для поддержки ее с воздуха выделялось три воздушных флота из четырех (свыше 90% имевшихся в них

боевых самолетов).- Прим. ред.

{38} На Восточном фронте находилось 118 пехотных дивизий, одна кавалерийская дивизия, 15 механизированных и 19 танковых дивизий. Кроме того, Германия располагала к этому времени 8 дивизиями в Норвегии, 38 - на Западном фронте, 7 - на юго-востоке Европы, 2 - в Африке и 1 - в Германии. Итого - 209 дивизий.

{39} Всего в военных действиях против Красной Армии принимали участие следующие соединения союзников Германии: Румынии - 12 пехотных, 4 кавалерийские и 1 танковая дивизии, 3 горно-пехотные и 2 крепостные бригады; Венгрии (с 12.7.1941 г.) - 2 моторизованные и 1 кавалерийская бригады; Словакии - 2 пехотные дивизии и 1 моторизованная бригада; Финляндии - 18 пехотных дивизий; Италии (с августа 1941 г.) - 3 пехотные дивизии (моторизованные).- Прим. авт.

{40} В это число не вошли 6 дивизий, находившихся на территории Дании, Австрии, Польши и Чехословакии. Следовательно, всего на Восточном фронте Германия имела 215 дивизий вермахта и 37 дивизий Финляндии, Румынии и Венгрии.- Прим. ред.

{41} Немецко-фашистское командование ошибалось в определении количества и дислокации советских войск. В действительности только в западных приграничных округах находилось 170 дивизий и 2 бригады Красной Армии. Особенно большой просчет был допущен гитлеровцами в определении численности советских войск во внутренних округах (см.: 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968, с. 252).- Прим. ред.

{42} В беседе с Томасом 26 февраля 1941 года Геринг утверждал, что осенью 1940 года он возражал Гитлеру в отношении русской кампании, считая, что было бы "неверно в стратегическом отношении прервать теперь воздушное наступление на Англию, а также вместо должного внимания операциям против Гибралтара, французской Северной Африки, Мальты и Суэца по своей инициативе открыть громадный новый театр военных действий". Генерал-фельдмаршал Мильх, узнав о кампании против России, резко высказался против нее на том основании, что она должна продлиться по меньшей мере четыре года.- Прим. авт.

{43} Пограничные сражения продолжались 7 суток. В результате наступление гитлеровцев на направлении главного удара группы армий "Юг" затормозилось. 1-я танковая группа и основные силы 6-й полевой армии оказались втянутыми в затяжные бои в южной части Полесья.- Прим. ред.

{44} В состав группы армий "Север" (командующий генерал-фельдмаршал Вильгельм Риттер фон Лееб) входили 16-я и 18-я армии, а также 4-я танковая группа - Прим. авт.

{45} Советские войска оставили Ригу 1 июля.- Прим. ред.

{46} В состав группы армий "Центр" (командующий генерал-фельдмаршал фон Бок) входили 2, 4 и 9-я армии, а также 2-я и 3-я танковые группы. Прим. авт.

{47} Приводимые автором данные явно завышены. В западных приграничных округах Красная Армия имела 1475 новых танков KV и Т-34 и значительное количество легких танков.

Для ведения войны против СССР гитлеровское руководство выделило более 4000 танков, а вместе с Финляндией, Румынией и Венгрией - около 4300.Прим. ред.

{48} Все дивизии должны были состоять из трех полных полков. - Прим. авт.

{49} В книге "Промышленность Германии в период 1939-1945 гг." (пер. с нем., М., 1956) даются другие цифры. Баланс рабочей силы в 1941 году составлял 33 144 тыс. человек, в том числе мужчин 18990 тыс. В промышленности было занято 7051 тыс. мужчин, в армии - 7585 тыс. - Прим. ред.

{50} См.: Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947, с. 41.

В "Истории второй мировой войны 1939-1945" (т. 4, с. 140) приводятся уточненные данные. Из прифронтовой зоны во второй половине 1941 года на восток было вывезено 1523 промышленных предприятия, в том числе 1360 крупных заводов и фабрик. Из них

226 разместилось в Поволжье, 667 - на Урале, 244 - в Западной Сибири, 78 - в Восточной Сибири, 308 - в Казахстане и Средней Азии. Вместе с перебазированными предприятиями прибыло до 30-40% рабочих, инженеров и техников.- Прим. ред.

{51} См.: Кравцов В. Крах немецко-фашистского плана "Барбаросса". Военно-исторический журнал, 1968, № 12, с. 44-45.

{52} Кравченко Г. С. Военная экономика СССР 1941-1945. М., 1965, с. 120, 132, 193.

{53} Там же. с. 197.

{54} Там же.

{55} Только с августа по ноябрь 1941 года Советский Союз потерял 303 предприятия по производству боеприпасов (см.: Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны, с. 42).

{56} Кравченко Г. С. Военная экономика СССР 1941-1945, с. 197.

{57} Имеется в виду принятое 23 июля 1941 года постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о вводе в действие мобилизационного плана по производству боеприпасов. На следующий день на заседании Политбюро ЦК были рассмотрены насущные нужды танковой промышленности. В принятом постановлении ставилась задача создания мощной комплексной танкостроительной промышленности в Поволжье и на Урале - в районах, где ранее танки не производились. На восьмой день войны ЦК ВКП(б) и СНК СССР утвердили мобилизационный народнохозяйственный план на третий квартал 1941 года, предусматривавший увеличение производства военной техники.- Прим. ред.

{58} КТВ Halder, bd. II, s. 461 und bd. III, s. 52.

{59} Там же, bd. III, s. 170.

{60} См.: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1969, с. 286.

{61} Это заявление было сделано Гитлером после заслушивания доклада в штабе группы армий "Центр" о больших потерях, особенно в войсках 2-й и 3-й танковых групп. Вследствие потерь укомплектованность немецких дивизий в конце июля, несмотря на поступившие пополнения, сильно снизилась: пехотных - до 80%, моторизованных и танковых - до 50%. За три с половиной недели Смоленского сражения немецкая авиация в воздушных боях потеряла 169 самолетов. Это привело к тому, что ударная мощь войск группы армий была сильно подорвана, в то время как сила Красной Армии росла (см.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 4, с. 75).- Прим. ред.

{62} Сегодня кажется все же сомнительным, что Гитлер, получив более реальные данные о Красной Армии, отказался бы от войны против России. Прим. авт.

{63} Кодовое наименование операции по высадке в Англии. Разработка плана этой операции началась после завершения военных действий во Франции. Прим. авт.

{64} В рейхе, в присоединенных областях, на оккупированных территориях в 1941 году было добыто около 350 млн. т каменного угля, выплавлено 24,4 млн. т чугуна, около 32 млн. т стали, 161 тыс. т меди, 172 тыс. т свинца, 320 тыс. т цинка, 324 тыс. т алюминия. Кроме того, из Франции было вывезено в Германию более 250 тыс. т цветных металлов и лома, 107,8 тыс. т лома стали и железа. Добыча нефти со странами-сателлитами составила 8,6 млн. т, производство синтетического топлива - 4,1 млн. т. По величине станочного парка Германия занимала первое место в мире.

Таким образом, в 1941 году гитлеровская Германия располагала всеми возможностями для увеличения выпуска военной продукции (см.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 4, с. 418).- Прим. ред.

{65} Эти данные не соответствуют действительности. Немецко-фашистским войскам на 30 сентября противостояли 95 советских соединений (в том числе 3 мотострелковые и 9 кавалерийских дивизий, 13 танковых бригад), или около 30% состава действующей армии. При этом немало соединений и частей было укомплектовано не полностью. Многие из них, особенно дивизии народного ополчения, не имели боевого опыта, были

слабо вооружены и обучены. В составе Западного, Резервного и Брянского фронтов насчитывалось 7600 орудий и минометов, 990 танков, 677 самолетов (с учетом резервных авиагрупп). Немецко-фашистские войска превосходили их в живой силе в 1,4 раза, артиллерии - в 1,8 раза, танках - в 1,7 раза, самолетах - в 2 раза. На направлениях, где сосредоточивались ударные группировки врага, его численное превосходство оказалось еще значительнее. Из 304 танков, имевшихся в войсках Западного фронта, только 39, или 12,8%, были тяжелыми и средними. На вооружении авиации лишь 20% самолетов были новых типов (см.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 4, с. 93). Прим. ред.

{66} Об этих боях, в которых Красная Армия впервые доказала, что она о состоянии вести войну, используя танковые, механизированные соединения, поддерживаемые с воздуха, см. в книге Г. К. Жукова "Воспоминания и размышления" (с. 169-176).- Прим. авт.

{67} Оборона Киева продолжалась 71 день. Все попытки врага прорваться на левый берег Днепра в районе Киева как в июле, так и в августе были сорваны. Здесь, на направлении главного удара группы "Юг", была скована самая мощная немецкая 6-я армия, имевшая в своем составе в июле 16, а в августе 21 дивизию. Войска этой армии смогли выйти к Днепру лишь 23 августа, когда по указанию Ставки 5-я армия Юго-Западного фронта оставила Коростенский укрепленный район. Ни силами, ни временем для организации обороны и одновременного удержания рубежа по Днепру и киевского плацдарма командование Юго-Западного фронта не располагало. Противник, бросив в бой крупные силы, 15 сентября завершил окружение четырех армий Юго-Западного фронта. Они более недели вели тяжелые бои в окружении. Войска 37-й армии, оборонявшие Киев, оставили его по приказу Ставки 19 сентября 1941 года. Прим. ред.

{68} В это время не было "группы армий Тимошенко". Западнее Москвы до сентября держали оборону войска Западного фронта под командованием Тимошенко, затем Резервного фронта под командованием Жукова и Брянского фронта под командованием Еременко. Все эти фронты были непосредственно подчинены Верховному Главнокомандованию. В сентябре Тимошенко сдал командование Западным фронтом и принял Юго-Западный фронт.- Прим. авт.

Юго-Западное направление (Западный, Брянский и Резервный фронты) существовало до 13 сентября 1941 года.- Прим. ред.

{69} 16 сентября командование группы армий "Центр" направило в войска директиву о непосредственной подготовке наступления на Москву. Предстоящая операция получила условное наименование "Тайфун". Согласно плану группа армий "Центр" должна была тремя мощными ударами танковых группировок из районов Духовщины, Рославля и Шостки в восточном и северо-восточном направлениях расчленив оборону советских войск, окружить и уничтожить войска Западного и Резервного фронтов в районе Вязьмы и войска Брянского фронта в районе Брянска, затем сильными подвижными группировками охватить Москву с севера и с юга и одновременно фронтальными наступлением пехотных соединений овладеть советской столицей.- Прим. ред.

{70} Guderian H. Erinnerungen eines Soldaten, s, 202.

{71} 4-я танковая группа к началу наступления состояла из 5 танковых, 2 пехотных и 2 моторизованных дивизий. 3-я танковая группа имела в своем составе 3 танковые, 4 пехотные и 2 моторизованные дивизии.- Прим. авт.

{72} 13 июля 1941 года Гитлер приказал перевести в резерв 2-ю танковую дивизию, а 5-ю танковую дивизию отправить в Германию. Эти дивизии должны были составить ядро для комплектования в рамках "программы строительства сухопутных войск" новой танковой армии, предусмотренной для выполнения последующих задач.- Прим. авт.

{73} На 1 октября 1941 года укомплектованность пехотных дивизий группы армий "Центр" была доведена до 90% штатной численности.- Прим. ред.

{74} Красная Армия начала подготовку резервов с середины июля (см.: Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1975).- Прим. авт.

{75} На 1 октября 1941 года количество танков в танковых дивизиях группы армий "Центр" было доведено до 70 - 100% штатной численности.- Прим. ред.

{76} По другим немецким источникам, упоминаемым в "Истории второй мировой войны 1939-1945" (т. 4, с. 92), группа армий имела 1800 тыс. человек. Здесь было сосредоточено 42% людей, 33%, орудий и минометов, 75% танков общего количества на советско-германском фронте.- Прим. ред.

{77} На 30 сентября в составе трех фронтов (Западного, Резервного и Брянского) насчитывалось 95 соединений, часть которых была укомплектована не полностью.- Прим. ред.

{78} См.: Цыганков В. П. Героическая Москва. (Военно-организаторская деятельность Московской городской партийной организации в период героической битвы под Москвой 1941-1942 гг.). М., 1960, с. 50.

{79} 4 июля 1941 года ГКО принял постановление "О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения". В течение четырех дней в приемные комиссии и партийные органы поступило 168 470 заявлений с просьбой о зачислении в ополчение. После тщательного рассмотрения заявлений было отобрано 160 тыс. человек (см.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945, т. 2, с. 230).- Прим. ред.

{80} Москва - фронту 1941-1945 гг., с. 123,

{81} По решению ГКО от 11 августа 1941 года эти дивизии были переформированы по штатам регулярных войск Красной Армии.- Прим. ред.

{82} Муриев Д. З. Провал операции "Тайфун", с. 55.

{83} История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. М., 1963, т. 2, с. 273.

{84} К началу битвы под Москвой ПВО столицы располагала 700 самолетами, 759 зенитными орудиями среднего калибра и 352 орудиями малого калибра, 643 крупнокалиберными пулеметами, 763 прожекторными установками.Прим. ред.

{85} В октябре 1941 года фашистская авиация произвела 31 налет на Москву. В этих налетах участвовало около 2 тыс. самолетов, но прорваться к объектам бомбометания смогло всего 72. При отражении налетов в воздушных боях и огнем зенитной артиллерии было сбито 278 немецких самолетов (см.: История второй мировой войны 1939- 1945, т. 4, с. 101).- Прим. ред.

{86} Брянский фронт был создан решением ГКО от 16 августа 1941 года.Прим. ред.

{87} 30 июля 1941 года был создан Резервный фронт в составе 24, 28 и 29-й армий. Командующим фронтом был назначен генерал армии Г. К. Жуков (см.: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, с. 301).- Прим. авт.

{88} Западный фронт сосредоточил все свои основные силы и средства западнее Вязьмы, а Брянский фронт расположил почти все резервы у Брянска (см.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 4, с. 94).- Прим. ред.

{89} Советское командование, предвидя неизбежность нового наступления немецко-фашистских войск, особое внимание уделяло организации обороны дальних и ближних подступов к столице. Строительство оборонительных рубежей на большую глубину было начато еще в июле. В течение сентября организация обороны совершенствовалась, чтобы в случае перехода немецко-фашистских войск в новое наступление остановить их и нанести им ответный удар.- Прим. ред.

{90} Органы тыла выполнили большую работу по обеспечению войск фронтов и новых формирований продовольствием и вещевым имуществом. Она проводилась под контролем и с помощью ГКО и СНК СССР. Обеспечение войск теплым обмундированием было завершено в основном к 5 декабря 1941 года. В этом большую роль сыграли предприятия Москвы и области, трудящиеся Урала, Западной и Восточной Сибири. В результате советские воины встретили холодную зиму 1941 года тепло одетыми и обутыми.- Прим. ред.

{91} См.: Разгром немецко-фашистских войск под Москвой, с. 5.

{92} Коммунистическая партия и Советское правительство, советский народ с первых дней войны были твердо убеждены в том, что враг будет разбит, победа будет за нами.- Прим. ред.

{93} Военно-исторический журнал, 1967, No 3, с. 74.

{94} Войска Брянского фронта должны были перекрыть брянско-калужское и севско-орловско-тульское направления. Передний край их обороны в полосе 290 км проходил по линии Снокоть, Почар, Глухов. На левом фланге фронта действовала оперативная группа генерала А. Н. Ермакова.- Прим. ред.

{95} Резервный фронт, в командование которым в середине сентября вступил Маршал Советского Союза С. М. Буденный, большей частью своих сил занимал оборону в полосе шириной 300 км по линии Осташков, Селижарово, восточнее Дорогобужа. Войска фронта предназначались для отражения ударов немецко-фашистских войск в случае прорыва ими обороны Западного фронта. Две армии (24-я и 43-я) занимали оборону в первом эшелоне в полосе шириной до 100 км от Ельни до Смокоти, прикрывая спасдеменское и кировское направления, а две дивизии 31-й армии - в районе озера Селигер, Осташков в полосе шириной 30 км.- Прим. ред.

{96} В "Истории второй мировой войны 1939-1945" говорится, что в составе трех фронтов - Западного, Резервного и Брянского - на 30 сентября насчитывалось 95 соединений, в том числе 3 мотострелковые и 9 кавалерийских дивизий, 13 танковых бригад. Они имели 1250 тыс. человек личного состава, 7600 орудий и минометов, 990 танков и 677 самолетов (см.: т. 4, с. 93).Прим. ред.

{97} См.: Военно-исторический журнал, 1967, No 3, с. 70.

Эти данные приводятся на декабрь 1941 года. На 1 октября средняя численность стрелковой дивизии составляла около 7,5 тыс. человек, а кавалерийской и танковой - 3 тыс. человек (см.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 4, с. 90).- Прим. ред.

{98} Советское командование отдавало себе отчет в том, что наступившее на московском направлении в июле 1941 года затишье - явление временное, что оно неизбежно должно смениться крупным сражением. Конечно, точная дата возможного наступления оставалась неизвестной.- Прим. ред.

{99} Жуков Г. К. В битве за столицу. Военно-исторический журнал, 1966, No 8, с. 60.

{100} Автор допускает неточность. Ставка Верховного Главнокомандования еще 10 сентября направила Западному фронту директиву, в которой требовала "перейти к обороне, прочно закопаться в землю и за счет второстепенных направлений и прочной обороны вывести в резерв шесть-семь дивизий". На основании этих указаний был издан приказ войскам фронта о переходе к обороне. И когда к концу сентября стало окончательно известно, что новое немецкое наступление не за горами, была издана директива Ставки от 27 сентября. Она потребовала от войск Западного и Брянского фронтов перейти к жесткой и упорной обороне. Командование этих фронтов, руководствуясь ранее полученными указаниями, наряду с постановкой оборонительных задач армиям ставило и наступательные. Это сыграло отрицательную роль. На выполнение требований Ставки о переходе к жесткой обороне не осталось времени.- Прим. ред.

{101} До июля 1942 года в немецко-фашистской армии танковых корпусов не было, они назывались моторизованными.- Прим. ред.

{102} Телегин К. Ф. Москва - фронтовой город.- Вопросы истории КПСС. 1966, No 9, с. 103.

{103} 1-й гвардейский стрелковый корпус под командованием генерала Д. Д. Лелюшенко состоял из 5-й и 6-й гвардейских стрелковых дивизий, 4-й и 11-й отдельных танковых бригад (см.: Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. М., 1964, с. 38).- Прим. авт.

В него также входили 6-я резервная авиационная группа в составе двух истребительных авиационных полков, штурмового авиационного полка и полка РС. Кроме того, корпус

был усилен частями 5-го воздушно-десантного корпуса, Тульским военным училищем, 36-м мотоциклетным полком. Главной задачей корпуса являлась ликвидация противника, прорвавшегося в район Орла, а также обеспечение отвода на восток оказавшихся в тяжелом положении войск Брянского фронта.- Прим. ред.

{104} Guderian H. Erinnerungen eines Soldaten, s, 213,

{105} Враг был остановлен на московском направлении не в результате наступления "спасительной распутицы", а в итоге большой деятельности Коммунистической партии по организации отпора врагу и той стойкости и героизма, которые были проявлены советскими воинами. Это признавали сами немецкие генералы. Так, командир 5-го армейского корпуса в те дни доносил в вышестоящий штаб: "Используя хорошо оборудованные позиции... и сильное минирование, 316-я русская дивизия... ведет поразительно упорную борьбу". Именно о стойкость и мужество советских воинов разбивались все попытки гитлеровцев прорваться к Москве (см.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 4, с. 98).- Прим. ред.

{106} О битве за Мценск и о продвижении к Туле подробно говорится в книге: Андроников Н. Г. и др. Бронетанковые и механизированные войска Советской Армии. (Краткий очерк развития и боевого пути). М., 1946, с. 91-95 - Прим. авт.

{107} См.: Еременко А. И. В начале войны. М., 1964, с. 375.

{108} Во второй половине октября Красной Армии удалось задержать продвижение немецко-фашистских войск в полосе Брянского фронта. Это и позволило 3-й и 13-й армиям, которые почти три недели вели тяжелые бои в тылу противника, 23 октября пробиться из окружения и по приказу Ставки отойти на линию восточнее Дубна, Плавск, Верховье, Ливны.- Прим. ред.

{109} История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. М., 1961, т. 2, с. 238.

{110} Телегин К. Ф. Москва - фронтовой город.- Вопросы истории КПСС, 1966, No 9, с. 102.

{111} Там же.

{112} Генерал И. С. Конев докладывал об обстановке на Западном фронте и о прорыве обороны на участке Резервного фронта в районе Спас-Деменска, а также об угрозе выхода крупной группировки противника в тыл войскам 19, 16 и 20-й армий.- Прим. ред.

{113} Конев И. С. Начало Московской битвы.- Военно-исторический журнал, 1966, No 10, с. 62.

{114} См.: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, с. 313.

Немецкое командование узнало о том, что Жуков сменил Конева, только 29 октября. 2 ноября было доложено, что Жуков "получил прямой приказ возглавить оборону Москвы".- Прим. авт.

{115} В действительности этот факт был изложен С. М. Буденным в беседе с Г. К. Жуковым (см.: Жуков Г. К. В битве за столицу. - Военно-исторический журнал, 1966, No 8, с. 58).- Прим. ред.

{116} На самом деле события развивались следующим образом. Представители ГКО и Ставки, направленные для оказания помощи командованию не только Западного, но и Резервного фронта, 10 октября предложили объединить войска этих фронтов в один Западный фронт. Это было новое объединение, что вызвало необходимость назначения нового командования. Командующим фронтом был назначен генерал Г. К. Жуков. Что касается И. С. Конева, то он был назначен заместителем командующего и ему было поручено руководство группой войск на калининском направлении, которое было слишком удалено от штаба фронта, поэтому была необходимость в создании вспомогательного управления. Вскоре, 17 октября, в целях объединения войск, прикрывавших Москву с северо-запада, Ставка образовала Калининский фронт, командующим войсками которого был назначен генерал И. С. Конев.- Прим. ред.

{117} Жуков Г. К. В битве за столицу. - Военно-исторический журнал, 1966, No 8, с. 61; Воронов Н. Н. На службе военной. М., 1963, с. 199.

{118} Автор указывает, что цитата взята из книги Н. Н. Воронова "На службе военной". Однако в ней об этом факте сказано по-другому. Н. Н. Воронов пишет, что он предложил И. В. Сталину сформировать десять противотанковых артиллерийских дивизионов по шестнадцать 76-мм орудий в каждом. И. В. Сталин согласился, но в свою очередь предложил называть их полками, чтобы поднять роль противотанковой артиллерии и обеспечить ее правильное использование в бою. "После,- заявил И. В. Сталин,- мы увеличим в них количество батарей, как только наша промышленность лучше снабжать нас будет" (с. 199).- Прим. ред.

{119} Вечером 5 октября Рокоссовский получил телеграмму из штаба Западного фронта. Она гласила: "Вместе со штабом армии прибыть под Вязьму для организации контрудара с направления Юхнова". 11 октября Жуков приказал Рокоссовскому принять Можайский боевой участок. В тот же день этот приказ был отменен и ему было приказано формировать 16-ю армию в районе Волоколамска и организовать оборону в полосе от Московского моря на севере до Рузы на юге (см.: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1968, с. 52, 62).- Прим. авт.

{120} См.: Разгром немецко-фашистских войск под Москвой, с. 38.

{121} К 7 октября западнее Вязьмы были окружены 19-я и 20-я армии Западного фронта и 24-я и 32-я армии Резервного фронта. Попавшие в окружение войска продолжали оказывать упорное сопротивление, сковав здесь 28 вражеских дивизий. 14 из них не могли высвободиться для дальнейшего наступления до середины октября. Это позволило советскому командованию выиграть время для организации сопротивления на Можайской линии обороны. В середине октября часть советских войск прорвалась из окружения и отошла на Можайскую линию обороны. Многие бойцы и командиры, оказавшиеся в тылу врага, влились в партизанские отряды,- Прим. ред.

{122} По утверждению Гудериана, Кюстринг неоднократно указывал на трудности, связанные с плохим состоянием русских дорог во время распутицы. Прошедшие сильные дожди, особенно на Украине, наглядно показали, что нас ожидает с наступлением дождливого сезона.- Прим. авт,

{123} Уделив большое внимание описанию распутицы и ее влияния на боевые действия немецко-фашистских войск, автор не показывает возросшее военное искусство советского командования, массовый героизм, проявленный советскими войсками, и те сложные условия, в которых они действовали.

Это было весьма трудное время. Враг рвался к Москве, напрягая все свои силы. Против 16-й армии, в которой на каждый стрелковый батальон и кавалерийский полк приходилось по 5 - 6 км фронта обороны, а плотность артиллерии не превышала двух орудий на 1 км фронта, противник бросил четыре дивизии, насчитывавшие до 200 танков. Для отражения этого удара командование Западного фронта сосредоточило здесь основные силы авиации 210 истребителей и 200 бомбардировщиков и штурмовиков. Поддерживаемые ими войска армии генерала К. К. Рокоссовского, проявив исключительное упорство, успешно отбили атаки противника.- Прим. ред.

{124} Среднее количество осадков составляло в октябре 1941 года 51 мм, обычная же средняя норма осадков в октябре равнялась 59 мм. В ноябре 1941 года осадков выпало всего только 13 мм при обычной средней норме в 45 мм. Средняя температура воздуха в октябре 1941 года равнялась - 2,1° при обычной средней температуре в октябре - 3,2°, в ноябре 1941 года - 5,3° по сравнению с обычной средней нормой - 2,8°,- Прим. авт.

{125} Жуков Г. К. Битва под Москвой. - Военно-исторический журнал, 1971, No 10, с. 65.

{126} См.: "Директива Ставки Верховного Главнокомандования командующим войсками Северо-Западного, Западного фронтов и заместителю командующего Дальневосточным фронтом об образовании Калининского фронта" от 19 октября 1941 года за подписью И. В. Сталина и А. М. Василевского (Москва - фронту 1941- 1945 гг., с. 27). Согласно этой директиве был создан Калининский фронт, в состав которого вошли 22, 29 и 30-я армии, пять дивизий Северо-Западного фронта и резервы Ставки, прибывшие с Дальнего Востока. Штаб фронта должен был развернуться на базе только что созданного штаба

10-й армии. Конев получил задачу - любой ценой освободить Калинин, но до середины декабря ему сделать это не удалось (см.: Конев И. С. На Калининском фронте. Беспримерный подвиг. М., 1968, с. 63).- Прим. авт.

{127} Еще в начале июля Гитлер высказывал мнение, что Москва должна исчезнуть с лица земли.- Прим. авт.

{128} 26 октября в журнале боевых действий 9-го армейского корпуса отмечалось: "Переправа через Днепр функционирует только в одну колею, подъезды полностью вышли из строя, как и объездные пути, у Днепра скопилось 10 тыс. машин в пять рядов, дисциплина полностью отсутствует. Таким образом, дело подошло к тому, что плохая погода стала еще более опасным противником, чем сама Красная Армия". Войска Гудериана, которые продвигались от Мценска в направлении на Тулу, могли снабжаться только с помощью авиации, так как движение по дорогам было полностью нарушено. В 4-й танковой группе и других армиях дело обстояло не лучше.- Прим. авт.

{129} Собрание партийного актива Москвы, состоявшееся 13 октября и рассмотревшее вопрос "О текущем моменте", приняло постановление: "Мобилизовать всю московскую партийную организацию, всех коммунистов, комсомольцев и всех трудящихся Москвы на отпор немецко-фашистским захватчикам, на защиту Москвы, на организацию победы". Вся деятельность партийной организации столицы была подчинена интересам обороны Москвы. В течение нескольких дней в городе было сформировано 25 отдельных коммунистических и рабочих рот и батальонов, на три четверти укомплектованных коммунистами и комсомольцами. Только за первую половину октября Москва дополнительно дала фронту 50 тыс. воинов.- Прим. ред.

{130} Это утверждение не соответствует действительности. То, что Политбюро ЦК партии, ГКО, Ставка и оперативная группа Генерального штаба находились в Москве, имело важное значение в укреплении моральных сил защитников столицы. Об этом свидетельствует и тот факт, что в строительстве оборонительных сооружений участвовало 450 тыс. человек, главным образом женщины. В три смены работали предприятия, обеспечивая защитников столицы оружием и боеприпасами. В исключительно короткий срок подступы к столице опоясали противотанковые рвы, лесные завалы, металлические ежи. На танкоопасных путях были установлены противотанковые орудия. Сотни вооруженных отрядов, боевых дружин и групп истребителей танков вместе с бойцами и командирами воинских частей встали на защиту города.- Прим. ред.

{131} Введение в Москве с 20 октября осадного положения сыграло большую роль в упрочении обороны столицы. Оно было направлено на укрепление тыла войск и пресечение подрывной деятельности вражеской агентуры.- Прим. ред.

{132} 16 октября Московское радио передало: "В ночь с 14 на 15 октября обстановка на Западном фронте ухудшилась... Несмотря на героическое сопротивление, наши войска были вынуждены отступить". 18 октября пали Можайск, Малоярославец и Боровск; в тот же день 49-я армия была вынуждена отойти за Нарю... И все же наступающим немецким армиям не удался решающий прорыв позиций Западного фронта, а противник был только потеснен, хотя и понес большие потери.- Прим. авт.

{133} Имеющиеся архивные документы свидетельствуют, что в октябре фашистская авиация произвела на Москву 31 налет. В них участвовало около 2 тыс. самолетов, но прорваться к объектам бомбометания смогли только 72. При отражении налетов было сбито 278 немецких самолетов (см.: История второй мировой войны 1939- 1945, т. 4, с. 101)-Прим. ред.

{134} От Можайска и Наро-Фоминска до центра Москвы около 80 км, от Серпухова -100 км, от Волоколамска - около 110 км.- Прим. авт.

{135} Эти данные занижены. В "Истории второй мировой войны 1939-1945" (т. 4, с. 101) приведены следующие цифры: только за первые девять дней вражеского наступления на Москву авиация Западного фронта, 6-й авиационный корпус ПВО и части ДБА произвели 3500 самолето-вылетов. Всего с 30 сентября по 31 октября ВВС совершили 26 тыс. самолето-вылетов, из них 80% на поддержку и прикрытие войск.- Прим. ред.

{136} В боях на подступах к Москве показали образцы выполнения воинского долга,

непреборимую силу морального духа, проявили массовый героизм и воины частей стрелковых дивизий: 32-й полковника В. И. Полосухина, 50-й генерала Н. Ф. Лебеденко, 53-й полковника А. Ф. Наумова, 293-й полковника Г. Л. Мартиросяна, а также 1-й гвардейской мотострелковой дивизии полковника А. И. Лизюкова, кавалерийской группы генерала Л. М. Доватора, танковых бригад, возглавляемых М. Е. Катуковым, П. А. Ротмистровым, И. Ф. Кириченко, М. Г. Сахно, и многих других соединений. Прим. ред.

{137} Из-за своей ограниченности и классовой принадлежности автор не смог указать на истинные источники высоких моральных качеств советских воинов - прочность и великие преимущества социалистического общественного и государственного строя, дружбу народов СССР, советский патриотизм и пролетарский интернационализм, безраздельное руководство Коммунистической партии всеми сторонами жизни страны в годы войны.- Прим. ред.

{138} Ф. И. Голиков, который 21 октября был назначен командующим 10-й армией, сформировал ее в Пензе из сибирских и других частей, укомплектованных в соответствии с советскими мобилизационными планами (см.: Голиков Ф. И. В Московской битве. Записки командарма. М., 1967, с. 7-8). Прим. авт.

{139} В конце октября противник был остановлен на рубеже Волжского водохранилища, восточнее Волоколамска, по рекам Нара и Ока до Алексина. Войска Калининского и Западного фронтов все чаще переходили в контратаки. Во второй половине октября удалось задержать продвижение немецко-фашистских войск в полосе Брянского фронта. Оборона Тулы обеспечила устойчивость левого крыла Западного фронта на дальних южных подступах к столице. Таким образом, октябрьское наступление немцев на Москву потерпело провал. Противник был вынужден перейти к обороне на линии Селижарово, Калинин, Тула, Новосиль.- Прим. ред.

{140} 25 ноября в полосе наступления 16-й армии были взорваны шлюзы Истринского водохранилища и затоплен район действий 4-й танковой группы. Уровень воды достигал 2,5 м (см.: Разгром немецко-фашистских войск под Москвой, с. 97).- Прим. авт.

{141} См.: Разгром немецко-фашистских войск под Москвой, с. 65, 66.

{142} На вопрос Сталина о проведении традиционного ноябрьского парада на Красной площади в Москве Жуков ответил 1 ноября, что это возможно, так как в ближайшие дни враг не начнет большого наступления: он понес в предыдущих сражениях серьезные потери и вынужден пополнять и перегруппировывать войска (см.: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, с. 352).- Прим. авт.

{143} Средний темп наступления группы армий "Центр" составлял в период со 2 по 15 октября 16 км в сутки, а 3-й танковой группы с 11 по 15 октября - 30 км в сутки, 2-й танковой группы с 30 сентября по 2 октября - 60 км в сутки. Во второй половине октября средний темп наступления снизился до 5,3 км в сутки.- Прим. авт.

{144} По определению управления военной экономики и вооружений ОКВ, в октябре 1941 года потребность военного производства в рабочей силе исчислялась примерно в 1 млн. 500 тыс. человек. Для частичного удовлетворения этих нужд предполагалось после завершения блицкрига расформировать 49 пехотных дивизий и высвободить тем самым 500 тыс. человек, сократить на 100 тыс. число рабочих на предприятиях второстепенного значения, привлечь дополнительно 100 тыс. иностранных рабочих и использовать 300 тыс. советских военнопленных и гражданских лиц. Однако оборонительные сражения под Москвой показали, что вместо увольнения 500 тыс. солдат командование вермахта вынуждено срочно призвать на военную службу 625 тыс. человек для пополнения фронтовых частей. Были приняты "другие меры, которые обеспечили некоторый рост промышленного и военного производства" (см.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 4, с. 421-423).- Прим. ред.

{145} Потери личного состава сухопутных войск с 22 июня 1941 года по конец октября составили 668 958 человек. Только в октябре они насчитывали 115 671 человек. Потери в ВВС к концу октября равнялись 17 529 человек, в октябре- 4372 человека, в том числе 793 летчика.- Прим. авт.

{146} В промышленность и сельское хозяйство направлялась дополнительная рабочая сила, в первую очередь иностранные рабочие и военнопленные. Началось

осуществление так называемой "программы восточных рабочих", которая предусматривала принудительный вывоз только из оккупированных советских областей 627 тыс. человек.- Прим. ред.

{147} В 1941 году было произведено 11 030 самолетов всех типов, в том числе боевых 9 540, тогда как в 1940 году - соответственно 10 250 и 8 070. В Советском Союзе в 1941 году было произведено самолетов всех типов 9 800, в том числе боевых 8 200, то есть меньше, чем в Германии (см.: История второй мировой войны 1939-1945 т. 4, с. 158, 419).- Прим. ред.

{148} Нехватка алюминия ежемесячно составляла 4 - 5 тыс. т, или 20% всего требуемого для авиационной промышленности алюминия. Месячные поставки магния составляли только 65% необходимого количества.- Прим. авт.

{149} В действительности для нападения на Советский Союз Германия сосредоточила более 4000 боевых самолетов. Кроме того, она имела в готовности 980 самолетов Финляндии, Румынии и Венгрии. Придавая особое значение завоеванию господства в воздухе, немецкое командование бросило на уничтожение советской авиации до половины самолетов, сосредоточенных против СССР.- Прим. ред.

{150} Hitlers Weisungen fur die Kriegsfuhrung 1939-1945. Frankfurt a/M., 1962, s. 84.

{151} По данным Б. Мюллер-Гиллебранда, в Германии во второй половине 1941 года наблюдался рост выпуска важных видов боевой техники, особенно танков. Если в июле - сентябре был выпущен 901 танк, то в октябре - декабре выпустили уже 989 танков. Соответственно увеличилось и производство штурмовых орудий - со 122 до 163.- Прим. ред.

{152} Производство танков и штурмовых орудий в период с июля по октябрь 1941 года включительно составило только 1402 единицы. - Прим. авт.

{153} Фашистская Германия к 22 июня 1941 года имела в готовности для нападения на СССР более 4000 танков и штурмовых орудий, а вместе с Финляндией, Румынией и Венгрией - 4260. Потери с июня по декабрь 1941 года, по данным Б. Мюллера-Гиллебранда, составили 2851 танк и штурмовое орудие.Прим. ред.

{154} За указанный период (июль - октябрь) в Германии были произведены 972 машины.- Прим. ред.

{155} В 1941 году Германия не только не испытывала нехватки горючего, но и создала известный резерв. Общее производство нефти достигло 8,6 млн. т и синтетического топлива 4,1 млн. т.- Прим. ред.

{156} Эти данные явно завышены. В 1941 году добыча нефти в странах сателлитах Германии составила 7 млн. т. Следовательно, ежемесячная добыча нефти, значительная часть которой направлялась в Германию, составила 583 тыс. т.- Прим. ред.

{157} Район Майкопа был захвачен только летом 1942 года. Но буровые скважины были настолько разрушены, что восстановление их в то небольшое время, которое там находились немецкие войска, не могло быть осуществлено.Прим. авт.

{158} Количество русских цистерн, захваченных немцами, было настолько мало, что их едва ли можно было принимать во внимание. На совещании у начальника полевой транспортной службы генерала Герке 30 августа 1941 года отмечалось: "Так как трофейных цистерн недостаточно, запланирована перешивка колеи на участке до Ростова, Днепропетровска, Запорожья и Одессы на немецкую".- Прим. авт.

{159} Италия вынуждена была ограничиваться немецкими и румынскими поставками нефти.- Прим. авт.

{160} Финляндия в расчете на непродолжительность войны против СССР призвала в армию большую часть годных к военной службе мужчин. Война затянулась, и это тяжело отразилось на финской экономике. В результате сокращения фронта должны были освободиться силы финнов на Карельском фронте.- Прим. авт.

{161} Командир 39-го танкового корпуса 15 ноября доносил, что средняя численность

личного состава в батальонах сократилась до 60 человек и что "физическая выносливость солдат заметно ослабла".- Прим. авт.

{162} Командир 39-го танкового корпуса полагал, что противник в районе Тихвина доукомплектовал две свои разгромленные дивизии и подтянул три новые дивизии, а также сосредоточил значительные силы авиации. Штаб корпуса боялся потерпеть неудачу, "которая поставит под вопрос с трудом завоеванный успех".- Прим. авт.

{163} Генерал-фельдмаршал Мильх в конце марта 1941 года под свою ответственность приказал подготовить зимнее обмундирование для 1 млн. военнослужащих военно-воздушных сил. В связи с этим личный состав ВВС действительно с началом зимы был хорошо одет, в то время как солдаты и офицеры сухопутных войск встретили холода в изношенном летнем обмундировании. Мильх упрекал позднее штаб сухопутных сил в недостатке мужества выступить против ошибочного приказа Гитлера в отношении обеспечения войск на зиму.- Прим. авт.

{164} По представлению ОКВ, которое Гитлер одобрил, после окончания боевых действий на Востоке должны были остаться 37 пехотных, 3 легкие и 6 моторизованных пехотных, а также 12 танковых дивизий. - Прим. авт.

{165} КТВ Halder, bd. III, s. 286.

{166} Бычков Л. Н. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. (Краткий очерк). М., 1965, с. 115, 122.

{167} 10 ноября 1941 года 50-я армия была передана Западному фронту.Прим. ред.

{168} КТВ Halder, bd. III, s. 294.

{169} 7 ноября Рузвельт официально объявил о вступлении в силу программы ленд-лиза для Советского Союза.- Прим. авт.

{170} Это мнение Гитлер выразил еще 27 октября в беседе с адмиралом Фрике. Об этом говорится следующее: "Необходимость выяснить положение на Востоке следует рассматривать как предпосылку для любого успешного завершения борьбы против Англии..." - Прим. авт.

{171} Упорное сопротивление советских войск явилось причиной колебаний, появившихся у командования вермахта, расхождения мнений при определении путей дальнейшего ведения войны против Советского Союза. "С удивлением и разочарованием мы обнаружили в октябре и начале ноября,- писал гитлеровский генерал Блюментрит,- что разгромленные русские вовсе не перестали существовать как военная сила. В течение последних недель сопротивление противника усилилось и напряжение боев с каждым днем возрастало... Мы не верили, что обстановка могла так сильно измениться после наших решающих побед, когда столица, казалось, почти была в наших руках" (см.: Роковые решения. М., 1959, с. 91-92). В этой обстановке и существовали две крайние точки зрения: одни считали необходимым закрепиться на достигнутых рубежах, другие требовали продолжать наступление. Но фактически у гитлеровцев не было выбора. Зима приближалась. Враг спешил, стремясь во что бы то ни стало овладеть Москвой до наступления зимы.- Прим. ред.

{172} Гальдер подчеркивает, что Гитлер "был согласен с нашей оценкой военной обстановки" (КТВ Halder, bd. III, s. 283). Странно, что Гитлер делился тогда своими соображениями не с Бокком, а с Клюте, которого он 29 ноября вызвал в ставку, чтобы заслушать его отчет о сложившейся обстановке.- Прим. авт.

{173} Ввиду того что к моменту написания этого документа, направленного в ОКХ, неоднократно подчеркивалось, что "фюрер... согласен... с целями" и что цели Гитлера совпадают с целями ОКХ, можно предположить, что поставленные здесь цели и задачи дальнейших операций на Восточном фронте тоже отражали точку зрения ОКХ. Это предположение подтверждается докладом Грейфенберга после совещания в Орше, в котором он констатировал: "...по мнению ОКХ, идеальным рубежом, который должен быть достигнут в течение зимы, является рубеж Ярославль, Рыбинск, Вологда... Группа армий "Юг" должна еще зимой пробиться до Сталинграда, а группа армий "Север" установить связь с финнами",- Прим. авт.

{174} КТВ Halder, bd. III, s. 287.

{175} В совещании в Орше принимали участие помимо начальников штабов трех групп армий и Гальдера начальники штабов 18, 16, 9, 4, 6 и 17-й армий и 2-й танковой армии, а также генералы Вагнер, Буле и офицеры фон Грольман, фон Циберг и Гелен (см.: КТВ Halder, bd. III, s. 285).- Прим. авт.

{176} КТВ Halder, bd. III, s. 285.

{177} 12 ноября командующий 2-й армией сообщил, что сможет, по-видимому, к 18 ноября иметь в готовности только части 9-й танковой и 16-й моторизованной дивизий.- Прим. авт.

{178} ОКВ планировало оставить девять охранных дивизий, а в остальном присоединилось к мнению Гитлера в отношении количества соединений, оставляемых на Восточном фронте.- Прим. авт.

{179} ОКХ к этому времени еще надеялось, что сможет расформировать на Востоке десять и на Западе шесть пехотных дивизий, чтобы облегчить положение с рабочей силой.- Прим. авт.

{180} О том, что от далеко идущих планов немецкое командование отказалось не окончательно, свидетельствовало заявление Гальдера, сделанное Гитлеру 19 ноября. В нем говорилось: "Дальнейшие цели по захвату Ярославля, Рыбинска, а также, возможно, Вологды должны оставаться в силе до тех пор, пока достижение их не станет полностью невозможным из-за недостатка в снабжении или из-за погоды".- Прим. авт.

{181} В первой половине ноября немецко-фашистское командование перегруппировало свои войска: из-под Калинина на волоколамско-клинское направление перебросило 3-ю танковую группу, а 2-ю танковую армию пополнило более чем сотней танков, сосредоточив ее главные силы на правом фланге для обхода Тулы.- Прим. ред.

{182} Замысел операции "Волжское водохранилище" и задачи 9-й армии были изложены в "Приказе на продолжение операции" от 30 октября 1941 года.Прим. авт.

{183} Задача охвата Москвы с севера (операция "Волжское водохранилище") была возложена на 3-ю и 4-ю немецкие танковые группы в составе 7 танковых, 3 моторизованных, 4 пехотных дивизий, а с юга - на 2-ю танковую армию в составе 4 танковых, 3 моторизованных и 5 пехотных дивизий. 4-й танковой армии предстояло вести фронтальное наступление, сковать главные силы Западного фронта и затем уничтожить их западнее Москвы. Что же касается 9-й и 2-й армий, которые были скованы войсками Калининского и Юго-Западного фронтов, то они практически были лишены возможности принять участие в наступлении.- Прим. ред.

{184} См.: Разгром немецко-фашистских войск под Москвой, с. 104.

{185} Кроме того, имелось 4 бригады. Из них непосредственно для захвата Москвы гитлеровское командование выделило 51 дивизию, в том числе 13 танковых и 7 моторизованных (см.: Разгром немецко-фашистских войск под Москвой, с. 54).- Прим. ред.

{186} Безусловно, боеспособность немецко-фашистских войск несколько ослабла. Они понесли большие потери в личном составе и технике. Однако гитлеровское командование сумело пополнить войска, произвести перегруппировку и доукомплектование. Если в конце сентября в группе армий "Центр" имелось 74,5 дивизии, в том числе 22 танковые и моторизованные, то к 15 ноября было почти столько же - 73 дивизии, в том числе 22 танковые и моторизованные. Как и прежде, в ноябре немецко-фашистские армии под Москвой сохраняли общее численное превосходство в людях и боевой технике, особенно на направлениях главных ударов. Так, на клинском направлении против 56 танков и 210 орудий и минометов, которыми располагала 30-я армия, враг имел до 300 танков и 910 орудий и минометов. На волоколамском направлении 4-я танковая группа, перешедшая в наступление, имела не менее 400 танков и массированную поддержку авиации. Таким образом, несмотря на то что враг понес серьезные потери, к началу ноября он не утратил наступательных возможностей, сохранил инициативу и превосходство в силах и средствах.Прим. ред.

{187} Ставка ВГК в своей директиве от 17 ноября обязала Главное военно-инженерное управление создать 2 оперативные инженерные группы (в составе 9 саперных батальонов каждая) для устройства оперативных зон заграждения.- Прим. ред.

{188} Черемухин К. А. Великая победа под Москвой (к 25-летию Московской битвы).- Военно-исторический журнал, 1966, No 11, с. 3-9.

{189} Саперная армия состояла из 5 инженерно-саперных бригад, по 19 инженерно-строительных батальонов в каждой, 2 учебных батальонов, автотранспортного батальона и отряда механизации (см.: Беспремерный подвиг, с. 188).- Прим. ред.

{190} См.: Беспремерный подвиг, с. 114-130.

{191} Не "лесные массивы создавали хорошие возможности для ведения обороны", как об этом пишет автор, а то, что советские войска большое внимание уделяли инженерному оборудованию местности. Они совершенствовали свои позиции, создавали зоны оперативных заграждений, оборонительные рубежи. Только на внешнем рубеже Московской зоны к 25 ноября было построено 1428 дзотов, 165 км противотанковых рвов, 110 км проволочных заграждений в три ряда и другие препятствия.- Прим. ред.

{192} См.: Беспремерный подвиг, с. 61.

{193} Как уже указывалось, немецко-фашистские войска, предназначенные для взятия Москвы, имели превосходство в личном составе и боевой технике, за исключением авиации.- Прим. ред.

{194} Эти данные не подтверждаются документами (см.: Разгром немецко-фашистских войск под Москвой, с. 57).- Прим. ред.

{195} В. Д. Соколовский приводит такие данные: 82 дивизии и 19 бригад. По подсчетам отдела "Иностранные армии Востока", русские имели 61 стрелковую, 12 кавалерийских и 1 танковую дивизии, а также 10 танковых бригад.- Прим. авт.

{196} Эти данные не подтверждаются документами. В действительности по решению Ставки 16-й армии были переданы 3 кавалерийские дивизии, в районы Подольск, Михнево с Юго-Западного фронта прибыл 2-й гвардейский корпус (2 дивизии), в состав которого дополнительно вошли стрелковая и танковая дивизии. Кроме того, из состава других фронтов были переброшены 2 армии, а на волоколамском и серпуховском направлениях сосредоточивались резервы Ставки. Всего в составе войск Западного фронта (с учетом 30-й армии, переданной 17 ноября) к середине ноября насчитывалось 53 дивизии (35 стрелковых, 3 мотострелковые, 3 танковые и 12 кавалерийских) и 14 танковых бригад. Средняя численность стрелковых дивизий составляла 5500 человек (см.: Разгром немецко-фашистских войск под Москвой, с. 52).- Прим. ред.

{197} В то же время были приняты меры по укреплению и совершенствованию противовоздушной обороны столицы. По решению ГКО от 9 ноября 1941 года зоны ПВО страны выводились из подчинения военных советов округов и фронтов и подчинялись заместителю наркома обороны по ПВО, который фактически становился командующим Войсками противовоздушной обороны страны как самостоятельным видом Вооруженных Сил СССР. Одновременно все зоны ПВО в европейской части Советского Союза были преобразованы в дивизионные и корпусные районы ПВО. Московская зона ПВО стала корпусным районом ПВО.Прим. ред.

{198} В действительности под Москвой было сосредоточено около 1000 самолетов (в их числе было много машин устаревших типов). Советское командование создало количественное превосходство над противником в авиации.- Прим. ред.

{199} Для завоевания превосходства в воздухе Ставка ВГК приказала командующему Военно-Воздушными Силами Красной Армии провести с 5 по 8 ноября операцию по уничтожению немецкой авиации на аэродромах. К участию в ней привлекались ВВС Калининского, Брянского, Западного фронтов, 81-я дивизия ДБА и авиация Московской зоны обороны. Ударам подверглись 25 вражеских аэродромов, а 12 и 15 ноября еще 19, на которых было уничтожено 88 самолетов (см.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 4, с. 104).Прим. ред.

{200} КТВ Halder, bd. III, s. 281.

{201} Лобачев А. А. Трудными дорогами. М., 1960, с. 243.

{202} См.: Разгром немецко-фашистских войск под Москвой, с. 52.

{203} Ранее входившая в состав Западного фронта 30-я армия при создании Калининского фронта была подчинена Коневу.- Прим. авт.

{204} Конев И. С. На Калининском фронте, с. 69.

{205} Баграмян И. Х. Так начиналась война. М., 1971, с. 428. Данных, приводимых автором, в цитируемой книге И. Х. Баграмяна нет.- Прим. ред.

{206} Разгром немецко-фашистских войск под Москвой, с, 100.

{207} См.: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, с. 353- 354.

{208} Командование Западного фронта, усилив войска, действовавшие северо-западнее и юго-западнее Москвы, организовало контрудары в полосе 16-й армии на серпуховском направлении. По признанию фашистского командования, контрудар в полосе 49-й армии не позволил немецкой 4-й армии во второй половине ноября перейти здесь в наступление (см.: КТВ/OKW, bd. I, s. 757, 761). - Прим. ред.

{209} Большие потери отмечались прежде всего в 112-й танковой дивизии под командованием Гетмана.- Прим. авт.

{210} События развивались не так, как пишет автор. После мощной артиллерийской подготовки 15 ноября 3-я танковая группа нанесла сильный удар по 30-й армии генерала Д. Д. Лелюшенко. Часть войск этой армии, находившаяся севернее Волжского водохранилища, по приказу командования отошла на восточный берег Волги. Упорное сопротивление врагу оказали соединения, оборонявшиеся южнее водохранилища. Только во второй половине 16 ноября противник смог форсировать реку Лама, потеряв при этом 60 танков и бронемашин. К исходу 17 ноября ему удалось выйти в район Новозавидовского. Обстановка на стыке Калининского и Западного фронтов крайне осложнилась. Для ликвидации угрозы прорыва врага на Клин командование фронта усилило 30-ю армию двумя дивизиями и организовало в ее полосе несколько авиационных ударов по наступающим войскам противника.- Прим. ред.

{211} Против 16-й армии враг бросил не менее 400 танков при массированной поддержке авиации. Советские воины мужественно и стойко сдерживали натиск врага. В решительных схватках с фашистами бессмертный подвиг совершили воины 316-й стрелковой дивизии генерала И. В. Панфилова. В районе разъезда Дубосеково 28 панфиловцев, уничтожив за 4 часа неравного боя 18 танков и десятки фашистов, не пропустили врага. Советские войска не только упорно оборонялись, но и частью сил 16-й армии при поддержке авиации нанесли противнику мощный контрудар. Стойко сражались защитники Москвы и на других участках фронта. На истринском направлении особенно упорно оборонялась 78-я стрелковая дивизия.- Прим. ред.

{212} См.: Разгром немецко-фашистских войск под Москвой, с. 86.

{213} Штаб Западного фронта в это время находился в Перхушково,- Прим. авт.

{214} См.: Болдин И. В. Страницы жизни. М., 1961.

{215} Речь шла о 1-й ударной и 10-й резервной армиях.- Прим. авт.

{216} Анализ событий на фронте в период с 16 по 21 ноября показал, что главные силы 3-й и 4-й танковых групп, имевшие задачу окружить Москву, оказались втянутыми в затяжные бои. Темпы вражеского наступления непрерывно снижались и не превышали даже у подвижных войск 3 - 5 км в сутки. Гитлеровцам пришлось преодолевать стойкую оборону, отражая при этом контратаки советских соединений. Попытки противника окружить какую-либо дивизию, как правило, не приносили успеха. Для овладения каждым последующим рубежом он был вынужден организовывать наступление заново. В то же время войска Калининского фронта прочно сковали немецкую 9-ю армию, не позволив ей перебросить ни одной дивизии на московское направление.- Прим. ред.

{217} Ударная группировка - 2-я танковая армия в составе 4 танковых, 3 механизированных, 5 пехотных дивизий, поддержанная авиацией, прорвала оборону 50-й армии и, развивая наступление, 22 ноября захватила Сталиногорск (Новомосковск). Ее соединения устремились на Венев, Каширу. Развернулись ожесточенные бои.- Прим. ред.

{218} 18 ноября перед фронтом русских 16-й и 5-й армий начали наступление главные силы 5-го и 46-го армейских корпусов, а 19 ноября - 40, 9 и 7-й армейские корпуса.- Прим. авт.

{219} В этот критический момент вступила в бой 78-я стрелковая дивизия. Ей была поставлена задача контратаковать рвущиеся к шоссе немецко-фашистские войска; в результате боя противник был смят, опрокинут и отброшен.- Прим. ред.

{220} Генерал Э. Гёпнер - командующий 4-й танковой группой.- Прим. ред.

{221} Генерал Ханс Георг Рейнгардт - командующий 3-й танковой группой,- Прим. ред.

{222} Эти соображения Гитлер высказал в беседе с Гальдером 19 ноября (см.: КТВ Halder, bd. III, s. 295).

{223} К этому выводу Бок должен был бы прийти, если бы трезво оценивал обстановку до начала наступления в середине ноября.- Прим. авт.

{224} 19 ноября командование группы армий "Центр", усилив 3-ю танковую группу одной танковой и одной моторизованной дивизиями, потребовало от нее как можно скорее захватить Клин и Солнечногорск. Чтобы избежать окружения, советские войска 23 ноября после упорных боев оставили эти города.- Прим. ред.

{225} Разрыв на стыке с группой армий "Север" все еще достигал на 26 ноября 15 км и не мог быть пока ликвидирован.- Прим. авт.

{226} В своем дневнике Бок писал 29 ноября 1941 года: "Если в ближайшие дни не удастся разгромить войска Северо-Западного фронта в районе Москвы, то наступление должно быть приостановлено".- Прим. авт.

{227} Согласно документальным источникам в течение ноября Ставка ВГК передала в состав Западного фронта из своего резерва и частично с других фронтов 11 стрелковых, 9 кавалерийских и 1 танковую дивизии, 16 стрелковых и 8 танковых бригад, 4 отдельных танковых батальона, значительное количество артиллерийских полков. Своевременный ввод в действие резервов имел важнейшее значение в отражении немецкого наступления на Москву.- Прим. ред.

{228} К этому времени под Москвой создалась весьма опасная, но не безнадежная обстановка. Советское командование видело, что войска полны решимости не допустить врага к Москве и дерутся стойко и самоотверженно. И все же противник, неся большие потери, рвался к Москве. 28 ноября ему удалось небольшими силами переправиться на восточный берег канала Москва-Волга в районе Яхромы, севернее Икши. Для ликвидации создавшейся опасности Ставка ВГК принимает срочные меры. В район Крюково, Хлебниково, Яхромы перебрасывались резервные соединения и войска с соседних участков. Важную роль в изменении обстановки севернее Москвы сыграло своевременное выдвижение из резерва на рубеж канала Москва - Волга 1-й ударной армии под командованием генерала В. В. Кузнецова. Ее передовые части отбросили противника на западный берег канала.- Прим. ред.

{229} Группа Захарова (17-я кавалерийская, 126-я и 133-я стрелковые дивизии, 25-я танковая бригада и военное училище имени Верховного Совета РСФСР) имела задачу задержать наступление 3-й танковой группы в направлении Дмитров, Яхромы.- Прим. авт.

{230} В конце ноября и начале декабря 1-я ударная армия и вновь сформированная 20-я армия при активной поддержке авиационной группы генерала И. Ф. Петрова нанесли по немецко-фашистским войскам ряд контрударов и совместно с 16-й и 30-й армиями окончательно остановили их продвижение. Враг был вынужден перейти к обороне. Угроза его прорыва к Москве с северо-запада и севера была ликвидирована.- Прим. ред.

{231} Расстояние до центра Москвы составляло от Красной Поляны 20 км, от Снегирей 30 км.- Прим. авт.

{232} Недостаточный подвоз горючего объяснялся выходом из строя большого количества паровозов из-за сильных морозов.- Прим. авт.

{233} В действительности продвижение немецко-фашистских войск сдерживалось героизмом советских воинов. На пути к Кашире войска 50-й армии храбро сражались в районе Венева, имея задачу ни в коем случае не допустить сюда проникновения противника. Ему так и не удалось сломить лобовыми атаками боевую группу в составе 173-й стрелковой дивизии, 11-й и 32-й танковых бригад (30 легких танков), батальона истребителей танков, сформированного из местного населения. Тогда немецкая 17-я танковая дивизия обошла город с востока. 25 ноября ее передовые части оказались в 10 - 15 км от Каширы. Две другие дивизии 2-й танковой группы наступали на Михайлов и Серебряные Пруды. Гитлеровцы стремились как можно скорее взять Каширу и захватить переправы на Оке.- Прим. ред.

{234} См.: Советские Военно-Воздушные Силы, с. 75.

{235} Чтобы остановить продвижение южной ударной группировки врага, командование Западного фронта 27 ноября провело в районе Каширы контрудар соединениями усиленного танками и реактивной артиллерией 1-го гвардейского кавалерийского корпуса. В результате контрудара немецкая 17-я танковая дивизия потерпела тяжелое поражение и к 30 ноября была отброшена в район Мордвеса. Замыслы врага захватить переправы через Оку были сорваны.- Прим. ред.

{236} В журналах боевых действий 2-й танковой армии и группы армий "Центр" 27 ноября 1941 года отмечалось: "Дальнейшее наступление 2-й танковой армии в направлении Рязани и Коломны, а также в районе Каширы в северном направлении осуществляться не может в связи с большими потерями",Прим. авт.

{237} В связи с тем что были перерезаны железная и шоссейная дороги севернее Тулы и противник усилил нажим на город с запада, войска 50-й армии генерала И. В. Болдина нанесли контрудар в районе Кострово, Ревякино, где окружили часть сил немецкой 4-й танковой дивизии. В первых числах декабря советские войска вынудили немецкую 2-ю армию начать отход. В кризисный момент сражения в районе Каширы и Тулы она не могла получить помощи от соседа справа - 2-й полевой армии, основные силы которой были втянуты в затяжные бои с войсками 3-й и 13-й армий Юго-Западного фронта на елецком направлении.- Прим. ред.

{238} В ноябре и начале декабря температура воздуха не превышала -18°, а 5 и 6 декабря морозы усилились до -28°. Но такая температура держалась недолго, после чего наступило потепление.- Прим. ред.

{239} На самом деле в обороне Тулы участвовали 154, 217, 260 и 413-я стрелковые дивизии, Тульский рабочий полк и ряд отдельных частей.- Прим. авт,

{240} Начиная с 23 ноября в "Сводках о положении противника" группы армий "Центр" и разведсводках отдела "Иностранные армии Востока" ОКХ ежедневно отмечалось усиление сопротивления противника и возрастающее количество его контратак в полосе действий 2-й армии.- Прим. авт.

{241} Эту оптимистическую оценку обстановки, находившуюся в явном противоречии с действительностью, Бок немедленно передал в войска, для того чтобы вселить в них бодрость духа перед последним ударом.- Прим. авт.

{242} Документы свидетельствуют, что Клюге не просто отвел войска, а был отброшен за реку Нара в результате контрудара силами резерва 33-й и соседних с ней армий. Таким образом провалилась последняя попытка гитлеровцев спасти операцию "Тайфун".- Прим. ред.

{243} Конец ноября и начало декабря - период кризиса наступления гитлеровцев на Москву. План окружения и захвата советской столицы потерпел полный крах. "Наступление на Москву провалилось. Все жертвы и усилия наших доблестных войск,- писал после войны Гудериан,- оказались напрасными. Мы потерпели серьезное

поражение" (см.: Guderian H. Erinnerungen eines Soldaten, s. 249). Враг был окончательно измотан, резервы его иссякли. Провал операции "Тайфун" стал фактом. Оборонительный период битвы под Москвой закончился. Советские Вооруженные Силы отстояли столицу, остановив наступление фашистских полчищ. То, чего не смогла сделать ни одна армия капиталистических государств "а Западе, впервые в ходе второй мировой войны осуществила Красная Армия на советско-германском фронте.- Прим. ред.

{244} В действительности не советские войска, а группа армий "Центр" оказалась обескровленной и лишилась наступательных возможностей. В ходе боев с 16 ноября тю 5 декабря вермахт потерял под Москвой 155 тыс. солдат и офицеров, 777 танков, сотни орудий и минометов. Средствами авиации фронтов и московской ПВО сбито в воздушных боях и уничтожено на аэродромах много самолетов. За два месяца оборонительных сражений советские Военно-Воздушные Силы совершили более 51 тыс. самолето-вылетов, из них 14% - на воздушное прикрытие столицы. Хотя Советские Вооруженные Силы и понесли крупные боевые потери, но непрерывный поток пополнения из тыла страны позволил не только возместить их, но и увеличить численность войск. Создались предпосылки для перехода от обороны к наступлению. Однако враг по-прежнему был силен. Предстояли новые битвы и сражения.- Прим. ред.

{245} Общие потери группы армий составили на 30 ноября 14034 офицера и 335 830 рядовых и унтер-офицеров. Общие потери сухопутных войск на Восточном фронте к 30 ноября возросли до 753 046 человек. Потери только в операции "Тайфун" составили к концу ноября 120 906 человек.- Прим. авт.

{246} Вермахт потерял под Москвой 777 танков. Общие потери в танках и штурмовых орудиях с июня по декабрь 1941 года составили 2851 единицу. Немецкая авиация с 22 июня по 10 ноября потеряла на советско-германском фронте 5180 самолетов. Полностью исправных автомашин к декабрю 1941 года осталось 150 тыс., или 25% их первоначального количества (см.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 4, с. 130, 421).- Прим. ред.

Немецкое командование, пытавшееся пресечь эти настроения, вело соответствующую пропаганду, однако до

{247} 13 ноября морозы достигли -20°. Они удерживались в районе действий войск группы армий "Центр" до 18 ноября, а затем ослабли и сменились снегопадами. В последние дни ноября температура воздуха стала повышаться, усилились снегопады. С 4 декабря ударили сильные морозы, доходившие до -35°. Вообще же говоря, даже температура, близкая к нулевой, тяжело переносилась немецкими солдатами, одетыми в летнюю форму, в рваные ботинки. Размещение же в постоянных квартирах было невозможно ввиду систематических бомбардировок русской авиации.

Данные о незначительных температурах в ноябре, которые приводит Г. К. Жуков (см.: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, с. 361), не подтверждаются немецкими документами. П. А. Жилин также отмечает, что, согласно данным Главного управления метеорологической службы Красной Армии, температура воздуха в ноябре достигала порой -17,3° (см.: Жилин П. А. Роль Советского Союза во второй мировой войне и ее освещение в буржуазной литературе).- Прим. авт.

{248} Несмотря на активные действия русской авиации, с Восточного фронта были отозваны части 2-го воздушного флота. С участка фронта группы армий "Центр" были сняты штаб 2-го воздушного флота, штаб 2-го авиакорпуса, одна эскадра пикирующих бомбардировщиков и три эскадры истребительной авиации.- Прим. авт.

{249} Эксплуатация и руководство службой железных дорог на территории генерал-губернаторства (Польша) осуществлялось управлением железных дорог "Ост".- Прим. авт.

{250} Автор, видимо, имеет в виду вывод из строя паровозов и вообще железнодорожных линий советскими людьми, оставшимися в тылу врага.- Прим. ред.

{251} Clausewitz C. Von Kriege.

{252} Указания автора о планомерном отводе немецких войск из-под Тихвина не соответствует данным, приводимым в советской литературе по архивным источникам.

Вражеская группировка, захватившая Тихвин, оказалась под угрозой окружения. Ее попытка соединиться с армейскими войсками не принесла успеха. В то же время советские войска усилили натиск. 4-я армия развернула контрнаступление с трех сторон. Сжимая кольцо вокруг немецкой группировки в Тихвине, она 7 декабря подошла к городу и после короткой подготовки в ночь на 9 декабря начала штурм. Не выдержав удара, противник начал отход, оставляя сотниtrupов, десятки подбитых танков и автомашин. 9 декабря Тихвин был освобожден,- Прим. ред.

{253} В начале ноября создалась угроза прорыва противника через Ростов на Северный Кавказ. В связи с этим по решению Ставки ВГК войска Южного фронта готовили наступательную операцию. Контрнаступление началось 17 ноября при численном равенстве личного состава, полуторном превосходстве советских войск в самолетах и двукратном превосходстве противника в танках. Своеобразие борьбы состояло в том, что в первые четыре дня наступление вели обе стороны. При этом наступление советских войск вначале развивалось медленно. Из-за нелетной погоды авиация в первые три дня не могла поддерживать сухопутные войска. Более высокая степень моторизации войск противника позволила ему иметь более высокий темп продвижения и через четверо суток - 21 ноября - занять Ростов.- Прим. ред.

{254} О целях русских в сражении за Ростов и боевом составе войск Красной Армии на этом участке см.: Баграмян И. Х. Так начиналась война, с. 422-471.- Прим. авт.

{255} После перегруппировки сил командование Южного фронта 27 ноября возобновило наступление. Противник, чтобы избежать окружения, был вынужден начать отход из Ростова. 29 ноября город был освобожден. Несмотря на то что Гитлер запретил отход 1-й танковой армии, немецкие части под ударами советских войск откатывались на запад, бросая танки, орудия, боеприпасы. Лишь с помощью подошедших подкреплений 1-й танковой армии удалось 2 декабря закрепиться на рубеже реки Миус. Южный фланг советско-германского фронта был надежно обеспечен, и в течение всей зимы 1941/42 года группа армий "Юг" оказалась скованной.- Прим. ред.

{256} Picker H. Hitlers Tischgesprache in Fuhrerhauptquartir 1941-1942. Dok. 136, s. 376.

{257} Бывший начальник оперативного отдела штаба 6-й танковой дивизии генерал Кильмансег в своем исследовании о причинах провала немцев под Москвой писал: "С другой стороны, я тогда считал и считаю теперь, что разгром под Москвой нельзя объяснять только наступлением морозов. По моему мнению, мы были по-настоящему разбиты - в стратегическом и тактическом отношении".- Прим. авт.

{258} Уже в середине сентября в донесениях СД в органы СС говорилось о возможности возникновения войны с США: "При обсуждении этого вопроса многие немцы считают, что германское правительство должно готовить немецкий народ к вступлению США в войну. Другие оценивают этот тон немецкой пропаганды как подталкивание США к вступлению в войну, так как активное участие США в войне после того, как они развернут свой военный потенциал, все равно нельзя предотвратить" (см.: Steiner M. Hitlers Krieg und die Deutschen Stimmung und Haltung der Deutschen Bevolkerung im Zweiten Weltkrieg. Dusseldorf, 1970, s. 273).- Прим. авт.

{259} Hillgruber A. Staatsmanner, bd. I, dok. 87, s. 632.

{260} 7 декабря 1941 года вооруженные силы милитаристской Японии вероломно, без объявления войны, совершили нападение на основные базы США и Великобритании в бассейне Тихого океана и Юго-Восточной Азии. Утром 8 декабря президент США Ф. Рузвельт, выступив перед обеими палатами конгресса, сообщил о вероломном нападении Японии. Конгресс принял резолюцию об объявлении ей войны. 11 декабря союзники Японии по оси - Германия и Италия объявили войну США. В этот же день состоялось подписание Германией, Италией и Японией соглашения о совместной войне против США и Англии. 11 декабря 1941 года Соединенные Штаты Америки объявили войну Германии и Италии.- Прим. ред.

{261} По заявлению Советского правительства, в плену находилось 380 тыс. советских воинов.- Прим. ред.

{262} KTB Halder, bd. III, s. 289.

По данным Пфальмана, около 25% русских военнопленных умерло в ноябре-декабре 1941 года от брюшного тифа и голода.- Прим. авт.

{263} Данные о числе русских военнопленных, находившихся в Германии, завышены. Всего в плену было 380 тыс. человек, следовательно, в Германии находилось значительно меньше советских военнопленных, чем указывает автор.- Прим. ред.

{264} Число 380 тыс. было названо потому, что, по утверждению Сталина, именно такое количество русских солдат находилось в немецком плену.- Прим. авт.

{265} К концу 1941 года военная промышленность Германии оказалась не в состоянии восполнить урон в вооружении и боевой технике, понесенный вермахтом на советско-германском фронте. Ощущалась нехватка металла и горючего. В целях экономии сырья на расширенном совещании руководителей управления военной экономики и вооружения ОКВ 14 - 16 августа 1941 года было предложено полностью отказаться от программы подготовки операции против Англии ("Зеелёве"). Расчеты фашистского руководства на использование сырья и людских ресурсов на захваченных территориях Советского Союза оказались несостоятельными. Его планы провести войну против СССР созданными запасами оружия, боевой техники и боеприпасов и с помощью текущего производства их в Германии провалились. Шли поиски путей увеличения производства военной продукции для продолжения войны. На службу интересов Германии был поставлен экономический потенциал ее союзников - Италии, Румынии, Венгрии, Болгарии. Поставки в Германию стратегического сырья, продовольствия, полуфабрикатов и готовой продукции из этих стран увеличились с 1,6 млрд. марок в 1940 году до 2,2 млрд. марок в 1941 году (см.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 4, с. 425).- Прим. ред.

{266} Эти рассуждения автора идут вразрез с действительностью. Дело в том, что экономика Румынии в соответствии с договоренностью между Антонеску и Герингом еще в марте 1941 года была включена в сферу экономического господства Германии. 4 декабря 1941 года было подписано новое соглашение о претворении в жизнь 10-летнего плана экономического сотрудничества, отводившее Румынии роль аграрно-сырьевого придатка рейха. Выполняя требования гитлеровского руководства об увеличении добычи и поставки нефти Германии, Румыния ежегодно отправляла ей около 3 млн. т нефти и нефтепродуктов.- Прим. ред.

Так как на продвижение к Майкопу вряд ли можно было рассчитывать (до конца ноября Гитлер настаивал на выполнении этой задачи и только в связи с поражением под Ростовом несколько образумился){267}, провалились надежды пополнить запасы нефти путем захвата русских южных нефтяных районов. Поскольку запасы нефти уменьшались, а пополнить их в ближайшее время в условиях возросшего потребления нефтепродуктов было нельзя, Гальдер пришел к правильному выводу, что в будущем свобода маневра сил вермахта будет скована еще больше.

{267} 29 ноября Гальдер в своем дневнике записал: "Наступление на район Майкопа в этом году исключено и должно стать первой задачей следующего года. С учетом занятых в этом году позиций эта задача должна быть выполнена в ходе одной операции" (см.: КТВ Halder, bd. III. s. 317).Прим. авт.

{268} Данные о количестве армий и их нумерация неточны. В контрнаступлении под Москвой вначале участвовали 16 армий: 22, 29 и 31-я (Калининский фронт), 1-я ударная, 5, 16, 20, 30, 33, 43, 49, 50 и 10-я армии (Западный фронт), 3, 13 и правое крыло 40-й армии (Юго-Западный фронт). 39-я армия Калининского фронта вступила в сражение 22 декабря, а 61-я армия Юго-Западного фронта - 16 декабря 1941 года. Кроме того, в контрнаступлении участвовали кавалерийский корпус генерала Белова и оперативная группа генерала Костенко (см.: Разгром немецко-фашистских войск под Москвой, с. 179-190; История второй мировой войны 1939-1945, т. 4, с. 11).- Прим. ред.

{269} См.: Разгром немецко-фашистских войск под Москвой, с. 56.

{270} К контрнаступлению привлекались также авиация Московской зоны обороны, 6-й истребительный авиационный корпус ПВО, две резервные авиационные группы ВГК и дальнебомбардировочная авиация. Ближайшая цель операции заключалась в том, чтобы одновременными ударами армий Западного фронта во взаимодействии с левым крылом Калининского и правым крылом Юго-Западного фронтов разгромить ударные

группировки противника, действовавшие севернее и южнее Москвы. Уже в ходе развернувшегося наступления Ставка определила его дальнейшую цель: нанести поражение всей группе армий "Центр".- Прим. ред.

{271} Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны, с. 42-43.

{272} Генерал Ф. Я. Костенко - заместитель командующего, а с 18 декабря 1941 года - командующий войсками Юго-Западного фронта.- Прим. ред.

{273} В связи с неожиданным наступлением 4-й немецкой армии под Наро-Фоминском и Кубинкой запланированное на 3-4 декабря наступление было перенесено на 1-3 декабря.- Прим. авт.

{274} В распоряжении Западного фронта имелось не 720, а 624 танка. Для действий в полосе Западного фронта было выделено 80% всей авиации, сосредоточенной в районе Москвы. 75% авиации, которой располагал Западный фронт, предусматривалось использовать для действий на правом крыле (см.: Разгром немецко-фашистских войск под Москвой, с. 172; История второй мировой войны 1939- 1945, т. 4, с. 28).- Прим. ред.

{275} План наступательной операции Юго-Западного фронта был получен и одобрен Ставкой ВГК 30 ноября. Его суть заключалась в том, чтобы разгромить елецкую группировку гитлеровцев и, развивая наступление на орловском направлении, содействовать войскам левого крыла Западного фронта в выполнении поставленной им задачи. Для этого оперативной группе генерала Ф. Я. Костенко в составе 2 стрелковых и 3 кавалерийских дивизий, мотострелковой и танковой бригад предстояло из района западнее и юго-западнее Тербуны нанести внезапный удар во фланг и тыл врага и, наступая на север, стремительно пройти по тылам немецкой 2-й полевой армии, парализовать управление елецко-ливненской группировки и расчленив ее. Одновременно 13-я армия должна была, сковывая противника с фронта, частью сил наступать в обход Ельца с северо-запада и во взаимодействии с группой генерала Костенко окружить и уничтожить елецко-ливненскую группировку.

Военно-Воздушные Силы в контрнаступлении должны были активными действиями поддержать сухопутные войска, удерживать завоеванное господство в воздухе, прикрывать от вражеских налетов Москву, нарушать железнодорожные перевозки противника и вести непрерывную воздушную разведку.

Активная роль в контрнаступлении отводилась партизанам. Они должны были своими действиями в тылу противника способствовать войскам Западного направления в успешном решении боевых задач.- Прим. ред.

{276} Это утверждение автора не подтверждается советскими источниками. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков не упоминает о приказе провести разведку боем ни в своей статье "Контрнаступление под Москвой", опубликованной в "Военно-историческом журнале", No 10 за 1966 год, ни в книге "Воспоминания и размышления".- Прим. ред.

{277} В "Сборнике боевых документов" этого приказа не имеется.- Прим. ред.

{278} При подготовке операции учитывалось, что контрнаступление придется осуществить на широком фронте: полоса действия только Западного фронта составляла 600 км. Ширина полос наступления армий колебалась от 20 до 80 км. Оперативная плотность войск была недостаточной: на стрелковую дивизию приходилось от 5 до 14 км. Средняя плотность артиллерии составляла 14-27 орудий и минометов на 1 км фронта и лишь в отдельных армиях (16-я и 31-я) достигала 37-52 единиц на 1 км фронта. Плотность по танкам колебалась от 0,5 до 2 машин на 1 км фронта и только в полосе 16-й армии достигала немногим более 6 танков.- Прим. ред.

{279} 10-я армия получила директиву совершить перевозку по железной дороге и сосредоточиться к вечеру 2 декабря южнее Москвы.- Прим. ред.

{280} См.: Голиков Ф. И. В Московской битве, с. 26.

{281} Несмотря на тяжелую обстановку на подступах к Москве, Ставка ВГК очень экономно использовала резервные соединения в оборонительном сражении. По свидетельству бывшего командующего Московским военным округом П. А. Артемьева, И.

В. Сталин на одном из совещаний в присутствии членов ГКО и маршала Б. М. Шапошникова "особо подчеркнул, что эти силы нужны нам "для прыжка вперед" и использовать их в оборонительных боях нецелесообразно. При этом он потребовал, чтобы подготовка резервов происходила в обстановке строжайшей секретности" (см.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 4, с. 280).- Прим. ред.

{282} Главная роль в разгроме врага под Москвой отводилась Западному фронту. Поэтому Ставка ВГК особое внимание уделяла усилению его новыми соединениями. В конце ноября - начале декабря она передала фронту из своего резерва 10-ю армию (8 стрелковых, 3 кавалерийские дивизии), 1-ю ударную и 20-ю армии (3 стрелковые, 1 кавалерийскую дивизию, 11 стрелковых и 2 танковые бригады, 4 танковых и 11 лыжных батальонов). Кроме того, фронт получил 9 стрелковых и 2 кавалерийские дивизии, 8 стрелковых и 6 танковых бригад и большое количество специальных частей.- Прим. ред.

{283} 10-я армия имела более 80 тыс. человек, 65,6 тыс. винтовок, 255 минометов, 2 тыс. пулеметов (см.: Разгром немецко-фашистских войск под Москвой, с. 175).- Прим. ред.

{284} В докладе ГКО генерал Ф. И. Голиков говорил не о трех, а о четырех соединениях, которые были боеспособными. Автор почему-то не упоминает о 328-й стрелковой дивизии (см.: Голиков Ф. И. В Московской битве, с. 28).- Прим. ред.

{285} В книге Ф. И. Голикова "В Московской битве" речь идет о том, что войска армии испытывали недостаток в средствах связи как в дивизиях, так и в управлении армии (с. 29).- Прим. ред.

{286} Конев И. С. На Калининском фронте, с. 74.

{287} В книге "Разгром немецко-фашистских войск под Москвой" указано, что численность советских войск составляла 718 тыс. человек (с. 169).Прим. авт.

{288} В "Истории второй мировой войны 1939-1945" приведены уточненные данные о численности советских войск, участвовавших в контрнаступлении под Москвой. Они насчитывали около 1100 тыс. человек, 7652 орудия и миномета, 774 танка (в том числе 222 средних и тяжелых) и 1000 самолетов. К началу декабря 1941 года группа армий "Центр" вместе с военно-воздушными силами имела в своем составе 1708 тыс. человек, примерно 13500 орудий и минометов, 1170 танков и 615 самолетов. Таким образом, только по авиации советская группировка превосходила противника, и при этом следует иметь в виду, что советские ВВС имели во фронтовой авиации 47,5% самолетов нового типа. Эти данные опровергают измышления буржуазных фальсификаторов о якобы двадцатикратном превосходстве советских войск в силах и средствах во время контрнаступления под Москвой.- Прим. ред.

{289} Черемухин К. А. Великая победа.- Военно-исторический журнал, 1966, No 11, с. 7.

{290} Речь шла о войсках 20-й и 1-й ударной армий.- Прим. авт.

{291} В данном случае речь шла об оперативной группе Костенко.- Прим. авт.

{292} При подготовке контрнаступления Ставка ВГК учитывала, что группа армий "Центр" в ходе наступления на Москву была вынуждена растянуть свои силы на 1000-километровом фронте. Фланговые ударные группировки, удаленные одна от другой на 200 км и более, оказались в крайне невыгодном положении. Над левым крылом и тылом северной группировки нависли войска Калининского фронта, а южная оказалась охваченной армиями левого крыла Западного и правого крыла Юго-Западного фронтов. Учитывая это обстоятельство, Советское Верховное Главнокомандование свои ударные группировки и основную массу боевой техники сосредоточило на флангах группы армий "Центр". И если не удалось создать численного превосходства над противником на направлениях главных ударов, то это восполнилось внезапностью начала контрнаступления. Ставка проявила высокое искусство в скрытном сосредоточении стратегических резервов на направлениях главных ударов и удачно выбрала время для их нанесения. Достижению внезапности содействовало также и то, что контрнаступление началось без паузы, в ходе тяжелого оборонительного сражения, в момент, когда гитлеровские войска, исчерпав свои наступательные возможности, еще не успели перейти к обороне, а немецкое командование было убеждено в неспособности Красной Армии предпринять широкие наступательные действия.- Прим. ред.

{293} На допросе Кейтель заявил русским офицерам, что русское контрнаступление было для главнокомандования совершенно неожиданным и показало немецкому руководству, что оно при оценке резервов Красной Армии грубо просчиталось.- Прим. авт.

{294} 3-я и 4-я танковые группы с 1 января 1942 года были переименованы в 3-ю и 4-ю танковые армии.- Прим. авт.

{295} В течение первых пяти-шести дней наступавшие войска вели бои за опорные пункты и узлы сопротивления, поспешно создававшиеся противником в городах и селах. Темпы продвижения многих соединений вначале были низкими. Сказывался недостаток танков и артиллерии. Глубокий снежный покров затруднял маневр вне дорог. К тому же советские войска еще не имели опыта ведения наступательных операций. Однако уже с 7 декабря контрнаступление развивалось нарастающими темпами. В стане врага появились растерянность. И после того как командующие 3-й и 4-й танковыми группами донесли Гитлеру, что удары Красной Армии вынудили их прекратить продвижение, фюрер подписал директиву № 39 на переход германских вооруженных сил к стратегической обороне на всем Восточном фронте. Стали очевидны полный провал расчетов гитлеровцев на захват Москвы и крушение их надежд на скорое завершение войны против СССР.- Прим. ред.

{296} Клин был взят 15 декабря войсками 30-й и 31-й ударной армий. Уже 19 декабря в полностью разрушенном городе побывал английский министр иностранных дел Идеи.- Прим. авт.

{297} См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 2, с. 279.

{298} 10-я армия была сосредоточена в районе боевых действий 2 декабря 1941 года.- Прим. ред.

{299} Сталиногорск освобожден войсками 10-й армии во взаимодействии с 1-м гвардейским кавалерийским корпусом генерала Белова.- Прим. ред.

{300} Войска 10-й армии вышли на рубеж Верхнего Дона к исходу 12 декабря.- Прим. ред.

{301} См.: Голиков Ф. И. В Московской битве, с. 68, 71.

{302} См.: Голиков Ф. И. В Московской битве, с. 82, 83.

{303} На тульском направлении войска Западного фронта разгромили гарнизоны противника в населенных пунктах восточнее Михайлова и Серебряных Прудов, а в ночь на 7 декабря освободили эти города, захватив большие трофеи.- Прим. ред.

{304} Наступательные действия главных сил Западного фронта на его центральном участке начались только 17 декабря.- Прим. авт.

{305} Развивая наступление, начатое 6 декабря, 3-я армия генерала Я. Г. Крейзера, 13-я армия генерала А. М. Городянского и оперативная группа генерала Ф. Я. Костенко к исходу 16 декабря продвинулись на 80 - 100 км и вышли на рубеж Любовша, Павловка, Ливны и далее на юг по восточному берегу реки Кшень. За 10 дней наступления они уничтожили 16 тыс. солдат и офицеров, захватили 150 орудий, 250 пулеметов, более 700 автомашин и другую военную технику. Была освобождена обширная территория с 400 населенными пунктами, в том числе городами Елец и Ефремов.- Прим. ред.

{306} В ходе начавшегося контрнаступления войска правого крыла Западного фронта во взаимодействии с Калининским фронтом при поддержке авиации нанесли мощные удары по клинско-солнечногорской и калининской группировкам врага. Войска смежных крыльев Западного и Юго-Западного фронтов успешно теснили немецкие 2-ю танковую и 2-ю полевую армии. За три дня ударные группировки фронтов продвинулись на 30 - 40 км. Созданные в ряде армий подвижные отряды и группы успешно осуществляли обходные маневры.

Это значительно повысило эффективность ударов по врагу. 12 декабря Военный совет Западного фронта доносил Верховному Главнокомандующему, что в результате начатого наступления ударные фланговые группировки врага разбиты и поспешно отходят, бросая

технику, вооружение и неся огромные потери. С 6 по 10 декабря советские войска освободили свыше 400 населенных пунктов. В ходе боев было уничтожено и захвачено большое количество орудий, танков, автомашин, мотоциклов, минометов, пулеметов, автоматов, боеприпасов и разного имущества (см.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 4, с. 287-288).- Прим. ред.

{307} Этот приказ был уже 15 декабря передан в ОКХ и явился ответом Гитлера, на требование главнокомандующего сухопутными силами об отходе группы армий "Центр" на рубеж, предложенный фон Бокком.- Прим. авт.

{308} Используя успех армий правого крыла Западного фронта, в наступление включилась 5-я армия под командованием генерала Л. А. Говорова. Ее правофланговые соединения 11 декабря преодолели реку Москву на участке Звенигород, Тучково и обеспечили ввод в сражение 2-го гвардейского кавалерийского корпуса генерала Л. М. Доватора. Активные действия кавалеристов помогли 16-й армии разгромить истринскую группировку противника. Первые поражения войск и их отступление вынудили гитлеровское командование 16 декабря издать приказ, который обязывал войска с фанатическим упорством оборонять занимаемые позиции и держаться любой ценой, чтобы выиграть время для переброски резервов с родины и с Запада. В приказе такая задача ставилась и перед войсками группы армий "Юг".- Прим. ред.

{309} Гальдер еще 10 ноября записал в военном дневнике: "Утром получено сообщение о тяжелом сердечном приступе у главнокомандующего. Опасное и трудноизлечимое заболевание сердца!" (К.ТВ Halder, bd. III, s. 285).- Прим. авт.

{310} КТВ Halder, bd. III, s. 356.

{312} По этому поводу Йодль говорил на Нюрнбергском процессе: "Как раз то и поразило меня в нем (Гитлере), что ему благодаря своей уверенности и энергии зимой 1941/42 года удалось остановить откатившийся назад Восточный фронт, избежав тем самым катастрофы, подобной, катастрофе 1812 г."- Прим. авт.

{313} Следует отметить, что принятые командованием вермахта меры оказали определенное воздействие на отступавшие войска. Армии правого крыла Западного фронта, выйдя к оборонительному рубежу противника на реках Лама и Руза, натолкнулись на упорное сопротивление гитлеровцев. Все попытки соединений 1-й ударной, 20-й и 16-й армий преодолеть неприятельскую оборону оказались безуспешными. Им пришлось закрепиться на достигнутых рубежах и приступить к планомерной подготовке прорыва укрепленных позиций. Однако враг имел лишь временный успех. Уже через два дня после издания Гитлером приказа от 16 декабря армии правого крыла Западного фронта заняли Теряеву Слободу и завязали бои за Волоколамск. Преследуя отступавшие 3-ю и 4-ю танковые группы, советские войска 20 декабря освободили Волоколамск. В двадцатых числах декабря расширилась полоса наступления войск Калининского фронта. Успешно продвигались вперед войска левого крыла Западного фронта. В середине декабря, когда фланговые группировки группы армий "Центр" откатывались на запад, создались благоприятные условия для перехода в наступление армий центра Западного фронта. В директивах Ставки ВГК от 13 и 16 декабря 1941 года им предписывалось нанести поражение противостоящим соединениям немецкой 4-й армии.- Прим.

{314} 17 января 1942 года Бок был назначен командующим группой армий "Юг".- Прим. авт.

{315} Клюге принял от Бока командование группой армий "Центр" 18 декабря.- Прим. авт.

{316} Войска 49-й армии, преследуя неприятеля, форсировали Оку в районе Тарусы и, преодолевая сопротивление правофланговых соединений 4-й армии противника, начали продвигаться на запад. Упорные бои развернулись за Тарусу. После того как не удалось выбить гитлеровцев из города фронтальным ударом, войска 49-й армии совершили обходной маневр и ночной атакой с тыла разгромили врага. 19 декабря Таруса была освобождена.- Прим. ред.

{317} Это утверждение не соответствует действительности в том отношении, что превосходство в силах было на стороне немецко-фашистских войск.- Прим. ред.

{318} Советское командование, своевременно разгадав намерение врага, быстро подготовило и провело Калужскую операцию. Для освобождения Калуги командующий 50-й армией генерал И. В. Болдин сформировал подвижную группу, которую возглавил генерал В. С. Попов. Утром 21 декабря она подошла к городу и внезапно ворвалась в него. Но противник упорно сопротивлялся, и бои в Калуге пришли затяжной характер. Только 30 декабря подвижной группе при содействии подошедших частей 49-й и 50-й армий удалось окончательно разгромить вражеский гарнизон. Овладение Калугой - важным узлом железнодорожных, шоссейных и грунтовых дорог - открыло путь войскам левого крыла Западного фронта для широкого наступления на запад. К 7 - 8 января они на широком участке форсировали Оку, освободили Белев, Козельск, Мещовск и сотни населенных пунктов.- Прим. ред.

{319} Телеграммой от 29 декабря Военный совет фронта потребовал от армии быстро занять города Сухиничи, Мещовск и Мосальск. Дополнительно кроме посылки двух-трех дивизий в район Людиново, Дятьково, Жиздра было приказано и впредь до особого приказа иметь по одной стрелковой дивизии в Белёве, Козельске и Сухиничах, что мотивировалось опять же необходимостью обеспечения левого крыла фронта. Той же телеграммой было предписано не менее усиленного стрелкового полка выдвинуть в район Мосальска (см.: Голиков Ф. И. В Московской битве, с. 127-128).- Прим. ред.

{320} Войска 43-й армии после упорных боев 28 декабря заняли станцию Балабаново и, развивая успех, 2 января освободили Малоярославец. Южнее наступала 49-я армия. Овладев 19 декабря Тарусой, она продвигалась на запад и к концу декабря вышла на линию Малоярославец, Калуга.- Прим. ред.

{321} Общие потери сухопутных войск вермахта за месяц наступления Красной Армии составили 168 тыс. человек.- Прим. ред.

{322} В журнале боевых действий группы армий "Центр" 28 декабря отмечалось: "Из всех армий докладывают... об упадке боевого духа и о том, что прибывающие пополнения совершенно не покрывают потери".- Прим. авт.

{323} См.: Жуков Г. К. Контрнаступление под Москвой. Военно-исторический журнал, 1966, No 10, с. 72.

{324} Первые три дня контрнаступления показали, что темпы продвижения советских войск были недостаточно высокими. Поэтому Военный совет Западного фронта директивой от 9 декабря потребовал от командующих армиями отказаться от фронтальных боев с прикрывающими частями противника и от атаки в лоб его укреплений. "Против арьергардов и укрепленных позиций,- указывалось в директиве,- оставлять небольшие заслоны и стремительно их обходить, выходя как можно глубже на пути отхода противника. Сформировать несколько ударных групп в составе танков, автоматчиков, конницы и под водительством храбрых командиров бросить их в тыл противника". Созданные в ряде армий подвижные отряды и группы генералов А. П. Белобородова, М. Е. Катюкова, Ф. Т. Ремизова, П. Г. Чанчибадзе и других успешно осуществляли обходные маневры.Прим. ред.

{325} На Западном фронте не объявлялась передышка. В действиях войск правого крыла фронта после 16 декабря наступила пауза в связи с недостатком сил и средств и преждевременной передачей Ставкой ВГК 30-й армии из Западного фронта Калининскому. На других участках фронта наступление продолжалось.- Прим. ред.

{326} В. Д. Соколовский в своей работе "О советском военном искусстве" в битве под Москвой выделяет три этапа контрнаступления: первый этап - с 5-6 по 17 декабря, второй этап - с 17 по 25 декабря и третий этап - с 25 декабря 1941 года по 8 января 1942 года (см.: Военно-исторический журнал, 1961, No 12, с. 16-17).- Прим. ред.

{327} Чтобы улучшить управление армиями на центральном участке фронта, Ставка ВГК 18 декабря приняла решение о воссоздании Брянского фронта.Прим. ред.

{328} Эти события автор излагает неверно. 18 декабря 1941 года был воссоздан Брянский фронт и усилены войска Калининского фронта. Ставка ВГК директивой от 20 декабря потребовала начать наступление на вражескую группировку, действовавшую на западном стратегическом направлении. Выполняя указания Ставки, войска Калининского, Западного и Брянского фронтов без оперативной паузы продолжали

развивать контрнаступление. Командующий Калининским фронтом, стремясь завершить разгром основных сил немецкой 9-й армии, решил главными силами 30-й и 31-й армий нанести удар в направлении Старицы с востока. 22-й и 29-й армиям он приказал наступать на Старицу с севера с целью выхода во фланг основным силам противника, оборонявшимся против Калининского фронта. Полностью выполнить эту задачу войскам фронта не удалось. Отсутствие подвижных соединений и усталость войск не позволили вести наступление в нужном темпе. Преодолевая сопротивление врага, части 30-й и 31-й армий только к 25 декабря вышли на линию Высокое, Лотошино, где были остановлены противником на заранее подготовленном рубеже. В последующем войска Калининского фронта прорвали вражескую оборону, вышли в район Ржева и заняли охватывающее положение по отношению к основным силам группы армий "Центр". В результате контрнаступления они нанесли противнику тяжелое поражение, освободили Калинин и сотни других населенных пунктов. Войска фронта продвинулись в направлении от Торжка на 60-70 км и от Калинина на 120 км. В ходе боев было захвачено 956 орудий и минометов, 153 танка, 25 самолетов, 3250 автомашин, 844 пулемета и много другой военной техники (см.: История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 2, с. 289- 290).- Прим. ред.

{329} К этому времени разногласия между командованием группы армий, с одной стороны, Гитлером и Гальдером, с другой стороны, приняли острую, ожесточенную форму. Гитлер ни за что не хотел отказываться от своего намерения удержать Боровск.- Прим. авт.

{330} Войска 33-й армии освободили от фашистов Боровск 4 января.Прим. ред.

{331} 1 января 1942 года 3-я и 4-я танковые группы были переименованы соответственно в 3-ю и 4-ю танковые армии.- Прим. авт.

{332} Руководство боевыми действиями войск Красной Армии в битве за Москву осуществляли Ставка ВГК и Генеральный штаб. Именно умелое руководство боевыми действиями трех фронтов и военно-воздушных сил, привлеченных к участию в операции, явилось важным достижением советского военного искусства.- Прим. ред.

{333} Брянский фронт получил официальный приказ Ставки перейти к обороне только 14 января 1942 г. (см.: Калягин А. На дальних подступах к Москве.- Военно-исторический журнал, 1970, No 11, с. 77).- Прим. авт.

{334} Город в Испании, неподалеку от Толедо, упорно оборонялся войсками Франко во время гражданской войны.- Прим. авт.

{335} См.: Белов П. А. Пятимесячная борьба в тылу врага. Военно-исторический журнал, 1962, No 8, с. 57.

{336} Ставка ВГК, командование фронтов и армий своевременно ориентировали подчиненные войска в обстановке и новых задачах. Настойчивость командования и войск в достижении поставленной цели была наиболее характерной чертой ведения контрнаступления.- Прим. ред.

{337} В ходе контрнаступления Красной Армии была достигнута главная цель - снята угроза столице Советского государства и Московскому промышленному району. Разгромив ударные соединения группы армий "Центр", прорвавшиеся к ближним подступам Москвы с севера и с юга, войска Калининского, Западного и правого крыла Юго-Западного (с 24 декабря Брянского) фронтов успешно выполнили задачу, поставленную перед ними Верховным Главнокомандованием. Выйдя на рубеж Селижарово, Ржев, Волоколамск, Руза, Мосальск, (Белев, Мценск, Новосиль, они отбросили противника от Москвы на 100-250 км, освободили свыше 11 тыс. населенных пунктов, ряд городов, в том числе Калинин и Калугу, и ликвидировали угрозу окружения Тулы. За это время были разбиты И танковых, 4 моторизованные и 23 пехотные дивизии. На полях Подмосковья немецко-фашистские захватчики оставили тысячи орудий, пулеметов, автомашин, сотни танков и самолетов. Таков итог огромного по своим масштабам и напряженности контрнаступления под Москвой.- Прим. ред.

{338} Этот вывод сделан автором не на основе документов. Дело в том, что Ставка ВГК, как коллективный орган, обобщила опыт контрнаступления под Москвой в своей директиве от 10 января 1942 года, отметила недостатки и упущения и дала ряд

указаний. В частности, Ставка потребовала от командующих фронтами и армиями отказаться от равномерного распределения дивизий по всему фронту и создавать на главных направлениях мощные ударные группы, их действия поддерживать артиллерийским наступлением.- Прим. ред.

{339} Задачи Брянского фронта изложены неверно. Они состояли в том, чтобы прикрыть с юга войска Западного фронта и активными действиями на брянском и орловском направлениях сковать находившиеся здесь немецкие войска.- Прим. ред.

{340} Вопрос о развертывании общего наступления обсуждался на заседании Ставки 5 января 1942 года с участием членов Политбюро ЦК ВКП(б). На этом заседании И. В. Сталин, обосновывая необходимость быстрее перехода в общее наступление, подчеркнул, что "немцы в растерянности от поражения под Москвой, они плохо подготовились к зиме. Сейчас самый подходящий момент для перехода в общее наступление".- Прим. ред.

{341} Имеется в виду заседание Ставки. В отношении подготовки советских войск к операции автор допускает неточность. В целях быстрее использования благоприятной обстановки общее наступление намечалось развернуть после контрнаступления без паузы, подготовить его в минимально короткие сроки. Практически для подготовки к наступлению имелось менее недели. Уверенность советского командования в успехе общего наступления основывалась на высоком моральном духе воинов, возросших возможностях военной экономики, росте численности и боевого мастерства войск. Однако, как показали последующие события, для обеспечения одновременного наступления всех фронтов требовались более значительные резервы и боевые средства, которыми страна в то время еще не располагала.- Прим. ред.

{342} 7 января 1942 года была подписана директива Ставки ВГК, в которой определялись замысел стратегической операции на окружение и разгром группы армий "Центр" и задачи фронтов, привлеченных к ее проведению. Намечалось охватывающими ударами правого крыла Калининского фронта из района северо-западнее Ржева на Сычевку, Вязьму и войск левого крыла Западного фронта из района Калуги в направлении Юхнов, Вязьма с одновременным наступлением остальных армий Западного фронта на Сычевку и Гжатск окружить, расчлнить и уничтожить основные силы группы армий "Центр" в районе Ржев, Вязьма, Юхнов, Гжатск. Для содействия привлекалась часть сил Северо-Западного и Брянского фронтов. Предусматривалась также высадка 4-го воздушно-десантного корпуса в район Озеречья, юго-западнее Вязьмы с задачей перерезать железную и шоссейную дороги Вязьма - Смоленск.- Прим. ред.

{343} Соотношение сил в людях и артиллерии было примерно равным с противником. По танкам имелось двойное превосходство. Воздушная обстановка в начале января благоприятствовала наступлению. Однако условия, в которых действовали войска, по-прежнему были очень тяжелыми. Снежные заносы сковывали маневр войск, серьезно усложняли работу органов тыла. Противник превращал населенные пункты в укрепленные узлы сопротивления, минировал дороги, устраивал завалы.- Прим. ред.

{344} На Брянский фронт и не возлагалась задача вести активные действия. Его войска должны были прикрывать с юга действия Западного фронта и сковывать силы гитлеровцев на брянском и орловском направлениях.- Прим. ред.

{345} 8 января начался завершающий период битвы под Москвой. В этот день ударная группировка Калининского фронта прорвала вражескую оборону западнее Ржева и успешно продвигалась в южном направлении на Сычевку. На другой день перешли в наступление в полосе 100 км войска левого крыла Северо-Западного фронта. За 10-12 дней боевые ударные группировки продвинулись на главных направлениях на 90-120 км и глубоко обошли с юга демянскую группировку немецкой 16-й армии. За 25 дней наступления на стыке групп армий "Центр" и "Север" ударные армии отбросили противника почти на 250 км, нарушили оперативное взаимодействие между этими группировками немецко-фашистских войск, освободили более 1000 населенных пунктов. Группа армий "Центр" была глубоко охвачена с северо-запада, и над ее коммуникациями нависла серьезная угроза. Успешно развивалось наступление войск Западного фронта.- Прим. ред.

{346} Стрелковые соединения 29-й армии завершили в районе Оленина окружение около 7 немецких дивизий, а введенный в сражение 11-й кавалерийский корпус начал стремительное продвижение к Вязме. Гитлеровцы не только оказали упорное сопротивление, но и предприняли попытку перерезать коммуникации 39-й и 29-й армий и кавалерийского корпуса. Чтобы сорвать этот замысел врага, командование Калининского фронта приказало 3-й и 4-й ударным армиям энергичнее развивать наступление на витебском и смоленском направлениях в глубокий тыл группы армий "Центр". В первых числах февраля эти армии вышли к Великим Лукам и Демидову, а 249-я стрелковая дивизия 4-й ударной армии прорвалась к Витебску.- Прим. ред.

{347} Общие потери армий, действовавших на Востоке, 14 января 1942 года составили 367966 человек. В период с 1 по 10 января 1942 года было 25990 обмороженных, а 20 января их число достигло уже 50424 человека, 31 января - 92566 человек. Кроме того, насчитывалось 58934 больных (см.: КТВ Halder, bd. III, s. 285).- Прим. авт.

{348} Штрауса сменил генерал танковых войск Модель, который до этого был командиром 30-го танкового корпуса. Новым начальником штаба 9-й армии стал О. Кребс.- Прим. авт.

{349} Новый командующий группой армий "Центр" генерал-фельдмаршал Клюге опасался, что образовавшиеся в обороне крупные бреши могут привести к глубокому прорыву советских войск на вя-земском направлении и рассечению его главных сил. А наступление советских войск развивалось успешно. 10 января ударная группа в составе 20-й, части сил 1-й ударной армии и 2-го гвардейского кавалерийского корпуса с приданными танковой бригадой и 5 лыжными батальонами прорвала оборону противника на реке Лама. 13 января в прорыв был введен 2-й гвардейский кавалерийский корпус. На следующий день перешла в наступление 16-я армия. Вслед за ней на можайском направлении устремилась вперед 5-я армия. Клюге был вынужден обратиться в ставку Гитлера за разрешением незамедлительно отвести войска на тыловой рубеж.Прим. ред.

{350} 29 января штаб 3-й танковой армии переместился из Гжатска в Витебск. 5-й армейский корпус перешел в состав 4-й танковой армии, все остальные части бывшей 3-й танковой армии были переданы 9-й армии.- Прим. авт.

{351} См.: Голиков Ф. И. В Московской битве, с. 181.

{352} Соколовский В. Д. Разгром немецко-фашистских войск под Москвой, с. 345.

{353} Беседа Гитлера с Кюблером состоялась 20 января 1942 года,- Прим. авт.

{354} Хейнрици принял командование 4-й армией 21 января.- Прим. авт.

{355} Гитлер в своем приказе от 15 января разрешил отход на зимние позиции только после того, как соединятся 4-я общевойсковая и 4-я танковая армии.- Прим. авт.

{356} В связи с тем что положение советских войск на Западном направлении резко ухудшилось, а соединения оказались ослабленными в ходе длительных боев, Ставка выделила из своего резерва Калининскому фронту гвардейский стрелковый корпус, 7 стрелковых дивизий и 4 автополка, а Западному фронту - гвардейский стрелковый корпус, 3 стрелковые дивизии, 2 воздушно-десантные бригады, 20 танков, 40 самолетов и 60 тыс. человек маршевого пополнения (см.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 4, с. 311).- Прим. ред.

{357} Гитлеровское командование большое внимание уделяло пополнению войск действующей армии на советско-германском фронте. Только для группы армий "Центр" оно спешно перебросило в середине января 4 дивизии из Франции.- Прим. ред.

{358} Документы свидетельствуют, что на выполнении поставленных задач отрицательно сказалась не только утомленность советских войск непрерывным двухмесячным наступлением, но и недостаточность резервов для их усиления. К тому же из-за растянутости путей подвоза появились перебои в снабжении боеприпасами, горючим, продовольствием и фуражом.- Прим. ред.

{359} См.: Белов П. А. Пятимесячная борьба в тылу врага. Военно-исторический журнал,

1962, No 8, с. 61.

{360} 1 февраля было создано Главное Командование Западного направления во главе с Жуковым.- Прим. авт.

{361} Советские войска не прекратили наступления. Они продолжали ожесточенные сражения, несколько раз атаковали позиции противника. Лишь 20 апреля в связи с ослаблением наступательных возможностей войск Западного фронта и начавшейся весенней распутицей Ставка приняла решение о переходе Калининского и Западного фронтов к обороне на занимаемых рубежах.- Прим. ред.

{362} И все же гитлеровскому командованию удалось путем переброски войск из Западной Европы и с других участков советско-германского фронта восполнить понесенные потери.- Прим. ред.

{363} По данным Б. Мюллер-Гиллебранда, сухопутные войска вермахта в декабре 1941 года потеряли 168 тыс. человек.- Прим. ред.

{364} Приводимые здесь данные явно занижены. Так, на Юго-Западном направлении противник превосходил советские войска в людях в 1,1 раза, в орудиях и минометах в 1,3 раза, в самолетах в 1,6 раза. Укомплектованность советских дивизий была ниже укомплектованности немецких. Так, на харьковском направлении дивизии Красной Армии насчитывали в среднем не более 8-9 тыс. человек, дивизии же в немецкой армии имели по 14-15 тыс. человек. Малочисленными были и дивизии Южного фронта (см.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 5, с. 128).-Прим. ред.

{365} Пользуясь отсутствием второго фронта, немецко-фашистское командование зимой 1941/42 года направило на советско-германский фронт более 40 новых дивизий и значительное количество маршевых пополнений.Прим. ред.

{366} За этот период фашистская Германия произвела 2495 танков и штурмовых орудий (см.: История второй мировой войны 1939- 1945, т. 4, с. 419).- Прим. ред.

{367} По данным архива ФРГ (г. Кобленц), среднемесячное производство в Германии в 1942 году самоходных установок и штурмовых орудий составило 516 машин, а танков - 360. Всего в течение года было произведено 4728 танков, 728 штурмовых орудий и 1123 самоходные установки. По сравнению с 1941 годом выпуск бронетанковой техники увеличился более чем на 60% (см.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 5, с. 91).- Прим. ред.

{368} В действительности противник превосходил советские войска и представлял грозную силу. Так, в полосе Южного фронта советские войска в начале мая значительно уступали противнику в танках, артиллерии и авиации. На южном фесе барненковского выступа гитлеровцы превосходили 57-ю и 9-ю армии по пехоте в 1,3 раза, по танкам в 4,4 раза, по артиллерии в 1,7 раза (см.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 5, с. 129).- Прим. ред.

{369} Производство орудий калибра 75 мм и крупнее в 1942 году по сравнению с 1941 годом увеличилось в 1,8 раза, а минометов - в 2,1 раза.Прим. ред.

{370} На 1 апреля 1942 года на советско-германском фронте Германия имела 176 дивизий сухопутных войск (в том числе 21 танковую и 14 моторизованных) и 9 бригад. Кроме того, здесь действовали 14 финских дивизий и 8 бригад, 7 румынских дивизий и 7 бригад, 3 венгерские дивизии и 2 бригады, 3 итальянские, 2 словацкие и 1 испанская дивизии.- Прим. ред.

{371} В 1942 году авиационная промышленность Германии увеличила выпуск самолетов по сравнению с 1941 годом. На самолетостроение приходилось 38,7% общей стоимости вооружения и военных материалов. В серийное производство были введены бомбардировщики "Юнкерс-87", "Юнкерс-88", "Хенкель-111" и модернизированные истребители "Мессершмитт-109е" и "Мессершмитт-109ф".Прим. ред.

{372} Среднемесячное производство самолетов в 1942 году составило 1230 машин.- Прим. ред.

{373} Весной 1942 года вооруженные силы Германии, несмотря на понесенные потери

на советско-германском фронте, были достаточно мощными. В них находилось 8600 тыс. человек. Сухопутные войска насчитывали 226 дивизий и И бригад, в которых имелось 43,2 тыс. орудий и минометов (без 50-мм минометов и зенитных орудий) и 5719 танков и штурмовых орудий. Качество боевой техники и вооружения было достаточно высоким. Основная масса вооруженных сил находилась на советско-германском фронте.- Прим. ред.

{374} Данные о поставках США по программе ленд-лиза сильно преувеличены. Так, в течение 1941 и 1942 годов СССР получил 1854 самолета и 2842 танка. Помощь союзников сыграла определенную положительную роль в оснащении Красной Армии вооружением и боевой техникой. Однако в тяжелое для Советского государства время поставки оружия и боевой техники союзниками по первому и второму протоколам не выполнялись. Так, к концу ноября 1942 года было поставлено лишь 840 тыс. т грузов вместо запланированных 1608 тыс. т (см.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 4, с. 175).- Прим. ред.

{375} Василевский А. М. Некоторые вопросы руководства вооруженной борьбой летом 1942 года.- Военно-исторический журнал, 1965, No 8, с. 4.

{376} В мае 1945 года Йодль заявил: "Начиная с весны 1942 года я знал, что мы не сможем выиграть войну". В журнале боевых действий ОКВ 15 мая 1945 года указывалось: "Когда разразилась зимняя катастрофа 1941/42 года, фюреру уже в начале 1942 года было ясно, что нельзя будет добиться победы". В показаниях Йодля на Нюрнбергском процессе говорилось: "Раньше, чем любой другой человек в мире, Гитлер понял, что война проиграна".- Прим. авт.

{377} На основе архивных документов и материалов установлено, что в составе войск действующей армии (без Войск ПВО страны и Военно-Морского Флота) весной 1942 года насчитывалось 5,1 млн. человек, почти 3,9 тыс. танков, 44,9 тыс. орудий и минометов (без 50-мм), около 2,2 тыс. боевых самолетов. На Северном, Балтийском и Черноморском флотах имелось 140 боевых кораблей основных классов: 2 линейных корабля, 6 крейсеров, 32 эскадренных миноносца и 100 подводных лодок. Немецко-фашистские войска вместе с сателлитами на советско-германском фронте в это же время имели личного состава 6198 тыс. человек, орудий и минометов - 56941, танков и штурмовых орудий - 3229, боевых самолетов - 3395. Следовательно, соотношение сил и средств сторон составляло: в людях 1 : 1,2, в орудиях и минометах 1 : 1,3, в боевых самолетах 1 : 1,5 в пользу противника, в танках 1,2 : 1 и в боевых кораблях 3,2 : 1 в пользу советских войск и флота (см.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 5, с. 121-122).- Прим. ред.

{378} В стратегическом резерве Ставки находились 2 общевойсковые армии (1-я резервная и 58-я) и около 80 отдельных соединений и частей (см.: История второй мировой войны 1909-1945, т. 5, с. 121).- Прим. ред.

{379} В советской литературе на основе документальных источников утверждается, что экономика Германии не испытывала острого дефицита в цветных металлах, потребность в которых покрывалась путем ввоза руд и металлов из оккупированных и зависимых стран. Германия не только покрывала потребности своей металлургической промышленности в железной руде, но и вывозила ее в другие страны (в 1942 году экспорт руды составил 2,3 млн. т). Потребность в легирующих металлах - марганце, хrome, никеле, вольфраме, титане, ванадии и молибдене - покрывалась в основном путем ввоза руд, металла и ферросплавов из оккупированных, союзных и нейтральных государств. Не испытывала Германия недостатка и в каучуке. Если в 1941 году было произведено 71 тыс. т синтетического каучука, то в 1942 году его производство составило 101 тыс. т, а потребление - 66,9 тыс. т. В течение года в Германию поступило 34,8 тыс. т натурального каучука (см.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 5, с. 90).- Прим. ред.

{380} Для того чтобы сдерживать натиск советских войск, стабилизировать положение на фронте и накопить достаточные силы для наступления в 1942 году, руководство фашистской Германии наметило и осуществило целый комплекс военных и экономических мероприятий. В частности, особое внимание уделялось укреплению сухопутных войск, которые в соответствии с разработанным замыслом должны были по-прежнему играть главную роль в достижении целей войны. Поэтому в общей программе вооружения вермахта основной упор делался на дальнейшее расширение производства

оружия и боевой техники для максимального удовлетворения потребностей сухопутных войск.- Прим. ред.

{381} 24 октября 1941 года штаб главнокомандования сухопутных сил установил, что оперативной целью на 1942 год является захват кавказских нефтеносных районов, выход к границам Ирана и Ирака с дальнейшим продвижением на Мосул, Багдад и Басру. Для этих операций, планы которых пока не были отменены, требовались экспедиционные войска.- Прим. авт.

{382} Руководство ВМФ считало опасения Гитлера преувеличенными.- Прим. авт.

{383} Используя производственные мощности своей страны, присоединенных территорий, оккупированных и зависимых стран Европы, фашистская Германия в 1942 году добилась значительного роста военного производства. За год было выпущено 14,7 тыс. самолетов всех типов, из них 4428 бомбардировщиков и 4908 истребителей.- Прим. ред.

{384} Возросшие воинские перевозки на театре военных действий, а также потери требовали быстрого пополнения локомотивного и вагонного парка. В 1942 году Германия выпустила 2637 паровозов и 60892 вагона (см.: Промышленность Германии в период войны 1939-1945 гг., с. 84).- Прим. ред.

{385} В 1942 году производство танков возросло по сравнению с 1941 годом на 60%. По сравнению с 1940 годом в 1,5 раза увеличился выпуск всех видов боеприпасов, а производство боеприпасов К артиллерийским орудиям калибра 75 мм и крупнее возросло в 2,1 раза.- Прим. ред.

{386} В "Истории второй мировой войны 1939-1945" (т. 5, с. 87) указывается, что потребность в рабочих для расширения военного производства на середину апреля 1942 года определялась в 1,6 млн. человек.- Прим. ред.

{387} В 1941 -1942 годах миллион квалифицированных итальянских рабочих был отправлен в Германию, хотя собственная промышленность испытывала острый недостаток в рабочей силе.- Прим. ред.

{388} В феврале 1942 года в Германии все еще использовались только 400 тыс. русских военнопленных. 24 февраля последовало первое указание об осуществлении программы "Восточный рабочий", по которой из восточных областей предстояло доставить 380 тыс. человек в сельское хозяйство и 270 тыс. человек в промышленность. В конце марта из этого числа в промышленности использовались только 49 тыс. человек, а остальные 58 тыс. человек находились в пути.- Прим. авт.

По другим источникам, с оккупированной советской территории планировалось вывезти 627 тыс. человек (см.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 4, с. 423).- Прим. ред.

{389} Только 30 сентября 1942 года Гитлер определил задачи Заукеля, который мог "по своему усмотрению принимать нужные меры в германском рейхе, включая протекторат, генерал-губернаторство, а также оккупированные области, которые бы обеспечили планомерное использование рабочей силы в интересах германской военной промышленности при любых обстоятельствах".Прим. авт.

{390} Начиная с 6 апреля 1942 года еженедельный рацион для "нормального потребителя" был снижен: мяса с 400 до 300 г, масла со 150 до 125 г, маргарина с 96-87 до 65-62 г, хлеба с 2500 до 2000 г.- Прим. авт.

{391} Эти и последующие статистические данные приводятся по донесению Заукеля Герингу и Гитлеру от 27 июля 1942 года.- Прим. авт.

{392} В течение 1942 года основная масса иностранных рабочих угонялась из оккупированных районов Советского Союза. Если, по данным статистического управления министерства хозяйства Германии, на 20 января 1942 года в германской экономике было занято 55 тыс. советских граждан, то к концу года их число возросло до 1,3 млн. человек. Увеличились и масштабы мобилизации рабочей силы в Польше, Чехословакии, Франции, Голландии, Бельгии, Югославии. Всего в фашистской Германии в то время жестокой эксплуатации подвергалось 4,3 млн. иностранных рабочих. Кроме

того, в широких масштабах использовался рабочий труд военнопленных (см.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 5, с. 87).- Прим. ред.

{393} Систематически нарушали железнодорожные перевозки на оккупированной советской территории партизаны. Так, ленинградские партизаны с мая по ноябрь 1942 года пустили под откос 212 вражеских эшелонов, калининские с 15 апреля по 1 июня совершили восемь крушений поездов, подожгли эшелон с горючим, взорвали 66 железнодорожных и шоссейных мостов. Смоленские партизаны с июня по октябрь совершили свыше 300 крушений вражеских эшелонов. Брянские партизаны с мая по сентябрь на железной дороге Брянск-Гомель пустили под откос 15 эшелонов, а на магистрали Брянск Орел-13 эшелонов. Всего до конца года ими было пущено под откос 226 эшелонов. Курские партизаны в сентябре - ноябре уничтожили 85 эшелонов, белорусские партизаны в июне - ноябре пустили под откос более 800 эшелонов. В течение 1942 года украинские партизаны уничтожили 223 эшелона.- Прим. ред.

{394} В генерал-губернаторстве и оккупированных русских областях до конца января было перешито на немецкую колею 10020 км одноколейных и 5450 двухколейных путей.- Прим. авт.

{395} Гитлер все время напоминал Шпееру о своих опасениях, что недовольное население взбунтуется. По его мнению, нужно было быть более внимательным. Производство товаров широкого потребления, которое в начале 1942 года, по данным Шпеера, только на 3% было ниже уровня мирного времени, должно было к концу года сократиться еще на 12%. - Прим. авт.

{396} Гитлеровцы беспощадно эксплуатировали ресурсы оккупированных и зависимых стран. За счет их ограбления и жестокой эксплуатации рабочих и военнопленных гитлеровская Германия резко увеличила свои военно-экономические ресурсы, которые служили существенной базой для восполнения потерь вермахта на советско-германском фронте. На долю союзников Германии по агрессии в 1942 году приходилось 92,9% германского импорта нефти и 95,1% нефтепродуктов, 70,1% бокситов, 47,1% хромовой руды, 49% цинковой, 43,4% свинцовой, 14,8% марганцевой и 13,4% медной. Возрос экспорт из нейтральных стран в Германию с 587,3 млн. марок в 1940 году до 1221 млн. марок в 1942 году, то есть более чем в два раза. Общий вклад нейтральных стран в военную экономику Германии в виде поставок стратегического сырья, полуфабрикатов, готовой продукции, продовольствия, вооружения и услуг по военным перевозкам за 1940-1942 годы составил 3521,1 млн. марок (см.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 5, с. 89). Прим. ред.

{397} До середины 1942 года военная промышленность Германии в достаточном количестве получала необходимое сырье. Добыча каменного и бурого угля (в пересчете на каменный) составила 336 млн. т, из которых 77,8 млн. т было добыто на присоединенных территориях. Кроме того, Германия получила 85 млн. т угля из оккупированных стран (см.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 5, с. 89- 90). - Прим. ред.

{398} Гитлеровцы особое значение придавали восстановлению промышленности на оккупированной советской территории, с тем чтобы развернуть производство некоторых видов вооружения и боеприпаса сов, а из Донбасса получать каменный уголь. Оккупанты создали специальную организацию для восстановления угольных шахт. Но советские патриоты сорвали расчеты захватчиков. Например, из многочисленных предприятий бывшего треста "Первомайскуголь" было восстановлено только 15 мелких шахт. В течение пяти месяцев 1942 года на них было получено 2,3% угля по сравнению с довоенной добычей за такое же время (см.: Война в тылу врага. О некоторых проблемах партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. М., 1974, вып. 1, с. 312-315). - Прим. ред.

{399} В целом металлургическая промышленность Германии в возрастающих масштабах обеспечивала военное производство. Если в первом квартале 1942 года стали было выплавлено 6,4 млн. т, то в четвертом квартале - свыше 8 млн. т. За год было произведено 22,2 млн. т чугуна и 28,7 млн. т стали. С учетом производства в оккупированных странах военное хозяйство Германии имело в своем распоряжении 25,1 млн. т чугуна и 32,1 млн. т стали (см.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 5, с. 90). - Прим. ред.

{400} На совещании 6-7 мая 1942 года Шпеер предложил создать "имперское объединение железа и стали", 18 мая Гитлер одобрил это предложение. 29 мая было официально создано "имперское объединение железа" под руководством Рёхлинга. Его заместителями были промышленники Роланд и Крупп фон Болен и Гольбах. - Прим. авт.

{401} Обладая богатейшими железорудными областями Лотарингии и Люксембурга, собственно немецкие металлургические концерны сократили добычу руды. Ввозилась руда из Швеции. Всего в 1942 году было ввезено около 18 млн. т, в том числе из Швеции, Франции, Испании свыше 16 млн. т. Это позволило не только покрывать потребности металлургической промышленности, но и вывозить руду в другие страны. - Прим. ред.

{402} Уменьшению ввоза румынской нефти на 1468 тыс. т в 1942 году соответствовало повышение собственного производства только на 799 тыс. т. Прим. авт.

{403} В советской литературе на основе архивных документов утверждается, что, несмотря на сокращение запасов жидкого топлива с 2,4 млн. т в конце 1940 года до 1,2 млн. т к началу 1942 года, Германия не испытывала в нем особого недостатка. В 1942 году добыча нефти в стране составила 1678 тыс. т, из них в аннексированной Австрии - 870 тыс. т. За счет переработки нефти, добывавшейся в самой Германии, и производства синтетического горючего в этом же году было получено 6,3 млн. т жидкого топлива. Свыше 40% расходуемого жидкого топлива Германия получала из союзных стран и за счет производства на оккупированных территориях (см.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 5, с. 89-90). - Прим. ред.

{404} В действительности производство танков всех типов в Советском Союзе возросло более чем в два раза. Если во втором полугодии 1941 года их было произведено 4,8 тыс., то в первом полугодии 1942 года - 11,2 тыс. При этом уделялось большое внимание выпуску танков Т-34. Во втором квартале в среднем ежемесячно выпускалось свыше 2 тыс. машин. Это позволило весной 1942 года приступить к формированию крупных танковых соединений (см.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 4, с. 158). - Прим. ред.

{405} Данные о получении танков из США слишком завышены. В СССР было отправлено из США 3023 танка, из них 12% не дошло до места выгрузки из-за действий вражеских подводных лодок и авиации. Всего получили 2661 танк. Среднемесячное поступление составило 222 танка, а не 400-500, как указывает автор (см.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 5, с. 57). - Прим. ред.

{406} В Советском Союзе в течение 1942 года было произведено 24 446 танков. Следовательно, среднемесячное производство составляло немногим более 2000 танков. - Прим. ред.

{407} За первую половину 1942 года по сравнению со вторым полугодием 1941 года производство орудий полевой артиллерии выросло в 2 раза, противотанковой артиллерии - в 4 раза, минометов - в 3 раза. В 1942 году развернулось массовое производство реактивных минометов и велась интенсивная работа по созданию новых и совершенствованию имевшихся образцов реактивных снарядов и пусковых установок. Были созданы пушки новых типов для зенитной, морской и береговой артиллерии, танков, самоходной артиллерии и самолетов. Достигнутый к концу 1942 года уровень военного производства в основном удовлетворял нужды фронта и позволил накапливать резервы некоторых видов вооружения. Однако в целом боевой техники было мало (см.: История второй мировой войны 1939- 1945, т. 5, с. 48). - Прим. ред.

{408} До 30 июня поставки по ленд-лизу составили 6283 джипа и 36 865 грузовых автомобилей. - Прим. авт.

{409} В действительности производство боеприпасов в Советском Союзе в первом полугодии 1942 года по сравнению со вторым полугодием 1941 года возросло на 3 млн. штук. В первом квартале 1942 года было произведено 17 139 тыс. штук снарядов и мин, а во втором квартале - 27 875 тыс. штук. Тем не менее все еще ощущался недостаток боеприпасов (см.: История второй мировой войны 1939- 1945, т. 4, с. 158 и т. 5, с. 48). - Прим. ред.

{410} Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны, с. 32.- Прим. авт.

Приводимые данные не подтверждаются источником.- Прим. ред.

{411} Основная часть боевой техники, вооружения, боеприпасов, снаряжения поступила в 1942 году на фронт с предприятий восточных районов. В четвертом квартале 1942 года по сравнению с четвертым кварталом 1940 года валовая продукция наркоматов авиационной и танковой промышленности, боеприпасов и вооружения увеличилась по Уралу в 5 раз, по Среднему Поволжью в 10 раз, по Западной Сибири в 28 раз. Только созданные в Поволжье предприятия авиационной промышленности стали давать более трети всех выпускавшихся в стране самолетов. Удельный вес предприятий военной промышленности в восточных районах повысился с 18,5% в июне 1941 года до 76% в июне 1942 года (см.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 5, с. 37-49).- Прим. ред.

{412} Летом 1942 года Гитлер похвально отзывался о Красной Армии: "Русский солдат очень хороший солдат. И это не удивительно, он доказал уже эти качества в минувшей войне. Теперь к этому прибавился еще сильный фанатизм, который побуждает его к еще большим успехам. В техническом отношении русские достигли чрезвычайного успеха. Это является большой неожиданностью в русской кампании. Нельзя было и думать, что Советы смогут произвести такое огромное количество военных материалов. И качество этой материальной части хорошее. Русские танки, несомненно, являются лучшими, которые когда-либо противостояли немецкой армии".- Прим. авт.

{413} Расчетные данные управления военной экономики и вооружений о размерах поставок США в рамках соглашения по ленд-лизу и фактические поставки удивительно совпадали и свидетельствовали о том, что в целом возможности американцев оценивались все еще как небольшие.- Прим. авт.

Как свидетельствуют документы, США оказывали помощь Советскому Союзу в размерах ниже их военно-экономических возможностей. Данные ими обязательства о поставках по программе ленд-лиза полностью не выполнялись. Поставки самолетов и другой военной продукции увеличились лишь после Сталинградской битвы.- Прим. ред.

{414} Согласно советским данным, командование Красной Армии только за период с 22 июня по 1 декабря 1941 года перебросило с Дальнего Востока на запад 17 дивизий, частично используя их как кадровую основу для новых формирований, а частично сразу вводя в бой (см.: Шелахов Г. Воины-дальневосточники в Великой Отечественной войне.- Военно-исторический журнал, 1969, No 3, с. 59).

За период с 1 ноября 1941 года по 31 января 1942-го только западней Москвы были введены в бой 50 новых стрелковых дивизий, 40 стрелковых бригад, 11 кавалерийских дивизий, одна кавалерийская бригада и 17 танковых бригад (см.: Разгром немецко-фашистских войск под Москвой).- Прим. авт.

Данные, приводимые автором, не подтверждаются (см.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 5, с. 116, 281).- Прим. ред.

{415} Указания автора о катастрофическом положении военной промышленности Германии, о недостатках сырья, рабочей силы и горючего, как уже отмечалось выше, не соответствуют действительности.- Прим. ред.

{416} Сосредоточив на юге советско-германского фронта все свои резервы, правители третьего рейха рассчитывали на то, что потеря Донбасса и кавказской нефти ослабит Советский Союз и обеспечит Германии возможность успешно продолжать войну, а выход немецких войск в Закавказье нарушит связь СССР с зарубежными странами через Кавказ и Иран. Более того, нацисты не без оснований надеялись на то, что прорыв немецких войск в Закавказье позволит им втянуть Турцию в войну.- Прим. ред.

{417} Укомплектованность пехотных соединений была намного выше, чем указывает автор. Несмотря на огромные потери, гитлеровскому командованию удалось значительно восполнить их. В начале мая 1942 года немецко-фашистские войска превосходили советские войска в людях в 1,2 раза, в орудиях и минометах в 1,3 раза, в боевых самолетах в 1,5 раза (см.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 5, с. 122) -Прим. ред.

{418} Сравни с речью Сталина о зимней битве под Москвой, в которой чувствовалась

уверенность в победе (см.: Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М., 1953, с. 43).- Прим. авт.

{419} Крах гитлеровских планов "молниеносной войны" вынудил руководство фашистского блока спешно перестраивать свою военную экономику с учетом новых требований - ведения длительной войны. В результате проведения в жизнь ряда срочных и важных мероприятий фашистской Германии удалось добиться определенного роста выпуска военной продукции. Тем самым были созданы материальные условия для возобновления наступательных действий на советско-германском фронте с привлечением крупных сил вермахта и формирований сателлитов Германии.- Прим. ред.